4
И-90
26.01
яз

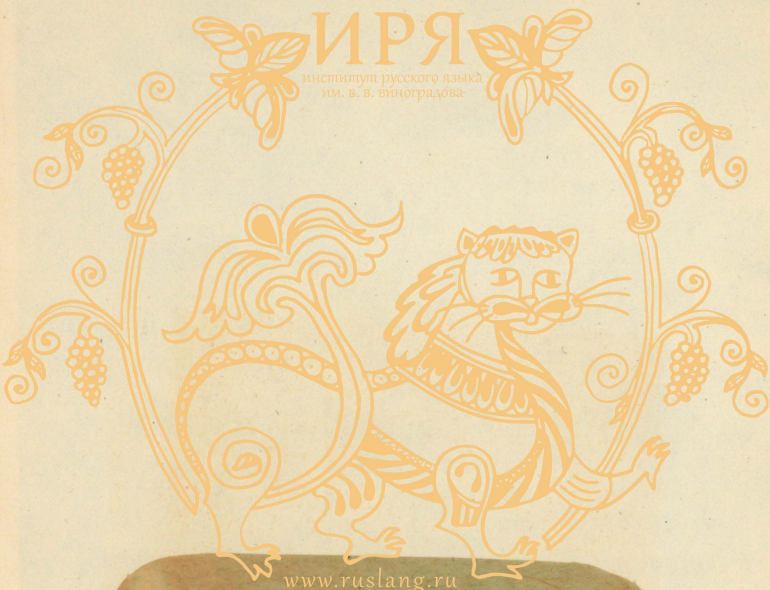
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

75540

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

4
И-90
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
75540

В монографии прослеживаются изменения основных лексических пластов в русском литературном языке конца XVII—начала XIX в. в связи с общими историческими процессами в лексическом составе литературного языка этого времени, устанавливаются тенденции и закономерности, обусловившие развитие лексики в данную эпоху. Книга построена на новых литературных материалах, а также на материалах, уже публиковавшихся, критически проанализированных и обобщенных.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Рецензенты:
Доктор филологических наук профессор
Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ
доктор филологических наук профессор
А. И. ГОРШКОВ

И $\frac{70\,102-238}{042\,(02)-81}$ 409—81. 4602010000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О лексике русского литературного языка нового времени написано много работ (монографий, статей, заметок и т. д.). Особенно много их посвящено описанию отдельных слов и групп слов, выяснению лексико-семантического своеобразия языка писателей, их отдельных произведений. Имеются и попытки дать общую характеристику развития русской лексики названного времени или отдельных его отрезков (нужно назвать прежде всего работы В. В. Виноградова и Л. А. Булаховского). И все же мы еще не близки к тому, чтобы сказать, что у нас собраны все материалы для написания обобщающего труда по исторической лексикологии русского литературного языка эпохи становления и расцвета русской нации. Так же или почти так же обстоит дело и с исторической лексикологией других высокоразвитых языков. Объясняется это прежде всего спецификой лексикологии.

В отличие от других лингвистических дисциплин лексикология имеет дело с необозримо громадным количеством объектов изучения. В общеупотребительном литературном языке имеются многие десятки тысяч слов, а если учитывать специальную терминологию и разного рода номенклатурные названия, то счет пойдет на сотни тысяч и миллионы лексических единиц, причем объем и состав их непрерывно изменяется. Каждое слово, его значение и оттенки значений имеют свою особую неповторимую историю. В то же время слово обычно реализуется в контексте речи, и его сочетаемость с другими словами (что условно называется синтагматикой) имеет прямое отношение к его семантике. Как говорил еще А. С. Пушкин, язык в соединении слов неистощим. Несмотря на неисчерпаемые возможности словосочетаний, последние также имеют свои закономерности, изучение которых ведется давно, но оно еще очень далеко до своего завершения.

Значения и оттенки значений отдельных слов не изолированы. Между словами существуют синонимические,

антонимические, семантико-сопоставимые (родовые и видовые) и иные отношения (парадигматика слова), что подразделяет словарный состав на великое (не поддающееся никакому учету) множество лексико-семантических групп, причем одно и то же многозначное слово может входить в разные группы. Исследование лексико-семантического (реляционного) каркаса языка только начинается.

При построении исторической лексикологии нужно также учитывать стилистическую окраску лексики и ее изменчивость, словарное своеобразие стилей и жанров, частотность употребления слов, их происхождение (исконные или заимствованные слова) и функциональный статус, время вхождения в литературный язык и многое другое.

Учитывая все эти непреодоленные и во многом непреодолимые трудности, авторы настоящего исследования поставили перед собой ограниченные задачи: опираясь на выборочно взятые из работ своих предшественников и извлеченные из ограниченного круга источников лексико-семантические факты, дать читателям общее представление о развитии лексики русского литературного языка конца XVII—начала XX в. Процесс развития лексики представляется суммарно, без характеристики словарного состава отдельных видов письменности, отдельных писателей и литературных направлений. Исключение составляет раздел, освещающий изменение лексики в пушкинское время, последняя часть которого посвящена словарному составу произведений Пушкина. Это исключение сделано по вполне понятным причинам: как известно, с Пушкина начинается современный русский литературный язык. Авторы также не дают характеристики изменениям лексики литературного языка 30—70-х годов XIX в., отсылая своих читателей к известной и обстоятельной книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е—90-е годы XIX века» (М.—Л., 1965). Лексике русского литературного языка советской эпохи посвящена огромная литература. Упомянем здесь труд «Русский язык и советское общество. Лексика» (М., 1968) и книгу И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи» (М., 1975).

Историческую лексикологию невозможно писать в отрыве от истории литературного языка, его источников.

Как известно, происхождение и развитие русского литературного языка в течение длительного времени являлось и является предметом дискуссий. Авторы, в должной мере учитывая роль церковнославянского языка и западноевропейских заимствований, считают, что в основе нашего литературного языка лежит русская общенародная речь. И это вполне справедливо. XVIII век был переломным, с чем соглашаются все исследователи. Церковнославянский язык, игравший большую роль в культурной жизни древней и Московской Руси, сдает свои позиции. Его употребление ограничивается церковно-богослужебной литературой. Попытки приспособить этот язык для передачи светских текстов (ср., например, перевод басен Эзопа) перспектив не имели. Еще в XVII в. заметную роль стала играть демократическая литература, в которой особенности церковнославянского языка нередко употребляются в стилистически сниженных целях. В процессе развития языка демократической литературы, летописей и многих иных произведений светского содержания, в которых преобладала русская разговорная стихия, деловой письменности вырабатывается средний книжный тип языка, который через Ломоносова и многих других писателей XVIII—начала XIX в. нашел свое блестящее завершение в творческом гении Пушкина. Нормы этого среднего типа колебались, были во многих отношениях противоречивы. Особенно они усложнились громадным потоком западноевропейских заимствований. В связи с этим высказываются даже мнения, что в петровское время на Руси в письменности царил языковой хаос, своего рода безначалие. Конечно, верно, что в эпоху Петра сложение светского литературного языка сталкивалось с большими трудностями, в его системе было много противоречий. И все же светский литературный язык выполнял свои функции, обслуживал нужды общества, без чего это общество попросту не могло бы существовать. Следовательно, слова о языковом хаосе, безначалии представляют собой ничем не обоснованное утверждение.

В исследовании много говорится о роли славянизмов, разговорно-просторечных и отчасти диалектных слов, что вполне естественно. Представляется необходимым сделать несколько замечаний по поводу этих категорий.

Славянизмы в XVIII—начале XIX в. — явление сложное и разнородное. В функциональном отношении они

не являются средством церковнославянского языка, так как используются вне его системы, в текстах светских, в языковой своей основе русских. В то же время образованные люди явно связывали их с церковнославянским языком, в связи с чем возникли сами названия «славенское», «славенщина» и другие того же корня. И это не случайно. Во-первых, многие славянизмы по своему происхождению действительно являются церковнославянизмами, во-вторых, церковнославянский язык, для которого эти лексические элементы были характерны, еще продолжал, хотя и безуспешно, претендовать на роль литературного языка и во всяком случае был известен образованным людям, являясь обязательным предметом школьного преподавания. Грамотность многих лиц начиналась с чтения церковнославянских текстов; псалтыри, евангелия и другие книги религиозного содержания были в широком использовании. Однако уровень филологического образования в то время был невысок, поэтому в категорию славянизмов относились и слова исконно русского происхождения, ставшие архаизмами или имевшие несвойственные книжному языку разговорные параллели. Такими исконными русизмами являются *перст, око* (мн. ч. *очи*), *чело, желвь, язва, рамо, нагой* (*нагий*), *десный, шуий, лепый, иже, сей, паче, яко* (старославянское *акы*) и многие другие с их производными. Между прочим, по традиции и теперь некоторые лингвисты считают эти и им подобные слова церковнославянизмами, что с генетической точки зрения является ошибкой. Вообще определить, чего не было в народном древнерусском языке и что было свойственно только старославянскому (в основе своей древнеболгарскому) языку, можно только в результате глубоких историко-лингвогеографических изысканий. Славянизмы, включавшие в себя разнородные по происхождению слова (в том числе и весьма многочисленные образования, возникшие на русской почве и отсутствовавшие в старославянском языке), были книжным лексическим пластом, обычно использовавшимся в возвышенной речи (а как частность, в сниженно-иронических текстах). Как функциональная разновидность словарного состава дольше всего они сохраняются в языке поэзии. В течение XIX в. славянизмы как особая стилистическая категория утрачиваются и сливаются с архаической лексикой или становятся нейтральными словами. В современном литературном языке

их нет (если не считать случаев прямых заимствований текстов из церковных произведений).

Сложна и изменчива категория просторечия. В XVII в. под «простой речью», «просторечием» довольно недифференцированно понимался язык русского народа в противопоставлении его книжному, «с извитием словес», языку. Ср. слова Аввакума «да не позазрите просторечию нашему» (так не без умысла «принижал» он свой богатый народными выражениями и красочный язык). Мы в точности не знаем, когда возникает просторечие в нашем смысле этого слова (т. е. как эмоционально-сниженный пласт литературного языка и как наддиалектные, не имеющие изоглосс явления, стоящие вне литературного языка). Можно только предполагать, что выделение просторечия началось во второй половине XVIII в. и завершилось в первой половине XIX в., когда складывалась устная разновидность литературного языка с ее нормами. Естественно, нормированный письменный литературный язык пополнялся за счет средств внелитературного просторечия и находился в органическом единении со своей устной разновидностью. Однако особенно важно подчеркнуть, что литературный язык, став полифункциональным (т. е. обслуживая все нужды общества), расширялся в своем словарном составе за счет общенародных слов, не имевших какой-либо стилистической окраски. Между общенародным языком и разговорно-просторечными средствами нельзя ставить знаки равенства. Такие слова, как *крыша*, *мчать(ся)*, *нагрянуть*, *жара* и многие другие могли в свое время противопоставляться славянизмам, но из этого не следует, что они имели разговорно-просторечную окраску. Далеко не всегда в таких случаях можно полагаться на стилистические пометы словарей того времени. Тематика литературных произведений (художественных, публицистических, научных и иных) бурно расширялась, что влекло за собой интенсивный рост словарного состава и лексической семантики. Главенствующая роль в этом росте принадлежала стилистически нейтральной общенародной лексике (ср. бесчисленные названия общенародного быта, промыслов, культуры, явлений живой и неживой природы и т. п.).

Особо следует сказать о диалектизмах. Состав диалектизмов непрерывно изменялся, но признак их всегда был неизменным. Диалектизм — явление (в том числе

лексико-семантическое), в языке не общераспространенное, имеющее в своем распространении территориальное ограничение, изоглоссу. Диалектизмы существовали в языках племен и народностей еще дописьменной эпохи, имелись они, разумеется, и в русском языке конца XVII—начала XX в. Многие из них вошли в состав литературного языка не через просторечие, а непосредственно, причем их диалектное происхождение быстро стиралось (ср. *тайга, сопка, буран, стерня, сиг, пелядь* и т. п.). Чтобы установить диалектное происхождение слова, нужно собрать о нем исчерпывающие лингво-географические сведения, иначе всегда на этот счет будут возникать сомнения (являются ли, например, бывшими диалектизмами такие слова, как *сгинуть, сивый, суматоха, хилый, осоветь* и некоторые другие). Многое еще нужно дополнительно исследовать, когда речь идет о славянизмах, разговорно-просторечных элементах лексики, об истории заимствований и новообразований и иных предметах русской исторической лексикологии. Но уже и то, что дано в настоящей книге, на наш взгляд, представляет собой заметный вклад в обогащение наших знаний о развитии словарного состава русского литературного языка. Книга несомненно будет полезна как для специалистов, так и для всех читателей, которые любят и ценят русское слово.

Публикуемое далее «Введение» написано Е. Т. Черкасовой (1902—1976 г.), в течение ряда лет руководившей подготовкой работы по исторической лексикологии русского литературного языка нового времени, выходящей теперь в двух книгах: «История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX века» и «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX века». «Введение», так же как и настоящее «Предисловие», относится к обеим этим книгам, которые по своему замыслу представляют единое целое.

Ф. П. Филин

ВВЕДЕНИЕ *

С XVII в. начинает складываться язык русской нации. Национальный русский язык «представляет собой сложное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального литературного языка с нестандартизованными устными разновидностями речи, причем решающей, ведущей составной частью этого объединения является литературный язык» [1]. Литературный язык как нормированная форма национального русского языка обладает богатой и разветвленной лексической системой. Системность лексики как исторически наиболее изменчивой подсистемы литературного языка проявляется, во-первых, в самой организации слов в лексико-грамматические классы (части речи), внутри которых выделяются группы лексико-семантические (синонимические и антонимические ряды) и предметно-тематические [2]; во-вторых, в словообразовательных связях слов; в-третьих, в связях семантических, дистрибутивных и стилистических, «отчасти накладывающихся друг на друга, отчасти не совпадающих» [3]. Для исторической лексикологии первостепенное значение имеют прежде всего связи дистрибутивные, т. е. возможности лексико-семантической сочетаемости, которые служат одним из решающих факторов изменения значений слов, и связи стилистического характера, в значительной степени обуслов-

---

* «Введение» не было закончено и обработано автором. Редакция считает, однако, что подготовленный Е. Т. Черкасовой текст должен быть опубликован в том варианте, который остался после смерти автора.

[1] *Филин Ф. П.* Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка. — Изв. АН СССР, СЛЯ. М., 1970, т. 29, вып. 2, с. 150.

[2] Определения этих понятий см.: *Филин Ф. П.* О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Езиковедски изследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957.

[3] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., «Наука», 1965, с. 10 и сл.

ленные принадлежностью слов к тому или иному генетико-стилистическому пласту [4].

Полное описание лексической системы русского литературного языка, движения и развития этой системы — дело будущего. В нашем исследовании рассматриваются лишь процессы изменения в составе русской литературной лексики нового времени.

Для изучения тех изменений, которые происходили в составе лексики русского литературного языка конца XVII—первой половины XIX в., особое значение имеет вопрос о разных лексических генетико-стилистических пластах и об их взаимодействии: с историей этих пластов связаны общие тенденции развития русской литературной лексики, пополнение ее состава (особенно — отвлеченной и терминологической лексики) и экспрессивных средств. Выделяются следующие генетико-стилистические пласты: 1) собственно русская литературная лексика; 2) славянизмы; 3) иноязычные заимствования; 4) заимствования из внутриязыковых источников — из общенародного лексического фонда и из территориальных, профессиональных, социальных диалектов.

К собственно русской литературной лексике относятся слова, унаследованные из общеславянского фонда (типа *вода*, *земля*, *брат*, *дом*); слова общевосточнославянские (типа *зяблик*, *потолок*, *семья*, *белка*, *дешевый*); слова, возникшие уже на собственно русской (великорусской) почве (такие как *улыбаться*, *белье*, *очень*); слова, производные от основ слов перечисленных типов, в том числе и слова со славянскими или иноязычными аффиксами. С известной оговоркой сюда же можно отнести и такие слова разного происхождения, которые с древнейших времен настолько укрепились в русском языке, что считаются «коренными народными русскими словами» [5] (типа ст.-слав. *время* [6], греч.

---

[4] Термином «пласт» обозначаем такую часть словарного состава языка, которая однородна в каком-нибудь отношении: генетически — по происхождению или стилистически — по отношению к нормам литературного словоупотребления.

[5] *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пг., «Колос», 1922, с. 19.

[6] «Слово *время* в летописях, как и в современном русском языке, употребляется только в неполногласном звуковом облике, соответствующем старославянскому (врѣмя»). Это свидетельствует о том, что данное слово в таком облике было усвоено общена-

огурец, тюрк. *лошадь*, *товар* и под.). К собственно русской лексике относятся и все те лексические единицы, которые пришли из русских нелитературных источников — из просторечия и из диалектов, а также и все те слова, которые сложились путем словообразования уже на русской почве (типа *америк-анец*, *америк-анск-ий*; *секрет-нич-а-ть*, *за-секрет-и-ть*, *секрет-н-ый* и *газет-н-ый*).

Как известно, «исконно русские элементы составили основу русского литературного языка»[7]. Между тем этот пласт пока еще не привлек должного внимания исследователей: он никем специально не выделялся, недостаточно изученным остается вопрос об изменении его состава, взаимосвязей и взаимодействий с другими пластами в разные эпохи. Поэтому и в исследовании роль этого пласта в развитии словарного состава русского литературного языка не могла найти достаточно полного освещения.

К славянизмам относятся слова, генетически восходящие к старославянскому и церковнославянскому (книжно-славянскому) языкам и обладающие, как правило, определенными фонетическими, морфологическими и семантическими признаками[8]. На протяжении периода конца XVII—начала XIX в. славянизмы сохраняли в литературном языке свою функциональную значимость. Церковнославянский язык в древней Руси был явлением глубоко прогрессивного значения[9]. К новому времени (XVII—первая половина XIX в.) проблема взаимодействия славянизмов и собственно русской лексики становится центральной проблемой русского литературного языка. В работе определяется роль славянизмов в развитии словарного состава русского литературного языка, описывается процесс их семантического приспособления к выражению новых понятий, взаимопроникновения сла-

---

родным языком» (*Виноградов В. В.* Русский язык. — БСЭ. 2-е изд., т. 37, с. 429).

[7] *Щерба Л. В.* Избранные работы. М., Учпедгиз, 1957, с. 125.

[8] Слова, относящиеся к общеславянскому фонду и имеющие семантические различия в церковнославянском и русском языках, рассматриваются как славянизмы лишь в тех значениях, которые специфичны для церковнославянского языка.

[9] Термин «церковнославянский язык» в применении к традиционному языку церковных книг и близкой им по духу древнерусской литературе, по словам Г. О. Винокура, появляется в XIX в. (см.: *Винокур Г. О.* Русский язык. Исторический очерк. М., Гослитиздат, 1945, с. 109).

вянских и русских элементов, их семантического взаимодействия со словами, пришедшими в русский литературный язык из других источников. Большое внимание уделяется выяснению вопроса об ассимиляции славянизмов и об ограничении их употребительности.

«Международный обмен языковыми ценностями — явление нормальное и он будет существовать, пока существуют языки» [10]. В русском литературном языке процесс заимствования, т. е. усвоения слов иноязычного происхождения, протекал неравномерно: в разные исторические эпохи в качестве языка-источника на первый план выдвигается то один, то другой язык. В изучаемую эпоху намечается тенденция к усилению языковых взаимодействий, к возрастанию роли интернациональных языковых элементов [11]. В исследовании прослеживаются пути их проникновения в русский язык и выясняется специфика процесса их ассимиляции. Поскольку заимствования из одного языка в другой обычно происходят при условии более или менее тесных контактов между народами, изучение заимствований имеет большое значение не только для истории языка, но и для истории культурно-исторических связей между народами.

Богатым и постоянным резервом для пополнения словарного состава русского литературного языка являются заимствования готовых лексических единиц из собственных внутриязыковых источников: общенародного лексического фонда и из разнообразных диалектов.

Общенародный лексический фонд в допушкинскую эпоху был представлен в литературе односторонне. В XVIII в. начинается интенсивное проникновение собственно русской лексики в литературный язык. По своему характеру эта лексика была различна. Значительную ее часть составляли стилистически нейтральные слова, не обладающие экспрессией и обозначающие реалии и понятия, принадлежащие народному быту; им противостояли слова квалифицирующие, экспрессивно окрашенные. Во второй половине XVIII в., при усилении тенденции к стилистической нормализации языка, эта разнородная по своему составу лексика

---

[10] *Филин Ф. П.* Когда и как переводить на русский язык? — Лит. газ., 1974, 17 июня.

[11] См.: *Филин Ф. П.* Ленинское учение..., с. 151.

объединялась и квалифицировалась как «просторечная» и «простонародная» (см. Словарь Академии Российской).

Просторечными[12] принято называть такие общенародные слова, употребление которых, обычное в живой обиходной речи, не связано с нормами литературного словоупотребления. Понятие «просторечие» исторически изменчиво: в разные эпохи оно наполняется разным содержанием. В период еще не установившихся литературных норм оно не выделяется. В конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. это неупорядоченная и обособленная категория слов внутри литературного языка, пригодная лишь для использования в «низких» жанрах. Более определенным содержание этого понятия становится в период становления и укрепления норм литературного словоупотребления — в пушкинскую и послепушкинскую эпоху. В это время на фоне уже сложившихся норм литературного словоупотребления противопоставляются собственно просторечная (нелитературная) и литературная разговорная лексика и — в послепушкинскую эпоху — собственно просторечная лексика и новая функционально-стилистическая категория — «литературное просторечие»[13]. Литературное просторечие — это периферийный слой литературной лексики, который сравнительно легко проникает в нормированную речь как вполне допустимое средство общения образованных людей, владеющих литературным языком. По формулировке Ю. С. Сорокина, — это «принятые в литературной практике слова явно оценочного, экспрессивного характера и при этом — сниженного, подчеркнуто грубоватого, резкого характера»[14] (например, слово *бойня* как экспрессивный синоним слова *война*). Одна из задач исторической лексикологии — про-

---

[12] Границы между просторечной и простонародной лексикой очень неустойчивы, а содержание самого понятия «простонародная лексика» крайне неопределенно. В некоторых работах как равнозначные приводятся термины: «простонародная (областная речь)» (Очерки по истории русского литературного языка XIX в. Проспект. М., «Наука», 1956, с. 18); «простонародная, крестьянская стихия» (*Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1934, с. 203). Мы ограничиваемся одним термином: «просторечная лексика» («просторечие»).

[13] См. об этом: *Сорокин Ю. С.* Развитие..., с. 24, 31, 32, 38, 48, 330, 480—482, 494, 500, 517; *Он же.* Просторечие как термин стилистики. — Докл. и сообщ. филол. фак-та ЛГУ, вып. 1. Л., 1949, с. 132—137.

[14] *Сорокин Ю. С.* Развитие..., с. 517.

следить пути превращения слов этого типа в обычные средства литературного выражения[15].

Народные говоры всегда были одним из основных источников пополнения состава русской литературной лексики. На протяжении описываемого времени приток областных (диалектных) слов непрерывно усиливался, состав их изменялся. Специальных исследований о вкладе территориальных диалектов в словарный состав русского литературного языка пока еще нет. В литературе находим либо общие сведения по этому вопросу, либо описания (очень содержательные, но немногочисленные)[16] истории проникновения в состав литературной лексики отдельных диалектных слов. Весьма ценные материалы содержатся и в монографических трудах по истории русского литературного языка и исторической лексикологии[17]. Однако до сих пор остаются неопределенными принципы разграничения слов диалектных и просторечных, диалектных и жаргонных; границы между ними зыбки, и это находит отражение в неопределенности терминов. Одни исследователи для обозначения таких слов применяют термин «просторечно-диалектная лексика»[18], другие, не рассматривая диалектные слова

---

[15] Излагаемые здесь взгляды на просторечие, его роль и историю в системе русского литературного языка частично расходятся со взглядами редактора и авторов этой книги. Это расхождение читатель может заметить при чтении соответствующих разделов, где показано, что уже во второй половине XVIII в. внутри «простой» лексики начинается процесс функционально-стилистической дифференциации, определивший ее дальнейшую судьбу: одна часть ее закрепилась в литературном языке в качестве стилистически нейтральных или разговорных средств, а другая ограничилась в употреблении и стала источником формирования просторечия в современном его понимании. Более четкий характер это расчленение получило в пушкинский период.

[16] Исследования В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Л. И. Балаховой, Ф. Л. Скитовой, О. Д. Кузнецовой, Е. Н. Этерлей и др.

[17] Работы В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Ю. С. Сорокина, С. И. Коткова, Л. Л. Кутиной, П. Я. Черных, Ф. П. Сороколетова, А. И. Горшкова и др.

[18] Лексика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 61. Д. Н. Шмелев (автор соответствующей главы) полагает, что разграничение диалектной и просторечной лексики вообще не обязательно: та и другая, по его словам, «должна рассматриваться совместно, так как обычно путь диалектных слов в литературное употребление лежит через просторечие, т. е. служит своего рода передаточной фазой, которая часто оставляет следы в семантике проходящих через

в качестве особой категории, включают их в общую рубрику «разговорно-просторечные и областные слова» (Ю. С. Сорокин). В нашей работе делается попытка уточнить задачи изучения областных слов в историко-лексикологическом плане; предметом рассмотрения здесь являются только такие областные слова, которые можно называть «литературными словами диалектного происхождения». Это слова, которые на протяжении описываемого времени либо уже стали нормальной номинативной единицей русского литературного языка и стилистически нейтрализовались (типа *быт*, *очень*, *умелый*, *хутор*), либо вошли в состав литературной разговорной речи или литературного просторечия (типа *бубнить*, *мельтешить*, *шустрый*). «Диалектизмы» (т. е. такие областные слова, которые не вошли в систему литературной лексики и использование которых в литературной речи всегда так или иначе стилистически мотивировано, типа *сивый* 'седой') и «диалектные (областные) слова» (т. е. слова, употребление которых замкнуто территориальными рамками того или иного говора, типа северновеликорусского названия одежды *лапотина*) рассматриваются лишь в том случае, если они обнаруживают тенденцию к продвижению в состав литературной лексики.

С точки зрения исторической лексикологии русского литературного языка здесь необходимо показать, какие территориальные диалекты оказались наиболее активными в пополнении состава литературной лексики; в какое время этот процесс протекал наиболее интенсивно; каковы были тематические группы слов, свободнее других принимавшие в свой состав диалектные слова; как эти слова проникали в лексическую систему литературного языка и как они укреплялись в ней; каков был характер их семантических изменений.

Аналогичным путем описывается в книге и процесс вовлечения в литературный язык п р о ф е с с и о н а л и з м о в, т. е. слов, употребление которых ограничено какой-либо специальной сферой деятельности (охотников, рыболовов, военных, чертежников и под.), и лексики с о ц и а л ь н ы х д и а л е к т о в, т. е. слов, употребление которых ограничено какой-либо социальной группой (например, слова, употребляемые картежниками, деклассированными элементами, школьниками и под.).

ное диалектизмов (изменение значения, приобретение словом отрицательной эмоциональной окраски и т. п.)».

Роль перечисленных лексических пластов в пополнении словарного состава русского литературного языка была неодинакова. В сфере номинативной лексики главная роль принадлежала литературным источникам (собственно русская литературная лексика, славянизмы, слова иноязычного происхождения). Но совершенствование русского литературного словаря предполагает развитие не только собственно номинативной лексики, но и средств выражения образного мышления, т. е. лексики экспрессивной. В этом отношении особенно значителен был вклад нелитературных источников — просторечия, народных говоров и социальных диалектов. Живая народная речь, как известно, здесь всегда была и остается неиссякаемым источником.

В исследовании освещается вопрос о тех лексико-семантических и предметно-тематических группах слов, которые в тот или иной период пополняются наиболее интенсивно; описываются изменения в составе тех групп, которые показательны для основных тенденций развития литературной лексики, прежде всего — тенденции к интенсивному развитию отвлеченной и терминологической лексики. Основными источниками, откуда черпались языковые средства для пополнения состава этих групп, были слова славяно-русского и иноязычного происхождения.

В разделах, посвященных рассмотрению допушкинского и пушкинского периодов в развитии лексики излагается история разных генетико-стилистических пластов с точки зрения основной тенденции в развитии словарного состава русского литературного языка в XVII—первой половины XIX в. — тенденции к слиянию ранее разобщенных пластов (собственно русской литературной лексики и славянизмов прежде всего) и к расширению границ литературной лексики за счет усвоения элементов нелитературной речи. В разделе, описывающем период уже вполне сложившихся норм словоупотребления, центральными оказываются, во-первых, проблема создания систем отвлеченной и терминологической лексики, во-вторых, вопрос о демократизации норм литературного словоупотребления за счет усиления притока новых слов.

В разделы включается краткое описание соответствующего периода с точки зрения состояния материальной и духовной культуры, общественной мысли, литературы, науки и просвещения. Изменения в лексической системе

рассматриваются, во-первых, в аспекте пополнений и утрат, во-вторых, в аспекте изменений семантических. В круг освещаемых вопросов входят: 1) изменения в составе разных групп лексики и круг соответствующих источников; 2) судьба новых слов: первоначальное употребление и пути их проникновения и укрепления в составе литературного языка; судьба старых слов, называвших исчезающие предметы и явления (архаизация, утрата); пути проникновения иноязычной и нелитературной лексики и особенности усвоения соответствующих слов литературным языком; 3) причины лексических изменений: внешние (экстралингвистические), т. е. обусловленные отношением слова к миру действительности (связь с историей народа, актуализация определенного круга понятий, изменения в составе носителей литературного языка), и внутренние, т. е. обусловленные отношением слова к другим словам. Далее рассматриваются семантические изменения, их характер и их роль в развитии отдельных слов или групп слов, в дифференциации лексических значений; прослеживаются изменения в кругу терминологической лексики (особенно интенсивные в послепушкинскую эпоху).

Стилистические явления описываются только в связи с выяснением их роли в истории слова. Наиболее существенным здесь оказывается определение роли разных стилей и разных литературных течений в развитии литературной лексики, в становлении и укреплении новых норм словоупотребления.

75540

Языковая полемика освещается только в тех случаях, когда она служит необходимым материалом для анализа описываемых процессов; например, в конце XVIII—первых десятилетиях XIX в. это — споры о роли славянизмов в развитии лексического состава русского литературного языка; об оценке слов иноязычного происхождения с точки зрения их необходимости и соответствия нормам литературного словоупотребления; об отношении к просторечию как источнику обогащения литературной лексики.

www.ruslang.ru

*

Хронологическое членение русского литературного языка устанавливается в зависимости от характера изменения литературных норм. Эти изменения сами обусловлены изменением соотношений и взаимодействия раз-

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ных генетико-стилистических пластов — в допушкинский и пушкинский периоды — славянизмов и народно-разговорных элементов. Позднее меняются самые критерии нормативной оценки языковых фактов: «Историко-генетическая точка зрения сменяется точкой зрения актуальной, исходящей из нужд живого словоупотребления»[19].

Допушкинский период — это период постепенного формирования норм. Уже к XVII в. намечается тенденция к снятию противопоставленности норм двух разновидностей письменности: книжно-славянской и деловой. Процесс разрушения двуязычия становится особо очевиден в Петровскую эпоху, когда соотношение славянизмов и русизмов осложняется мощным притоком иноязычной лексики. Старые нормы расшатываются, а новые еще не успели сложиться.

К 30—40-м годам XVIII в. лексико-стилистическая нормализация определяется уже на основе теории «трех штилей» Ломоносова. Этой теорией в качестве основы русского литературного языка утверждается общенародный русский язык («средний штиль»); употребление же славянизмов регламентируется главным образом рамками «высокого штиля». Позднее назревает кризис этой теории, хотя она еще и выступает как основа для нормализации (ср. пометы в Словаре Академии Российской). Ослабление позиций славянской лексики проявляется в том, что церковнославянский язык ограничивается узкой конфессиональной сферой. К концу XVIII в. намечаются пути преодоления узости системы «трех штилей». Встает задача перестройки художественной речи на новой основе. Карамзин и его последователи в своей писательской практике показывают образцы языка, оказавшие огромное влияние не только на современников (позднее Н. И. Греч канонизирует практику Карамзина как идеальное воплощение норм и лексических, и грамматических). Карамзин утверждает независимость норм словоупотребления от жанра, выдвигает в качестве критерия нормативности понятие «вкус», намечает (хотя и на сбедненной основе) пути к созданию нового слога.

Пушкинская эпоха (20—30-е годы XIX в.) — новый и решающий этап в разрушении старой системы трех стилей, открывающий пути для свободного объединения в одном и том же контексте слов различного про-

[19] *Сорокин Ю. С.* Развитие..., с. 30.

исхождения. Преодолев разобщенность старых генетико-стилистических пластов и пережитки системы трех стилей, Пушкин и его современники создают новые общенациональные нормы литературного словоупотребления, подготовленные их предшественниками. Решающая роль в этом принадлежала художественной литературе реалистического направления: «Проникновение в литературный язык разговорной и народно-поэтической стихии было началом процессов, которые интенсивно развивались в XVII в., а в начале XIX в. гением Пушкина и деятельностью его современников завершились в виде создания единого, «поливалентного», нормированного, стилистически разветвленного русского литературного языка. Народная речь стала базой, активным началом, основой творческой лаборатории, в которой были переплавлены и богатое старославянское языковое наследство, и интенсивные заимствования из западноевропейских (прежде всего французского) языков»[20]. Этим и определилось направление развития литературной лексики в последующие эпохи.

Послепушкинский период (40—70-е годы) — период особенно интенсивных изменений в лексике литературного языка, связанных с изменениями в экономическом строе, общественной жизни, с развитием науки и техники, с выдвижением на авансцену общественной жизни разночинцев, с перестройкой всей стилистической системы языка, обусловленной выдвижением на первый план научно-публицистической речи и укреплением реализма в русской художественной литературе. Для этой эпохи характерно снятие актуального ранее вопроса о размежевании лексических пластов по их происхождению: слова разных источников теперь свободно объединяются в рамках одного контекста. Снимается также вопрос о славянизмах как особой категории литературного языка: они либо полностью ассимилируются с русской лексикой, либо выходят из употребления. В связи с расширением границ литературного словоупотребления за счет активизации просторечных, областных слов, лексики профессиональных и социальных диалектов формируется новая стилистическая категория — «литературное просторечие». Усилением интереса передовой русской интеллигенции к европейской политической жизни, к развитию

[20] *Филин Ф. П.* Ленинское учение..., с. 148.

научных, социальных и философских идей определяется тенденция к более тесному, чем в предшествующие эпохи, сближению с западноевропейскими языками: усиливается приток иноязычных слов и интернационализмов; эти слова быстро усваиваются, вступают в глубокое и разнообразное взаимодействие с русской лексикой.

В выработке национальных норм литературного словоупотребления становится менее значимой роль художественной литературы: решающее значение здесь начинает приобретать публицистическая и научная проза.

Одна из центральных проблем этой эпохи — проблема создания «метафизического» языка, т. е. национальной системы отвлеченной, философской, научной и публицистической лексики. Этот вопрос, остро поставленный Пушкиным, по свидетельству Белинского, в современную ему эпоху еще не был решен: «Что русский язык — один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения. Но при этом не должно забывать исторического развития России и быстрого оборота, произведенного в нем реформою Петра Великого. До Петра Великого русский язык вполне соответствовал нравственному состоянию Руси и был больше чем достаточен для выражения всего круга понятий того времени». Теперь же, по словам Белинского, русский язык стал «недостаточен для выражения предметов науки, общественности, словом, всего отвлеченного» [21].

В период полной «зрелости и самобытности» русского литературного языка (Ю. С. Сорокин), в 50—70-е годы XIX в., его лексический состав приобрел характер единой и широко разветвленной системы, располагающей богатейшими ресурсами для создания «метафизического языка», для выбора наименований самых разнообразных групп отвлеченных понятий: в языке появились и закрепились слова, обозначающие различные понятия общественной жизни и культуры; слова, служащие для выражения категории качества (появление качественных наречий в связи с процессом окачествления причастий, типа *потрясающе*; активизация процесса развития качественных значений у относительных прилагательных и т. д.); слова, связанные с общественно-политической и идеологической сферой, обозначающие гносеологические

[21] *Белинский В. Г.* Сочинения. СПб., изд. С. А. Венгерова, т. X, с. 167 (1846 г.).

понятия, разные стороны социального устройства и психической деятельности человека.

Высокой степени достигло развитие терминологической лексики; ее воздействие на общелитературное словоупотребление усилилось[22]. Именно в эту эпоху уже вполне определенно проявляется тенденция к широкому вовлечению такой лексики в процесс метафоризации.

Не менее значимо для данной эпохи усиление процесса семантической дифференциации слов разного происхождения, с первоначально общим, тождественным значением; по мнению Ю. С. Сорокина, в данную эпоху «едва ли не главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка играют семантические перемены в кругу известных слов»[23].

Последний из рассматриваемых периодов — 70-е годы XIX—начало XX в. (до 1917 г.) — эпоха бурного развития капитализма, роста революционного движения, эпоха зарождения и распространения марксизма, глубоких сдвигов в науке и технике. Язык этого времени изучен еще недостаточно. В книге Ю. С. Сорокина описание доводится до 80-х годов XIX в. О последних же десятилетиях XIX в. и начале XX в. в этой книге можно найти лишь общие сведения, а также несколько блестящих этюдов из истории отдельных слов. Известно, однако, что без знания путей развития лексики этого времени невозможно правильное понимание развития словарного состава русского литературного языка в последующую эпоху: отсутствие таких знаний может привести к ошибочным суждениям, в частности к тому, что факты, известные предшествующему времени, могут характеризоваться как новые[24] (см. ниже историю слов типа *саботаж*, *планетарий* и др.).

В исследовании осуществлена попытка дать относительно целостное описание развития русской литературной лексики в данный период; это описание опирается на анализ большого самостоятельно собранного и систематизированного фактического материала. Здесь показано, что в этот период получают дальнейшее развитие те тенденции, которые наметились уже в предшествую-

---

[22] *Сорокин Ю. С.* Развитие..., с. 38.
[23] Там же, с. 325.
[24] См. об этом: *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974, с. 15.

щую эпоху: изменение норм литературного словоупотребления в направлении их большей демократизации — в связи с изменением состава носителей литературного языка, с ростом влияния научно-публицистической и агитационно-пропагандистской литературы; интенсификация процесса пополнения литературной лексики, особенно — терминологической и отвлеченной. В кругу передовой интеллигенции в это время вырабатываются новые приемы словоупотребления, в публицистике формируются особые лексиконы, состав и семантические особенности которых обусловлены идеологически. В уточнении и осмыслении этой общественно-политической и философской лексики ведущая роль принадлежала теоретикам марксистского направления и их последователям. Состав отвлеченной лексики обогащается не только за счет притока новых лексических единиц, но и за счет развития отвлеченных значений в семантике слов сферы конкретно-обиходной (типа *подкладка* в значении 'подоплека') и терминологической (типа *смотр* в значении 'общественная проверка чего-л.'). Для данной эпохи были характерны и другие семантические изменения: развитие в значении экспрессивно-оценочных оттенков, семантическая дифференциация дублетных новообразований.

Источниками, из которых отбирались материалы для исследования, послужили:

1) Собственные материалы, извлеченные из художественной литературы, научных, публицистических, журнально-газетных текстов, из официальных документов, учебников и др. (см. список источников).

2) Монографические исследования и учебные пособия по истории русского литературного языка В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Ю. С. Сорокина, А. И. Ефимова, А. И. Горшкова, Ф. П. Сороколетова, П. Я. Черных, Л. Л. Кутиной, Г. Хюттль-Ворт, И. М. Мальцевой, З. М. Петровой, Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Г. П. Князьковой, Ю. А. Бельчикова, В. В. Веселитского, В. В. Замковой, Р. М. Цейтлин и др.

3) Довольно значительная научная литература по истории отдельных слов и целых лексических групп и категорий — исследования выдающихся языковедов XIX и XX вв.: А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Бус-

лаева, А. А. Потебни, Я. К. Грота, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина и др. Авторы книги старались использовать все материалы, содержащиеся в специальной литературе, в том числе в кандидатских и в докторских диссертациях.

4) Материалы картотек: Большой словарной картотеки современного русского языка и картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (Словарный сектор Института русского языка АН СССР, г. Ленинград), картотек «Словаря древнерусского языка XI—XVII вв.» и «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» (Институт русского языка АН СССР, г. Москва); картотеки «Словаря русских народных говоров» (Словарный сектор Института русского языка АН СССР, г. Ленинград).

5) Материалы различных словарей русского языка — толковых, этимологических, двуязычных и др. Наличие или отсутствие в словарях того или иного слова, порядок перечисления значений, стилистические пометы — все это представляет несомненный интерес для исторической лексикологии.

Неодинаковой степенью изученности русской лексики определяется тот факт, что в разных главах и частях книги соотношение материалов, извлеченных из перечисленных выше источников, оказывается различным.

Книга «История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в.» состоит из «Предисловия» (автор — Ф. П. Филин), «Введения» (автор — Е. Т. Черкасова) и двух разделов: «Развитие лексики русского литературного языка в Петровскую эпоху (конец XVII—начало XVIII в.)» (автор — К. П. Смолина) и «Развитие лексики русского литературного языка в 30-е годы XVIII в.—начале XIX в.» (автор — Е. С. Копорская). Первый раздел содержит общий сжатый очерк языкового состояния Петровской эпохи как истока, начального периода складывания лексической системы русского литературного языка нового времени. Во втором разделе дается подробная характеристика тех процессов, которые определились и укрепились на этой исторической основе и в первой трети XIX в. сформировали новое, органическое целое — общелитературную лексическую систему с ее собственными нормами и четко определившимися тенденциями дальнейшего развития. Опи-

сание основных процессов в лексическом составе русского литературного языка начиная с пушкинской эпохи до начала XX в. содержится в книге «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX в.».

Одновременно с работой над разделами монографий велась работа по изучению генетико-стилистических пластов лексики: собственно русской литературной лексики (В. М. Филиппова и В. К. Юношева), славянизмов (Е. С. Копорская), иноязычных заимствований (И. А. Василевская), лексики территориальных, профессиональных и социальных диалектов (Е. Т. Черкасова), общенародной русской лексики (Е. П. Ходакова). Результаты этих изучений нашли отражение в разделах книг, освещающих предпушкинский и пушкинский периоды в развитии лексики. В работе над этими разделами принимала участие В. К. Юношева. Ею написан ряд параграфов, посвященных истории отдельных слов.

Список источников, общих для обеих монографий, помещен в книге «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX в.».

Е. Т. Черкасова

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ (КОНЕЦ XVII—НАЧАЛО XVIII в.)

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

(ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Петровской эпохе (1690—1725 гг.) в становлении русского литературного языка и его лексической системы принадлежит особое место. Это время интенсивного развития (подчас необычайно сложного и противоречивого) разных стилей и жанров литературного языка. Первая треть XVIII в. исключительно важна и для последующего формирования лексики русского литературного языка. Многое из того, что существует в лексической системе современного языка, возникло в Петровскую эпоху.

1. Основные процессы в развитии лексики Петровского периода были теснейшим образом связаны с общественно-политическими преобразованиями этой эпохи.

Изменения, наметившиеся в экономической, политической и социальной жизни Московского государства в XVII в., особенно во второй его половине, не были достаточны для преодоления отсталости страны, хотя Московская Русь по своему экономическому и военно-политическому положению во второй половине XVII в. «вступала равноправным членом в круг основных европейских держав»[1]. Развитию нарождавшихся буржуазных сил в России препятствовала ее техническая и промышленная неразвитость, сильная церковная власть, устаревшая система администрации и относительная сла-

[1] История СССР, т. 1. 2-е изд. М., Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947, с. 452.

бость внутренних и внешних культурно-экономических связей. У России не было выходов к Северному и Черному морям, не было регулярной армии и флота, способных обеспечить независимость страны. Поэтому вся деятельность Петра I была направлена на преодоление экономической и политической отсталости Русского государства. В необычайно короткий срок им были осуществлены в стране грандиозные преобразования. Петром I были проведены реформы, важные в области усовершенствования государственного и административного аппарата, начата реорганизация вооруженных сил, приведшая к созданию регулярной армии и военно-морского флота. Стремление к экономической и политической независимости России в этот период дало толчок развитию производства, ремесел, крупной промышленности и металлургии. Интенсивно развивалась торговля России с Западной Европой, значительно оживились торговые связи с Востоком. Бурное развитие отечественной промышленности и торговли еще больше усилило рост торгово-промышленной буржуазии и купечества.

Преобразования коснулись и церкви: она стала зависима от светской власти и перестала влиять на ход государственных дел [2].

Исторические сдвиги в области экономики, военной практики и социальных отношений требовали развития самых разнообразных областей знания. С целью обучения различным ремеслам и наукам Петр I ездит сам, посылает своих людей за границу и приглашает иностранных специалистов в Россию. Из разных стран мира выписываются врачи, аптекари, ремесленники, корабельные мастера, художники и промышленные люди. Хотя образование в России охватывает все более широкие слои дворянского и городского населения, однако уровень его остается довольно низким. Уже во второй половине XVII в. в стране возникла настоятельная необходимость

---

[2] «До Петра I цари признавали себя послушными сынами церкви, без благословения патриарха не приступали ни к одному делу. А Петр сформулировал свою идею абсолютной монархии в такой формуле (в Воинском уставе): „Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воли и благомнению управлять“» (*Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). М., «Высшая школа», 1975, с. 275).

в расширении образования. В 1687 г. в Москве было открыто первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская Академия. В развитии просвещения этого времени большую роль сыграли западнорусские ученые — Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий.

Петровская эпоха становится началом развития в России светского образования. Создаются специальные профессионально-технические школы («школы математических и навигацких наук» в Москве, Новгороде, Нарве, Ревеле, с изучением математики, арифметики, геометрии, тригонометрии, навигации, астрономии; позже Морская академия в Петербурге; Артиллерийская и Инженерная школы в Москве), гражданские профессиональные училища (медицинская школа в Москве; техническая школа в Карелии на Петровском заводе, школа иностранных языков при Посольском приказе, школа канцелярских служителей, цифирные школы). В это время родился и замысел создания Академии наук как научно-учебного учреждения, с университетом и гимназией. В 1725 г. открывается Российская Академия наук.

Издается обширная учебная литература, появляются учебные руководства и учебники по грамматике, арифметике, геометрии, астрономии, интенсивно переводятся научные книги по самым разнообразным отраслям знания. Известными переводчиками того времени были Ф. Поликарпов, братья И. и К. Зотовы, П. Постников, Б. Волков и др. Для переводов этих книг, для изучения и освоения множества новых слов, пополнявших литературный язык этого времени, создаются переводные — двуязычные и многоязычные словари. Из них наиболее известен «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских, сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное» Ф. Поликарпова (1704 г.). В 1717 г. выходит «Русско-голландский лексикон» Я. Брюса. В 1731 г. в Петербурге издается «Немецко-латинский и русский лексикон...» Э. Вейсмана.

Значительно расширившееся при Петре I книгопечатание и введенный с 1 января 1708 г. новый гражданский шрифт немало способствовали многообразию и обилию учебной и научной литературы. В типографии, организованной в Кремле Симеоном Полоцким в конце 1678 г., до начала XVIII в. печатались в основном только

церковные книги, при Петре I наряду с церковной литературой стали издаваться в большом количестве и светские книги самого различного содержания.

Новые общественные потребности этого времени влияли и на развитие литературы. «Обмирщение» церковной литературы начинается уже в предшествующую эпоху: «В XVII в. почти умирает проповедь, летопись меняет свой прежний строгий характер, обращаясь, мало-помалу, в записки или в исторические повести. Соответственно этому, жития сменяются теперь сказаниями и легендами, в создании которых скрестилась народная поэзия с церковною»[3]. Необычайно широкое развитие во второй половине XVII в. получает демократическая литература. В этот период начинает складываться так называемая демократическая «беллетристика» (широко распространяются повествовательные прозаические произведения: «истории», «сказания», «повести»), развивается и пародийная сатирическая литература («Азбука о голом и небогатом человеке», «Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная», «Сказ о Ерше Ершовиче», «Повести о куре и лисице», «Сказание о попе Савве», «Лечебник, как лечить иноземцев и их земель людей», «Шемякин суд»)[4]. Особым направлением демократической литературы XVII в. явилась литература раскола — старообрядчества. Наиболее ярким представителем этого направления был протопоп Аввакум. «Возникновение демократической литературы — событие, историческое значение которого трудно переоценить. Впервые появляется новый демократический писатель и новый демократический читатель»[5].

Произведения демократической литературы, получившие свое развитие в XVII в., в жанровом отношении в Петровскую эпоху становятся еще более разнообраз-

---

[3] *Сиповский В. В.* Русские повести XVII—XVIII вв., т. 1. СПб., 1905, с. XI; «...устоявшийся канон жития обращается в рамку для автобиографии... на почве старых житий, посмертных чудес и летописных сказаний вырастает новая манера историко-бытовой повести» (*Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 4).

[4] О жанре пародии в XVII в. см.: *Ларин Б. А.* Лекции..., с. 271—274.

[5] *Еремин И. П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Изд-во ЛГУ, 1961, с. 12.

ными. Заново перерабатываются древние эпические жанры: в большом количестве появляются исторические песни, сказки, былины. Очень популярны в конце XVII—начале XVIII в. переработанные рыцарские романы и повести, рукописные переводы которых появились в XVII в. («История о Бове-Королевиче», «Повесть о Петре Златые ключи», «Повесть о Брунцвике», «Повесть о Василии Златовласом»). Читатель знакомится и с новыми переводными повестями — «гисториями»: «Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне и прекрасной королевне Элеоноре», «Гистория об английском милорде Гереоне», «История о Меландре, королеве французской, и о курфюрсте саксонском Августе» и т. п.[6] Наряду с собственно переводными повестями в начале XVIII в. появляются и такие, как, например, «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «Гистория о храбром Российском ковалере Александре», являющиеся по ряду признаков повестями оригинального характера, органически связанными с новым Петровским временем.

Широкое распространение в этот период получает и переводная литература, рассказывающая читателю о новом быте, новых формах общения между людьми. Примером литературы подобного типа может служить, например, книга, переведенная с немецкого языка М. Шафировым, — «Приклады, како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравителные и сожалетелные и иные такожде между сродников и приятелей» (1708 г.), «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717 г.) и под. Зародившаяся в XVII в. поэзия, главным образом духовного и официально панегирического характера, получая свое дальнейшее развитие в Петровское время, пополняется новыми поэтическими жанрами: развивается любовная и интимная лирика.

Возникновение при царе Алексее Михайловиче русского театра — «комедийной хоромины» (1672 г.) сопровождалось развитием драматургии и появлением оригинальных и переводных драматических произведений: «Комедия притчи о блудном сыне», «Алексей, божий че-

---

[6] *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., Учпедгиз, 1945, с. 25.

ловек», «Эсфирь, или Артаксерксово действо», «Амфитрион» и др.

В первой трети XVIII в. количество пьес как переводного, так и оригинального характера увеличивается. Это непосредственно связано с появлением в Петровскую эпоху первого публичного светского театра (здание для театра — «комедиальный анбар» или «комедиальная храмина» — было построено в 1702 г.). С 1702 г. в Москве выступает труппа Иоганна Кунста, ставящая иностранные и переработанные на русский лад иностранные пьесы[7]: «Сципио Африкан, вождь римский», «О Баязете и Тамердане», комедии Мольера «О докторе битом» и «Драгыя смеяныя» (т. е. «Смешные жеманницы»); по заказу Петра I пишутся пьесы, прославляющие Россию; но особенно бурно развивается русский театр и жанры драматической литературы начиная с 30-х годов XVIII в.

Особое значение в Петровскую эпоху приобретает публицистическая литература, которая носит просветительский и часто антиклерикальный характер. Один из талантливейших русских публицистов этого периода — И. Т. Посошков (1652—1726), чьи труды посвящены самым разнообразным проблемам современности. Широко известны его записки «О ратном поведении», «Книга о скудости и богатстве», «Завещание отеческое». Другой выдающийся мыслитель этого времени — публицист и просветитель В. Н. Татищев (1686—1750), автор яркого философского произведения «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733) и капитального труда, которой стал делом всей его жизни, — «Истории российской» («История» начала издаваться только после его смерти). Перу В. Н. Татищева принадлежит большое количество и других произведений публицистического характера: «Духовная», «Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств», «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» и др. Традиционный жанр церковно-проповеднической литературы «Слово» в Петровскую эпоху получает новое содержание. «Слова» Феофана Прокоповича (1681—1736) — одного из виднейших идеологов политики Петра I — это живой отклик на важные события того времени.

---

[7] Там же, с. 39.

В XVII в. было положено начало развитию русской журналистики: с 20-х годов XVII в. стала выходить первая рукописная русская газета «Куранты». Прямое продолжение этой традиции в начале XVIII в. — газета «Ведомости», своим появлением (газета стала выходить со 2 января 1703 г.) ознаменовавшая начало развития русской периодической печати.

2. Петровские преобразования, затронувшие разнообразные области общественной, научной и культурной жизни, существенным образом влияли на формирование лексического состава языка: лексика, как известно, непосредственно и быстро отражает все изменения в жизни общества.

Развитие лексики в русском литературном языке старшей поры характеризовалось четкой противопоставленностью двух письменных языковых норм: норм церковнославянской письменности (русской редакции) в ее различных жанрах, обслуживающей сферу культово-религиозной литературы, и норм собственно русской письменности, обслуживающей сферу деловых отношений[8]. Противопоставленность этих двух языковых стихий, разобщенность их лексических средств, выражалась в дифференциации сфер их функционирования, в строгой жанровой прикрепленности. Такая поляризация лексических средств представлена довольно отчетливо в лексической системе предшествующих периодов: XV—XVI вв.

К XVII в. прежний языковой узус начинает меняться. Противопоставленность славянской и собственно русской стихий в XVII в. еще существует. Однако разобщенность этих лексических пластов, замкнутость двух систем письменного языкового выражения начинает расшатываться[9]. Это связано с двумя факторами: с внутренним разветвлением и функционально-стилисти-

---

[8] «В древней Руси... существовало два письменных литературных языка: церковнославянский (старославянский русской редакции) и собственно древнерусский (главным образом язык деловой литературы)» (*Филин Ф. П.* Об истоках русского литературного языка. — ВЯ, № 3, 1974, с. 12).

[9] Сближение ранее противопоставленных языковых стихий подготавливается всем предшествующим языковым развитием. Между этими языками (церковнославянским и собственно древнерусским) с самого начала письменности происходят сложные процессы взаимодействия. «В „Повести временных лет" и иных летописях, в „Слове о полку Игореве", „Молении

ческой дифференциацией каждого из двух письменных языков и с взаимопроникновением их элементов в удобные для контактирования стили и жанры.

Намечающееся во второй половине XVII в. преодоление противопоставленности церковнославянской письменности и собственно русской связано прежде всего с эволюцией в структуре церковнославянского языка.

В этот период церковнославянский язык по-прежнему обслуживает конфессиональные сферы. В высоких жанрах светской литературы — проповедях, произведениях публицистического и богословского характера — усиливается «плетение словес», выявляющееся в употреблении устарелых славянских слов типа: *вѣтия* 'оратор', *непщевати* 'думать, полагать, рассуждать', *прещение* 'угроза', *выну* 'всегда', *сице* 'так', *егда, внегда* 'когда'. Об этом свидетельствуют, например, следующие строки из стихотворения Симеона Полоцкого «Триумф, или Торжество победоносное»:

Рим ветхий, *егда* в силе своей бяше
и негли весь мир во власти держаше,
Внегда случится нань кому востати,
брань кровавую мечем воздвизати,
Ратныя люди против посылал есть
и воеводе все дела вручал есть.

В отборе лексики произведений этих жанров сказывалось также усилившееся в этот период юго-западное влияние. Широко представлена в произведениях этого типа украинская и белорусская лексика (слова типа *згода, умова, оздоба, офера, оборонца, дедич* и пр.) [10].

Появляется большое количество искусственно созданных по греческим образцам сложных торжественных слов. Например, у переводчика Ф. Поликарпова — *разнопестровидный, разумодательный, верокрепительный*; у Кариона Истомина — *гордовысоковыйствовати, всевидо-*

Даниила Заточника", многих житиях оригинального происхождения, воинских повестях и некоторых иных произведениях происходит интенсивное смешивание древнерусизмов и церковнославянизмов, закладываются начала нового типа литературного языка, в котором происходит сплав разных языковых стихий» (*Филин Ф. П.* Об истоках..., с. 12).

[10] *Горшков А. И.* История русского литературного языка. М., «Высшая школа», 1969, с. 150.

миротворокружная и т. п.; в языке Епифания Славинецкого — *рукохудожествовать*, *тельцовлияние*[11]. Таким образом, для этого периода характерен процесс усиления «славянщины» в высоких жанрах светской литературы. Однако роль лексики такого рода, как и самих еллино-славянских стилей, в формировании русского литературного языка к концу XVII—началу XVIII в. заметно уменьшается. Ее употребление начинает постепенно замыкаться в рамках церковно-культовой литературы.

С другой стороны, наблюдается расширение функций книжно-славянской лексики. Многие славянизмы находят применение в новых жанрах письменности. Славянская лексика широко распространяется в таких жанрах светской литературы, как поэзия (вирши), драматургия, переводные повести и романы. Славянизмы проникают и в разные жанры деловой литературы (правовые документы и научная книга). «Церковнославянский язык, — замечает В. В. Виноградов, — начинает применяться к таким предметам и темам, которые в предшествующей литературной традиции нашли бы выражение или в формах делового языка или в формах просторечия»[12]. В этих жанрах славянизмы находятся в пестром смешении с собственно русскими лексическими элементами (часто народно-разговорного характера) и иноязычными вкраплениями. К. С. Аксаков об этом пишет: «Язык церковнославянский... не потерял своего отвлеченно-важного... значения; и так не изменившись еще с этой стороны, он становится орудием произвольных вымыслов, своими священными формами облекает шутки и насмешки; поразительно звучат в нем, резко противополагаясь с его характером и формами, тривиальные народные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности... Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающее состояние, указывает на новый порядок, на новую жизнь, уже ближущуюся и смутившую прежнее состояние»[13].

В Петровскую эпоху, начальный период становления высшей формы национального языка — национального

---

[11] Примеры взяты из кн.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, с. 11.

[12] Там же, с. 28.

[13] *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. — Собр. соч., т. II, ч. 1. М., 1875, с. 232.

литературного языка, процесс разрушения средневекового дуализма (двух письменных традиций) характеризуется еще с большей интенсивностью.

Славянизмы, одна из важнейших генетико-стилистических категорий русского литературного языка, претерпевают дальнейшее изменение, связанное с эволюцией всей структуры церковнославянского языка в целом, ослабление позиций которого, начавшееся во второй половине XVII в., в начале XVIII в. продолжается. Хотя еще по-прежнему в жанрах, обслуживающих потребности религии, и в высоких жанрах светской литературы употребляется архаическая славянская лексика, для широкого читателя, а в некоторых случаях и для профессионалов, она становится все больше непонятной. «Искусственная архаизация церковнославянского языка, начавшаяся с конца XIV в., очень отдалила его от русских языковых норм, в отдельных произведениях вплоть до полного непонимания со стороны малопосвященных. Ср. слова неизвестного автора в «Сатире» — сборнике поучений 1683—1684 гг.: «Не только миряне, но и некоторые из священников говорят, что переводы творений Златоустовых писаны на иностранном языке» [14]. В одном из своих доношений Синоду (9 января 1723 г.) Ф. Поликарпов пишет: «Книга Григория Богослова Назианзена с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянщизною, паче же рещи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают. А можно оную вновь превести удобнее, и неудобопроходныя стези в пути гладки устроить» [15].

Свидетельством непонятности многих высоких слов «словенского диалекта» могут служить синонимические переводы церковнославянизмов на русский язык в сочинениях Дм. Кантемира «Книга система, или Состояние мухамеданская религия» (1722 г.): *хранилище — магазин* или *житница*; *ветрило — парус*; *клятва — божба*; *косный — нескорый*; *овн — баран*; *ковчег — сундук*; *скала — каменная* гора и т. п.[16]

---

[14] *Филин Ф. П.* О языковой норме. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV засед. межд. комиссии по славянск. литературным языкам. 22—25 окт. 1974 г. М., 1976, с. 9.

[15] *Брайловский С.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии. — ЖМНП, ч. CCXVC. СПб., 1894, с. 31.

[16] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 73.

Таким образом, старый церковнославянский язык с его архаической славянщиной становится все менее пригодным для практических целей.

Языковая политика Петра и его ближайшего окружения в отношении высокой «словенской» лексики была последовательно направлена на сужение сферы ее применения.

Образцом литературного изложения в Петровскую эпоху считались переводы Посольского приказа, стиль которых отличался от церковнославянского витиеватого красноречия элементами живого разговорного языка. «Исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простым русским языком со всем усердием явися, и высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказа употреби слова», — писал И. А. Мусин-Пушкин Ф. Поликарпову, возвращая ему переведенную им Географию [17].

Однако ограничение употребления славянских лексических средств проходило противоречиво и сложно. В жанрах панегирического и драматического характера, в языке переводов, научных книг, беллетристики все еще встречаются высокие архаические книжнославянизмы типа *градъ*, *глас*, *здравие*, *брег*, *злато*, *сребро* (имеющие соответствия в русском языке) и такие, например, слова, как *глаголати*, *аз*, *кой*, *овый*, *сицевый*; *семо*, *овамо*, *днесь*, *обаче*, *абие*, *ащели*, *ащеже*, *егда*, *дондеже*, *аки* и др.[18] См. в «Акте о Колеандре и Неонилде»:

Божеския *глаголы* / слышим мы ужасны,
Яко гром гремящи, / от онаго страшны.
Се *подщимся* еще / жертвы приносити,
Случая бо *блага* от него просити,
Паки, жрецы пречеснии, / богу воспева'те,
Молитвенны *гласы* / ему возсыла'те.

Архаическую славянскую лексику можно встретить и в жанрах посадской, демократической литературы, если функционирование этой лексики было обусловлено содержанием произведений. Иллюстрацией могут служить отрывки из «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, где речь идет о духовенстве: Презви-

[17] *Тихонравов Н.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. 1. СПб., 1874, с. XIII.

[18] *Забродченко В. П.* Лексика русских повестей первой трети XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1956, с. 6.

теру подобает быть подобну апостолом христовым, чтоб они ни о *здравии* своем, ни о богатстве, ни о пище своей тако не пеклися, како о спасении душ человеческих, понеже бог всех погибших взыщет на них; А *егда* грамотники и всякого благоразумия научатся и книг божественнаго писания начтутся, то не то что раскольнику, но и лютору и римлянину, могут отпор дать и уста их заградить, понеже все они от истинного христианства совратились...

Однако все чаще авторы и переводчики Петровской эпохи отдают дань употреблению этой архаической книжно-славянской лексики, главным образом как традиционному мерилу литературности языка.

Наряду с ограничением функционирования книжнославянских слов в Петровскую эпоху наблюдается и противоположный процесс, начавшийся уже во второй половине XVII в., — расширение сферы применения жизнеспособных славянских лексических элементов, которые выходят далеко за пределы традиционных жанров и проникают в светские жанры повествовательной, публицистической, художественной, научной, эпистолярной и переводной литературы, где они тесно соприкасаются с собственно русской лексикой (в том числе и со словами народной речи) и заимствованиями. Многие из этих славянизмов прочно вошли в состав литературной лексики и стали единственными или основными номинациями, не имеющими тождественных по значению русских эквивалентов. Большинство таких слов обозначает отвлеченные понятия: *жизнь*, *болезнь*, *боязнь*, *союз*, *нужда*, *возраст*, *празднество*, *праздник*, *срам*, *предел*, *препона*, *сладость*. Сюда же относятся слова со значением отвлеченного действия, например *заблуждение*, *благодарение*, *благословение*, *прегрешение*, *запрещение*, *посещение*, *рождение*, *уединение*, *хождение*, такие слова, как *здравствовать*, *хранить*, *владеть*, *утвердить*, *принуждать*, *понуждать*, *рассуждать*, *преодолеть*, *прельстить*;[19] *возвращать*, *заблуждаться*, *наслаждаться*, *смущать*, *надежда*, *одежда*, *краткий*, *призрак*, *враг*, *разный*, *влажный* и мн. др.

Расширение сферы употребления славянской лексики проявляется и в семантическом приспособлении некоторых славянизмов для обозначения новых терминологи-

[19] Там же, с. 5—6.

ческих смыслов в сфере отвлеченных понятий (см. об этом в главе «Некоторые тенденции семантического развития славянских, собственно русских и заимствованных слов»).

В сложном и длительном процессе становления норм национального литературного языка и формирования его лексической системы языку деловой письменности принадлежит особая роль[20]. Деловой язык в эпоху средневековья включал в себя язык частных и государственных договоров, юридических и правовых актов, административной и частной переписки. Однако политическое и культурное развитие Русского государства во второй половине XVII в. вызывало необходимость дифференциации деловой речи. «Деловой язык, выработавшийся по преимуществу на материале юридических актов и договоров, затем стал употребляться значительно шире, на нем писались мемуары, исторические и географические сочинения, поваренные книги, лечебники, руководства по ведению хозяйства и др.»[21]. Во второй половине XVII в. деловой язык, таким образом, представляет развитую полифункциональную систему[22]. Наметившееся во второй половине XVII в. расширение сфер употребления делового языка в Петровскую эпоху протекает более интенсивно. В этот период деловой язык обслуживает самые разнообразные сферы: научную, техническую, юридическую, а также собственно литературные жанры (публицистические произведения и газеты).

Вместе с расширением функций делового языка, начиная со второй половины XVII в., усиливается и роль собственно русской лексики — основного лексического слоя деловой речи[23]. В литературный язык этого периода вливаются слова народной речи, наиболее

---

[20] «Хорошо известна роль языка московских приказов в формировании норм русского языка, органически вошедших позже в систему норм современного русского литературного языка» (*Филин Ф. П.* Об истоках..., с. 9).

[21] *Виноградов В. В.* Русский язык. — БСЭ. 2-е изд., т. 37, с. 433.

[22] См. об этом: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII в. Изд-во МГУ, 1974, с. 7.

[23] «В основе языка деловой письменности лежит народная древнерусская речь, церковнославянизмы в нем встречаются спорадически, прежде всего в формулах зачина и других торжественных местах» (*Филин Ф. П.* Об истоках..., с. 5).

активной сферой проникновения которых становятся жанры деловой письменности и развивающиеся жанры демократической литературы. В них употребляются слова конкретно-бытового характера, связанные с описанием повседневной жизни простых людей (типа *изба, кляча, мутовка, плошки, хлев, амбар, полати*; *баба, брюхо, девка* и под.), и слова ярко выраженного экспрессивного характера (типа *рыло, рожа*; *вертаться, пужаться*). Слова народной речи проникают и в язык драматических произведений, написанных типичным «словенским» языком. Однако ввод их в эти жанры стилистически мотивирован, и они употребляются лишь в речи комических персонажей; например, в драме «Юдифь»: [Сусаким] Аз есмь вещь, кая деревенским мужиком досаждает *пущи тараканов*, но имяни мне нет[24]. В комедии «Амфитрион»: [Сось] Бес ли то, или человек? Смертная боязнь душу мою угасила. Однакож за что так дрожу? Авось иногда столько жь у него страсти в сердцы, как и у меня; Авось он так баско ('красиво' — *К. С.*) говорит, чтобы я догадался, что он боится. В драме «Алексей, божий человек» [Слуга]:

Слуги посланы от Евфимиана
Не за потехою до нашого пана
И до славного Риму ся *вертаем*
Бо Алексея с собою не маем.

Употребление этой лексики в жанрах, ранее для нее недоступных, свидетельствует о начавшемся разрушении прежних норм словоупотребления.

Наметившийся во второй половине XVII в. процесс вовлечения в литературный язык слов народной речи в Петровский период активизируется. Если в языке XVII в. народная лексика функционировала в основном в жанрах демократической литературы и главным образом в сатирических произведениях, то в языке Петровской эпохи она находит широкое применение в самых разнообразных литературных памятниках. По-прежнему наиболее проницаемыми в этом отношении являются жанры демократической литературы. Как и во второй половине XVII в., в эти жанры вовлекается лексика конкретно-бытового характера, например существительные типа *поставец, ковш*,

---

[24] Здесь и далее примеры из драматических произведений конца XVII в. цит. по кн.: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. 1—2. СПб., 1874.

чашка, *бочка*, *тын*, *плетень*. *заступ*, *чулки*, *штаны*, *сорочка*, *исподница*, *стежка*, *тропка*, *буерак*, глаголы типа *тужить*, *проведать*, *толковать*, *недомогать*, *познаться*, *обмирать*, такие наречия, как *беспамятно*, *неведомо*. Целый ряд слов характеризуется экспрессивной окрашенностью: *лай* 'ругань', *дурак*, *хрыч*, *бестия*, *каналья*, *харя*, *таскаться*, *жрать*, *поносить* 'ругать'.

Употребление лексики такого рода становится все более активным. Широкое применение народной лексики находим в повестях Петровской эпохи, например в отрывке из повести «Гистория о Российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»: Нога об ногу замками постукал и, обошед их, поклонился и выставил *бочку* вина, всем по *ковшу* поднес; И ходя по брегу на многие часы, усмотрел как бы ему куда *пройтись* к жилищу и ходя нашел маленькую *тропку* в лес, яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та *стежка*: ежели пойдти, то зайдти неведомо куда; и потом размышлял на долг час и, положась на волю божию, пошел тою стежкою в темный лес тридцать верст к великому *буераку* [25].

Слова народной речи нередки и в мемуарной литературе, они проникают в указы и официальные письма, довольно широко употребляются и в переводной литературе, особенно в тех произведениях, которые посвящены бытовой «житейской» теме. Многочисленна такая лексика, например, в книге «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению»: Сиди прямо и не *хватай* первое в блюдо, не *жри* как свинья, и не дуи в ушное, чтоб везде брызгало, не *сопи*, егда яси; Над ествою не *чавкай*, как свиния, и головы не чеши.

Если во второй половине XVII в. употребление народных слов в языке драматических произведений было довольно ограниченным и стилистически обусловленным, то в драматические жанры начала XVIII в. слова народной речи вливаются более широким потоком и употребляются наряду со славянской лексикой независимо от характера контекста. Таково, например, употребление народных слов в переводной драме «Акт о Колеандре и Неонилде»:

[Атигрин] *Пособи* нам ныне / от змия избыти,
Зле его убити

---

[25] Русские повести XVII—XVIII вв., т. 1. Под ред. и с предисловием В. В. Сиповского. СПб., 1905, с. 111.

Из моря выходит, / людс' поядает,
Горко умерщвляет. /
От сего в печали / весьма отягченный
Ум наш помраченный

[Сенатор I] Вашему величеству / сие аз сказую,
Что *вчерася* слышал, / то вам возвествую.
Слышал аз чрез куранты, / что Диаида едет,
Надеюсь, сегодня / она к вам приедет

[Целюдор] Черьт ли твои слушает / глупы разговоры,
Яже ты *болтаеши* / сия *забабоны.*
Лаешь, как собака / на меня напрасна,
Как бо учинилася / такова ты власна.

[Тигрина] Что се за *чучела* / и *дурная рожа?*
Вот какая *харя,* / экая пригожа
Хоть смерть приму, / не хощу аз быти,
Чтобы псу смердящему /женою мне слыти.

Такое смешение книжно-славянских и народных лексических языковых средств указывает на интенсивное расшатывание основ старого славянокнижного языка.

Народная лексика экспрессивного характера проникает также в ораторскую речь, где авторы ее используют в целях воздействия на слушателя или читателя. Примером может служить отрывок из проповеди Ф. Прокоповича: Когда слух пройдет, что государь кому особливую свою являет любовь, как вси возмятутся, вси к тому на двор, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тот службы его исчисляет, которых не бывало, тот красоту телу описует, хотя прямая *харя*, тот вводит рода древность из-за тысячи лет, хотя бы был харчевник или пирожник... А с тем, кто в такое добро *вбрел*, что делается, тот уже и сам себя забыв кто он, не ведомо что о себе мечтает [26].

Постоянно употребляются народные слова и выражения также и в сатирах А. Кантемира: вот пример из Сатиры 1 (1729 г.):

И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мрамором саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

---

[26] Цит. по: *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 77.

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою.

Таким образом, тенденция к проникновению в литературное употребление слов живого народного языка, наметившаяся уже во второй половине XVII в., в исследуемый период начинает проявляться сильнее. Разумеется, не все слова народной речи, встречающиеся в письменных памятниках этой эпохи, вошли в его лексический состав и укрепились в нем. Однако сам факт употребления их в разнообразных в жанровом отношении памятниках свидетельствует об интенсивном взаимодействии славянской и собственно русской лексики, в результате которого происходило тесное сближение двух норм языкового выражения: церковнославянского и собственно русского языка, противопоставленность которых, характерная для более ранних периодов развития языка, в этот период все чаще нарушается. Границы употребления книжно-славянских и собственно русских лексических элементов, ранее строго определенные, начинают стираться. То, что раньше являлось элементами различных языковых систем и обусловливалось жанром произведения, в Петровскую эпоху все чаще смешивается в пределах одного произведения. Примером этого может служить отрывок из «Юности честного зерцала»: *Младыи* отрок да не будет пересмышлив, или *дурацким* шуткам за обычаен; и сия есть не малая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чхает.

Особенно показательно употребление собственно русских и книжно-славянских синонимов в однотипных контекстах, например в «Гистории о храбром Российском кавалере Александре»: И писмо оное [Александр] обявил Элеоноре, которая виде нахалство Едвиг Доротеина, сожалея сердцем, что Александру ездить по *граду* волю дала... (с. 137) и далее: На утре Александр поехал за *город* гулять (там же).

Различные функционально-стилистические перемещения в русском литературном языке Петровской эпохи, взаимодействие двух генетико-стилистических стихий были тесно связаны с процессами

обогащения словарного состава этого времени, а также с разнообразными семантическими преобразованиями слов разных генетико-стилистических пластов.

Пополнение лексики словообразовательными неологизмами — важнейший лексический процесс в любой из периодов развития языка. Однако степень интенсивности обогащения лексики в каждый период не всегда одинакова. «Есть эпохи в истории языка, когда в силу как внешних, так и внутренних причин образование новых слов становится особенно активным, и за относительно ограниченный срок лексическая система языка включает в себя большое число неологизмов»[27]. Именно такой явилась Петровская эпоха, когда преобразования, коснувшиеся самых различных сторон жизни русского государства, обусловили необычайную активность этого процесса и привели к появлению в языке многих новых слов.

Одним из ведущих языковых процессов этого времени было обогащение словарного состава русского литературного языка иноязычной лексикой. Если для второй половины XVII в. мы еще не можем говорить о значительном влиянии заимствований на формирование словарного состава, то для XVIII в., и в частности для Петровского периода, это один из важнейших моментов его развития[28]. В эпоху бурных преобразований во всех сферах общественной, государственной жизни, просвещения и быта вместе с новыми предметами, явлениями и понятиями в русский язык приходят и новые слова. Именно с конца XVII—начала XVIII в. входит и закрепляется в лексической системе языка огромное количество заимствованных слов.

Петровская эпоха — этап, положивший начало важным семантическим изменениям в лексике. Развитие производства, ремесел, науки, культуры и связанное с этим формирование новых понятий вызвало необходимость использования для их обозначения не только новых языковых средств (заимст-

---

[27] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., «Наука», 1965, с. 180.

[28] «В XVIII в. русский литературный язык претерпел значительные изменения, в частности под воздействием западноевропейских языков» (*Филин Ф. П.* Об истоках..., с. 4).

ваний и новообразований), но также и старых (славянских и собственно русских). Это приспособление уже имеющихся в языке лексических средств к новым общественно-культурным потребностям связано с определенными семантическими процессами в кругу славянской и русской лексики. «Вхождение» заимствований в русский язык этого периода также сопровождалось определенными тенденциями их семантического развития и характеризовалось рядом специфических черт их освоения лексико-семантической системой языка.

ОБОГАЩЕНИЕ ЛЕКСИКИ

Петровские преобразования, как уже отмечалось, способствовали появлению в языке новых речевых средств, призванных обслуживать все возрастающие потребности в области техники, науки, культуры и искусства. Словарный состав этого периода пополняется многими новыми словами. Его обогащение происходит в основном двумя путями: путем словопроизводства на собственно русской почве и путем заимствования иноязычной лексики.

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИКИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ НЕОЛОГИЗМАМИ

В формировании лексической системы Петровской эпохи новообразованиям принадлежит значительное место. Они были одним из основных источников пополнения словарного состава языка. Именно в этот период активизируются многие словообразовательные модели, продуктивность которых сохраняется в последующие эпохи вплоть до наших дней.

1. Наиболее продуктивными словообразовательными типами, действующими в этот период, и характерными особенностями словообразования этого времени являются следующие [29].

[29] В данном разделе рассматриваются лишь некоторые, наиболее продуктивные словообразовательные модели и активно пополняющиеся группы новообразований в кругу имен существительных и прилагательных. В нем широко использованы материалы картотеки ДРС, материалы и их интерпретация, содержащиеся в книге Мальцевой И. М., Молоткова А. И., Петровой З. М. «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» (Л., «Наука», 1975).

1) В конце XVII—начале XVIII в., как и в более ранние периоды развития языка, живой и обширный разряд новообразований составляют отвлеченные существительные с древнейшим словообразующим формантом *-ние*[30] (ср. *вырезание*, *доставание*, *подымание* и др.). В этот период продуктивным становится и образование отвлеченных существительных с суф. *-ость* (*вежливость*, *осторожность*, *угрюмость* и др.). Суффикс *-ость* употреблялся в русском языке и в ранние периоды его развития, однако, как отмечают исследователи, продуктивность его была невысокой. Активизация образований с этим суффиксом начинается в XVI—XVII вв.[31] К концу XVII—началу XVIII в. под воздействием украинского и белорусского языков употребительность этой словообразующей модели значительно увеличивается[32]. «Конец XVII в. и можно считать датой начала той исключительной продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, которая отмечается для современного русского литературного языка. Именно в конце XVII—начале XVIII в. суффикс *-ость* в литературном языке Московского государства выдвигается на положение монопольного продуктивного словопроизводственного элемента, оттесняя все более все остальные»[33].

В кругу отвлеченных существительных распространены новообразования и с суф. *-ство* (*воровство*, *герой-*

---

[30] Наиболее продуктивным суффиксом в области образования отвлеченных имен существительных в древнерусском и старославянском языках был суффикс *-ние(нье)*. См. об этом: *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — Уч. зап. Ленинградск. гос. пед. ин-та, 1949, т. 80, с. 88.

[31] *Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т.* Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., «Наука», 1974, с. 105.

[32] *Шанский Н. М.* Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953, с. 48. См. об этом же: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 188; *Мальцева И. М.* Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. (На материале однокоренных параллелей *-ость*, *-ство* и *-ость*, *-ие*). — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.—Л., «Наука», 1966, с. 261; *Попова В. А.* Словообразование имен существительных в русском литературном языке первой трети XVIII века. Канд. дис. Одесса, 1956, с. 94.

[33] *Шанский Н. М.* О происхождении и продуктивности суф. *-ость* в русском языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. Изд-во МГУ, 1959, с. 128.

ство, *мотовство* и т. д.). Однако они менее употребительны, чем имена на *-ние* или *-ость*.

Существительные с суф. *-к(а)* (*отсылка*, *остановка* и др.) «представляют собой достаточно новое явление в языке: в древнерусский период они были единичны, по свидетельству... памятников в XV—XVII вв. количество их возросло»[34]. В Петровскую эпоху активность этого суффикса еще больше увеличивается, но все же он менее продуктивен, чем, например, суф. *-ние*.

Возрастает продуктивность существительных, называющих действующее лицо, с суф. *-тель*. Их широта употребления в рассматриваемый период объясняется активизацией соединения суф *-тель* с основами собственно русских глаголов[35] (см. об этом более подробно ниже).

Среди прилагательных в начале XVIII в. продуктивными становятся слова с суф. *-ск-/(е)ск-* (*изменнический*, *мяснический*, *посланнический*, *сапожнический*, *ученический*, *харчевнический*, *рекрутский*, *бомбардирский*). Расширяется словообразовательная база прилагательных с суф. *-тельн-*: если до XVIII в. эти прилагательные образовывались в основном от глаголов абстрактной семантики, то в начале XVIII в. в их производящую базу входят и глаголы конкретной семантики (конкретного действия), например: *заливательный*, *качательный*, *сожигательный*.

Для начала XVIII в. характерна и такая словообразовательная модель, как отглагольные прилагательные с суф. *-ем/-им* (*делимые*, *неделимые* (числа), *раздражаемый*, *нераздражаемый* (о материи)).

Довольно значительную группу новых слов этого периода составили прилагательные с суф. *-н-* и *-ов-*, образованные от иноязычных существительных (*корпусный*, *магазинный*, *сульфурный*, *бомбардирный*, *провиантовый*, *металловый* и др.).

2) С конца XVII—начала XVIII в. значительно расширяется словообразовательная база. Так, широко вовлекается в словопроизводство этого периода собственно русская (в том числе и народная) лексика, что свидетельствует о все более возрастающем ее влиянии на формирование русского литературного языка (вхо-

[34] *Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т.* Суффиксальное словообразование существительных..., с. 173.

[35] См. об этом: *Попова В. А.* Словообразование имен существительных..., с. 117.

дят в употребление, например, такие слова, как *мотовство*, *нахальство*, *плутовство*). Интенсивно включаются в словопроизводство и заимствованные слова.

Для Петровской эпохи симптоматично начинающееся в словах объединение словообразующих элементов, различных по своему генетическому составу, что станет позже столь обычным явлением. Так, например, суф. *-тель*, более характерный в древний период для церковнославянского языка, в конце XVII—начале XVIII в. соединяется с основами не только славянских слов, но и собственно русских: *оберегатель*, *оборонитель*, *нарушитель*, *вручитель*[36].

В начале XVIII в. появляется ряд новообразований на *-ство* от иноязычных основ (*адмиралтейство*, *герцогство*, *баронство*, *аббатство* и др.). От иноязычных основ при помощи русских суффиксов *-н-* и *-ов-* образуется и ряд прилагательных (*патронный*, *бастионовый*, *гипсовый*, *гарантийный*). Такое объединение в словах русских и заимствованных морфем свидетельствует и о другом процессе этого периода — об усвоении русским литературным языком многих иноязычных слов.

3) Характерная особенность словопроизводства конца XVII—начала XVIII в. — необычайно сильная вариантность лексических образований, вызванная неупорядоченностью языковых норм того времени. Многие словообразовательные параллели по своему лексическому значению были дублетами. Так, в кругу отвлеченных существительных со значением конкретного действия как словообразовательные дублеты выступают слова с суф. *-ние*, *-к*(а) (*убавление — убавка*, *подливание — подливка*), со значением отвлеченного действия — слова с суф. *-ствие* и *-ство* (*пророчествие — пророчество*). Как варьирующие слова с идентичным лексическим значением употребляются и существительные с суф. *-ость* и *-ство* со значением качества, свойства, признака (*бесстыдность — бесстыдство*, *свирепость — свирепство*, *смелость — смельство*, *глупость — глупство*). В кругу прилагательных функционировали в это время синонимичные параллели с суф. *-н-* и *-ск-* (*рекрутный — рекрутский*, *слесарный — слесарский*, *бомбардирный — бомбардирский*, *флотный—флотский*). Прилагательные с суф. *-ийск-* (*-ейск-*) и *-ск-* тоже выступали как словообразовательные дублеты (*артиллерий-*

[36] Там же.

ский — артиллерский, канцелярийский — канцелярский, компанейский — компанский). С тождественным лексическим значением могли употребляться и однокоренные параллели с суф. *-н-, ов-* (*провиантный — провиантовый, лентный — лентовый, крокодильный — крокодиловый*).

2. Наибольший интерес в истории словообразования с лексикологической точки зрения представляет рассмотрение наиболее активно пополнявшихся лексико-семантических и тематических групп слов.

1) Значительную группу в новообразованиях этого периода составляют отвлеченные существительные (как суффиксального, так и безаффиксального образования) со значением конкретного действия. Широкое употребление среди слов этой группы получили новообразования с суф. *-ние* (*-ание, -ение*) [37].

Неограниченные возможности сочетания суф. *-ние* с основами самых различных по значению глаголов делали состав этой группы по лексическому значению крайне неоднородным: *вырезание, дополнение, доставание, запирание* 'закрывание', *накрывание, закрывание, оборачивание — оборот* [38], *отпирание, перевертывание, убавление, убирание, подымание, разбивание — разбор, развязывание, разливание, толкание*. В начале XVIII в. появляются новообразования с суф. *-ние* от иноязычных глаголов на *-ировать-*: *ретирование, баллотирование, пунктирование, дезертирование, командирование, квартирование, буксирование, атакирование, минирование* и др.[39]

---

[37] Исследователи, занимающиеся изучением словообразования этого периода, указывают на необычайную продуктивность суффикса *-ние*. См. об этом: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 113 и след.; *Никитинская Р. П.* Аспектуальные значения глаголов и продуктивность образования существительных на *-(е)ние, -тие* литературного языка первой трети XVIII в. — Уч. зап. Казанск. пед. ин-та, вып. 96. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Сб. 7. Казань, 1971, с. 75—81; *Она же.* Отвлеченные существительные с суффиксами *-ни-е, -ени-е, -ти-е* в литературном языке петровской эпохи. — Уч. зап. Кемеровск. гос. пед. ин-та, вып. 5, 1962, с. 46; *Попова В. А.* Словообразование имен существительных..., с. 117.

[38] Здесь и далее через тире даются словообразовательные дублеты.

[39] Первая фиксация ряда подобных слов в памятниках первой половины XVIII в. отмечена в кн.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., «Наука», 1972 (*бальзамирование, анатомирова-*

Отвлеченные существительные со значением конкретного действия могли быть оформлены и при помощи суф. *-к(а)*. Однако эти новообразования были менее продуктивны: *добавка*, *ломка*, *наступка*, *повязка*, *присылка*, *остановка*, *отсылка*. В текстах этого периода зафиксированы существительные безаффиксного образования: *доступ*, *отпуск* (товара).

Рассматриваемые существительные функционируют в основном в текстах официально-деловой и научной речи, однако они могут употребляться и в языке художественных произведений. В текстах такие существительные, образованные от переходных глаголов, как отмечают исследователи, чаще встречаются с объектом в форме родительного падежа, но для них характерно также и абсолютивное употребление [40]:

И таковым за преступление... надлежит чинить смертная казнь или вечная на галеру ссылка с *вырезыванием* ноздреи и отнятием всего имения (Зак. Петра I, 1720 г. — ДРС); С корабля Унгермонландии, в 22 день июня, от Ревеля при *подымании* якоря [писано письмо] (Переп. Петра с Екат., 1719 г. — ДРС); При *подымании* с места, на судне Его Величества били в барабаны поход и выстрелено из 3-х пушек (Пох. журн., 1722 г. — ДРС); Надобно прежде радеть познать ту реку, движении ее, всю длину течения, *разливании* оной реке (Водохожд. рек, 1708 г. — ДРС); И ежели оные [письма] придут в присутствие в Коллежии государственных канцлера и подканцлера, то имеют они их распечатать сами и отдать ради *разбирания* секретарям, кому которые надлежит (Зак. Петра I, 1715—1725 гг. — ДРС); И при том их *ретировании* токмо авангвардия дацкого флота случаи имела неприятелскую ариергвардию в погоне атаковать (Вед., вып. 2, 1712 г., ноябрь); Также в чины вышние выбирать *баллотированием* же (ПСЗ, т. V, 1718 г., § 3264); А по справке в Канц. Сената оказалось, что в оной губернии состоит налицо 3.759 рекрут, 1.049 лошадей и за *отсылкою* требуемаго числа людей и лошадей будет в остатке людей не 3,404, а 3,091 (Докл.

ние, блокирование, бомбардирование, вольтижирование, иллюминирование, канонирование, лавирование, маршрование, моделирование, мундирование, патрулирование, полирование, сальвирование, сортирование, транспортирование).

[40] *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 122.

в Сенате, I, 1711 г. — ДРС); Надлежит иметь заранее довольное число денег дабы какой *остановки* в войне не учинилось (Верх. Т. Сов. I, 1726 г. — ДРС); И что сия *наступка* поудержитца, ибо вдвое природных Шведов пропало, нежели король имеет (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.).

Среди существительных со значением конкретного действия выделяется группа слов — названий различных трудовых процессов. В языке XVII в. имена действия с этим значением использовались довольно редко. В конце XVII—первой трети XVIII в. число их значительно увеличивается. Это связано с тем, что развитие ремесел и промышленности вызвало необходимость новых средств номинации. Многие из таких слов были принадлежностью терминологических сфер[41], другие находили более широкое применение.

Существительные с суф. *-ние*: *бракование*, *глажение*, *мерение*, *мягчение* (кожи), *нагревание*, *обивание*, *печатание*, *разрезание*, *рубление*, *сгущение*, *чесание*:

Для *бракования* и откупу той икры иноземцев и русских людей по многим посылкам к торгу никто не явился (Докл. в Сенате II, (I), 1712 г. — ДРС); Тот вышеозначенный котел надобно в летнее время для варенья досок в соли ко *обиванию* корабля (Там же — ДРС); Для *печатанья* отписок... дана ему... печать медная (ДАИ VII, 1680 г. — ДРС); Чтоб оные ремесленные люди того стапа каждой во всяком деле производил к лутчему как в *чесанье*, так и в пряже, и в тканье сукон (Сукон. Дв., 1722 г. — ДРС); Потребна бо есть землеописателем и всяких размеров художником в строении зданий и *мерений* житниц (Арифм. Магн.).

---

[41] «В истории языка появление возможности выражать производственные процессы отвлеченными именами, свободными от конкретных грамматических значений, означало дальнейшее совершенствование технической терминологии, формирование терминологии в современном смысле слова, предполагающем высокую степень абстракции и именной способ передачи понятий о качествах и действиях. Ранней терминологии так же, как и народно-профессиональной речи, присуще выражение производственных действий при помощи глагола» (*Щеглова Н. А.* Имена действия в техническом языке оружейно-железоделательного производства XVII—XVIII веков. — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1964, т. 148, вып. 10. Русский язык, с. 314).

Существительные с суф. *-к(а)*: *вывеска, выливка — выливание, выделка* (кожи), *обтирка, ожимка, оковка, отделка, подливка — подливание, поливка, починка, развёрстка, размётка, рубка*:

Того ж числа выдано мезенскому бурмистру Панфилу Трофимову для *выливания* из судов воды шесть шаек (Кн. расх. чаронск. бурм. № 85, л. 37, 1710 г. — ДРС); Ныне в зимнее время для *выливки* из тялок воды 100 (Докл. в Сенате III, 1, 1713 г. — ДРС); За *выделку*... кожи ему... заплачено... будет из доходов академических (Мат. ист. АН I, 1725 г. — ДРС).

2) В этот же период происходит расширение, хотя в значительно меньшей степени, чем предыдущей, группы существительных со значением отвлеченного действия и состояния. Широкое распространение среди таких новообразований получили существительные с суф. *-ство*. Возможны были и иные суффиксальные образования (с суф. *-ние, -ость, -к(а)*), но они употреблялись значительно реже.

Существительные этой группы обозначают главным образом действия, поступки человека, определенным образом характеризуют его поведение: *воровство, геройство, дурачество, зверство, ласкательство* 'подхалимство', *молодечество, мотовство, мужичество, нахальство, озорничество, плутовство, тиранство, шутовство, ябедничество*; *ободрение, хвастание*; *оплошность — оплошка*:

Геркулей, кой был в народе славны своем *геройством*, убил седмиглавного змия; и та ему слава приписуется вечно (ПБП, III 1704 г.); И, мне видитца, от такова порядка и *озорничества* поубудет (Посошк., Кн. о скуд. и богат.); Куды *мотовство* завелося в людях (Кант., Сат. III); Взяли мы Азов своею храбростию и *молодечеством* (Азб. II, к. XVII в. — ДРС); Я удивляюс; како бы вошло в чью мысл, чтоб чужую власт *нахалством* отнят (Ист. о Алекс.); Обоче *нахалством* и лукавым смирением чуждые труды поядают (Дух. регл.); Шведы неописанные *тиранства* в Саксонии чинят (ПБП, т. V, 1707 г.); Понеже ябедники *ябедничеством* своим и многословием и самую правду заминают (Посошк., Кн. о скуд. и богат.).

3) Значительно пополняется группа отвлеченных имен существительных со значением качества, свойства, признака, состояния.

Наиболее продуктивной словообразовательной мо-

делью здесь становятся имена существительные, образованные от основ качественных прилагательных с суф. *-ость*. Именно с этого времени отчетливо проявляется перспективность развития этой группы слов.

Со значением отвлеченного качества, свойства, состояния в исследуемый период встречаются образования с суф. *-ство* и *-ствие*, однако их продуктивность уже значительно уменьшается. В источниках начала XVIII в. можно найти и существительные с суф. *-изн-а*, *-ота*, *-ина*, но их употребление крайне редко.

Лексические значения слов с отвлеченным значением качества, свойства, признака, состояния чрезвычайно разнообразны. Активнее других пополняются следующие тематические группы.

а) Слова, значения которых связаны с характеристикой человека: с его внутренним миром (поведением, психикой, эмоциональным состоянием), внешним видом, физическим состоянием. Таковы новообразования: *бесстыдность — бесстыдство*, *беспокойность*, *вежливость*, *вероломство*, *говорливость*, *глупость — глупство*, *доброхотность — доброхотство*, *искренность*, *любопытность*, *молчаливость*, *невежливость*, *нежность*, *привередливость*, *приветливость*, *приличность*, *неприличность*, *сварливость*, *скрытность*, *смелость — смельство*, *суровость*, *угрюмость*; *обходительство*, *фальшивость — фальшивство*; *бледность*, *дряблость*, *смуглость*, *сутулость*, *худощавость*, *неповоротливость*, *проворность*, *резвость*, *сонливость*. Например:

Все сие от *искренности* моея поведав (Ист. царств. Петра. В., 1718 г.); Дабы впредь помянутых офицеров с *вежливостию*, надлежащею их характеру принимать и трактовать (Докл. в Сенате, II, (2), 1712 г. — ДРС); Не только телом, но и *вероломством* хромый (Прокоп., Сл. и речи); Но цезарь их всех отпустил и удоволил их своим *обходителством* честно (О воин. Цез., 1711 г. — ДРС).

Показательны примеры функционирования дублетных новообразований с суф. *-ость и -ство*: *доброхотность — доброхотство*:

А мы, великий государь, наше царское величество, изволим ту вашу *доброхотность* иметь у себя в почитании (ПБП, т. 1, 1696 г.): Ученицы великое ко учению возъимеют *доброхотство* (Дух. регл., 1721 г.); *глупость — глупство*: С духовными должны дети везде благочинно, постоянно, учтиво и вежливо говорить, а *глупости* ни-

какой не предъявлять (Юн. честн. зерц.); Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересеи, ибо кроме древних от гордого *глупства*, а не от учения бесновавшихся еретиков Валентинов, Манихеов, Кафаров, Эвхитов, Донатистов и прочих (Дух. регл., 1722 г.); Каково же и се *глупство*, не знаети добра настоящего, да ожидати познания, когда добра лишимся (Прокоп., Сл. и речи, ч. III) [42]; *смелость — смельство*: А неприятельские люди то увидя, наибольшую *смелость* приняв, презелно устремясь, напирают, и тех наших великого государя ратных людей они неприятельские люди в бегство обращают (Пам. Сиб. ист. 1, 1702 г.); Был неки знатьнь дворянин... добронравием, *смелством*, храбростию и удчивством зело украшен (Ист. о Алекс.) [43].

б) Слова, значения которых связаны с характеристикой предметов и явлений (качеством, физическим признаком, состоянием): *гибкость, гладкость, жирность, зеленость, легкость, ломкость, суковатость, складность, тупость*; *желтизна*.

в) Слова с широким значением отвлеченного признака. Существительные подобного рода характеризуют самые различные отношения: временные, пространственные и др.: *всегдашность, близость, дальность, пограничность, несходность, мерность, безмерность*. Например: И тако не толь о происхождении рек, как источников о начале и *всегдашности* вопрос есть (Геогр. ген.); Некоторое государство в Европе так от трех частей *пограничностью* земли не имеет (Арх. Курак., кн. III, 1705 г.).

Новообразования с широким отвлеченным значением качества, свойства, признака чаще отмечаются в произведениях публицистического характера, научных, разных видах деловой переписки и т. п. В художественной литературе они более редки и обозначают преимущественно качества человека.

4) Пополняется в этот период группа конкретных существительных — названий лиц по разнообразным признакам: по занятиям, профессии, по характеру поведения, поступкам, по производимым ими действиям. Для этих новообразований характерен в основном суффиксальный способ образования (суффиксы *-щик*, *-чик*,

[42] Примеры см.: *Мальцева П. М.* Из наблюдений над словообразованием..., с. 263.
[43] См. там же, с. 261.

-ник, *-ик*, *-тель*, редко *-ец*, *-к(а)*). Появляются слова, образуемые безаффиксным способом и путем словосложения, но такие примеры довольно редки.

а) Названия лиц по занятиям, профессии: *браковальщик*, *лавочник*, *литейник — литейщик*[44], *оружейник*, *подводчик*, *резчик*, *трепальщик*, *чесальщик*, *щёточник*; *землемер*:

А по указанной цене к ним никто для продажи щетины не привозит и с посланным отъ нихъ *браковальщикам* не продают (Докл. в Сенате III, 1713 г. — ДРС); Оное вывозное сало опредѣленными при императорскихъ таможняхъ приежными *браковальщиками* прежде браковано (Верх. т. Сов. V, 1728 г. — ДРС); Алексею Александровичу дано от *литейника* что он платил на Москве от переплету три алтына две деньги (А. О. П-Р-К мон. казн., 1692 г. — ДРС); В прошлых годах делали чеканы монетного серебряного двора кузнецы, а вырезывал того ж двора *рещик* (Докл. в Сенате II (1), 1712 г. — ДРС); А не тех городов... высылано было работников по 4.586, *подвотчиков* с подводы по 2.203 человека (Петр, IV — ДРС); Землемеру быть же в каждой провинции для чертежей (Зак. Петра I, 1718 г. — ДРС).

Употребление рассмотренных существительных ограничено в основном памятниками деловой письменности.

В начале XVIII в. для названий лиц по профессии были характерны, как и в XVII в., составные обозначения со словом *мастер*[45], например: *игольные мастера*, *канатные мастера*, *медные мастера*, *ножовые мастера*, *оловянные мастера*, *портные мастера*, *пуговичные мастера*, *рукавишные мастера*, *скатертные мастера*. Иногда в такое сочетание включается слово *дело*, например: *жестяного дела мастера*[46]. В дальнейшем наблюдается тенден-

---

[44] До начала XVIII в. в этом же значении, как указывают исследователи, употреблялось слово *литец*, которое выходит из употребления к концу века (см.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., «Наука», 1970, с. 231).

[45] См. об этом: *Котков С. И.* Очерки..., с. 240; *Прокопович Е. Н., Хохлачева В. И., Шелихова Н. Т.* Суффиксальное словообразование существительных..., с. 39.

[46] Примеры взяты из «Росписи мастеровым людям, в старом и новом городе Элбинге обретающимся», приложенной к письму Петра Великого А. Д. Меньшикову 6 марта 1711 г. (в кн.: Письма и бумаги Петра Великого, т. 11, вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 134—135).

ция к замене подобных составных обозначений одним именем существительным.

б) Названия лиц по поведению, поступкам, по характерным признакам: *спесивец*, *скупец*, *мот*, *неуч*, *щеголь*, *знаток*, *самоучка*, *тупица*. Большинство таких слов относится к народной речи, и некоторые из них имеют экспрессивно-оценочный характер. Основная сфера их употребления — такие жанры художественной литературы, как повести, драматические и сатирические произведения, интермедии. Подобные существительные можно встретить и в официально-деловой речи — в документах, донесениях, указах и т. п.; однако здесь они встречаются значительно реже:

Где ты, *мот* девал столко добра? И другов погубил! (Ав. Кн. Бес., — ДРС); А он Островский сказал, что де он не пьяница и не *мот*, и в шинки не ходит (Док. нем. шк., 1713 г., — ДРС); Изобрали они [стрельцы-раскольники] себе предводителем князя Хованского, ...и чернцов *неучев*, бродяг и пьяниц (Зап. Матв. — ДРС); Можешь, уме, смело мне представить ..., Что щеголь, *скупец*, ханжа и таким подобны Науку должны хулить (Кант., Сат. 1).

в) Названия лиц по действиям (Nomina Agentis). С начала XVIII в. и на всем его протяжении эта группа существительных по сравнению с древнерусским языком особенно активно пополняется новообразованиями с суф. *-тель*: «Начало XVIII в. — начало периода максимальной продуктивности модели на -тель» [47].

Суффикс *-тель* был продуктивным в церковнославянском языке [48], поэтому довольно обширное количество новообразований XVI—XVII вв. с этим суффиксом — от основ славянизмов. Например: *ввергатель*, *витатель*, *влачитель*, *возвыситель*, *воздвизатель*, *возыватель*, *возноситель*, *возпалитель*, *восторгатель*, *восплескатель*, *восхвалитель*, *восходитель*, *испроситель*, *предозретель*, *предсоблюдатель*, *преписатель*, *привратитель*, *размысли-*

---

[47] *Гейгер Р. М.* Лексико-семантическая структура имен на *-тель* и их производящих в русском языке (XI—XX вв.). Канд. дис. Алма-Ата, 1969, с. 220.

[48] О происхождении суф. *-тель* существует две точки зрения. См. об этом: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., «Наука», 1964, с. 23.

тель, разхладитель [49]. Такие слова функционировали в основном в жанрах высокого стиля.

К концу XVII—началу XVIII в. суф. *-тель* резко расширяет сферу своего распространения и присоединяется к чисто русским основам, в том числе и к основам глаголов общенародной речи; например: *боронитель, брехатель, выгадыватель, выкупатель, выноситель, выспрашиватель, даватель, давитель, доноситель, дополнитель, играте́ль, забыватель, зажигатель, куситель, оберегатель, обвинитель, оборонитель, осажатель, отправитель, пировательь, повязатель, подавлятель, подстерегатель, приглядыватель, припасатель, прыгатель, сберегатель, скакатель, убиватель* [50].

Существительные на *-тель*, оставаясь принадлежностью книжной речи, расширяют круг своего употребления [51]. Они встречаются уже в разнообразных жанрах — в памятниках официально-деловой речи, в переводной литературе, в произведениях художественной литературы:

И кто вкратце исчислит вреды от таковых безделников деемые? По дорогам где угодно видят, разбивают, *зажигатели* суть, на шпионство от бунтовщиков и изменников подряжаются (Дух. регл., 1721 г.); А 4 человека из них учинены будут *оберегателями* у Архивов (Вед., т. 2, 1719 г., окт.); И понеже нам, яко государю и *оборонителю* Малороссийского краю, надлежит отеческое попечение о вас имети (ПБП, т. 8, 1708 г.); Изволь писать к сему *доносителю* письма (ПБП, т. 3, 1704 г.); Аще нынешнего порятка в припасании лесном не изменити и штрафа на *припасателей* и на *отправителей* не изложите (Посошк., Кн. о скуд. и богат.); *Играте́ли* оба зело славны сильны [-музыканты, игрецы] (Ист. Пар. Вен. — ДРС).

5) Для начала XVIII в. характерны новообразования и в кругу имен прилагательных, соотносящихся с заимствованными существительными. Такие прилагательные

---

[49] Примеры из указанной работы Р. М. Гейгера «Лексико-семантическая структура...», с. 167.

[50] Ряд примеров из работы Р. М. Гейгера «Лексико-семантическая структура...», с. 171.

[51] О расширении жанровых границ употребления имен на *-тель* в XVIII в. см.: *Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т.* Суффиксальное словообразование существительных..., с. 22.

пополняли многие складывающиеся в этот период терминологические сферы.

а) В лексику военного и морского дела вливается группа прилагательных с суффиксами *-ейск* (*-ийск*), *-ов-*, *-ск-*, реже *-н-*, образованных от конкретных иноязычных существительных. В начале XVIII в. среди этих новообразований было много дублетных: *армейский, гвардейский, компанейский, артиллерийский — артиллерийный — артиллерный, инфантерийский — инфантерный — инфантерский, кавалерийский — кавалерный, мортирный, палашный, патронный, портупейный, рапирный, снарядный, канальный, понтонный, фрегатный, провиантный — провиантовый, гарнизонный — гарнизонский; бастионовый, иллюзовый, яхтовый.* Вот некоторые иллюстрации: В Приказ артиллерии на *алтилерной* генералной *штап* и на *алтилерийные припасы* все сполна прислать (Докл. и пригов. в Сенате, т. 1, 1711 г.); *артиллерийские припасы* (Там же); *по табелю артиллерскому* (Там же); *гарнизонные солдаты* (СПб. вед., 1719 г.); *гарнизонные полки* (ПСЗ, т. VII, 1723 г., § 4293); Никакое золото, серебро, денги, ни драгоценных каменьев, с собою не имать токмо *гварнизонское* (Вед., вып. 1, 1703 г.).

Прилагательные, образованные с помощью суф. *-н-* и *-ск-* от иноязычных существительных, обозначающих лицо, также обогащали сферу военной и морской терминологии. Как и рассмотренные выше, однокоренные прилагательные, оформленные разными суффиксами, часто выступали с тождественным лексическим значением. Ср. такие, например, прилагательные, как *рекрутный — рекрутский: рекрутный набор* (ПСЗ, т. VI, 1720, г., § 3625), *рекрутские наборы* (Там же, § 3542), *рекрутные солдаты* (Докл. и пригов. в Сенате, т. 1, 1711 г.), *рекрутские расходы* и *посылки* (Там же), *рекрутская доимка* (ПСЗ, т. VI, 1720 г., § 3624); *бомбардирный — бомбардирский: бомбардирские корабли* (ПБП, т. 2, 1702 г.), *бомбардирские суда* (Мат. русск. флота, 1, 1705 г.); *бомбардирский галиот* (Походн. журн., 1713 г.).

б) Словарный состав в это время пополняется заимствованными существительными, обозначающими новые предметы одежды и ее украшения. Эти существительные начинают вовлекаться в русское словопроизводство, и в результате появляется ряд прилагательных этой лексико-семантической группы, образованных с суф. *-н-* и *-ов-*:

Камзольный (Докл., пригов. в Сенате, III, 1715 г.), *позументный* (Салт., Изъявл.), *лентовый* (Там же).

в) Относительные прилагательные, образованные этими же суффиксами, пополняют и другую лексико-семантическую группу — группу слов, связанную с названиями металлов и минералов: *арсениковый* (Геогр. ген.), *колчеданный* (Кн. горн.), *гипсовый* (Путеш. Толст., кн. II), *металловый* (Арт. Брауна), *сульфурный* (Геогр. ген.).

г) Новообразования в кругу прилагательных соотносились не только с заимствованными основами. В памятниках начала XVIII в. появляется ряд отглагольных прилагательных с суф *-ем/-им* и с приставкой *не-*, образованных от исконно русских и славянских основ. Однако и их появление в ряде случаев вызвано влиянием заимствованной лексики, в большинстве случаев — это кальки:

Христиан Гюенс... своим преславным искусством и *неуставаемым прилежанием* пред оными зело далее произошел (Кн. мир); [Королева] на сына *неусмиримую ненависть* воздвигла (Пуф., Ист. евр.); *Неисчислимые вещи* житию человеческому ... уделяти (Там же). Ср. также: *Неминуемый* (Водохожд.), *неизъемлемый* (Докл. и пригов. в Сенате, III/1, 1713 г.). В переписке Петра I встречаем прилагательные *неискореняемый*, *неминуемый*:

Они себе и наследникам своим *неискореняемой* порок и безчестие сочиняти и, егда они божественную месть, яже в таких случаях никогда неотлагаема, почувствуют, то о всеконечной своей погибли гораздо с полным раскаянием споболезновати [sic!] будут (ПБП, т. 2, 1703 г.); Составщики толь *неоправдаемого* намерения действа от собственных их братий в различных постановлениях и заключениях им приложенного злаго имени и присяги нарушителей пред светом убегнути и помешати возмогут (Там же).

В более поздний период, в 30-е годы, в Лексиконе Вейсмана фиксируются прилагательные *несокрушимый*, *неопровергаемый*, *неповреждаемый*, *неуличимый*, *неутруждаемый*.

К середине XVIII в. продуктивность таких прилагательных еще больше возрастает.

Для источников первых десятилетий XVIII в. характерен ряд субстантивированных прилагательных с суф.

-ем/-им без отрицательной частицы, пополняющих состав некоторых терминов; например, в математике: *делимое*, *множимое*, *происходое* 'произведение' [52].

С процессом калькирования составных иноязычных терминов (главным образом в областях юридической, дипломатической и общественной) было связано и появление в первых десятилетиях XVIII в. ряда неологизмов с суф. *-тельн-*. Эти новообразования в Петровскую эпоху пополняли главным образом разряд относительных прилагательных [53] и входили в состав терминологических сочетаний: *вызывательное письмо* 'вызов на дуэль' — нем. Ausforderungsbrief, *отзывательная грамота* — фр. lettre de récréance, нем. Abrufungschreiben, *охранительная грамота* — нем. Schutzbrief, *доказательное письмо* 'письмо, содержащее доказательства', *доносительные статьи* (письма), *подтвердительные указы*:

Вторые *доносительные* ж *статьи*, присланные из Смоленска от 5 июля (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.); послать *подтвердительные* печатные *указы* (ПСЗ, т. VI, 1721 г., § 3703).

Функционирование этих сочетаний ограничивалось в основном сферой дипломатических и деловых документов.

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНЫМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ

1. Заимствование иноязычных слов было одним из характерных явлений уже второй половины XVII в. Заимствуемые слова пополняли состав наименований научной, административно-государственной, военной сфер и предметов быта.

---

[52] *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.—Л., «Наука», 1964, с. 20—23. См. об этом также: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 237.

[53] Новообразования на *-тельный* в XVIII в. широко пополняли и группу качественных прилагательных. Однако активизация этого процесса наблюдается позже — с середины XVIII в. См. об этом в разделе «Развитие лексики русского литературного языка в 30-е годы XVIII в.—начале XIX в.» («Пополнение словарного состава средствами словообразования»). Для начала века характерно лишь появление ограниченного количества новообразований с качественным значением.

Некоторые слова, актуальные в научной, технической, военной речи или оказавшиеся популярными в бытовом обиходе, уже с этого времени укрепляются в русском литературном языке.

Таковы, например: *вертикальный, циркуль*; *нумерация, фигура* (мат.); *глобус, градус* (геогр.); *аффект, фабула* (рит.); *перспектива* 'декорация', *трагедия* (театр.); *агент, апелляция, канцлер, канцелярия, комиссар, конституция, парламент, секретарь* (адм.-гос. и полит.); *генерал, генералиссимус, гусар, лейтенант, капитан, капрал, майор, пика, рота, шпага, штык* (воен.) [54]; *гайка, шуруп*; *цех* (проф.-техн.); *бричка, карета*; *бант, байка, парча, саржа, сатин*; *чай* (быт., обих.).

«Но говорить об их „наплыве“ и об их узаконении в русском языке этого времени еще нет достаточных оснований» [55]. Интенсивность западноевропейского влияния чрезвычайно возрастает в Петровскую эпоху. «На этот период и 30-е годы приходится 52% заимствований всего XVIII века» [56]. Такое усиление западного влияния на русский язык диктовалось исторической необходимостью. «Преобразовательская деятельность Петра Великого открыла широкий доступ европейскому влиянию на все стороны русской жизни» [57]. В этот период значительно активизируются разнообразные связи России с Западом. Участие России в коалиционных войнах (антитурецкая и антишведская коалиция) послужило сильным толчком к развитию военных и дипломатических контактов со многими странами. Русские дипломатические представительства и консульства появляются во всех крупных европейских городах. Значительно расширяется внешняя торговля России, ее промышленно-предпринимательские и культурные связи. Все это было санкционировано властью Петра I и получило широкий размах.

Активизация процесса заимствования в Петровскую пору в значительной степени была подготовлена также уже существовавшей традицией заимствования иноязычных слов в XVII в.

---

[54] Многие из приведенных примеров взяты из кн.: *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 31.

[55] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 43—44.

[56] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 170.

[57] *Богородицкий В. А.* Краткий очерк диалектологии и истории русского языка. Казань, 1910, с. 402.

Заимствования в этот период проникают в основном письменным путем — через перевод, который возводится Петром I в ранг дела государственной важности: сам царь был занят составлением списков книг, подлежащих переводу в первую очередь, созданием переводческих кадров, регламентацией правил перевода. Переводы делались с целью широкого ознакомления русских людей с лучшими достижениями западноевропейской науки и техники, с административным и политическим устройством других государств. Количество переводной литературы было довольно значительным и в XVII в. В этот период переводились книги в основном с латинского, польского, немецкого языков. Показательно в этом отношении замечание А. И. Соболевского: «Кажется, большая часть переводов этого столетия сделана с латинского языка... За латинским языком мы можем поставить польский, которым владело большинство наших переводчиков и на котором часто писали южно- и западно-русские ученые» [58].

В Петровское время по интенсивности перевода на первом месте продолжает стоять латинская книга, на втором находится немецкая, на третьем — французская. Далее следуют итальянская, голландская, польская, шведская и английская. В 30-е годы переводы с латинского языка сокращаются. Первое место среди переводов начинает занимать немецкая книга, активизируются переводы с итальянского языка, а с голландского постепенно сходят на нет. Переводная книга этого времени по преимуществу — научная и профессионально-техническая [59].

В это время по сравнению с предыдущим периодом изменяются и языковые источники заимствования. В XVII в. ведущим преимущественно было инославянское, главным образом польское влияние. «Польский язык в XVII в. выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий» [60]. Польское посредни-

---

[58] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVI веков. Библиографические материалы. — Сб. ОРЯС, т. 74. СПб., 1903, с. 49.

[59] См. об этом более подробно: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 50—53.

[60] *Виноградов В. В.* Вопросы образования русского национального литературного языка. — ВЯ, 1956, № 1, с. 14.

чество в заимствованиях XVII в. — характерная черта, отличающая этот период от Петровской эпохи. Так, например, немецкие по происхождению слова *рисунок*, *рисовать*, *кухня*, *бляха* проникали в русский язык через посредство польского языка. Таковы также польские кальки с немецких слов — *духовенство*, *мещанин*, *обыватель*[61].

Петровскую эпоху характеризует многоконтактность языковых связей, значительно расширившихся по сравнению с XVII в. Влияющими в это время языками были немецкий, голландский, английский, датский, шведский, французский, итальянский, польский, чешский, украинский, белорусский, классические и восточные языки. Однако роль их далеко не одинакова. Происходит некоторое перераспределение в их влиянии. Значительно ослабевает инославянское влияние. Еще для первого десятилетия XVIII в. роль польского языка очень сильна: из потока заимствованных слов — многие полонизмы. Польский язык является не только источником заимствования, но и языком-посредником для проникновения ряда французских, латинских, немецких, итальянских слов. Однако к 20-м годам польское языковое влияние затухает[62]. Оно сохраняет свое значение лишь в сфере духовного школьного образования. Меняется роль в этот период и украинского языка: украинская лексика, еще довольно заметная в первом десятилетии, в дальнейшие годы ограничивается групповым употреблением — речью выходцев из украинской среды. Украинский язык в этот период чаще выступает в роли посредника в передаче ряда европеизмов.

Отличительная черта эпохи — тяготение к языкам наиболее развитых западноевропейских стран и к общеевропейским лексическим элементам. В первом десятилетии сильно влияние голландского языка, однако в 20-е годы оно значительно ослабевает. На смену ему приходит немецкое, особенно усилившееся после 1725 г. (при преемниках Петра I: Анне Ивановне, Елизавете Пе-

---

[61] *Горшков А. И.* История русского литературного языка, с. 167.

[62] «До Петра переводы с польского — обычное дело, многочисленные; при Петре их уже почти нет: увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство» (*Соболевский А. И.* Переводная литература..., с. 81).

тровне). По-прежнему велика роль латинского языка, ставшего в эту эпоху международным языком западноевропейской науки. Слабее других влияние итальянского, французского, шведского, датского языков.

Изменяется роль языков-посредников. Рядом с прежними языками-посредниками (польским, украинским, белорусским) появляются новые — голландский (для ряда французских и немецких слов), английский и шведский (для ряда французских слов), датский, немецкий[63]. Заимствованные слова не в одинаковой мере пополняют разные лексические сферы. Так, военная, профессионально-техническая и административная лексика значительно обогатилась немецкой терминологией, морская же лексика пополняется словами английского происхождения. В сфере политики, истории, торговли, права, в литературе было сильно французское влияние, активизирующееся вместе с немецким и в сфере дипломатических отношений. Для научного языка характерно влияние немецкого языка и ученой латыни. В первой трети XVIII в. усиливается тенденция к прямому, а не опосредствованному (как это было для европеизмов в предыдущую эпоху) восприятию лексики из латыни и новых европейских языков.

2. Ниже рассматриваются конкретные группы лексики, наиболее интенсивно пополнявшиеся иноязычными словами в Петровскую эпоху.

1) При Петре I армия целиком реорганизуется по западному образцу. Создается регулярное войско, национальная гвардия, вводится новое вооружение и обмундирование, появляется сложная иерархия военных чинов и должностей, учреждается целый ряд учебных военных заведений. Создается флот и открываются морские учебные заведения. Именно при Петре I Россия превратилась в наиболее могущественную морскую державу на Балтике. Все это не могло не найти отражения в составе лексики.

В этот период в большом количестве заимствуются слова, относящиеся к военному делу. Это были названия военных соединений и родов войск, воен-

[63] Здесь не рассматривается влияние восточных языков, так как в Петровскую эпоху заимствование из этих языков не было массовым: речь может идти лишь об отдельных словах восточного происхождения, не создавших терминологических и предметно-тематических групп лексики.

ных укреплений, разных видов орудий, названия лиц по должности, званию, по принадлежности к определенным видам и родам войск, наименования военных действий и состояний, предметов обмундирования и т. п.

Входят в употребление следующие наименования: *армия*, *батальон*, *гарнизон*, *колонна*, *корпус*, *милиция* 'войско, ополчение', *легион*, *партия* (с первого десятилетия века в значении 'отряд, отделяемый от основного корпуса войск для выполнения специальной задачи [разведки, перехвата почты и т. п.]'; тесно смыкается с этим значением и не всегда отчленимо от него значение 'действия, боевые операции партии — разведка, бой') [64], *реформа* 'сокращение численности [войск], отставка'; *батарея*, *бастион*, *бруствер*, *кордон* 'укрепление', *парапет*, *плацдарм*, *пост* (место, позиция, важные в военном отношении [для обороны или наступления], а также солдаты, ее занимающие или охраняющие), *равелин*, *редут*, *траншея*, *фортеция*, *форпост*, *цитадель*; *артиллерия* 'орудия', 'род войск', 'артиллерийская наука', *гаубица*, *лафет*, *пушка*; *винтовка*, *карабин*, *пистолет*, *пищаль*, *рапира*, *сабля*, *шпага*, *штык*; *граната*, *картечь*, *курок*, *патрон*, *пуля*, *шомпол*; *амуниция* (употребляется в начале века как в узком значении 'припасы к артиллерии', так и в более широком 'артиллерийские припасы, кухня, телеги, принадлежности мундира'), *цейхгауз*; *атакировать*, *баталия* (в начале XVIII в. употребляется в значениях 'войско в боевом строю', 'строй войска, учрежденного к бою', 'битва, бой'), *блокада*, *блокировать*, *залп*, *парад* (употребляется в значениях 'боевое снаряжение, боевая готовность войск', 'смотр солдат перед разводом караулов'); *бомбардировать*, *квартировать*, *командировать*, *комплектовать* [полк], *контрамарш*, *марш*, *маршировать*, *мушгровать*, *рекрутовать*, *ретировать*, *салютовать*, *сикурсовать* 'помогать', *транспортировать*, *фланговать*, *фортифицировать*, *штурмовать*, *экспортировать*; *галстук*, *каска*, *мундир*, *шарф* 'пояс' и др.; *адъютант*, *генерал* (*генерал-лейтенант*, *генерал-майор* и т. п.), *ефрейтор*, *комендант*, *лейтенант*, *ротмистр*, *унтер-офицер*, *фельдфебель*, *юнкер* и т. п.; *волонтер*, *гвардеец*, *гренадер*, *драгун*, *жандарм*, *карабинер*, *мушкетер*; *бомбар-*

---

[64] Большинство определений значений слов, толкования их употреблений взяты из «Словаря вхождений» в кн.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 337—408.

дир, вахтер, гранатчик, интендант, канонир ('артиллерист', с 20-х годов начинает употребляться на флоте в значении 'младший чин, рядовой в морской артиллерии'), *конвоир, минер, ординарец, партизан* (в начале века 'умелый солдат [обычно кавалерист]', 'мастер партизанских боев и набегов', 'участник партий'), *пионер* ('саперный рабочий, землекоп в армии', слово в начале века применялось к рабочим невоеннослужащим), *провиантмейстер, фельдшер, шпион.*

2) Ряд морских терминов был известен задолго до Петра I. Названия таких, например, судов, как *кубара, огара* встречаются еще в X—XI вв. В XV—XVII вв. появляются такие западноевропейские наименования, как *барка, бот, галера, яхта.*

Однако лексика, относящаяся к морскому делу, наиболее интенсивно обогащалась именно в рассматриваемую эпоху, когда нововведения Петра I в сфере кораблестроения требовали развитой системы терминов[65]. Морская терминология заимствовалась в основном из голландского и английского языков, так как именно в Голландии и Англии в это время был сильный морской флот и развитое кораблестроение.

Эту группу лексики пополняли названия судов, наименования разнообразных предметов корабельной оснастки, названия помещений на корабле, наименования разного рода морских действий, названия лиц по должности и званию, названия, связанные с метеорологическими и географическими понятиями. Появляются такие слова, как *бригантин, верея* (с англ. 'перевозная лодка, ялик'), *гондола, каравелла, катер, курс, флот, флотилия, фрегат, шербот* 'судно', *шлюпка, шхуна; мачта, руль, фальшборт, фальшпиль; каюта, кубрик, трюм; абордировать, буксировать, десант, дрефовать, крейсовать, лавировать, флотировать* 'плыть'; *адмирал, вицеадмирал, контрадмирал, лоцман, матрос, мичман, флагман, юнга; вахта* (с 20-х годов 'команда людей на судах, распределяемая для несения разного рода работ и дежурств,

---

[65] «Великий Петр, создавая морские силы в государстве, до него не имевшем их, не мог помышлять о разработке русской морской терминологии в то время, когда нужно было и строить флот и побеждать неприятеля. Поэтому... он заимствовал у иностранцев готовое и дело и слово» (*Мельницкий В.* По поводу статьи А. П. Соколова «Собрание русских местных морских слов». — Морской сборник, 1854, т. XI, № 3, с. 303).

а также само дежурство'); *навигатор, шкипер, штурман; адмиралтейство, арсенал; бакен, банка* 'мель', *бухта, гавань, грот, грунт, риф; вест, зюйд, норд, ост; бриз, шквал, шторм, штиль.*

3) В этот период заимствуется лексика, относящаяся к профессионально-технической и промышленной сфере.

Необходимость упрочения армии и флота, укрепления авторитета Московского государства способствовала необычайно быстрому в эту эпоху развитию производственно-технической деятельности. Северная война оказала сильное влияние на развитие русской промышленности. С развитием ремесел, механики, техники связано появление в этой области многих заимствованных наименований. Это были наименования предприятий, изготавливающих какие-л. изделия, наименования инструментов, технических приспособлений, механизмов, разнообразных технических действий, названия лиц, занятых в той или иной сфере производственной деятельности, и т. п.: *мануфактура, фабрика,*[66] *цех, шахта; дратва, домкрат, кран, кронштейн, стамеска, штифт; инструмент* 'совокупность ручных орудий труда по какой-либо специальности'. Появляется слово *глянец*; глаголы: *гипсовать, градировать* (*грыдировать, грыдоровать, гридоровать*) и сочетания *градировальный мастер, грыдоровальная доска, грунтовать, дистиллировать, литровать* 'очищать' — о селитре, *лудить, полировать, шлифовать; механик, фабрикант* (с 20-х годов в значении 'заводчик').

4) Развитие торговли, промышленности, создание армии и флота сделали необходимыми преобразования в государственном управлении. Административным реформам предшествовало изучение характера и форм управления в других европейских странах. В этот период широко заимствуется лексика, относящаяся к государственному устройству и административным преобразованиям. Появляются слова, связанные с обозначением форм правления, сословий, титулов, новых учреждений, должностей; термины судопроизводства и делопроизводства; слова, обозначающие самые разнообразные государственные документы, виды связи (почта) и т. д. Словарь обогащается такими тер-

---

[66] О значениях этого слова в изучаемый период см.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 143.

минами, как *демократия, республика.* Заимствуются титулы *барон* и *граф*[67], слова, связанные с понятиями о сословиях: *аристократия, нобили* 'привилегированные сословия'. Становятся употребительными слова *нация* 'народ', *патриот* 'земляк, соотечественник', со второго десятилетия — 'верный сын отечества'. В начале века начинает встречаться слово *оппозиция* 'противодействие'. Административные реформы Петра привели к появлению новых названий учреждений и должностей: *кабинет* (с 1711 г. сенат заменил собой прежнюю боярскую думу), *магистрат* (введен как выборное городское учреждение, ведавшее судебно-административными и податными делами). В 1719 г. были введены 11 коллегий вместо приказов: *Адмиралтейская коллегия, Берг-коллегия, Военная коллегия, Камер-коллегия, Коллегия иностранных дел, Коммерц-коллегия, Мануфактур-коллегия, Ревизион-коллегия, Синод* (Духовная коллегия), *Штатс-контор-коллегия, Юстиц-коллегия*[68].

В начале XVIII в. входит в употребление слово *губерния.* По указу 1708 г. все Российское государство было разделено на 8 губерний[69]. Получают распространение термины: *администрация, прокурор* 'чиновник, ведающий надзором за деятельностью коллегии, надворных судов, духовного ведомства'. В Петровскую эпоху учреждается ряд новых государственных должностей. Появляется, например, слово *фискал,* означающее 'доносчик по разным делам коллегии'. В связи с установлением определенной служебной иерархии заимствуется слово *ранг, характер* 'чин, звание, титул'[70]. Входит в употребление слово *полиция* 'гражданское управление' (более узкий смысл: 'градоуправление, управление городским хозяйством и благочинием' с последующими метонимическими сдвигами: 'чиновники и служащие такого ведомства',

---

[67] По материалам картотеки ДРС единичные случаи употребления слов *граф* и *барон* относятся к более ранним периодам (*граф* — 1569 г., *барон* — 1632 г.).

[68] История СССР, т. 3. М., «Наука», 1967, с. 232.

[69] *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь, т. IXA, СПб., 1893, с. 840.

[70] Ср. пример: Лорд вскоре возмет *характер* чрезвычайного посланника (М. Вед. II, 1719 — *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 251). Слово *характер* в первой трети XVIII в. представлено несколькими значениями: 'знак, значок', 'ранг, чин', 'особенность, отличительная черта', 'нравственные особенности, нрав' (Там же, с. 86).

'служебное помещение'). В период широкого ознакомления с административным устройством на Западе в русский язык приходят и такие слова, как *штейгер* 'горный администратор в Германии', *провинциал* 'начальник провинции'.

На новых началах в России организуется суд. Сам Петр I живо интересовался юриспруденцией, составлял списки трудов в этой области, подлежащих переводу. В начале XVIII в. русские познакомились с произведениями Гроция, Гоббса, Пуффендорфа — со школой естественного права. В источниках этого периода начинают употребляться термины: *адвокат*, *амнистия* 'прощение и забвение неприятельских действий, подданической или союзнической неверности', *криминал* 'вина', *криминалист*, *процесс* 'тяжба', *юстиция*, *сентенция* 'судебный приговор'. Вводится избирательное право и появляются слова *балл*, *баллотирование*.

Делопроизводство было развито уже в допетровской Руси. Терминология его помимо русских слов включала и ряд западноевропейских заимствований: *акт*, *артикул*, *лист*, *мандат*, *паспорт*, *трактат*. В Петровскую эпоху входят в употребление слова *канцелярия*[71], *архив*, *камер-архив*, *контора*, *камер-контора*, *штатс-контора*. Появляются наименования канцелярских служителей: *актуариус* 'зав. канцелярией', *архивариус*, *копиист*, *нотариус*, *протоколист*, *регистратор*, *шрейбер* 'писец'.

В Петровскую эпоху в русский язык пришли названия самых разных документов: *абшид* 'отпускное свидетельство от службы', *акорт* 'дипломатический договор', *аттестат* 'всякое свидетельство вообще', *билет* 'деловая записка', *документ*, *контракт*, *манифест*, *метрики* 'цер-

---

[71] «В средние века лат. слово Cancellaria означало помещение, огороженное решеткой, в котором писцы, под руководством канцлера, занимались изготовлением публичных актов, государственных указов, судебных решений и т. п.» (*Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь, т. XIV. СПб., 1895, с. 340). В России в XVI—XVII вв. отделение в Приказе, занимающееся делопроизводством, называлось *повытье*. По данным картотеки ДРС первая фиксация слова *канцелярия* — 1517 г.: ...который приговор после себя в *канселярии* Величества Вашего оставил (С. Г. Г. Д., ч. V, 1517 г. — ДРС). Другой пример датируется 1638 г.: Его рыцаря шляхетство записано будет в *канцелярии* (Лесли, 1638 г. — ДРС). Большинство же примеров, имеющихся в картотеке, относится к началу XVIII в.

ковная запись о рождении', *ордер* 'военное предписание', *патент*, *рапорт*, *регламент-канцелярия* 'доношение', *табель* ('закон' — например, «Табель о рангах», изданный 24 января 1722 г.).

Информация и связь в допетровский период были организованы слабо. В Петровской Руси возникают новые виды почт и их названия: *камбиатура* 'почта на перекладных', *эстафета* 'экстренная почта', названия почтовых работников: *курьер*, *почтальон*, почтовых служащих: *почтмейстер*, *почтарь*. Появляется название учреждения *почтамт*; входят в обиход слова, обозначающие понятия, связанные с почтовыми отправлениями: *адрес*, *конверт*.

5) Развитие торговых и финансовых отношений, вызванное интенсивной торговлей с рядом европейских государств, способствовало появлению целого ряда слов, относящихся к торгово-финансовой терминологии. Это были названия торговых и финансовых операций, видов платежей, прибылей, названия различных документов, лиц, занятых в торгово-финансовой сфере, названия финансовых и торговых учреждений, мест, специально отведенных для торговли: *акция*, *капитал*, *коммерция* 'торговля', *финансы* 'государственная казна, доходы государства'; *валюта* 'платеж по векселю', *вексель*, *дебет*, *прейскурант*, *такса*, *кредит*, *кредитив*, *субсидии*, *тариф*, *фонд*; *банкир*, *бухгалтер*, *капиталист*, *кассир*, *кредитор*, *комиссионер*; *банкрот*, *банк*, *биржа*, *бракария* 'место бракования товаров', *контора*, *ломбар*, *пакгауз* 'здание для товаров'.

6) Начало XVIII в. ознаменовано расширением дипломатических связей России. При всех крупнейших иностранных дворах Европы организуются постоянные дипломатические представительства (виднейшие русские дипломаты этой эпохи — Б. Куракин, А. Матвеев, П. Толстой, Г. и В. Долгорукие, П. Шафиров, А. Остерман). Все настойчивее начинает обнаруживаться необходимость реорганизации дипломатической службы по западноевропейскому образцу. В соответствии с этим «ведется официальная переписка, осуществляется назначение, аккредитование и отзыв дипломатических представителей, определяется их старшинство, устанавливаются церемониалы..., созываются международные конференции и совещания, ведутся переговоры, наносятся официальные визиты, организуются приемы, определяется форма

одежды, поведение»[72]. В дипломатической речи начала XVIII в. отмечается ряд наименований из итальянского, латинского, французского языков: *референт* 'представитель', *амбасадор* 'посол', *гарантир* 'поручитель', *империалист* 'сторонник германской империи', *конкурент* 'соперник'; *нейтралитет*, *претензия* 'притязание', *ратификация* 'утверждение', *резиденция* 'местонахождение', *трактование* 'переговоры'.

7) В этот период начинает активно пополняться лексика, относящаяся к системе образования и научной сфере.

Знакомство русских с системами образования на Западе не смогло не отразиться на словаре того времени. В сферу употребления входят слова: *академик*, *академист* 'ученик рыцарской академии', *академический*, *гимназия*, *диспут*, *диспутация* 'прения научные или богословские', *дискутовать* (о чём) и *дискутоваться* 'спорить, вести диспут', *диссертация*, *коллега*, *курс* 'систематическое изложение учебного предмета, рассчитанное на определенное время', 'книга, содержащая такое изложение', *пансион, профессор, ректор, семинарист, семинария, факультет, экзаменатор.* В это время начинает употребляться и слово *библиотекарь*.

В сфере науки, как и в других сферах государственной и общественной жизни, происходит процесс европеизации, сопровождающийся появлением новых научных терминов, среди которых было много и заимствованных слов. Русский язык обогащается названиями ряда наук: *акустика, анатомия, ботаника, генеалогия, математика, механика, физика* 'учение о природе, естествословие', *физиология* 'естествознание'. В памятниках начинают отмечаться наименования специалистов, занимающихся в той или иной области науки: *арифметик*, *ботаник*, *геодезист*, *геометр*, *математик*, *хронологист* 'летописец', *юрист*. Появляются слова *аксиома*, *анализис*, *гипотеза*, *теория*; *модификация* 'видоизменение'.

В этот период наиболее интенсивно развиваются точные и технические науки. Кроме перечисленных выше терминов словарь обогащается также наименованиями:

---

[72] *Серре Ж.* Дипломатический протокол. — Цит. по: *Волоскова А. В.* Дипломатическая лексика начала XVIII века (По материалам трактата П. П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Великий к начатию войны против Карола XII имел»). Канд. дис. Л., 1966.

геометрия, тригонометрия; квадрат, конус, куб, параллелепипед, параллелограм, пирамида, призма, ромб, трапециум, цилиндр, эллипсис; гипотенуза, диагональ, диаметр, катет, радиус, центр, циркуль ('круг', 'окружность' — *матем.* и *астр.*), *хорда.* Зафиксированы термины: *адицио* 'сложение', *ангулус* 'угол', *децималь* 'десятичная дробь', *дивидент* 'делимое', *дивизио* 'деление', *дивизор* 'делитель', *мультипликацио* 'умножение', *продукт* 'произведение', *радикс* 'корень', *субстракцио* 'вычитание'. Многие из этих наименований не сохранились в языке.

В связи с развитием мореплавания особенно активно развиваются астрономия и физическая география. Некоторые термины астрономии и географии иноязычного происхождения уже были известны допетровской Руси: *комета, планета*; *астролог, астрология, астрономия.* В памятниках Петровской эпохи начинают встречаться наименования: *апогей, ацимут* (азимут), *период* 'оборот, круговращение планеты', *сателлит* 'спутник', *глобус, градус, горизонт, гороскоп, зенит, экватор, климат, меридиан.*

Из естественных наук в изучаемый период более всего продвинулись вперед в своем развитии анатомия и медицина. Издаются указы об организации медицинского дела и исследования ряда болезней, возникает сеть новых лечебных учреждений, открывается Анатомический театр. В эту эпоху в обиход входит ряд медицинских терминов — названия врачей разных специальностей, болезней и их признаков, наименования людей, страдающих теми или иными заболеваниями, названия лекарств и лечебных инструментов, названия органов, частей живого организма, его свойств и функций: *медик, провизор, фельдшер, цирюльник* 'лекарь'; *акушер, хирург*; *абцесс, апоплексия, гипохондрия (похондрия, ипохондриум), карбункул, ревматизм* (в начале века о болезни лошадей), *сап, фистула*; *гипохондрик, лунатик, падагрик*; *валериана, компрес, медикамент, микстура; бандаж, бинт, катетер, клистир, ланцет, шприц; аорта, артерия, лимфа, нерв, пора, пульс; анатомия, анатомирование, анатомить* 'анатомировать, шприцевать', *скелет.*

Гуманитарные науки (при Петре они обозначались словом *гуманиора*) развивались менее интенсивно, чем технические знания и искусства «практические». В это время появляется такое наименование гуманитарной науки, как *юриспруденция*, заимствуется слово *эпоха.* В об-

ласти изучения слова и словесного искусства продолжается традиция XVII в. Допетровской эпохе русский язык обязан появлением иноязычных (главным образом) греческих терминов, связанных с грамматикой, риторикой, стихотворством и т. д.: *диалект*, *дифтонг*, *орфография*, *парадигма* 'склонение', *синтаксис*; *вирши*, *наррация* 'риторическая повесть', *орация* 'хвалебная речь', *пролог*, *просодия*, *риторика*. В Петровскую эпоху появляется ряд слов, связанных с развитием литературы и языка: *поэзия, поэта, поэтика, трагик, трагедия, троп, ямб; панегирик; анаграмма, варваризм, метафора, текст.*

Среди этих терминов уже встречаются и заимствования из новых языков Западной Европы: *романц* 'роман'.

В русский язык через жанры торжественно-панегирической литературы (канты, орации, торжественные речи) продолжается начавшееся в XVII в. проникновение античных мифологизмов: *Амур*, *Аполлон*, *Афродита*, *Бахус, Венера, Дракон, Кентавр, Марс, Меркурий, Нептун, Фавн, Фортуна, Цербер.*

8) Начинают формироваться как самостоятельные виды искусств архитектура и живопись. В русский язык в этот период приходит группа слов, относящихся к сфере изобразительного искусства. Начинают употребляться новые термины архитектуры. Слово *архитектура* функционирует в нескольких значениях: 'строительство', 'соразмерность строения', 'скульптурное украшение', 'стиль постройки'. К этой же группе лексики относятся слова: *архитектор* 'зодчий', *проект* 'план', 'замысел', 'предварительный набросок чего-л.', *план* 'рисунок', 'чертеж', 'изображение вида сверху', *текен* 'чертеж', *профиль* 'изображение вертикального разреза предмета', *фасон* 'образец'. Появляется ряд наименований частей зданий, архитектурных деталей и украшений: *арка*, *колонна*, *пьедестал* 'подставка, подножка статуи, памятника, колонны', *балясы*, *цоколь*, *обелиск*, *портик*, *шпиц* 'шпиль', *ярус*. Начинает употребляться и ряд терминов живописи: *картина*, *миниатюра*, *орнамент*, *пиктор* 'живописец', *портрет*, *рисунок.*

В этот период зарождается и светская скульптура. Сам термин *скульптура* известен с 1726 г. (в 1713 г. — *скульпсура*).

Новое градостроительство — также примета Петровского времени. Вокруг Петербурга сооружаются знамени-

тые садово-архитектурные ансамбли: Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село. Ведущее место среди них занимает Петергоф, с его планировкой, каскадами и фонтанами, гротами и цветниками; здесь работали Леблон, М. Нелидов, Т. Усов, И. Краунштейн, К. Растрелли. В обиход входят слова *аллея, бассейн, газон, канал, куртина, клумба, оранжерея.*

Придворная жизнь в России была организована уже во многом по западному образцу. В начале XVIII в. пополняется лексика, связанная с придворными отношениями, церемониями. В употребление входят слова: *ассамблея, бал, иллюминация, концерт, лотерея, маскарад, фейерверк*; *ассистент* 'помощник при отправлении какого-л. дела, церемонии', *гувернер, камергер, камердинер, паж, свита, швейцар.*

Появляются новые игры, танцы и их названия: *бильярд, кегли, либер-август, менуэт, пистолет-менуэт.*

В 1672 г. при царе Алексее Михайловиче создается придворный театр — «комедийная хоромина». В это время уже известны в русском языке слова *интермедия, комедия, комедиант.* В эпоху Петра, когда театр из придворного становится светским публичным театром, эта группа лексики начинает пополняться. Употребляются, например, такие слова, как *театр, амфитеатр, ложа*; *актёр, трагедия, трагик, спектатор* 'зритель'; *акт, диалог, сцена* 'часть театрального действия, явление'; *балет* (до 30-х годов употреблялось в значении 'танцы в спектакле', с 30-х годов — 'балетный спектакль', 'музыкально-театральный жанр'). Продолжает развиваться придворная светская музыка (главным образом в сфере театра). Особое распространение получила инструментальная музыка. Становятся известными слова: *ария, арфа, валторна, валторнист, флейта.* К заимствованиям этого периода относятся также *концерт, оратория.*

Широким потоком в русский язык вливается лексика, связанная с обозначением новых предметов одежды и ее украшений[73]: *камзол, сюртук; капор, картуз, корнеты*

---

[73] Петр I насильственно насаждал европейский стиль одежды. Приведем отрывок из петровской Грамоты о ношении немецкого платья (28 апреля 1705 г.): «Всяких чинов людем... кроме духовного чину священников, и дьяконов, и церковных причетников, и пашенных крестьян носить платье Генваря с 1 числа нынешнего 1705 г. по Светлое Христово Воскресенье, верхнее Саксонское, а исподнее камзолы, и штаны, и сапоги,

'головной убор'; *штиблеты* 'обувь'; *палантин*. Появляется слово *гардероба* в значении 'собрание одежды одного человека'. Входят в употребление слова, обозначающие отделку и украшение одежды: *манжеты, обшлаг, позумент, фалды, шлейф*. Названия тканей: *газ, ратин, репс, тик, фланель*. Из предметов личного обихода известным становится *веер*.

Изменения коснулись и внутреннего убранства жилищ, появляются новые наименования: *балдахин, канделябры, камин, лампа, шкаф, шпалеры* 'обои'.

Впервые в Петровскую эпоху встречаются такие названия кушаний и блюд, как *макароны, паштет, торт, бисквит, бублик, желе, конфиктуры, котлеты, крендель, лабердан, соус, суп*. В 1715 г. в Санкт-Петербург из Голландии впервые были привезены *артишоки*. «Торговый морской устав» свидетельствует о привозе при Петре I в Россию *анчоусов, миног, сарделей, сардин* (разных сортов рыбы), *устерсов* (устриц). Русские знатные люди пьют *кофе, лимонад, пунш;* употребляются разные сорта вин: *бордо, мускатель, сидр, шампания*.

Можно назвать ряд слов, связанных с ездой, путешествиями: *берлин* 'род четырехместной крытой коляски', *коляска, экипаж*.

Итак, в Петровскую эпоху — эпоху реформ почти во всех областях жизни русского общества — обращение к западноевропейской лексике, пополнившей многие складывающиеся терминологические сферы, было необходимостью. Количество заимствованных слов, проникавших в литературный язык первой трети XVIII в., огромно. Многие из них закрепились в литературном языке и обогатили его лексическую систему.

3. Однако довольно значительная часть заимствованных слов этого времени не стала принадлежностью словарного состава языка (многие из них вышли из употребления уже к середине века): это были случайные слова, проникавшие в него на общей волне европеизации как дань моде того времени. Иллюстрацией не вошедших

и башмаки немецкие, а буде кто похочет зимою носить саксонское или французское, и им носить из тех кафтанов кто какие похочет, а летом одно французское... а русскаго платья и черкесских кафтанов, и тулупов и штанов, и сапогов, и башмаков отнюдь никому не носить. .. и буде кто ... станут носить... тем людем за ослушание их учинено будет жестокое наказание» (Собр. Зап. о Петре В., ч. 2).

в русский язык иноязычных слов, кроме уже приведенных, могут служить следующие примеры: *инвенция* 'изобретение', *секул* 'век', *дискурс* 'рассуждение, исследование', *арканум* 'тайна', *архиатер* 'главный врач', *десинер* 'художник, чертежник', *фундатор* 'основатель, строитель', *шрейбер* 'писец, писарь', *драбант* 'телохранитель', *флемагогес* 'лекарство', *реверс* 'дипломатическое письменное обязательство о возвращении пленных', *конкет* 'завоевание', *алиард* 'союзник', *постирунг* 'стан, стоянка войска в поле, на постах', *канон* 'пушка', *диспорат* 'отчаяние, состояние безнадёжности', *анкуражемент* 'возбуждение', *газард* 'риск', *экскузоваться* 'извиняться', *экскузация* 'извинение', *аркебузировать* 'расстрелять', *афронт* 'бесчестие' и многие другие. Все они не закрепились в русском языке, но в Петровскую эпоху были употребительны:

Прежде разговора с *инвентором* перпетуи мобилис Орфиреом, аз с господином профессором Вольфом о том разсуждал (Отчет Шумах. Петру); Позадь кареты 24 человека на лошадях *драбантов* (Походн. журн., 1712 г.); Чтоб оным офицером, драгуном и солдатом быть у *алиардов* против француза (ПБП, т. 10, 1710 г.); Порох в *канон* вложенный (Арт. Брауна); Александр, опустя девку, размышлял много; способнейшаго случая никоего недомыслился и был всю ночь в великом *диспорате* (Ист. о Алекс.); Однакож сие [взятие] чинить с разсмотрением, не вдавая себя в *газарт*, дабы не потерять своего корабля, который ему в команду поручен (Уст. морск.); Весь монастырь хорош и внутри костела все из мармура сделано, а *фундатор* тому великой канцляр литовской бывшей Пац (Арх. Курак., кн. I, 1705).

Злоупотребление иностранными словами вызвало резкое осуждение со стороны Петра. Одному из своих послов (Рудаковскому) он писал: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов»[74]. При переводе иностранных книг Петр требует прежде всего простоты изложения. Относительно перевода трактата Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» Петр приказывал

[74] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 60.

Гавриилу Бужинскому: «...прошу, дабы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем»[75].

4. Интенсивное проникновение в словарный состав русского языка иноязычных слов поддерживало процесс разрушения противопоставленности двуязычия. Заимствования «свободно входят в фразовые соединения с русско-славянскими словами[76], так как в эту эпоху уже трудно назвать такие жанры, в которые не имели бы доступа западноевропейские лексические новшества, хотя доля их не везде была одинакова и не всюду их проникновение происходило с одинаковой легкостью[77].

Заимствованные слова в эту эпоху функционируют в самых различных источниках. Иноязычная лексика начинает проникать в высокие, славянизированные жанры. Так, она находит широкое отражение в проповедях Ф. Прокоповича:

А ты, новый и новоцарствующий граде Петров, не высокая ли слава еси *фундатора* твоего? (Сл. похв. в день рожд. Петра Петровича, 28 окт. 1716 г.); Много того видим в составе законов древних повелением Юстиниана собранных, которая книга *кодекс* именуется (Сл. о власти и чести царской, 2 апр. 1718 г.): Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды, и яко нерешимыя оковы злодеяния? Не суть ли уставы его ясные — свет стезям твоим, высокоправительствующий *сигклит* и под ним главные и частные правительства от него учрежденные (Сл. на погребение Петра Великого, 1 марта 1725 г.).

Заимствованиями пестрит и слог публицистических произведений, например, в «Книге о скудости и богатстве» И. Посошкова: О *салдатех* и о *драгунех* надлежит весьма великое попечение имети; И положить себе надлежит устав недвижимый такой, еже, вшед в *канцелярию* и седши на место, первее велел бы колодников, что их есть, поставить перед себя налицо и спросил бы всех порознь, кто в чем сидит, и у коего подьячего дело его, то справитца з делом (Там же).

---

[75] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 213.

[76] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 44.

[77] «Поток западноевропейских слов не затрагивал сколь-нибудь серьезно... книги церковно-канонические» (*Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 71).

Необычайно активно иноязычные слова проникают и в жанры повествовательной литературы. Вот некоторые примеры из повести «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»: И уже тому два года, пришли морем в наша государства из Европии кораблями российскии купцы, и я в то время гуляла с девицами, в *шлупках* и смотрела российских товаров и всяких диковинок; И нанел себе в *лакеи* пятдесят человек, которым поделал *ливреи*, велми с богатым убором.

Заимствованная лексика широко распространяется в деловых документах: указах, реляциях, манифестах, регламентах, «Ведомостях»:

Генерал-Адмирал или *Аншеф командующий* есть *репрезентация* своего Государя... Он должен *репортовать* о всем своего Государя и воинскую *коллегию* (Уст. Морск.); На Москве вновь ныне пушек медных гоубиц и мартиров вылито 400. те пушки, ядром по 24. по 18. и по 12 фунтов... И еще много форм готовых великих... Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают *философию*, и уже *диалектику* окончили. В *математической штюрманской* школе болше 300 человек учатся, и добре науку приемлют (Вед., янв. 1703 г.).

Функционируют иноязычные слова и в научных жанрах: Что есть *аддицио; Аддицио*, или сложение, есть дву или многих числ во едино собрание, или во един перечень совокупление (Арифм. Магн.); Да бы король преславныя и древния Белгския отринувши *привилегия*, превеликое оное государство ни которых законов имущее восприял (Пуф., Ист. евр.).

Заимствованные слова проникают и в разговорный язык образованных людей. Вот пример из «Дневника и путевых заметок» князя Куракина: А стоит (г. Везель) на низком и ровном месте и солдат несколько *компаней* (La compagnie=рота) и коштел сделан *апарте* — гораздо хорош, а *губернатор* — *ганерал-маиор* (Арх. Курак., кн. 1, 1705).

5. Заимствования Петровского времени имели ряд специфических особенностей в своем употреблении.

В этот период наблюдаются постоянные колебания в орфографии заимствованных слов (*политра — палитра, лак — лакк*), непостоянен и их фонетический облик (*зала — сала, залп — салв, штукатурка — стукатурка, цемент — семент*). Морфологический их вид также не был

стабильным[78]. Первая треть века характеризовалась широким варьированием русских и иноязычных финалей (исходов слов) у ряда заимствованных слов. У слова *музей*, например (греч. μουσεῖου, лат. museum), наряду с финалью *ей* встречается *ум* и *еа* (окончание мн. ч. греч. и лат. имен сущ. с основой на ου):

Музеа ученых людей... посещать, и из того усматривать, в чем вашего императорского величества *музеум* с оными разнится; ежели же чего *в музее* вашего величества не обретается, то оный недостаток наполняти тщится (Отчет. Шумах. Петру).

Другие примеры аналогичных колебаний: *лабораториум — лаборатория — лабораторий; привиллегиум — привиллегия — привиллегий, трофеум — трофей — трофея* и т. п. Многие заимствования сохраняли иноязычные финали вплоть до середины века и только «к середине века большинство слов данного типа, в начале века варьировавших свою форму, стабилизировали ее»[79].

Варьирование орфографическое, фонетическое и морфологическое дополнялось варьированием словообразовательным (об этом более подробно в разделе «Пополнение лексики словообразовательными неологизмами»). Это явление может быть проиллюстрировано примерами многочисленных глагольных вариантных пар с суф. *-овать, -ировать*: *балетовать* (с 1708 г.) и *баллотировать* (с 1733 г.) ‘решать голосованием’; *бальзамировать* (1729 г.) и *бальзамовать* (1739 г.); *блоковать* и *блокировать*, *гарантовать* и *гарантировать*, *диктовать* и *диктировать*, *диспутовать* и *диспутировать* ‘оспаривать в бою’; *иллюминовать* и *иллюминировать* ‘расцветить огнями’; *абордовать* и *абордировать; атаковать* и *атакировать* и др.

Приспособление иноязычных слов к лексико-семантической системе русского языка имело также ряд особенностей. Многие заимствования, впоследствии освоенные русским языком, в начальный период их усвоения часто использовались лишь в текстах по содержанию связанных с изображением образа жизни, быта, обычаев иностранцев. Так, в своем ответе Петру I о заграничной поездке Шумахер описывает как некую диковину ананас, увиденный им в заморском саду: Между прочими вещми, которыя в огороде его обретаются, удивления достоин амери-

[78] В разделах, посвященных заимствованиям, иноязычные слова приводятся в современном написании.

[79] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки. ..; с. 230.

канский чрез ординарный плод *ананас* (Отчет Шумах. Петру).

Слово *фонтан* впервые встречаем у русского посла Матвеева в описании садов Версаля. В описании Карлсбадского курорта другим русским послом, Куракиным, употребляется слово *ванна*: *Ванна*, где сидеть в воде (Арх. Курак., кн. 1, 1705 г.).

Иноязычные слова, еще недоступные для понимания, часто сопровождались в текстах кратким пояснением в виде русского эквивалента: Сделать... *фортецию* или *крепостцу* (Зап. Матв.); В великой *сале*, или *горнице* (Там же); На шляпах *стреньи*, или *узлы*, такой же линты (Там же); При *армии* великой, или *войске* (Там же); *Лакеям* или *служителям* в те аппартаменты не входить (ПСЗ, 1718 г., № 3246); Без великой эксерциции в *марше* или *ходе строем*, невозможно будет учинити и тысячу шагов не потеряв все расстояния баталионов и шскадронов (О воин. Цез.); Где ныне *цейхгауз*, то есть *пушечный каменный двор* построен (Зап. Матв.); Все комнатные стольники для обучения ... *навигации*, то есть *мореплавания* и других свободных наук из Москвы были отправлены (Там же).

Иногда к русскому эквиваленту иноязычного слова добавляется его толкование: *Оувен*, или *лепешек, чем печатают письма вместо сургуча* (Уст. морск.); Которые принцессы имеют *табурет* или *стул четвероугольной, без задку и без опор*, и садятся при короле (Зап. Матв.).

Возможно и более развернутое пояснение иноязычных слов, сопровождающееся толкованием называемых ими реалий или понятий. Иногда такое объяснение имеет характер энциклопедического толкования, в некоторых случаях указывается на язык-источник заимствования:

Сделан *театр, или место, на котором изображатели представляют свои действа* (Кант., О мн. миров); *Опера — есть музыческое деяние в подобии комедии, в которой стихи поют и при оной танцы и преизрядные машины представлены бывают* (Прим. Вед., 1729 г.); *Актуариус... так называется приказной служитель, коего должность состоит содержать судебные дела в порядке и иметь попечение о всех нужных для приказа запасах* (Генер. регл.); *Долгое и широкорукавное платье, которое по французски называется роб* (Зап. Матв.); *Θеатр* — слово греческое значит то *место, где комедианты стоя изображают действо свое (полок) «позорище»* (Кант., О мн. миров);

Эллипсис, коже инние ецчною называют, у математиков есть кривая линия в себе самой замыкающаяся, от круга разнящаяся, ибо она болше в длину нежели в ширину распространяется (Комм. АН, О Кеплер. предлож.).

Все эти приемы введения заимствованных слов были первыми попытками их приспособления к лексико-семантической системе русского языка.

6. Многочисленные иноязычные заимствования Петровской эпохи явились важным средством формирования синонимии этого времени. Широкая лексическая синонимия, «многоименство», как называли это явление филологи XVIII в., — одна из характерных черт развития лексики Петровской эпохи. Лексическая избыточность выявлялась в образовании и функционировании рядов слов разногенетического источника. Диапазон смысловой близости между словами в этих рядах был необычайно широк. «... здесь вычленяются совершенно различные (и нередко подвижные в своих границах) типы отношений... от действительных синонимов, т. е. слов, совпадающих в общем значении, но дифференцированных по тем или иным существенным оттенкам значения или стилистическим признакам, до слов, вполне совпадающих в своем значении, с одной стороны, и слов, совпадающих или близких в своей предметно-понятийной отнесенности, хотя и различных по своему значению, с другой» [80]. Таким образом, синонимические ряды в языке XVIII в. (а особенно его первой трети) охватывали самые разнообразные отношения смысловой близости между своими членами. Такие ряды могли состоять: 1) из слов, имеющих общее лексическое значение, но отличающихся оттенками значения; 2) из слов, характеризующихся полной семантической эквивалентностью (лексические дублеты); 3) из слов взаимозаменяемых друг друга в пределах определенных контекстов (ситуативные синонимы). Количественно такие ряды не были ограничены. Они могли состоять из двух, трех, четырех, пяти и более слов (примеры см. ниже). Членами таких рядов выступали и сочетания слов.

Параллелизм в наименованиях был теснейшим образом связан с общими условиями формирования единых норм русского литературного языка на широкой нацио-

[80] *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.—Л., «Наука», 1966, с. 27.

нальной основе, когда происходит интенсивное взаимодействие и сближение основных генетических языковых элементов (славянизмов, русизмов, иноязычной лексики). «В области лексики в эту переходную эпоху, — пишет В. В. Виноградов, — обнаруживается брожение и смешение этих разноязычных и разностильных элементов, сказывающееся в обилии недифференцированных синонимов» [81].

В этот период были широко представлены синонимические ряды, образовавшиеся в результате столкновения слов славянского и русского источника.

Здесь прежде всего следует выделить ряды, формирующиеся неполногласными (славянскими) и полногласными (русскими) вариантами: *брада — борода, брег — берег, бремя — беремя, влас — волос, врата — ворота, глава — голова, глас — голос, град — город, древо — дерево, жребий — жеребий, злато — золото, здравие — здоровье, плен — полон, пленник — полоняник, страж — сторож, страна — сторона; здравый — здоровый, младой — молодой, хладный — холодный; влачить — волочить, пребывать — перебывать, пременить — переменить* и т. п.

Ряды могли формироваться разнокоренными славянскими и русскими словами: *вспоможение — вспомогательство — помощь — помочь — пособие; мощь — мочь — сила; бедство — беда — невзгода — напасть — несчастье; нездравие — нездоровье — болезнь — немочь — немощь; вранье — ложь — неправда; одежда — одеяние — одежа — убор — убранство — платье; нагой — голый; хладный — холодный — студеный.*

Расширение влияния живого народного языка — также одна из причин лексической синонимии. Довольно часто смысловыми параллелями книжно-славянизмов выступали слова народной речи. Ср. слова в вышеприведенных рядах: *мощь и мочь, помощь и помочь.*

Иноязычная лексика активно пополняет ряды синонимических слов, существующих в русско-славянском языковом выражении. Например: *баталия — бой — битва; пристанище — пристань — гавань — порт — рейд; матка — маточник — котва — компас; место — местность — положение — ситуация.* Ср. в походных журналах Петра (1710 г.): *Ситуация* кругом той крепости каменистая [82].

---

[81] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 72.
[82] *Сорокин Ю. С.* О задачах..., с. 28.

Многочисленные языковые контакты в Петровскую эпоху создавали возможность для существования в этот период и рядов, состоящих полностью из заимствованных слов. Ср.: *провиант — провизия — субсистенция*; *лазарет — госпиталь — контомация*; *навигатор — навклир*; *бонация — штиль*; *лагерь — кампамент*; *ландшафт — пейзаж; лозунг — пароль*; *атом — молекула.*

Образование многих синонимических рядов в этот период было связано с началом формирования в Петровскую эпоху многочисленных терминологических систем: административной, научной, военно-морской, общественно-политической, терминологий различного вида искусств. Такие синонимические ряды создавались в результате поисков слов для обозначения новых понятий. Для обозначения, например, понятия 'опыт' могли употребляться слова *искус — искушение — испытание — исследование — эксперимент — искусство — опыт — проба*; для обозначения понятия 'скорость': *скорость — беглость — прыткость — борзость — быстрота*; для обозначения понятия 'влажность': *влага — сырость — волглость — мокрота — мокрость* (*мокротность*) *— ликвор — жидкость — флегма*; для обозначения понятия 'природа': *естество — натура — природа.*

Такое равноправие в выборе лексических средств для обозначения одного и того же или близкого содержания — одно из условий последующего развития лексической системы языка. На это положение не раз указывали лингвисты. Так, Ф. П. Филин пишет: «Вариантность[83] — одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами (одни варианты на определенные отрезки времени остаются равноправными, но в таком равноправии всегда заложена возможность нарушения равновесия; другие стилистически по-разному окрашены, причем их окраска тоже изменчива; третьи укрепляют свои позиции или, наоборот, сдают их, переходя в разряд малоупотребительных или устарелых элементов) происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях»[84].

---

[83] Под вариантностью автором понимается «возможность обозначать одно и то же явление разными словами и формами».

[84] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1975, № 2, с. 11. См. об этом же: *Ярцева В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., «Наука», 1969, с. 4.

Процесс дифференциации подобозначных элементов, т. е. семантико-стилистическая дифференциация русских, славянских и заимствованных слов протекает на протяжении всего XVIII в. Для первой же его трети можно говорить лишь о намечающейся тенденции. Более интенсивно и отчетливо этот процесс проявляется во вторую половину века, но и в это время «процесс дифференциации или ограничения этих рядов еще далеко не закончен» [85].

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНИЖНО-СЛАВЯНСКИХ, СОБСТВЕННО РУССКИХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Развитие лексической системы Петровского времени, кроме пополнения словарного состава новообразованиями и иноязычными заимствованиями, характеризовалось и семантическими изменениями в кругу уже известных слов. Эти намечающиеся изменения связаны как с факторами внешнелингвистического, так и собственно лингвистического характера. Важнейшие социальные и культурные преобразования этого времени вызывали к жизни новые явления и понятия, что сопровождалось в сфере языка семантическим приспособлением к их выражению русских и славянских слов.

Семантические изменения во многом определялись и собственно языковыми факторами, в частности спецификой смысловой структуры слов разных генетических пластов. Так, например, особенности семантики ряда славянских слов, о чем будет сказано ниже, способствовали их широкому использованию для выражения новых смыслов, новых понятий, предметов и явлений.

Появление заимствований в русском языке влекло за собой не только собственно количественные, но и качественные изменения словарного состава. Процесс вхождения заимствованных слов в лексическую систему русского языка, как уже отмечалось выше, сопровождался возникновением семантических связей с русскими и славянскими словами, выражавшими близкие, сходные поня-

[85] *Сорокин Ю. С.* О задачах..., с. 28.

тия. Это взаимодействие иноязычных слов с их русскими и славянскими смысловыми соответствиями, вызывало определенные семантические изменения как у заимствованных, так и у русско-славянских слов.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРУГУ СЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ СЛОВ

1. Для церковно-книжной письменности с ее тенденцией к абстрактности изложения и оторванности от обыденной речи и конкретного быта были характерны лексические средства, выражающие в основном абстрактные, отвлеченные понятия. Такими средствами были славянизмы. Одна из особенностей семантики славянизмов, связанная со спецификой обозначаемых понятий, — абстрактность, отвлеченность их значений. Эта абстрактность значений славянизмов во многих случаях сочеталась с их синкретичностью, диффузностью. На эту особенность указывает Е. М. Иссерлин: «Существительные на *-ание* и *-ение*, представленные в Словаре Срезневского, а также другие абстрактные существительные, встречающиеся в памятниках старшей поры, обладают некоторыми особеностями в семантической структуре. Эти особенности заключаются в том, что слова этого рода были многозначными, причем многие значения не были вызваны ни сложностью самого обозначаемого понятия, ни внутренним развитием смысловой структуры, а явились результатом емкости, расплывчатости их семантики. В связи с чем такие слова могли использоваться в литературных памятниках в значениях, иногда настолько далеких друг от друга, что они с трудом могут быть сведены к общему, основному смысловому ядру» [86].

Особенностью семантической структуры славянизмов является также осложненность их различными отвлеченно-переносными значениями и употреблениями, фразеологическими связями, символическими смыслами. Возможности различных метафорических образований и переосмыслений этих слов были очень велики. «Книжно-славян-

[86] *Иссерлин Е. М.* Лексика русского литературного языка II половины XVII в. (По материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). Автореф. докт. дис. Л., 1961, с. 21.

ский тип древнерусского литературного языка полон условно приподнятых фразеологических трафаретов и словесных образов, связанных со священным писанием, богослужебными книгами и сочинениями отцов церкви» [87].

В функционировании славянизмов в исследуемый период особенности их смысловой структуры сохраняются.

1) В конце XVII—начале XVIII в. продолжает функционировать целый ряд слов с широким, абстрактным значением, связанным с традиционно установившимся кругом употребления славянской лексики в книжно-славянской письменности. Примерами могут служить такие слова, как *вещь*, *вещество*, *бытие*, *время*, *естество*, *пространство*, *тварь*, *течение*, *собрание* и др. Так, слово *вещь* могло означать: 'res, opus, πρᾶγμα', 'вещи, имущество', 'дело', 'тяжба', 'проступок', 'вещество', 'природа, естество' (Срезн.) Славянизм *течение* употреблялся вообще для обозначения всякого движения, не ограниченного субъектом действия. Славянизмы подобного рода с емкой семантикой в период интенсивных поисков средств, формирующих лексическую систему общенационального русского литературного языка, довольно часто использовались для обозначения новых, терминологически еще не обозначенных понятий и для перевода заимствованных слов. Этому содействовала семантическая подвижность славянизмов, их способность к образованию новых значений и употреблений в сфере отвлеченных понятий.

2) Широкие возможности образования новых значений приводят к многозначности славянизмов. Для этого периода следует отметить особый «стихийный» характер такой многозначности, когда «слово со сложившимся общим исходным значением в различных новых контекстах охотно принимает на себя несение новых функций, приблизительное выражение новых терминологических смыслов» [88]. Рассмотрим это положение на одном из конкретных примеров.

Славянизм *предложение* был одним из многочисленных слов, обладавших широкой семантикой. Словарь Срезневского выделяет у этого слова следующие значения: 'приношение, жертвенное приношение', 'предложе-

---

[87] *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 58.
[88] *Сорокин Ю. С.* О задачах..., с. 21.

ние, поручение', 'деятельность (?)', 'вступление, начало'; 'требование, нужда'[89].

В начале XVIII в. в переносном значении этого слова еще тесно ощущалась связь с этимологическим значением мотивирующего глагола *предлагать* 'положить, поставить перед кем-л. что-л'. Отсюда и широкие возможности конкретной реализации этого значения. Слово *предложение* могло употребляться в значении 'последовательное выражение чего-л. словами устно или письменно', сближающим его со словом *изложение*:

Но яко сия [Америка] последи прочих ново изобретена, и к сему *предложению* мало что ключима, сего ради без описания оставляется (Синопс.); то же значение в глаголе *предлагать*: И сверх того что будет еще оной отъютант наш *предлагать* словесно, то також исполняйте неотложно (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.).

Существительное *предложение* было употребительно и в значении 'содержание': Лист от милости вашей..., к нам писанной, которого *предложения* и желания выразумев, повелели мы министром нашим надлежащую на оные учинить резолюцию (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.). При переводе латинского Obiectum оно могло выступать в значении 'объект, предмет'. Например, в «Реестре» Бужинского: «*Предложение*, или *предлог*. Obiectum». Слово *предложение* употреблялось и в значении 'вопрос, проблема': Приступим ныне к решению самого *предложения* (Комм. АН, О. Кеплер. предлож.).

Рассматриваемое слово широко функционировало в языке науки в значении 'научное положение вообще'. Однако в связи с начавшимся в это время формированием более специальных научных понятий и отсутствием для них специальных терминов, слово *предложение* используется и для их обозначений, что приводит к еще большей многозначности этого слова. Как отмечает Л. Л. Кутина[90], слово *предложение* было известно в значениях 'теорема', 'аксиома' 'гипотеза', 'закон', 'теория', 'проблема' и др. Ср. 'теорема' (положение, требующее доказательств, за которым следует доказательство): Ежели таковыи вспылчивыя довольныя духи весма в тесное сожмутся место,

---

[89] В словаре Дьяченко у слова *предложение* выделены значения: 'представление, обнародование, намерение, решение, воля'.

[90] *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.—Л., «Наука», 1966, с. 62—64.

вспыхивают потом и згарают, и сие такожде *предложение* доводится физическими многими искусствами обще доведомыми (Комм. АН., О сиян северн.); 'аксиома' ('основная истина, самоочевидная истина'): Правда *предложения* велми явственна есть, что ни единого требует доказания (Там же); 'закон': в названии *«О кеплериановом предложении»* [о законах Кеплера] (Комм. АН.); 'проблема, вопрос': Проблема — вопрос мудрый, *предложение* (Лекс. вокаб. новым). В математике слово *предложение* выступало в значении 'задача'.

Подобная многозначность характерна и для целого ряда других слов: *искус, искусство, пространство, тяжесть, вещь, образ* и др. Например, слово *тяжесть* употреблялось в это время для обозначения таких понятий, как 'вес', 'тяжесть', 'тяготение', 'давление', 'груз'[91].

Эти примеры свидетельствуют о том, что многие значения славянизмов, отмеченные в текстах этого периода, не были стабильными; в процессе дальнейшего развития литературного языка они вышли из употребления. Так, например, у славянизма *предложение* в научном языке не закрепились значения 'теорема', 'аксиома', 'гипотеза', 'закон', 'задача', 'теория', 'проблема'.

3) В то же время в Петровский период намечается тенденция к специализации и закреплению значений славянизмов. Новые понятия, появляющиеся в этот период, требовали своей номинации. Для обозначения этих понятий использовались слова уже существовавшие, которые уточняли, специализировали свои прежние значения или развивали новые. Тенденция к специализации значений славянизмов связана прежде всего с формированием общественно-политической, научной, социально-философской лексики и наиболее отчетливо прослеживается именно в этих сферах.

Так, например, слово *отчизна*, как отмечает Словарь Срезневского, в ранние периоды развития языка имело следующие значения: 'отцы, предки, род'; 'вотчина, родовое владение'; 'право родового владения': Се азъ... с женою своею... записоуваем на вѣки веко имѣне *Очизны* ншеи (Отказ. зап. Олизар. Кирд. 1483 г.); То *отчизна* моихъ людеи (Приг. Жесл. и Марк. нам. 1483 г.); Мои люди вси и бояре мои старые за мою *отчизну* готови присягнути (Приг. Жесл. и Марк. нам. 1483 г.).

---

[91] Там же, с. 118—122.

Эти значения еще нередки и в начале XVIII в. Например: Единого часу учинилася брань между двома человеками за *отчизну,* и по сваре един другого вдарив (Козм., V ‹н. 18 в.› — ДРС).

Вместе с тем уже в это время у славянизма *отчизна* намечается новое, «социальное» значение: ‘родная страна, государство’: Не токмо полученную великодушными своими поступками славу утвердити, но и в предъидущие веки в *отчизне* своей несмертну сочинити можешь (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г., сент. 3); Мы со удоволством уразумеваем от всех стран о доброжелателстве и неутруждаемом вашем старании во общих интересах Речи Посполитий, *отчизны* вашей, с нами (Там же).

Аналогично употребление для этого периода и слова *отечество* [92]. В начале XVIII в. оно еще продолжает функционировать в своем старом, исходном значении ‘принадлежность по родству, место рождения’: Учеников отсылать не по *отечеству,* ни по богатству, ниже по прошению,... но по разуму (Посошк.). Лексикон Вейсмана соотносит немецкое Heimat и латинское patria с существительным *отечество, родина.* Но именно в этот период слово *отечество* начинает употребляться в новом социальном значении: ‘родная страна, государство’: Храбро идти на войну и жизнь свою положить за *отечество* весьма похвально (Кант., Сат. V, прим., 2-я ред.). Ср. также выражение *сын отечества,* формирующееся в это время под влиянием заимствования *патриот.* Так, в Словаре Вейсмана слово *патриот* поясняется словосочетанием *сын отечества*: Patriot, о отечестве своем великое попечение имеющий, *сын отечества.*

В первой трети XVIII в. формируется новое значение и у славянизма *член.* Согласно показаниям Словаря Смирнова впервые слово *член* в новом значении ‘член, участник чего-л.’, употреблено в «Генеральном регламенте» (1720 г.): Когда Президенты, или некоторые *члены* Коллегиев, ради важных причин, во отлучении дела остановки да не имеют (Генер. регл.).

В это же время появляются примеры и социально-гражданского осмысления этого слова — ‘член общества’. Именно таково его употребление в произведении С. Пу-

[92] О слове *отечество* использованы материалы, содержащиеся в книге: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., «Наука», 1972, с. 191—192.

фендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (в переводе И. Кречетовского, 1726 г.): Дабы человек возмогал в содружестве и гражданстве угодный *член* быть (К чит.); полезный *член* содружества человеческого; договор между дружеством и *членами*.

Слово *закон*, представляющее лексику социально-философского содержания, в исследуемый период также специфицирует свое значение.

В ранние периоды развития языка оно могло обозначать обычаи, церковные и религиозные обрядовые правила, юридические нормы вообще. Ср. в Словаре Срезневского: Ольга водиша и мужии его на роту по Русскому *закону*: клашасѧ оружьемь своимъ, и Перуномъ бмъ своимъ и Волосо скотьимъ бгмъ (Пов. вр. л. 6415 г. по Ип сп.); Исоусъ *законъ* оуставлаетъ оученикомъ, поущаѧ къ проповѣданиѥ (Гр. наз. XI в. 206); О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшимъ, повѣсть си есть (Илар. Зак. Благ.).

Однако понятие *закона* все чаще связывается с представлением об устройстве гражданского общества, и у слова *закон* уже в конце XVII в. появляется новое значение социального плана: И по соборному Уложению и по Градским *законам*, окопана. .. смертная убойца... крестьянка (АИ, V, 1677 г. — ДРС). В начале XVIII в. сфера употребления слова *закон* в этом значении расширяется: Правило оное именуется *закон*, которыи есть *декрет*, или установление (Пуф., О должн. чел. и гражд.); Было ли время сочинять, и писать разныя *законы*, уставы, регламенты гражданския, и земныя воинския, и воинския морския (Ф. Прокопович, Сл. о мире — ЛК).

В самых разнообразных источниках философского характера становится обычным сочетание *естественный закон*, *гражданский закон*, *всенародный закон*: Основательный *закон естественный*, сей есть, дабы всяк человек елико может имел и хранил содружество (Пуф., О должн. чел. и гражд.); *Естественный* [закон] есть, который с словесным и дружеским естеством человеческим тако согласуется, что роду человеческому честное и мирное дружество без онаго не может (Там же); Яко же бо к познанию совершенному *законов гражданских* много пользует, аще кто состояние града, обычаи и приклонности граждан совершенно познает (Там же); *Всенародный закон*...

в умах человеческих самим естеством всеянный (Бужинск,. К чит.).

К началу XVIII в. намечается терминологизация и другого значения слова *закон*: в естественно-научном языке оно обозначает закономерности развития природных явлений: Чин и *законы* небесных движений (Комм. АН, О перв. фунд.); Сие весма прилично знать, по каким законам изрядные и великие небесные телеса течение свое совершают (Располож. учен.). Однако в этом значении слово *закон* в первой трети XVIII в. встречается еще редко [93].

Л. Л. Кутина в своей работе «Формирование терминологии физики в России» указывает, что самым употребительным словом, выражающим понятие о закономерностях природных явлений в этот период, было слово *правило*: *правила движения*, *правила давления жидкостей*, *правила ударения тел* и др.: Так же надлежит и *правила* о тиснении и *движении* воды показать (Располож. учен.); Все произведения способом машин и снастей зависят от главного *правила равновесия* (Комм. АН, О перв. фунд.); Доказательство о ее [земли] движении... от самых *правил движения* (Прим. Вед., О движ. земли).

В этом же значении в научных текстах встречаются иногда слова *устав* и *обычай*: Чрез различные *уставы* течение звезд якобы отгадывати подобает (Кн. мир.). *Обычаи* движениев (Там же).

Вообще слова *правило*, *закон*, *устав* в это время не были семантически четко дифференцированы. В первой трети XVIII в. они часто взаимозаменялись. Показательно в этой связи, что нем. слово Regel в лексиконе Вейсмана толкуется словами *правило*, *устав*, *закон*. Однако слово *правило* в 20—30-х годах начинает употребляться и в значении 'закон науки' — первоначально в сочетании со словами, обозначающими какой-нибудь раздел науки о природе (*правила механики*, *правила оптики*), а затем и по отношению к родовому понятию — вообще наука. Ср.: *По правилам* Диоптрики (Кн. мир.); О главнейших *правилах* физической науки (Прим. вед., О внешн. виде земли)

---

[93] Более подробно о функционировании слова *закон* в XVIII в. см.: *Веселитский В. В.* Из наблюдений над языком произведений А. Д. Кантемира (Общественно-гражданская лексика). — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.—Л., «Наука», 1966, с. 42—43.

и др. Слово *закон* в этом значении еще не употребляется. Вытеснение им слова *правило* в значении 'закон науки' происходит позднее, в 50-е годы XVIII в.[94]

2. Собственно русские слова, так же как и слова книжно-славянского источника, наполнялись новым смысловым содержанием. Для этого времени характерна тенденция к расширению их семантического объема.

1) Усложнение смысловой структуры русских слов происходит за счет развития переносно-отвлеченных значений. Однако многие переносные значения в Петровскую эпоху только лишь начинают формироваться, поэтому употребление их может быть ограниченным, встречающимся лишь в текстах определенных жанров. Таково направление семантической эволюции слова *холодный*.

Слово *холодный* появляется в письменных памятниках к началу XVII в.[95] Его основное значение связано с понятием низкой температуры. В более ранние языковые эпохи в этом значении употреблялись два прилагательных: *студеный*, известное в памятниках письменности еще с древнейшей поры, и славянизм *хладный*.

В начале XVIII в. слово *холодный*, широко проникая в тексты научного и делового характера, употребляется в значениях, аналогичных словам *студеный* и *хладный*. Так, прилагательное *холодный* функционирует в значении 'имеющий низкую температуру'. САР$_1$ формулирует это значение как 'студеный, лишенный теплоты': *Холоднаго времени* и снегу на том острову никогда не бывает (Путеш. П. А. Толстого. — ЛК). Ср. аналогичное значение у прилагательных *студеный* и *хладный*· За неприсылкою от Прав. Сената мундира, солдаты едва не все наги, от чего в нынешнее *студеное время* могут и пропасть (Докл.

---

[94] Приведенный здесь материал о слове *правило* и его смысловых аналогах взят из книги: *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики..., с. 59—62.

[95] Позднее появление этого прилагательного в памятниках русской письменности, вероятно, непосредственно связано с поздним употреблением в письменных памятниках древнерусского языка слова *холод*. Это существительное «до XVI в. в письменном языке не встречается, по-видимому, оно не попало в памятники древнерусской письменности как элемент народно-разговорного языка» (*Смирнова О. И.* Об особенностях семантики слова *хлад* (К проблеме энантиосемии). — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., «Наука», 1974, с. 185).

в Сенате, 1, 1711 г. — ДРС); И тако статися может, что ртуть *во время* теплое и *хладное* в одной вышине стоит в трубке (Комм. АН, О исправл. баром.).

Прилагательное *холодный*, так же как и прилагательные *студеный* и *хладный*, употребляется в географических описаниях в более узком, терминологическом смысле: 'существующий за пределами умеренного пояса в направлении к полюсу': *Под кругом* же *студеным* живут многие народы сибирские (Геогр., 1710 г. — ДРС); Северный полюсный циркуль и вся *страна холодная* [пояс морозный] испорчены и худы [описание глобуса] (Мат. ист. АН 1, 1726 г. — ДРС).

Аналогично прилагательному *студеный* слово *холодный* выступает и в значении 'не отапливаемый, не имеющий отопления': И из езду они подъячие и приставы сажают нас сирот ваших зимнею порою, в морозы, в *холодные хоромины*, и морят голодом (ДАИ, 1683 г. — ДРС); Построить вновь две церкви: одну, во имя Рожества Христова, *холодную*, да подле тоя церкви другую церковь, ...для зимняго времяни, теплую (Ревел. а. 1, 1689 г. — ДРС).

Ср. со словом *студеный*: И сидел [Авв.] до Филипова поста *в студеной башне* [в остроге] (Авв. Ж., XVII в. — ДРС); А иных де их же людей побили порохом, а которые в то время не померли, заперли в темные и *студеные избы* (Гр. Башк., 1709 г. — ДРС).

Прилагательные *холодный* и *студеный* применительно к одежде употребительны и в значении «мало греющий, мало защищающий от холоду» (САР$_1$): Здесь еще тепло, так что мошъно *в холодном платье* ходить (ПБП, т. 1, 1697 — ЛК) [96].

Итак, прилагательное *холодный* в первой трети XVIII в. функционирует в нескольких конкретных значениях, связанных с общим номинативным значением 'имеющий низкую температуру'. Однако уже в этот период появляются случаи употребления прилагательного *холодный* в переносном отвлеченном значении 'равнодушный':

Такожде еще разсуждали, чтоб ему Кампредону здесь объявить, что письма к нему есть, но для его *холодных поступков* ему не отданы, а пошлются во Франдию и от-

---

[96] Ср. пример начала XVII в.: *холодная тѣлогрѣя* (АИ II, 1612 г. — ДРС).

дадутся чрез князя Куракина двору его (Проток. Верх. Тайн. Сов., 1, 1726 г. — ДРС). Более поздний пример: ...*Холодное* или безпристрастное *взирание* на его любезную (Прим. Вед., О разуме и разсужд.).

В текстах конца XVII—начала XVIII в. в этом отвлеченном значении встречается и прилагательное *студеный*. Однако такие примеры крайне редки:

А... имению тому их отморному кто будет наследник, мы то после их, страдалцов, все добре построим: материалы и отцем по пустыням рознесем... а нас за то похвалят, а мы тех прижмом, а онех еще потщимся и слабых укрепим и *студеных* разожжем (Евфр. Отразит. пис., 1691 г. — ДРС); Должны Священницы знать наипаче сия: кого на исповеди кающихся, аще кого *студеного* и без умиления видят, судом Божиим устрашить (Дух. регламент. Прибавл., 1721 г. — ДРС). Ср. в пословице: Бе(з) пива, бе(з) вина и *любовь студена* (Сб. Посл. Л. Майк., к. XVII—XVIII в. — ДРС).

Таким образом, русское слово *холодный*, появившись в литературном языке в начале XVII в., расширяет, не без влияния, по-видимому, слова *студеный*, свою употребительность в конкретном, номинативном значении, развивает в своей смысловой структуре переносно-отвлеченное значение 'равнодушный' и теснит постепенно слово *студеный*, которое со временем уходит из литературного языка, замкнувшись сферой областной, диалектной речи [97].

Подобный семантический сдвиг от конкретного значения к отвлеченному наблюдается и в системе значений слова *околичность*. Это слово в большой лексикографии отмечено довольно поздно — в конце XVIII в., в Российском Целлариусе (1771 г.). Однако оно широко употреблялось уже в начале XVIII в. в своем конкретном значении 'окрестность какого-нибудь места' (САР$_1$): В деревне Рахваловичах и в протчих местах около Кракова *в околичности*... (ПБП, т. 6, 1707 г.). Аналогичное значение имели слова *окрестность* и *обстоятельство*: Сквозь сей город течет река, именуемая Лей, которою вся *окрестность* того города и предместие может при случае нужды потоплено быть (Зап. Матв.); По довольном

[97] Подробнее об этом см.: *Юношева В. К.* О семантических связях имен прилагательных *студеный — холодный*. — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., «Наука», 1978, с. 128—140.

осмотрении всех *обстоятельств*[98] Астрабатскаго залива, и когда между тем ветр зделался благополучным, то продолжал господин Соймонов езду в Чилань вдоль Мизандронскаго берега (Соймон., Опис. Касп. моря. — Ежем. соч., 1763, 30-е годы XVIII в. — ЛК).

Вместе с тем у слова *околичность* уже в начале XVIII в. появляется отвлеченное значение, которое в САР$_1$ сформулировано следующим образом: «Все то, что говорится прежде приступа к самому делу, к самому предложению, или побочныя обстоятельства». Например: Сего мая 7-го призваны мы в Конференцию... и по обыкновенных комплементах и разговорех (sic!) *об околичностях*, приступили до дел нашего всемилостивейшаго государя (П. Шафиров, П. к Б. Куракину, 1713 г. — ЛК); Историки же, которые писали деиства болгарския будучи их неприятели, от зависти и ненависти, о многих *околичностях* надлежащих ко храбрым поступкам болгарским противу оных Царей, умолчали (Историография Мавроурбина, 1722 — ЛК); Говорливый человек... все неважные *околичности* жадно описывает, чтоб тем распространить речь свою (Кант., Сат. III); В таком же отвлеченном переносном значении употреблялись и слова *окрестность* и *обстоятельство*: Еже есть совесть чистая и разсудительная, ея же разсуждение светлое, тонкое, во всех *окрестностях* зримое и вся видящее, должно быти (Буслаев, Умозрительство душевн., СПб., 1734 — ЛК); Всем приключившимся в Коллегиях делам, или перечуем, или когда дело великои важности, то пространно со всеми надлежащими *обстоятельствы* (Генер. регламент, 1720 — ЛК).

Развитию отвлеченно-переносного значения у слова *околичность* способствовало, по-видимому, то, что оно совпадало в общем номинативном конкретном значении со словами *окрестность* и *обстоятельство*, которые в свою очередь также выступали и в отвлеченном значении как синонимичные.

Семантический объем слов *околичность*, *окрестность* и *обстоятельство* полностью не совпадал. У слова *обстоятельство* он был в начале XVIII в. шире, чем у слов *околичность* и *окрестность*. Кроме значения ‘окрестность какого-л. места’ у слова *обстоятельство* отмечается и ряд отвлеченных значений, которые позже,

---

[98] Ср. значение глагола *обстоять* ‘окружать, стоять вокруг’, отмеченное еще в «Материалах» Срезневского.

в $САР_1$ формулируются следующим образом: 1) 'Все то, что сопровождает какое-нибудь действие, и делает оное более или менее значущим'. 2) 'Иногда то же значит, что состояние'. 3) 'Подробности'. Вот некоторые примеры употребления слова в начале XVIII в. в указанных значениях: 1) Процесс есть дело судимое, чрез которыи случающыяся тяжебные дела основательным представлением, и *из обстоятельства* дел обретенных доказов (Процессы, 1715 — ЛК); 2) А какое *обстоятельство* нынешнеи королевской дом имеет, сие принадлежит к генеалогии (Геогр., 1719 — ЛК); 3) Одно малейшее *обстоятельство* не минует (Кант., Сат. III).

В течение XVIII в. эти слова семантически дифференцируются. В значении 'побочные обстоятельства, не относящиеся к делу подробности' к концу века более употребительно слово *околичность* (ср., например, замечание при слове *окрестность* в этом значении в $САР_1$: «Но в сем смысле более употребляется слово *околичность*»). Слово *окрестность* утверждается в своем основном значении 'места, окрест лежащия; окружность, окольность' (Сл. 1847) в начале XIX в. Закрепление отвлеченно-переносного значения у слова *околичность* было тесно связано с процессом семантической дифференциации слов. В Петровскую эпоху можно наблюдать только самое начало этого явления, завершение которого относится к последующему времени и связано с началом становления новых норм словоупотребления. (Более подробно об этом процессе см. в главе «Семантические взаимодействия славянских, русских и заимствованных слов»).

2) Появление переносного отвлеченного значения может сопровождаться и его спецификацией, терминологизацией. Показательна в этом плане история слова *голос*. В древнерусских памятниках оно встречается в различных значениях, которые носят конкретный характер. Ср. примеры конца XVII—начала XVIII в., иллюстрирующие, например, такие его значения, как 'звуки, издаваемые человеком и животным (речь, крик, пение)': Про то он ответчик не ведает только де за дверью *голос* слышал одного дьякона Максима (Колл. Зинченко, 1695 г. — ДРС); 'звучание различных предметов': Пищали *голос* слышать (Булав. восст., 1704 г. — ДРС); 'звучание музыкальных инструментов': Новая феория о звонах, или *голосах* флейтов, труб и других инструментов, которые через на-

дувание глас издают (Мат. ист. АН 1, 1727 г. — ДРС). «В начале XVIII в. слово *голос* получает... более отвлеченное значение — «мнение»[99]. Так, в Лексиконе Вейсмана немецкие Stimme, Wahl соотносятся с существительными *голос*, *мнение*. Слово *голос*, употребляясь в текстах делового характера и получая определенную социальную окраску, специфицирует это развивающееся отвлеченное значение и начинает означать 'право, предоставленное законодательством публично заявлять свое мнение при решении, рассмотрении государственных вопросов в государственных учреждениях' или 'само это мнение'. В САР$_1$ это значение сформулировано следующим образом: «Право при рассуждениях, где многие заседают, давать свое мнение». По-видимому, реформы этого времени в области государственного устройства, в частности новая система выборов, введенная Петром I, способствовали развитию у слова *голос* этого нового значения: Аудиторы при суде *голосу* в приговорах не имеют (Процессы, 1715 г. — ЛК); И нынешнии король многих в оное достоинство произвел, да бы в верхнем парламенте в свою сторону болше *голосов* иметь (Рассужд. о оказат. к миру); Записывать когда члены в *голосах* несогласны..., а ежели члены согласны, то *голосы* в протокол не записываются (Генер. регл.).

Это значение реализовалось часто в сочетаниях *дать*, *подать голос* (*голосы*): На здешней думе, *голосы* сенаторские, и статских министров *поданы* (Моск. вед., 1703 г.); В собрании генерал статов... такое решение учинено, да бы оным с домом аустрииским крепче соединитися, и того ради ко всем курфирстом писано от них, чтоб оне по их совету к общеи пользе домогалися вскоре цесаря обирать, и свои *голосы* королю Карлусу *дали* (Моск. вед., 1711 г.).

Определенные социальные осмысления приобретают и такие слова, как *низкий*, *мелкий*.

Слово *низкий* в языке древней поры было известно в двух значениях. Одно было связано с явлениями материального плана — 'малый, невысокий ростом', другое — отвлеченное 'незначительный, ничтожный' (Срезн.). Дальнейшая история этого слова связана с развитием второго, отвлеченного значения, вокруг и на

---

[99] *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 3, с. 194.

основе которого формируются и все его остальные значения.

В начале XVIII в. слово *низкий* начинает употребляться в социальном плане и носить печать классовой, дворянской оценки простого народа, его положения в обществе и означает 'незнатный, неродовитый' в противопоставлении знатному, высокому, благородному: Просим тако... всех высоких и *ниских* воинских и гражданских служителей (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.); У також не надлежит ... в калегии самои или в канцеляриях и в конторах, чтоб во оных человек, сколь *низок* он ни есть никогда не допущено было наказать или над ним экзекуцию учинить (Зак. Петра I, 1718 г. — ДРС); И аще сицевый его императорского величества указ состоится, что всем, как *ниским*, так и высоким персонам всем пришлых людей вывести з женами и з детми и со внучаты (Посошк., Кн. о скуд. и богат.).

Сочетание *низкий чин*, распространенное в Петровскую эпоху, означало 'низкий, простой, подлый чин, не высокое достоинство' (Вейсм. лекс.): Все пункты сего артикула право исполнять, и всякому особо высокого и *ниского чина*, без всякого изъятия нам яко государю своему присягу чинить (Артикул воинск., 1715 г. — ЛК); Никто хотя б кто он ни был, высокого или *низкого чина*, отнюдь не дерзал соперника своего вызывать, ниже на поединок с ним на пистолетах, или на шпагах битца (Уст. морск.).

Аналогичное употребление имело и слово *подлый*, которое пришло к нам в XVII в. из украинского языка через посредство языка польского: Во всем Стокголме как от знатных, так и *от подлых* ни чего иного не слышат, как о мире (Моск. вед., 1719 г.); И для того были многия высокой породы *в подлых чинах* и некоторые *из подлои фамилии* графами и баронами (Зак. Петра I, 1718 г. — ДРС).

Похожие перестройки происходили и в семантической структуре слова *мелкий*. Кроме своего номинативного конкретного значения 'небольшой по величине, объему, размерам' ('неглубокий' — Срезн., 'некрупный' — Полик.) в начале XVIII в. прилагательное *мелкий*, как и прилагательное *низкий*, приобретает социальное осмысление и употребляется в значении 'незначительный по своему общественному, экономическому положению, незнатный'. В «Рукописном лексиконе первой половины XVIII века»

это значение реализуется в сочетании *мелкая кость*: 'мелкая кость — подлеишие'. Широко употребительны также сочетания *мелкий дворянин*, *мелкий помещик*: И о сем яко высоким господам, тако и *мелким дворянам* надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих (Посошк., Кн. о скуд. и богат.); А тут им было легко приговорить, еже в прежнем указе написано, чтоб *мелким помещикам* отвозить з женами и з детми и з зажилами денгами (Там же). У слова *мелкий* происходит усложнение семантической структуры и за счет развития отвлеченного переносного значения: 'ничтожный по своим моральным ценностям'. Это значение в начале XVIII в. реализуется главным образом в сочетаниях с отвлеченными словами, обозначающими умственную деятельность человека: *мелкий разум* (Апофегмата, 1716 г. — ЛК); *мелко говоришь* (Магниц., Дело Тверест., 1716 г. — ЛК) и др. САР$_2$ определяет его как 'несерьезный, незначительный по содержанию' по отношению к «действиям ума».

3) В рассматриваемое время у ряда русских слов, обладавших в языке старшей поры разветвленной системой значений, происходит уточнение и выделение отдельных значений. В Петровскую эпоху этот процесс только намечается. Иллюстрацией этому может служить, например, история слова *хитрый*. В «Материалах» Срезневского фиксируется целый ряд значений прилагательного *хитрый*: 'искусный', 'искусно сделанный', 'творческий', 'художник' (в значении сущ.), 'знающий, сведущий', 'ученый', 'мудрый', 'разумный', 'ловкий', 'замысловатый', 'благопристойный'. В Петровскую эпоху это прилагательное также многозначно, ср. 'искусный в чем-либо, умеющий': Народ сеи есть в делах купецких и рукоделных зело *хитры* (Геогр. кр. 1710 г. — ДРС); 'замысловатый, не простой': Сия бо правила зело суть угодна, но и *хитра*, и сего ради многи многоразлично их употребляют (Арифм. Магн., 1703 г. — ДРС); *Хитрое разделение* частей земли являет, что в всех обретается некое соли подобие (Геогр. кр., 1710 г. — ДРС).

В то же время в начале XVIII в. у слова *хитрый* все отчетливее выделяется экспрессивно-оценочное значение 'действующий непрямыми, обманными путями; ковар-

ный, изворотливый'[100]: [Князь Петр]: Ах, ты шелма негодны, так ли поступаешь, *Хитрым шпіеновством* сего князя убиваешь! (Д. о Петре З. к. — XVIII в. Петровск. время — ДРС); И на сицевом роспросе, кто бы каков *хитр* ни был, а неправды своея скрыть не возможет (Посошк., Завещ. отеч.).

Экспрессивно-оценочное значение у прилагательного *хитрый* поддерживалось аналогичным употреблением существительного *хитрость*: Германны на войне веселы, *хитрости* и лукавства в себе не имеют (Козм., 1670 г. — ДРС); Да он же князь Иван [Хованской] с сыном своим, князь Андреем, умысля на Наше Великих Государей здоровье и на державу Нашу, злыми хитрости хотели Нас Великих Государей извести, и государством Нашим завладеть (Зап. Жел., 1709 г. — ДРС); И таковою *хитростию* коварною диавол... многое множество низвел в вечную погибель (Посошк., Завещ. отеч.).

Сокращение употребительности стержневого значения 'искусный в чем-либо, умеющий' у прилагательного *хитрый* в рассматриваемое время было в значительной степени обусловлено его дифференциацией со славянизмом *художьный*, совпадавшим в своих основных значениях.

4) Для собственно русской лексики, так же как и для книжно-славянской, характерна намечающаяся в этот период тенденция к специализации и терминологизации отдельных значений слов, приведшая в дальнейшем к сокращению их многозначности.

Эта тенденция часто была связана с тенденцией к дифференциации подобозначных лексических элементов, намечающейся в этот период. Интересны с этой точки зрения изменения, происходящие в смысловой структуре многозначного слова *зелье*.

Существительное *зелье* по данным «Материалов» Срезневского имело в памятниках древнерусского языка следующие значения: 'травяное произрастение, употребляемое в пищу': Имѣахоу ѳ хлѣбъ и *зелиѥ* (Муч. Фекл. 8);

---

[100] В этом значении функционировало и прилагательное *хитростный*, отмеченное, например, в Полик. лекс.: 'хитростен, ... хитрый, коварен'. Вот некоторые примеры его употребления: Аще же да явитъца *подписка* твоя *хитростная*, то и на сем свете смерти не убежиши (Посошк., Завещ. отеч.); Они парламент, познав *хитростное* того министерства *намерение*, вовсе оное отвергнул (Рассужд. о оказат. к миру).

'лекарство': Аще не приложить *зелиа* (к язвѣ), то не можеть исцѣлѣти (Jo. Злат. XIV в.); 'отрава, волшебные травы': А г подоумае жена на моужа своего зѣлїем оумори.., разлоучити ихъ (Церк. Уст. Яр.); 'взрывчатое вещество, порох': А на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ *зелья* (Разметн. сп. 1545 г.).

В значении 'взрывчатое вещество' в русском языке с конца XVI в. начинает широко функционировать и существительное *порох*[101]. Слова *зелье* и *порох* в этом значении в конце XVII в. употреблялись как полные синонимы:

И они, Свияне, за то, подкатя под тот монастырь и под двор ночью ж бочки с *порохом* тех осадных людей и старцов сожгли всех (Чел. Новг. Розваж., 1673—1696 г. — ДРС); *Порох* на второй неделе а ружье на шестои неделе отпущены до Вологды (Петр I, 1688—1701 гг. — ДРС); И казаки из твоей великого государя зелейной казны *зелье* ручное и пушечное и ружье и ядра да 3 пушки и всякую казну взяли (Гр. Хив. Бух., 1677 г. — ДРС); Послано, одна пушка, пуд *зелья*, двадцать ядер стрелных да двадцать ядер чиненых, полпуда дроби, да пушкарь (АИ V, 1687 г. — ДРС).

Оба эти слова в значении 'взрывчатое вещество' можно встретить и в текстах начала XVIII в.: 24-го Его Величество по утру был на пороховой мельнице и пробовал *порох* (Пох. журн., 1721 г. — ДРС); Шхиперы торговых кораблеи повинны из кораблеи сваих не выходя в гавен выгружать *порох*, и протчие вещи опасные от огня (Регламен. шхип., 1724 г. — ДРС); Насыпать ту трубку *порохом*, на приклад фунта 2 или как случаи покажет (Кн. о горн. д., 1725 г. — ДРС); Писали вы к Нам... Великому государю... что вы на Нашу... службу пришли, и город Азов и ключи, и наряд, и *зелье*, и свинец, и всякие пушечные... запасы с товарыщи приняли (Ворон. Петр. а., 1701 г. — ДРС); Что было все спустилось, и во многих пушек и *зелья* нет (Булав. восст., 1708 г. — ДРС).

Однако в начале XVIII в. употребительность слова *зелье* в рассматриваемом значении сокращается: его вытесняет слово *порох*.

---

[101] Слово *порох* употреблялось и в других значениях — 'пыль', 'порошок' (см. об этом более подробно ниже).

Слово *зелье* продолжает активно функционировать в значениях 'коренья, травы', 'ядовитая жидкость':

Также которые товары и казна и питье и в Оптекарский Приказ лекарства и *пряные зелья* отпущать будут... определено записывать в книги именно (Докл. в Сенате I, 1711 г. — ДРС); Издержанные у города Архангельскаго на покупку про обиход его царского величества виноградных вин и *пряных зелей* и овощей и других припасов 13.199 руб. (Докл. в Сенате V, 1715 г.— ДРС); Приезжал Бухаретин Сатим и просил в лекарства корицы, гвоздики и прочих *пряных зелий* (Унков., 1722—24 гг. — ДРС); Влил еи... *зелие*, которое тело ея едва не до костеи прогрызло (Ист. о Алекс.).

Таким образом, нараставшая необходимость в точном обозначении явлений действительности, намечающаяся нормализация литературного языка вызывали сокращение многозначности слова, его смысловое уточнение и терминологизацию.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ [102]

Проблема взаимодействия языков на лексико-семантическом уровне очень сложна, так как для периода заимствования и освоения иноязычных лексических элементов приходится учитывать как состояние лексико-семантической системы языка принимающего, так и языка дающего. Для Петровской эпохи — периода интенсивных языковых контактов, когда литературный язык испытывал наплыв многочисленных заимствований, — трудности исследования проблемы усугубляются специфическими особенностями в развитии лексики этого времени.

1. В этот период приходит сравнительно небольшое количество иноязычных слов, семантическая структура которых идентична существующей в языке-источнике. Это в основном однозначные слова, относящиеся к специальной лексике. Чаще же заимствуется многозначное

[102] В настоящей главе общая характеристика типов семантического усвоения заимствованных слов в основном опирается на исследование Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии...»; из этой же книги взято большинство привлеченного иллюстративного материала.

слово. Семантическая структура заимствованного многозначного слова на начальном этапе его вхождения в новую языковую среду в большинстве случаев более проста, чем в языке-источнике. Типы семантического усвоения заимствованных слов различны. Наиболее характерными были следующие.

Из ряда значений многозначного заимствованного слова на русскую почву в большинстве случаев приходило одно из них. Так, для слова *плюмаж* пришло только значение[103] 'украшение из перьев' и не вошло другое, известное французскому языку, — 'перья'. Из голландского со словом *дюйм* пришло значение 'мера', но не вошло значение 'палец'.

Заимствованные слова употреблялись в обобщенном, широком значении, из которого лишь в дальнейшем выкристаллизовываются другие, более частные конкретные, узкие значения и оттенки[104].

Так, например, слово *зал* употребляется в значении 'помещение': Вся убо повеленна сотворим воскоре, не укрываются волсви ни *в залах*, ни в море (Страшн. изобр., 1702 г.). Для слова *ливрея* характерно значение 'одежда вообще', для слова *пляц* — значение 'площадь' (а не 'место военных сборов'). Глагол *экзаменовать* первоначально известен в значении 'испытывать, подвергать проверке кого, что-л.'; слово *диспозиция* в сочетаниях типа *диспозиция войск*, *диспозиция духа*, *диспозиция к болезни* употребительно в самом общем значении 'расположение, предрасположение'; слово *декорация* пришло в русский язык в общем значении 'украшение'.

Иноязычное слово часто заимствуется русским языком в одном из своих узких

---

[103] Условием для выделения значения слова как элемента его семантической структуры является устойчивое употребление слова в определенных типовых контекстах. Для исследуемого периода, когда многие заимствованные слова еще труднопонятны и в текстах довольно часто снабжены разного рода пояснениями, когда функционирование многих иностранных слов еще ограничено текстами, связанными по тематике с описанием жизни той страны, откуда это слово пришло, термин «значение» в применении к такому слову можно считать в значительной степени условным.

[104] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 255.

специальных значений, закрепленных на данном этапе их усвоения лишь в определенной сфере речи. Так, слово *дефект* встречается в этот период в специальном терминологическом значении 'повреждение судна, корабля': Дать знать писменно... о *дефектах* корабля (Уст. воинск., 1720); По прибытии флота, принять *дефекты* и обще разсмотря, о починке кораблей дать указы (Регл. управ. адмиралт.). Слово *десант* вошло в военную сферу в конце первого десятилетия XVIII в. в его специальном, терминологическом значении 'высадка группы войск на вражеский берег для военной акции'. В узком значении 'обитатели двух противоположных пунктов земли, двух противоположных концов одного из диаметров земного шара' в географической сфере употреблялось слово *антиподы*. Только с конфессиональными понятиями связаны употребления слова *облатка* в значении 'небольшая круглая лепешка из прессованного пресного теста, употребляемая для причащения по католическому и протестантскому обряду'.

У большинства заимствований в Петровскую эпоху отсутствуют переносные значения. Это объясняется новизной понятий, первично обозначенных этими словами на русской почве. Так, например, в этот период были мало еще освоены понятия, выражаемые такими словами, как *авангард, цитадель, брешь, плацдарм* и др., употребляемые лишь в военной сфере, поэтому переносных значений у этих слов в исследуемый период еще не существовало.

Но в некоторых случаях слово могло заимствоваться и в переносных значениях. Прямые, конкретные значения таких заимствований на русской почве появились позднее. Слово *баланс* приходит в русский язык в Петровскую пору в своем переносном значении 'равновесие сил (в политическом, военном и т. п. отношении)'; его прямое значение появилось позже. В переносных значениях приходят слова *барьер, кредит, галантерея* и др.

В то же время на первом этапе усвоения заимствования было возможно проникновение иноязычного слова в нескольких его значениях, которые являются звеньями его семантической структуры в языке-источнике. В русской же лексико-семантической системе эти заимствованные значения характеризуются нечеткостью, неопределенностью

и расплывчатостью. Многие из них были известны лишь в окказиональном употреблении.

Слово *магазин* «появляется с последнего десятилетия XVII в. в двух (не всегда контекстуально четких) семантических вариантах: запас оружия, провианта, амуниции, различных материалов, вещей для военных нужд; само помещение, здание, место хранения подобных припасов... В 30-е г. отмечаются контексты, в которых сл. *магазин* используется для обозначения частного, личного запаса, однако это направление в употреблении слова не закрепилось» [105]. При слове Schacht (шахта) в «Русско-голландском лексиконе» (1717 г.) [106] находим рядом с утвердившимся значением 'глубина рудокопной ямы' окказиональное — 'ствол у пера', у слова *горизонт*, наряду с утвердившимся географическим значением 'круговая линия, отделяющая в глазах наблюдателя видимое им небо от земной поверхности', — окказиональное 'край у бочки'. У слова *койка,* наряду со значением 'матросская постель' — окказиональное 'клетка'.

Итак, семантика иноязычных слов в Петровскую эпоху характеризовалась неопределенностью и расплывчатостью. Количество новых употреблений у одного и того же нового иноязычного слова не ограничено системой заимствующего языка. Так, например, слово *галерея* в военной сфере употреблялось как морской термин в значении 'балкон на корабле': Кто поидет близ крюит каморы или *по галереем* кругом ее без указу командующаго караблем, тот сослан будет на галеры (Устав морск., 1720 — ЛК); как фортификационный — 'траншея': *Галлерия,* есть ход покрыт землею или дерном, его же бока суть из досок и брусьев, ...дабы мог подкопщик до бастионов в покрытие приити (Терм. форт., 1724 — ЛК); Егда осажатели *галереею* своею мокрои ров перешли, и свои ложаменты в сем валу взяли... (Кугорн., Новое крепостное строение. 1709 г. — ЛК); как бытовое слово сущ. *галерея* имело значения 'музей', 'длинная комната': В Антверпене видел я Каноника предивную *галлерею* живописных вещей (Отчет Шумах. Петру). Эти разные «значения» слов, а вернее, пока только отдельные их применения, употребления, не были еще связаны друг с другом и структурно организованы в самом слове.

---

[105] Там же, с. 280—282.
[106] *Брюс Я.* Русско-голландский лексикон. СПб., 1717.

2. Иноязычные слова в русском литературном языке рассматриваемого периода претерпевали различные семантические преобразования.

Исследователи, занимающиеся проблемой заимствований XVIII в. и указывающие на большую роль иноязычной лексики в становлении русских терминологических систем, отмечают, что «применительно к иноязычной терминологии XVIII в. характерным и массовым был процесс детерминологизации. Первой, а часто и единственной ступенью этого процесса являлось расширение сферы употребления термина путем вовлечения его в неспециальные жанры устной и письменной речи»[107]. Для исследуемой эпохи миграция иноязычной лексики из специальных сфер в общий язык — явление довольно заметное. Слово *горизонт* «как термин астрономии и математической географии известен с XVII в., в начале XVIII в. широко используется в математических и географических сочинениях. Уже в первом десятилетии выходит за пределы специальных текстов, употребляясь в своем терминологическом значении в описаниях»[108]: На левой... томбе большой написахом карабль посреди моря к весам на небесном *оризонте* (Врата торж. 1704, л. м). Слово *сфера* — «старое заимствование из гр., связанное с геометрией и астрономией. Геометрический термин на протяжении всего века не претерпевает значительных изменений. Термин астрономический, уже в начале века переводящий понятие о множественности небес и о небесной тверди в область геометрического понятия о форме, выходит в высокую книжность и в поэтические жанры, сохраняя связь со старым и новым представлениями»[109]: О совершеннейшая императрица... венец людей, столпе сфер! (С. Лихуда, Сл. на корон. Ек. I, 343, 1724).

Выход заимствованных терминов за пределы специальных текстов сопровождался и определенным изменением в их семантике. Они употреблялись в других жанрах не как строгие научные понятия, а скорее как конкретные, бытовые представления об этих понятиях. Так, например, отдельные геометрические термины (*квадрат*, *куб*, *цилиндр*, *пирамида*, *конус*) в текстах бытового

[107] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 274.
[108] Там же, с. 283.
[109] Там же, с. 284.

содержания употреблялись для обозначения формы определенных предметов: Каждая хоромина лутчее долговате нежели *квадратна* (Архит. В.); Масло изрезано четвероугольно *кубическими* штуками (Посол. Унк.).

Процесс вовлечения иноязычных терминов в общую сферу употребления связан с их образно-переносным осмыслением. Развитие образно-переносных смыслов особенно наблюдается у слов военной лексики. Так для слова *фортеция* образные употребления характерны уже для начала XVIII в.: Зело тщатся всякие мины чинить под *фортецию правды* (Закон. акты Петра I). Глагол *атаковать* встречается в значении 'нападать на кого-л. (с бранью, угрозами)': Принц ... в сем деле... обиду оному Дуку... объявил и по окончании крещения жестокими *словами атаковал* (Моск. вед., 1717 г.).

Переносным переосмыслениям подвергалась не только лексика военной сферы. Так, например, переносное употребление отмечается у слова *горизонт*: От превысокого *оризонта* высокоумия своего (Бужинск., Похвала Петерб.). Уже в Петровскую эпоху встречаем выражения: *театр войны, театр славы*. Отечество *театром войны* сочиниться может (Петр, II — ДРС).

Однако этот процесс в Петровскую эпоху не был сколько-нибудь активным, а лишь только намечался.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ, РУССКИХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Расширение функций книжно-славянской и русской лексики, приток иноязычных слов, общие сферы их функционирования создавали условия для их семантического взаимодействия.

В русском литературном языке нового времени одним из основных процессов в развитии смысловых соотношений книжно-славянской и русской лексики, с одной стороны, заимствований и их русско-славянских смысловых соответствий — с другой, был процесс дифференциации их значений. Этот процесс был связан с явлением лексической избыточности, широкой вариантности лексических средств и заключался в распадении подобозначных лексических элементов. При семантическом взаимодействии книжно-славянских и русских слов

явление дифференциации выявлялось, например, в потере у славянизмов конкретных значений, аналогичных значениям русских слов, в развитии и закреплении за словами славянского происхождения переносных отвлеченных значений. Этот процесс был длительным и продолжался на протяжении всего XVIII в. и начала XIX в. В текстах же конца XVII—начала XVIII в. еще постоянно наблюдается обращение авторов к употреблению славянских слов в устаревающих конкретных значениях (такое употребление, впрочем, характерно еще и для всего XVIII в.). Так, например, глагол *воздвигать* встречается в значении 'поднимать', *восходить* — в значении 'подниматься вверх', *ископать* — в конкретном значении 'выкопать'.

В это время лишь намечается перераспределение значений в смысловой структуре славянизмов, когда центральное место начинают занимать переносные, отвлеченные значения, а прямые, конкретные значения становятся периферийными. Именно отвлеченные значения в дальнейшей истории многих славянизмов будут актуальными или в ряде случаев единственными в слове.

Так, в семантической структуре славянизма *прах* в древнерусском языке как равноценные выступали конкретные значения 'пыль', 'пепел', 'порошок' и переносно-отвлеченное — 'тлен, что-л. ничтожное': Скачѫть, въпиють, на нбо прошѧть *прахъ* (Гр. Наз. XI в. 35); Ли излїѧсѧ масло древѧное..., ли *прахъ*, ли троскотанїе бѫде въ древѣ (Георг. ИМ (Увар) 46); Чл҃къ же не ѿ земл҃ѧ ли ѥсть, не *прахъ* ли и попелъ (Пал. XIV в. 22)[110]. В значениях 'пыль', 'порошок' с древнейших времен выступала и соотносительная полногласная русская параллель *порох*[111]: Церковь дьржи чисто, *бес пороха* и паоучинъ, паче же ѡлтарь (Поуч. свящ.)[112]. В текстах XVII—начала XVIII в. встречается, но уже редко, соотносительное употребление славянизма *прах* и русского слова *порох* в конкретных значениях 'пыль', 'порошок': И Майдан [в г. Испагани] чистят и равняют мелким камением хрящем и водою поливают для летнего конского

[110] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3. СПб., 1893—1903, т. II, стл. 1373.

[111] О другом значении слова *порох* 'взрывчатое вещество' см. выше.

[112] *Срезневский И. И.* Материалы..., т. II, стл. 1214.

праху (Котош. — ДРС); Сурма в *прах* толчется (Травник, Лечебн. — ДРС); А той *прах* всыплем в вино (там же — ДРС); Тако ж *порох* чемерицы с пресным медом смешав, то мыши морити (Леч. II — ДРС); Оным каменем тертым *на порох* присыпаем к бородавицам и тако их устребляем (Леч. III — ДРС). Ср. более поздний пример: И сей решетом пшеницу тамо внизу возходит *пыль*, сиречь *прах* на виноград (Кн. землем. — ДРС). Однако к концу XVII—началу XVIII в. старославянское слово *прах* все очевиднее становится носителем книжно-абстрактного значения 'тлен' и употребляется в дальнейшем преимущественно в этом значении: Не завидуй никому в богатстве или в каком выигрыше; помни, что все таковыя внешния имения ничто как *прах* и мечта суть (Болот., Пам. кн. — ДРС). Русское же слово *порох* соотносилось только с конкретными значениями 'пыль', 'порошок', встречавшимися в исследуемый период уже редко, и со значением 'взрывчатое вещество', широко употреблявшимся в русском языке с конца XVI в.[113] и ставшим единственным в слове. Иллюстрацией намечающейся семантической дифференциации между иноязычной и русской лексикой может служить следующий пример. Слова *обоз — багаж — тенжары* (укр. *тяжары*) в военной терминологической сфере объединялись общим значением 'походное имущество армии и совокупность перевозочных средств'. Но уже в Петровскую эпоху намечается семантическая дифференциация этих слов. Так, слово *тенжары*, пришедшее в русский язык из польского в период тесных контактов с польской армией, после 20-х годов уже неизвестно. Слово *багаж*, вошедшее из французского языка, наряду со значением 'походное имущество армии и совокупность перевозочных средств', объединяющим его в один синонимический ряд с русским соответствием *обоз*, в этот период начинает функционировать в общем языке и в значении 'дорожные упакованные вещи'. В военной терминологической сфере значение 'походное имущество армии и совокупность перевозочных средств' закрепилось за русским словом *обоз*[114].

---

[113] О дифференциации в значениях слов *порох — прах* см.: *Иссерлин Е. М.* Лексика русского литературного языка второй половины XVII в. (По материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). Докт. дис. Л., 1961, с. 275—276.

[114] См. об этом: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 304—305.

Другим важным процессом, более характерным для первой трети XVIII в., чем дифференциация, был процесс семантической аналогии, заключающийся в развитии у слов, имеющих какие-либо общие или близкие значения, новых значений, аналогичных друг другу. Появление общих сфер функционирования у слов разногенетического источника при отсутствии в этих сферах четкой стилистической дифференциации слов, а также некоторые особенности лексико-семантической системы этого времени (большая семантическая подвижность слов, абсолютная синонимия) создавали условия для интенсивного протекания этого процесса.

Примером такого семантического взаимодействия (семантической аналогии) могут служить славянизм *издать* и русизм — *выдать*.

Глагол *издать* в XVII и начале XVIII в. еще сохранял широкое значение. Так, например, в сочетании со словами *в мир, на свет* он имел значение 'произвести на свет, дать кому-л. или чему-л. жизнь, существование': И мене, холопа вашего священного величествия, присно царьствующая ваша Московия с натурою, сиесть естеством, *издаде на свет* неко праздному и бездельному житию, не токмо ко рабскому верному услужению при августейшем вашем монаршеском дворе, яко и государя моего батюшке изнесе прежде на служение ближенныя и вечнодостойные памяти отца вашего, великого государя (Пис. Постникова, 18 сент. 1695 г. — ДРС).

В середине XVII и начале XVIII в. из этого общего значения у славянизма *издать* начинает вычленяться и специализироваться более узкое, конкретное — 'выпустить в свет в печатном виде, опубликовать', реализующееся в таких сочетаниях как *издать в печать, издать в тиснение, издать на (в) свет, издать письменно*, позднее — *издать в публику*. По-видимому, это значение начинает оформляться именно в этих сочетаниях, хотя возможно употребление слова *издать* в этом значении и вне сочетаний. Ср.: Если изволит его светлость в печать издать (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.); В 22 день было вершенье вице-адмиральскому крейсехту; и как он осужден, то *издано в печать* (Пох. журн., 1695—1726 гг. — ДРС).

Наличие общего корня *дать* у глаголов *издать* и *выдать*, а также семантическая близость приставок *из-*, *вы-* способствовали тому, что глагол *выдать*, по аналогии с глаголом *издать*, стал употребляться в значении 'вы-

пустить в свет, опубликовать'. В Лексиконе Вейсмана при толковании выражения Werfallen ein Buch, librum conponere глаголы *издать* и *выдать* приводятся как соотносительные смысловые параллели — 'книгу сочинити, выдати, издати, сложити'.

Глагол *выдать*, аналогично глаголу *издать*, начинает употребляться в сочетании со словом *указ:* Того ради *выдали* ко всем полковником и старшине и всему войску Запорожскому наши *указы* (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г. окт. 30); Какие *указы* или учреждения *выдать* (Уст. воинск.).

История семантического взаимодействия этих слов продолжается и в дальнейшем.

Семантическое взаимодействие слов разногенетического источника особенно наглядно выявляется при анализе смысловых отношений слов, входящих в обширные синонимические ряды. Семантическая аналогия и дифференциация между словами может быть проиллюстрирована на примере одного многочленного синонимического ряда: *искус — искушение — испытание — исследование — эксперимент — искусство — опыт — проба,* объединенного общим значением 'научный опыт' [115].

В конце XVII—начале XVIII в. славянизмы — отглагольные существительные *искус, искушение, испытание, исследование* имели значение, соответствующее значению производящих глаголов [116], — 'научное исследование, рассмотрение'. Слова *искус, искушение, испытание* могли в этот период употребляться и в значениях 'практический

---

[115] Подробный анализ данного ряда см.: *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики..., с. 52—58.

[116] В исследуемый период глаголы *искушать, испытывать, исследовать, истязать*, семантическую структуру которых отличает многозначность и в ряде случаев нерасчлененность (диффузность) значений, выступают в светских жанрах со значением 'исследовать, подвергать научному рассмотрению'. Глаголы *искушать* и *истязать* были более характерны для произведений, ориентирующихся на книжно-славянский тип речи. Например: В желобоватость О... скляницы влагаются, которые мокроты содержат, их же применения в испражненном сосуде *искусити* хощем (Антлия духовная, л. 8); Многие люди ученые тую жде вещь в разных *искушали* странах (Комм. АН, О исправл. баром.); Невтон движения небесные чрез вины физическия *истязывати* начал (Комм. АН, О Кеплер. предлож.). На протяжении первой трети XVIII в. изменений в их функционировании не наблюдается.

опыт, знание', 'испытание, проверка годности, правильности чего-л.', однако слово *искус* и *искушение* в этих значениях были в это время редкими и устаревающими. Со второго десятилетия XVIII в. слово *искус* (реже *искушение*) начинает широко функционировать в естественнонаучной литературе в более узком и терминологизированном значении 'научный опыт' параллельно с заимствованием *эксперимент*: Часто повторен был оный *искус,* ово пред клевретством, ово в показании *искусов* всенародном пред смотрителями разного достоинства (Комм. АН, О прич. тяжести); Разшлася слава сего *искуса* [«искус пустоты» — опыт Торичелли] по Италии, Франции, способствующим Торицеллию и Марсению, когда же тоижде *искус* повторен и описан особливою книгою от Паскалия, тогда во всю Эвропу сея вещи промчеся ведение (Комм. АН, О исправл. баром.); *Искушения* частейшее повторение (об опыте Торичелли) (Там же). Слово *искус* используют переводчики «Примечаний в Ведомостях» нередко как глоссу к слову *эксперимент*: Химический *искус* с камнем азбестом делали (Прим. Вед., О азбесте); Я во оном камне сей *эксперимент* (*искус*) зделал (Там же).

Слова *искус* и *искушение* оказывают семантическое влияние на близкие к ним по значению слова *испытание* и *исследование,* которые начинают эпизодически выступать в том же значении 'научный опыт': Химические *испытания* (Кн. мир.); Сие *изследование* [*искус*] наречено есть *искус* пустоты (Комм. АН, О исправл. баром.).

В значении 'научный опыт' в это время начинает употребляться и славянизм *искусство*: А как вода в землю переменяться может, показует помянутый же Боиль в своих *експериментах* [искусствах] (Прим. Вед., О окаменел.).

Данной семантической аналогии слова *искусство* способствовало широкое его употребление в этот период в значении 'знание, умение, мастерство, полученное опытом, практикой'[117], сблизившее слово *искусство* со значением 'научный опыт' у слов *искус*, *искушение*.

---

[117] Ср., например, употребление его в «Письмах и бумагах Петра Великого»: Явился здесь мелник Тихон Игнатьев и подал доносителное писмо, в котором написал, что он имеет *искуство* на реках розбирать пороги (ПБП, т. 8, вып. 1, 1708 г.); Из одержания баталии *об искуствв* генерала разсуждать (Там же). Активно функционирует слово *искусство* в этом

В этот же синонимический ряд для обозначения понятия 'научный опыт' в 20—30-е годы начинает входить слово *опыт*, ранее принадлежавшее иной, бытовой и производственно-технической сфере. В допетровскую эпоху и в начале XVIII в. это слово имело значения 'определение качества (или общего количества) вещества, материала (по взятой доле его)', 'испытание, проверка годности, правильности чего-л.'. В значении 'испытание, проверка годности, правильности чего-л.' слово *опыт* употреблялось параллельно со словами *испытание*, *искушение*: Лутчее *испытание* [порохового] состава (Арт. Бухн.); Ездить на море на воинских кораблях *для искушения* (ПБП, т. 6, 1707 г.); в значении же 'определение качественного состава (или количества)' слово *опыт* функционировало иногда параллельно со словами *искус*, *искушение*: *Искушение* минералей (Салт., Изъявл.).

Это совпадение отдельных значений слова *опыт* со славянизмами *искус*, *искушение*, *испытание* и возможность параллельного функционирования в научно-производственной сфере способствовали его семантическому сближению, т. е. семантической аналогии с данными славянизмами. Слово *опыт* начинает употребляться в научном языке в значении 'научный опыт, эксперимент'.

Впервые в этом значении оно появляется в языке «Комментариев», но его употребление еще поддерживается словом *искус*, выступающим или в одном узком контексте со словом *опыт* или глоссируемым им: Сие ядро *в искусе* [на поле: *опыте] произшло цилиндрическое (Комм. АН, О прич. тяжести); За благо разсудилося, вещь паки *искусом* подтвердить и тако уставили что махину... получив *опыт* вещи сочинити возблаговолися (Там же). Ср. также его функционирование в «Примечаниях на Ведомости»: Воздух может очюнь стесниться, но вода никак. Флорентинские философы доказали сие некоторыми *опытами* (Прим. Вед., О местах, огнь выбрасыв.).

значении и в производственно-технической сфере языка, и в научной литературе. Например: Под оными фрегаты лоскиль в 10 дюйм положить, понеже я чрез многое *искуство* о том известен и от онаго бывает перемена к лучшему ходу корабельному (Мат. русск. флота); [Воздух] может быть тепел и холоден, что нам ежедневное *искусство* подтверждает (Прим. Вед., О инстр. к позн. погод).

В 20—30-х годах слово *опыт* получает широкое распространение в научном языке. Во второй половине века оно становится основным обозначением как понятий 'эксперимента', так и 'практического жизненного опыта'. Одновременно с вхождением слова *опыт* в научный язык и формированием у него нового значения его старое значение 'определение качества или количества вещества' (имеющееся также у слов *искус, искушение*) начинает дублироваться заимствованным словом *проба* (нем. Probe, польск. Proba), ранее всего зафиксированным в памятниках южной России. В «Азбуковнике» конца XVII в. слово *проба* толкуется словом *искус*: Проба, еже есть *искус*.

В первые десятилетия XVIII в. слово *проба* входит во все контексты, характерные для слова *опыт*, употребляясь в названном выше значении: Порох зело плох и ради вашей спекуляции посылаю *пробу* (Мат. для ист. морск. дела). Слово *проба* употребляется и в других значениях, свойственных слову *опыт* и славянизмам *испытание, искушение,* — 'проверка годности, правильности чего-л.': Шнява пошла в море для *пробы* мачт (Морск. журн. Синявина); На особливой карте учиненные по ныне от разных народов *пробы* для сыскания пути чрез Северное море в восточные земли показать (Располож. учен.); Живописного дела ученику Федору Черкасову... учинить своего художника *пробу* (Мат. ист. АН) и т. п.

Эпизодически слово *проба* отмечается и в естественнонаучной литературе. К 30-м годам оно начинает вытеснять слово *опыт* из производственно-технической сферы.

Таково смысловое взаимодействие членов синонимического ряда *искус — искушение — испытание — исследование — эксперимент — искусство — опыт — проба.* Смысловая дифференциация между членами этого ряда лежит за пределами первых трех десятилетий XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные процессы в формировании лексики русского литературного языка конца XVII—начала XVIII в. были теснейшим образом связаны с социальными и общественно-политическими изменениями Петровской эпохи. Новые общественные потребности этого времени самым прямым образом влияли на развитие лексического состава

языка, который всегда непосредственно и быстро реагирует на все изменения в общественной жизни. Развитие словарного состава в этот период тесно связано с перегруппировкой основных генетико-стилистических пластов лексики, отражающей процесс разрушения двуязычия, начавшийся во второй половине XVII в. Хотя еще по-прежнему продолжает существовать двойственность литературных норм, но именно в этот период отчетливо выявляется несоответствие лексико-фразеологических норм средневековья новым тенденциям развития литературного языка, все более расширявшего свои функции.

Процесс взаимодействия книжно-славянских, собственно русских и западноевропейских лексических элементов, теснейшим образом связанный с наметившимися сдвигами в стилистической системе литературного языка, с развитием новых стилей художественной литературы и стилей деловой речи, характерный уже для XVII в., в первой трети XVIII в. усиливается. Это взаимодействие носит пока еще поверхностный, механический характер. Относительно внешнее объединение ранее разобщенных лексических средств, необычайно важное для дальнейшего развития лексики, представляет собой «...только первые шаги в формировании национального литературного языка. В этот период только намечается тенденция к синтезу жизнеспособных и исторически перспективных элементов, ранее разобщенных: все более глубокое взаимное влияние их только начинает давать первые нестойкие плоды» [118].

Для этого периода, когда происходило сближение основных генетических языковых элементов, когда только начинало вырабатываться однозначное прикрепление наименования ко многим понятиям, связанное с поисками лучших форм их выражения, была характерна множественность обозначений, широкая синонимия лексических средств. Синонимические ряды рассмотренного периода характеризовались следующими особенностями: «незамкнутостью», являющейся следствием вхождения в лексическую систему языка XVIII в. (особенно его первой трети) иноязычных новаций и привлечением собственно русских или книжно-славянских семантических эквивалентов, облегчающих освоение этих заимствований; окказиональностью употребления некоторых слов в ря-

[118] *Богородицкий В. А.* Краткий очерк диалектологии..., с. 25.

дах; неустойчивостью, зыбкостью, «приблизительностью» значений многих слов, образующих такие ряды, и отсутствием, таким образом, четких контекстуальных размежеваний у этих слов; способностью слов в рядах в определенных контекстуальных условиях легко стилистически «нейтрализоваться».

Одно из условий, поддерживающих лексический параллелизм в наименованиях, — повышенная вариантность словообразовательных элементов, столь характерная для языка конца XVII—начала XVIII в. Множественность и незакрепленность средств выражения свидетельствовали о состоянии определенной семантической «неустойчивости», свободы словоупотребления, языковой избыточности и являлись, таким образом, характерной чертой развития лексики этого периода.

Стилистические смещения слов, принадлежавших к разным генетическим пластам, сопровождались активным пополнением словарного состава. Обогащение лексики — одна из главных тенденций в развитии языка того периода.

Интенсивно происходит пополнение лексического состава новообразованиями. Среди новообразований Петровской эпохи значительное место принадлежит собственно русской лексике. Это время отмечено созданием многих новых русских слов. Особенно активно увеличивалась группа отвлеченных существительных со значением конкретного и отвлеченного действия и со значением качества, свойства. Во второй половине века их активность возрастает еще больше. Заметно расширялась в этот период и группа конкретных существительных, называющих лицо по разнообразным признакам. В конце XVII—начале XVIII в. активизировалось и образование некоторых групп прилагательных.

Среди лексики новообразований есть слова, прочно вошедшие в словарный состав языка. Таковы, например, существительные *ломка*, *остановка*, *отпуск* (товаров), *печатание*, *чесание* (с.-х. термин), *баллотирование*, *командирование*, *минирование*, *воровство*, *зверство*, *нахальство*. Прилагательные: *артиллерийский*, *гвардейский*, *кавалерийский*, *колчеданный*, *гипсовый*, *сульфурный*, *неминуемый*, *неисчислимый*, *непроникаемый*, *несокрушимый*, в математических терминах: *делимое*, *множимое*. Но многие из новообразований этой эпохи не стали элементами лексической системы и не сохранились в литературном языке.

Особо значителен удельный вес слов, пришедших из иноязычного источника. Многие из них удержались в литературном языке и обогатили его лексическую систему. Наиболее активно пополнялись группы военно-морской, профессионально-технической, административно-государственной и бытовой лексики. Все заимствования были, в основном, конкретными наименованиями. Однако в этой общей массе было и очень много «экзотизмов», случайных слов, проникавших в литературный язык на общей волне европеизации как дань моде того времени.

Период петровских преобразований нельзя рассматривать как время только количественных изменений в словарном составе. Для данной эпохи характерны и качественные перемены в лексике. Развитие производства, ремесел, науки, культуры и связанное с этим формирование новых понятий вызывало необходимость использования для их обозначения не только новых языковых средств (новообразований, заимствований), но также и старых (славянских и собственно русских языковых элементов). Приспособление уже имеющихся в языке лексических средств к новым общественно-культурным потребностям и «вхождение» заимствований в русский язык этого периода связано с определенными семантическими процессами в кругу славянской, русской и заимствованной лексики. Рассмотренные выше семантические процессы, играющие в дальнейшем развитии лексической системы русского литературного языка едва ли не главную роль, в Петровскую эпоху лишь только намечаются. Но уже эти намечающиеся тенденции занимают определенное место в выработке норм словоупотребления этого периода.

Итак, Петровская эпоха — первый этап на пути органического объединения славянских, русских и иноязычных элементов. Рассмотренные в этом разделе тенденции в обогащении словарного состава, в семантическом развитии и взаимодействии славянских, собственно русских и заимствованных слов явились подготовительным этапом к еще более интенсивному их проявлению в становлении лексики следующего периода XVIII в.

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В 30-е ГОДЫ XVIII в. —НАЧАЛЕ XIX в.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ

1. Вторая четверть XVIII в.—первые десятилетия XIX в. — это период, за который Россия из отсталого феодально-крепостнического государства превращается в развитое европейское государство, с резко обострившимися противоречиями, вызванными зарождавшимися элементами нового социально-экономического строя — капитализма. Это период интенсивного развития социально-политических движений, общественной мысли, науки, литературы, искусства, культуры и просвещения [1].

В это время в области общественно-политической мысли намечается усиление борьбы против абсолютистской власти. На протяжении рассматриваемого периода это движение принимало разные формы и не было однородным по своему содержанию. Умеренный характер носили проекты нового государственного устройства Н. И. Панина и М. М. Щербатова, книга которого «О повреждении нравов в России» и другие труды представляют ценность не столько своей положительной программой, сколько критической частью, направленной на осуждение государственной жизни России и самодержавия вообще. Умеренно-либеральным было и русское масонство. Оно охватило довольно широкий круг передовой дворянской интеллигенции. Основная задача, которую ставили перед собой масоны, — это проповедь нравственного усовершенствования. «Ложи превращались в содружества культурных дворян... они исповедывали рационалистические убеждения и самое свое масонское дело понимали как создание свободного союза вольномыслящих и морально-чистых людей, противопоставленного официальной церкви и

[1] Краткий очерк истории русской культуры. Л., «Наука», 1967.

бюрократии»[2]. Если до середины 70-х годов масонство испытывало влияние вольтерьянских идей, то после восстания Пугачева оно приобретает мистический и реакционный характер.

Наиболее значительным движением в области общественно-политической мысли в это время было русское просветительство. Оно оказывало сильное влияние и на масонство и на другие общественные течения. Его роль в идейной и культурной жизни России огромна. Русское просветительство зародилось под влиянием идей французских просветителей, в первую очередь Вольтера, Руссо, Гельвеция, Монтескье. Их произведения широко читались в подлинниках. С середины века начинается активный перевод произведений Вольтера. Переводы публикуются как отдельными изданиями, так и в журналах. За время царствования Екатерины II было переведено и напечатано около шестидесяти произведений Вольтера. Среди переводчиков Вольтера было много крупных русских писателей (например, А. Сумароков, И. Богданович, М. Херасков, Я. Княжнин, Д. Фонвизин и др.). Вслед за Вольтером начинают распространяться в России произведения Руссо, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Рейналя, Мабли. Влияние идей французских просветителей было очень широким и охватывало людей из самых различных слоев общества. Философские и политические идеи французских просветителей проникают в преподавание многих учебных заведений, в Московский университет, кадетские корпуса. Под их влиянием оказываются и люди, близкие к правительственной верхушке. «Русское просветительство становится фактом большого общественного значения. Идеями Вольтера, Монтескье и Гельвеция пользуются даже дворянские либералы как оружием для борьбы против устоев русской крепостнической государственности; в руках радикально настроенных демократов это оружие становится... опасным для всего строя в целом»[3].

Возникает целый ряд обществ («Вольное российское собрание», «Дружеское ученое общество» во главе с Н. И. Новиковым, «Общество друзей словесных наук» и др.), ставящих перед собой просветительские цели.

Большую роль в распространении идей просветительства сыграла журналистика этого времени, особенно такие журналы, как «Трутень», «Живописец» Новикова,

[2] *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII в. М., Учпедгиз, 1939, с. 295.

[3] Там же, с. 245.

«Адская почта» и «Смесь» Эмина, «Почта духов» Крылова. Значительна была роль Н. И. Новикова, который возглавлял московскую Типографическую кампанию. Среди крупнейших публицистов-просветителей того времени можно назвать Р. Кречетова, С. Десницкого, Я. Козельского, Д. Аничкова. Русские просветители пропагандировали не только идеи различных социально-политических учений, но и основы философских, научно-естественных, гуманитарных знаний. Наивысшей точки своего развития русская общественно-политическая мысль XVIII в. достигла в творчестве А. Радищева, выступившего с призывом к народной революции. Новые общественно-религиозные движения появляются в это время в крестьянских, городских, купеческих слоях (духоборство, молоканство). Восстание Пугачева явилось выражением протеста широких народных масс против самодержавия и крепостничества.

В начале XIX в. противоречия, связанные с распадом патриархально-хозяйственной системы, все более обостряются. Вновь остро встает вопрос об освобождении крестьян. Распространяются идеи французской революции. Большое значение в развитии освободительной мысли в России имела Отечественная война 1812 года. Важнейшим событием этого времени было и создание тайных декабристских обществ. Именно восстание декабристов явилось первым этапом русского освободительного движения.

Со второй половины XVIII в. начинается и расцвет русской науки. Он в первую очередь связан с именем М. В. Ломоносова — русского ученого-энциклопедиста, внесшего большой вклад в разработку таких разнообразных областей науки, как филология, история, химия, физика, астрономия, геология. В это время активно развиваются самые различные области знаний — математика (С. К. Котельников), химия (И. И. Лепехин, Н. П. Соколов), астрономия (С. Я. Румовский), физика, география, история и филология. Организуются научные экспедиции по Северной Азии, Сибири, Камчатке (две экспедиции Беринга 1725—1730 гг. и 1732—1743 гг., в которых принимали участие С. П. Крашенинников, И.-Г. Гмелин, Ф. И. Миллер и др.), кругосветное плавание (в 1803 г. Ю. Ф. Лисянский и И. Ф. Крузенштерн), экспедиция к берегам Антарктиды (1819—1821 М. П. Лазарев и Ф. Ф. Беллинсгаузен). Наибольшие научные успехи были достигнуты в области математики и естествознания. Сре-

ди гуманитарных наук на первое место выдвигается история (ср., например, такие имена, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Г. Ф. Миллер, Авг. Шпецер, Н. М. Карамзин).

Со второй половины XVIII в. вновь начинается постепенное развитие образования, которое после смерти Петра I переживало кризис, выразившийся в сокращении сети общеобразовательных и профессиональных школ. Открывается целый ряд новых учебных заведений. В это время усиливается их социальная дифференциация. Только для дворян были открыты Сухопутный шляхетский корпус (1731 г., в нем учились А. П. Сумароков, М. М. Херасков, И. П. Елагин и др.) и Пажеский корпус (1759 г.). В 1755 г. был основан Московский университет (с тремя факультетами — юридическим, медицинским и философским). Он был открыт для представителей всех сословий и с самого начала своего основания становится одним из основных центров просвещения, вокруг которого группируются демократические слои общества. При университете открываются две гимназии — для детей дворян и разночинцев, а с 1756 г. начинает выходить вторая русская газета — «Московские ведомости». Открывается ряд других учебных заведений: училище при Академии художеств и Академии наук, Смольный институт, коммерческие училища в Петербурге и Москве, особые школы для разночинцев, детей купцов, мещан. В 1786 г. был разработан план основания широкой сети учебных заведений в провинции. В уездных городах открывались «малые народные училища» (со сроком обучения — 2 года), в губернских — «главные» (срок обучения — 5 лет). Большое количество учебных заведений возникает в начале XIX в. В 1803 г. было учреждено Министерство народного просвещения. Выходит новое положение об устройстве учебных заведений 4-х разрядов — приходских, уездных, губернских (или гимназий) и университетов. В первые два десятилетия открываются новые университеты (к тому времени в России существовало три университета — Московский, Виленский, Дерптский) — в Харькове (1804 г.), Казани (1814 г.), Петербурге (1819 г.) и ряд других учебных заведений: Демидовский лицей в Ярославле (1805), Институт инженеров путей сообщения в Петербурге (1810), Царскосельский лицей (1811), Ришельевский лицей в Одессе (1817), гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине.

Во второй половине XVIII—начале XIX в. создается значительная база для успешного развития издательского дела. К середине XVIII в. существовало около десяти типографий. Большинство изданий печаталось в типографии Академии наук. После разрешения в 1783 г. организации вольных типографий растет их число. Они основываются в разных городах страны (Ярославле, Костроме, Тамбове, Тобольске и др). К 1813 г. существовало уже 66 типографий.

Быстро растет и количество изданий. Если за период 1726—1740 г. выпущено всего 175 названий книг, то за период 1741—1761 гг. издается по 30 названий в год, всего же издано 827 названий. В последующие годы XVIII в. ежегодный выпуск увеличивается до 200 названий, а общее количество книг составляет около восьми тысяч.

По количеству издаваемых книг на первом месте стояли произведения художественной литературы (оригинальной и переводной), книги исторического и религиозно-богословского содержания, затем шли научная литература и периодическая печать.

Ко второй половине века относится и зарождение журналистики, которая сыграла большую роль в распространении основных идей просветительства, научных знаний, произведений художественной литературы. Особое оживление журнальной деятельности приходится на 1769—1774 гг. (в общей сложности за это время выходило 16 журналов) и на начало XIX в. (появляются такие крупные журналы, как «Вестник Европы», «Русский Вестник», «Сын Отечества», «Москвитянин»). Тематика журналов была самой разнообразной — художественная литература, оригинальная и переводная (часто переводы появлялись почти одновременно с выходящими на западе оригиналами), наука, путешествия, политика, искусство, музыка, моды; «это делало журналы не только замечательным орудием просвещения, но и обусловило их особую роль в создании русского «метафизического» языка. Широчайший круг новых понятий, связанных с различными сторонами умственной, духовной жизни общества, нашел в них свое определение и выражение» [4].

Большое место в это время в издательской продукции занимают переводы. В 1786 г. было учреждено «Собрание,

[4] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., «Наука», 1972, с. 44.

старающееся о переводе иностранных книг на российский язык». За пятнадцать лет существования «Собрания» было выпущено 112 названий книг в 173 томах. Наиболее популярными были античные авторы и писатели XVIII в., особенно французские, среди них — Монтескье, Вольтер, энциклопедисты, Корнель, Свифт, Тассо.

С 30—40-х годов XVIII в. начинает поступательное движение русская художественная литература. За сравнительно недолгое время русская литература проходит такие значительные этапы своего развития, как классицизм, сентиментализм, романтизм, каждый из которых представлен именами крупных писателей. XVIII век, впитав в себя, усвоив все лучшие достижения мировой литературы, сумел создать и свою оригинальную литературу, высокую по своим художественным и идейным достоинствам. Русская литература XVIII в. становится большой общественной силой. Крупнейшие писатели и поэты XVIII—начала XIX в. выступают не только как художники слова, но и как видные общественные деятели и передовые мыслители своего времени. Литература XVIII в. всем ходом своего развития подготовила расцвет русской художественной литературы в XIX столетии, когда она становится явлением мирового значения.

Художественная литература в это время стоит в центре внимания общественной и культурной жизни страны. С путями развития художественной литературы связываются и пути развития национального русского литературного языка. Проблемы художественной литературы и проблемы языка неразделимы для современников, литературные и языковые споры тесно переплетаются. Художественная литература становится ареной борьбы, в ходе которой решаются кардинальные вопросы языкового развития, выкристаллизовываются новые нормы литературного словоупотребления.

Для этого времени вообще характерен подъем русской филологической мысли. Возникает интерес к фольклору, диалектологии. В 1783 г. по проекту Е. Р. Дашковой создается Российская Академия, которая основной своей задачей ставит изучение и упорядочение русского языка. Все крупнейшие писатели были вовлечены в работу Академии. Итогом этой работы был выход первого большого толкового словаря русского языка — Словаря Академии Российской (1789—1794 гг.), имевшего огромное значение для формирования норм русского литературного языка и

не потерявшего своего исторического значения вплоть до наших дней.

XVIII век — это время расцвета русского искусства.

В 30-х годах возникает официальный театр. Постепенно его репертуар становится все более национальным: начинают ставиться пьесы А. П. Сумарокова. В 1756 г. Екатериной II учрежден «Российский театр» (с 1832 г. — «Александрийский»), директором которого назначается А. П. Сумароков. В театре широко представлен русский репертуар, играют русские актеры (Семенова, Яковлев, Каратыгин). Благодаря деятельности В. И. Лукина и П. А. Плавильщикова, выступавших против классицизма, в театры проникает мещанская драма, комедия, комическая опера. В 1824 г. открывается Малый театр, с которым связаны имена таких крупных актеров этого времени, как Щепкин, Мочалов. Широко распространены крепостные театры. Возникают театры типографских рабочих и фабричных учеников в Петербурге и Москве.

С 30—40-х годов XVIII в. начинается новый этап в развитии музыкальной культуры страны. Широкую популярность получает итальянская опера в Москве и Петербурге. Распространяются новые формы инструментальной музыки, растет мастерство придворного оркестра, все шире в музыкальную жизнь страны вовлекаются русские музыканты. Музыкальная культура охватывает все более широкие круги дворянской интеллигенции, а через нее — и простого народа. Очень популярными были постановки оперных спектаклей на любительских сценах. Такие сцены существовали при Московском университете, Институте благородных девиц, Шляхетском корпусе. Большое распространение получают домашние театры. Так, в 1780—1820 гг. действовало более 170 помещичьих театральных сцен, на которых играли крепостные актеры и более 100 крепостных оркестров.

Последние десятилетия XVIII в. были важным периодом в становлении национальной музыкальной культуры, выразившемся в складывании национальной композиторской школы, появлении национальной оперы, в возникновении новых форм инструментальных и вокальных произведений. Появляются такие комические оперы, как «Анюта» (текст М. В. Попова, музыка В. А. Пашкевича), «Мельник — колдун, обманщик и сват» (текст А. О. Аблесимова, музыка М. М. Соколовского), «Несчастье от

кареты» (текст Я. Б. Княжнина, музыка В. А. Пашкевича). На это время падает и творчество Д. С. Бортнянского — классика русской духовной хоровой музыки.

Подъемом ознаменовано в это время развитие архитектуры. В Петербурге создаются такие шедевры русского зодчества, как Большой царскосельский дворец, Большой дворец в Петергофе, Зимний и Смольный дворцы (архитектор В. В. Растрелли), здание Академии художеств (А. Р. Кокоринов, Ж. Б. Валлен-Деламот), Каменноостровский дворец, здание Арсенала (В. И. Баженов), Таврический дворец (И. Е. Старов), Академия наук, Смольный институт (Д. Кваренги); в Москве — Дом Пашкова (Библиотека им. В. И. Ленина, Баженов), Сенат в Кремле, Университет, Голицынские больницы, Дворянское собрание (М. Р. Казаков). К началу XIX в. относится возведение в Петербурге здания Адмиралтейства (А. Н. Воронихин), Биржи (Тома де Томон), Исаакиевского собора (Монферран), Михайловского дворца (К. И. Росси), в Москве — Большого театра (А. А. Михайлов и О. И. Бове), Московского университета (перестройка Жилярди), Торговых рядов на Красной площади (О. И. Бове). Достигает расцвета творчество таких крупных зодчих, как Растрелли, Баженов, Казаков, Кваренги, Воронихин, Монферран, Тома, Бове, Михайлов, Росси, Жилярди.

Развивается скульптура (Н. Ф. Жилле, М. И. Козловский, Ф. И. Шубин, Фальконэ, Мартос, Щедрин и др.). Живопись в это время представлена именами выдающихся русских художников — А. П. Антропова, Ф. С. Рокотова, В. Л. Боровиковского, С. Ф. Щедрина (XVIII в.) и др. В 1757 г. была основана Академия художеств, в конце XVIII в. — Эрмитаж. Их открытие свидетельствует о том большом авторитете, который получает искусство в общественной жизни страны.

Таким образом, в своем общественном, культурном, научном развитии Россия достигает уровня передовых западноевропейских государств. «Европеизация» страны идет ускоренными темпами. Однако при быстром и глубоком освоении опыта и достижений европейских государств в России этого времени формируются и становятся определяющими «национально-патриотические настроения и тенденции»[5], которые охватывают все сферы общественной и культурной жизни.

[5] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 159.

2. С факторами социально-культурного характера тесно связано и развитие русского литературного языка рассматриваемого периода.

С 30-х годов XVIII столетия начинается новый этап в развитии литературного языка. Это период активного сложения общенационального русского литературного языка, превращения его из «системы систем» [6] в единую систему национального литературного языка. С этого времени «поиски общенациональной нормы составляют основное содержание истории русского письменного языка» [7].

Две основные тенденции определяют развитие лексики русского литературного языка в этот период: 1) тенденция к максимальному обогащению словарного состава с помощью самых различных способов номинации, сопровождаемому явлениями избыточности; 2) тенденция к системному упорядочению лексического состава литературного языка (преобразование внешних отношений между различными генетико-стилистическими пластами — внутренними семантико-стилистическими отношениями, формирующими новую лексико-семантическую и лексико-стилистическую системы русского языка).

Первая тенденция теснейшим образом связана с внешнелингвистическими факторами — потребностями в номинации огромного количества новых понятий, явлений, предметов, которые появились в связи с развитием социально-экономической, общественной, культурной жизни страны. Однако особенность данной эпохи состоит в том, что не только потребности номинации определяли интенсивность процесса обогащения лексического состава. Стремление к «многоименству», поиски наиболее рациональных средств номинации при отсутствии строгих нормативных регламентаций обусловливали собою появление огромного количества новых наименований.

В это время активизируются все способы номинации. Интенсивно используются лексический состав литературного языка, унаследованный от предыдущих эпох, — лексика русская литературная и книжно-славянская. Расширяются сферы их употребления, стилистические и семантические функции. Одно и то же слово неоднократно при-

[6] *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 66.
[7] *Винокур Г. О.* К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. — Вестн. МГУ, 1947, № 5, с. 47.

способливается к выражению новых смыслов. Широко используются и архаические средства языка. Словарный состав литературного языка этого времени активно обогащается и новыми словами. Активизируются словообразовательные процессы. Новообразования составляют значительную часть новой лексики этого времени. Продолжается интенсивное заимствование иноязычных слов. Для данного периода характерна и активизация процесса «контрноминации средствами русского языка»[8], сопровождающая процесс заимствования. Русский литературный язык этого времени обращается и к внутренним ресурсам живой народной речи: идет активный процесс освоения общенародного лексического фонда и диалектной лексики.

Активизация всех способов номинации создает условия для возникновения лексической избыточности (дублетности наименований). Продолжается лексическая избыточность как внутрипластовая, так и межпластовая, существовавшая в предшествующие периоды. Она осложняется возникающими уже в данное время многочисленными «переименованиями» старых названий. При создании наименований как для уже имевших обозначение старых понятий и явлений, так и для новых могли использоваться одновременно различные способы номинации — словообразование, семантические преобразования старых слов, заимствование готовых единиц из иностранных языков и внутренних ресурсов русского языка (общенародная лексика и диалектизмы). Если учесть широкую внутрипластовую и межпластовую синонимичность слов, могущих служить основой для словообразовательных или семантических процессов (например, для «контрноминации» заимствования *революция* использовалось русское слово *переворот* и славянизмы *превращение* и *преврат*), дублетность многих словообразовательных моделей, заимствования наименований для одного понятия из разных языков, то можно составить представление о той высокой степени избыточности словарного состава, которая существовала в рассматриваемое время.

Однако в это время начинает активно проявлять себя и тенденция к системному упорядочению лексического состава литературного языка. Она находит свое выражение в разных процессах — стилистических, семантических, словообразовательных, процессах

---

[8] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 288.

внутри синонимического ряда. Эта тенденция была обращена на преобразование внешних отношений между различными генетико-стилистическими пластами — внутренними семантико-стилистическими отношениями, формирующими новую лексико-семантическую и стилистическую систему русского литературного языка. Направленность этой тенденции определила характер и содержание складывающейся общенациональной нормы литературного языка, когда он из «системы систем» превращается в единую систему национального литературного языка.

Изменение соотношения и характера взаимодействия между разными генетико-стилистическими пластами и в первую очередь между русской и книжно-славянской лексикой, является основным процессом этого времени. Эти изменения обусловили в той или иной степени все основные лексические процессы, характерные для данного периода. Поэтому наиболее важным представляется выявление тех стилистических, семантических, словообразовательных процессов, которые способствовали внутреннему взаимопроникновению и объединению этих двух генетических пластов, тех «внутренних сил, которые подмывали изолированность этих пластов» [9].

В зависимости от изменений соотношений различных генетико-стилистических пластов в рассматриваемый период выделяются четыре внутренних хронологических периода:

I. 30—50-е годы XVIII в. (Ломоносовская эпоха).

II. 60—70-е годы XVIII в. («Славяно-русский язык»).

III. 80—90-е годы XVIII в. («Карамзинская эпоха»).

IV. Начало XIX в. (10-е годы).

Однако выделение этих четырех периодов показывает лишь основные ступени в изменении характера соотношений разных генетических пластов. Необходимо иметь в виду, что для изучаемого времени свойствен «параллелизм развития и более или менее длительное сосуществование различных стилистических систем, отражающийся и в параллелизме нескольких признанных норм словоупотребления» [10].

---

[9] *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского литературного языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.—Л., «Наука», 1966, с. 33—34.

[10] Там же, с. 23.

Лексические и стилистические процессы в рассматриваемое время отличаются сложностью и противоречивостью, обусловленными особым состоянием литературного языка. «Это, бесспорно, состояние перехода, обнажившихся внутренних противоречий, а вместе с тем их нерешенности, постоянных колебаний» [11].

Можно указать целый ряд внутренних противоречий, характерных для рассматриваемого времени [12]. Сильная степень изменчивости словарного состава сочеталась с постоянно возникающими задержками и возвратами, новым обращением к устаревшим формам. В это время усилилась тенденция к нормализации словоупотребления, к его жесткой регламентации, и в то же время существовала значительная свобода словоупотребления, свидетельствовавшая об отсутствии единой нормы литературного словоупотребления. Замкнутость отдельных стилистических систем сопровождалась вместе с тем высокой степенью проницаемости некоторых из этих систем. На протяжении всего рассматриваемого периода система литературной лексики характеризовалась явной недостаточностью, с одной стороны, и в то же время высокой степенью избыточности (свободное сосуществование в ней вариантных форм) — с другой. Для данной эпохи были свойственны стилистико-семантическая ограниченность слова и одновременно недостаточность смысловой и стилистической дифференциации слов. Семантическая негибкость слова, прикрепление его к традиционно-установившемуся кругу употребления сочетались с его стихийной полисемантичностью, а тенденция к использованию лексической архаики — с активизацией словотворческого экспериментаторства, что отражало не только потребности номинации, но и стремление к постоянному новому именованию и переименованию вещей. В это время усиливаются также различные пуристические тенденции, охрана «чистоты» общего типа языка, его славянско-российского ядра — и одновременно наблюдается активный приток иноязычных слов. Резко противостоят друг другу книжный и разговорный языки и в то же время отсутствуют четкие и устойчивые границы между ними.

Эта непрямолинейность, противоречивость лексических процессов, являясь, с одной стороны, отражением

---

[11] Там же, с. 20.
[12] См. там же, с. 20 и дальше.

особого неустойчивого и противоречивого языкового состояния, свидетельствует, с другой стороны, о сложности и напряженности поисков наиболее оптимальных решений на пути создания единой национальной нормы как в принципах отбора языкового материала, так и в принципах его организации.

Как уже отмечалось, тенденция к нормализации находит свое выражение в различных процессах. В рассматриваемую эпоху очень остро стоял вопрос о стилистическом упорядочении лексики. Прежде всего это касалось старого, унаследованного от двух типов древнерусского языка словарного состава. В данное время стилистическим процессам принадлежит важная роль в органическом объединении лексики различных генетико-стилистических пластов. Они в большой степени определяли направление семантических и словообразовательных процессов и судьбы новаций. Однако в свою очередь семантические и словообразовательные процессы и лексические неологизмы оказывали значительное влияние на характер стилистических изменений, способствуя также внутреннему взаимодействию и слиянию разных пластов лексики. Поэтому важно показать эти процессы в их связи и взаимовлиянии.

ДВИЖЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Движение словарного состава обусловливается двумя процессами — обогащением (пополнением) лексики и процессами, связанными с утратами определенных групп слов или их архаизацией, постепенным выходом из активного употребления, подготавливающим их утрату.

Активизация процесса обогащения словарного состава русского литературного языка была теснейшим образом связана с интенсивным государственным, экономическим, общественным, культурным и научным развитием страны, с насущными потребностями во множестве новых понятий и явлений, относящихся к самым различным сферам и областям общественной жизни. Поэтому центральным для этого времени остается вопрос о формировании определенных лексико-тематических групп, которые пополнялись наиболее интенсивно. «Чрезвычайно актуальной темой применительно к XVIII в. является исследование процессов формирования так называемой отвлеченной лек-

сики, прежде всего лексики, связанной с выражением важнейших социально-политических, философских, этических и эстетических представлений эпохи. Ее можно было бы в общем виде формулировать как изучение формирования терминологии русского просветительства» [13].

Не менее важен и вопрос о развитии различных групп конкретной лексики, вызванном прогрессом производственно-экономической жизни государства, становлением терминологии различных областей промышленности, ремесел, наук, искусств.

Обогащение словарного состава в этот период шло и за счет пополнения его экспрессивными средствами.

Ведущее место в пополнении словарного состава занимают новообразования. Продолжается интенсивный процесс заимствования иноязычных слов. В рассматриваемое время начинается процесс более широкого включения в литературный язык и освоения общенародной лексики и диалектной.

Для данного времени, когда решался вопрос о национальных основах русского литературного языка, основной является проблема, связанная с ролью различных генетико-стилистических пластов в процессе обогащения лексики литературного языка. Эта роль определяется как чисто количественными характеристиками, так и значимостью (актуальностью) различных лексико-тематических групп, специфичных для слов того или иного пласта, а также и широтой функционирования слов, входящих в эти группы. При самом активном участии слов всех генетико-стилистических пластов в процессе обогащения литературной лексики ведущая роль в этот период принадлежит русской лексике. Это свидетельствует об интенсивности в рассматриваемое время тенденции к демократизации русского литературного языка.

Важной является и проблематика, связанная с функционированием лексики, вливающейся в литературный язык. Здесь встает вопрос о сферах употребительности лексики разных генетических пластов; о путях и степени ее освоения, об особенностях функционирования, специфичных для слов каждого пласта, и общих чертах, в которых нашли отражение основные тенденции развития языка этого времени. Существенной в эту пору была

[13] *Сорокин Ю. С.* О задачах..., с. 33—34.

тенденция к слиянию лексики разных генетико-стилистических пластов. Она проявляется, например, в таких фактах, как объединение слов, принадлежащих к разным пластам, в пределах единых лексико-тематических групп, а также в формировании общих для этих слов сфер функционирования, что создавало условия для стилистической и семантической ассимиляции и слияния разобщенных ранее элементов.

Все более интенсивно, особенно по направлению к концу века, действует и тенденция к системному упорядочению лексического состава русского литературного языка, направленная на преодоление лексической избыточности. Как показывает рассмотренный ниже материал, внутренний языковой механизм и пути устранения языковых дублетов были различны.

С тенденцией, направленной на преодоление избыточности словарного состава, связаны и процессы утрат и архаизаций. Для этих процессов в рассматриваемый период именно эта тенденция является наиболее важной и представляет наибольший интерес особенно в тех случаях, когда утраты и архаизации приобретают системный характер и свидетельствуют о становлении определенных норм словоупотребления. Вторая причина процесса утрат (внеязыковая), связанная с устареванием самих понятий, обозначаемых словами, не была специфичной для данной эпохи и менее показательна для выявления основных тенденций языкового развития.

Таковы основные аспекты рассмотрения движения словарного состава.

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В рассматриваемое время новообразования занимают ведущее место в общем процессе обогащения словарного состава русского литературного языка [14].

В этот период новообразованиями особенно интенсивно пополняются определенные лексико-семантические и тематические группы. Наиболее характерный и важный для данного периода процесс — пополнение состава

[14] См. об этом в кн.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., «Наука», 1975. В разделе широко используются материалы и выводы, содержащиеся в этой книге.

различных групп отвлеченной лексики. В то же время развитие промышленности, ремесел, различных областей науки настоятельно требовали новых номинаций конкретно-предметного значения.

Продуктивность и специфика новообразований в это время определяются характером и состоянием русской словообразовательной системы. С 30-х годов XVIII в. интенсивное развитие получают те словообразовательные тенденции, активизация которых намечается еще в Петровскую эпоху. Становятся продуктивными многие словообразовательные модели, формирующие характерные для изучаемого времени лексико-семантические группы. В кругу имен существительных наиболее активными были образования на *-ость*, *-ство*, *-ние* со значениями отвлеченного качества, свойства, действия, состояния.

Особую активность проявляют новообразования на *-ость*. Для этого суффикса расширяется круг производящих основ: растет число новообразований от прилагательных отыменных, а также от прилагательных с глагольными и глагольно-именными основами (прилагательные с суф. *-тельн-*, *-к-*, *-лив-*, *-чив-* и др.).

Большая продуктивность в изучаемое время характерна и для новообразований на *-ство*. Этот суффикс свободно соединяется с основами всех частей речи. Особую активность он обнаруживает при соединении с основами существительных со значением лица. Однако значительно сокращается количество новообразований от основ качественных прилагательных со значением отвлеченного качества, свойства. Эти существительные вытесняются новообразованиями на *-ость*.

Одной из наиболее активно пополняющихся групп новообразований, как и в предшествующую эпоху, были существительные на *-ние* со значением отвлеченного и конкретного действия. Эти существительные характеризуются большой свободой образования. Активизация словообразовательной модели на *-ние* также сопровождается дальнейшим расширением круга структурных типов производящих основ. Продолжается рост новообразований с суф. *-к(а)* со значением действия и с суф. *-тель* со значением лица.

Среди прилагательных, как и в первую треть XVIII в., продуктивными были новообразования с суф. *-н-*, *-ов-*, *-ск-* со значением качественности и относительности. В связи с общим процессом развития категории качест-

венности активизируются образования качественных прилагательных с суф. *-тельн-* и (*не*)*—-ем-/-им-*.

Активизация определенных словообразовательных моделей помимо общих причин, обусловленных возросшими в данную эпоху потребностями номинации, определялась и специфичными для XVIII в. причинами.

Так, например, бурный рост новообразований был обусловлен дальнейшим по отношению к Петровской эпохе значительным расширением словообразовательной базы за счет включения в словообразовательные процессы слов разных генетических пластов, имевших ранее ограниченную сферу функционирования. Значительно возрастает состав русской лексики, принимающей участие в словопроизводстве, увеличивается количество бытовых и стилистически сниженных слов, характерных для разговорной речи. Активно включаются в словообразовательные процессы иноязычные слова. Возникают новые словообразовательные типы, до этого времени неизвестные русскому языку и вызванные к жизни влиянием иноязычной лексики. Таковы прилагательные на *-ическ-*, *-альн-*, *-арн-*, *-онн-*.

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НОВООБРАЗОВАНИЙ

I. Во второй половине XVIII—начале XIX в. активизировался процесс формирования отвлеченной лексики. Наиболее продуктивными лексико-семантическими группами слов в это время были новообразования-существительные со значениями отвлеченного качества, свойства, признака, состояния, действия.

Эта лексика в основной своей части была общеупотребительной, широко распространенной в разных стилях русского литературного языка. Значительную часть отвлеченной лексики составляли и специальные слова, активно участвовавшие в формировании различных терминологических сфер.

1. Одну из наиболее многочисленных лексико-семантических групп составляли новообразования со значением отвлеченного качества и свойства. Такие слова объединяются в разные тематические группы.

1) Наиболее характерной для развития лексики этого времени была группа слов, относящихся к внутреннему миру человека, его моральному облику, чертам характера, психическому складу [15]. Продуктивность этой группы новообразований особенно возрастает в последние десятилетия XVIII в. Это связано с повышением интереса к личности, к духовной жизни человека, к его психическим и физическим свойствам, чувствам, настроениям, к его поведению, к взаимоотношениям с другими людьми. В это время выходит много отечественных и переводных философских сочинений, в которых делаются попытки охарактеризовать отношения индивидуума с окружающим его миром, с обществом, с природой, определить черты его характера, проявляющиеся в этих отношениях. Развитие художественной литературы сентиментального и романтического направления также способствовало распространению слов названной лексико-тематической группы.

Преобладающими здесь были существительные с суф. *-ость*, образованные от качественных прилагательных. Это связано с дальнейшей по отношению к Петровской эпохе активизацией этой словообразовательной модели. Таковы слова:

бдительность, безбоязненность, безграмотность, беззаботливость, безопытность, безрассудность, бережливость, бескорыстливость — бескорыстность, беспристрастность, бессловесность, бессовестность, бестолковость, бесхарактерность, бесхитренность, бесчеловечность, бесчувственность, благоумность, бойкость, болтливость, брезгливость, вероломность, ветреность, взыскательность, влюбчивость, внимательность, ворклиность, ворчливость, вспыльчивость, гневливость, говорливость, горделивость, добросердечность, доверенность — доверчивость, домовитость, жадность, забиячливость, заботливость, забывчивость, завистливость, задумчивость, заносчивость, запальчивость, застенчивость, избалованность, изнеженность, искательность, кичливость, коварность, крикливость, ласковость, легковерность, лживость, мечтательность, мнительность, мужественность, надменность, напорчивость, насмешливость, неаккуратность, невнимательность, недоверчивость,

[15] См. об этом: *Войнова Л. А.* Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка, с. 205—236.

недогадливость, нежность, необузданность, неосмотрительность, непослушность, неразумность, нерассудливость — нерассудность, нерешительность, нескучливость, несмысленность, нетерпимость, неумолимость, неустрашимость, неуступчивость, обходительность, общительность, опрометчивость, опытность, ослушность, осмотрительность, откровенность, переимчивость, повелительность, подозрительность, порядочность, похотливость, почтительность, правдивость, преданность, предприимчивость, пренебрежливость, привязанность — привязчивость, приметливость, примиримость, принужденность, пристрастность, притворность — притворчивость, прихотливость, прометчивость, проницательность, пунктуальность, пылкость, пытливость, работливость, радивость, разборчивость, разговорчивость, раздраженность, раздражительность, рассудительность, рассудливость, расточительность, рачительность, ревнивость, решимость, решительность, рьяность, самолюбность, самонравность, сговорчивость, сердечность, скаредность, скучливость, слезливость, смешливость, смышленность, сожалительность, спесивость, спокойность, спорливость, ссорливость, старательность, степенность, страшливость, строптивость, стыдливость, суеверность, суетливость, терпимость, толковитость, трезвенность, трудолюбность, трусливость, угодливость, уклончивость, упрямость, усердность, услужливость, уступчивость, утонченность, фамильярность, хвастливость, хлопотливость, холодность, целомудренность, честолюбность, чистоплотность, чувственность, чувствительность, чуткость, щекотливость, язвительность и др.

Значительно меньшее участие в формировании этой группы отвлеченной лексики принимали новообразования на *-ство*, производные от качественных прилагательных (эта словообразовательная модель в данную эпоху теряет свою продуктивность). Однако и здесь можно отметить такие новые слова, как *благородство, высокомерство, добросердство, знатство, отважество, проворство* и немногие другие.

Существительные данного типа широко представлены в публицистике, художественных произведениях, в философской литературе, освещающей вопросы отношения личности к обществу, к природе. Например:

Ежели кто столько издерживает имения, сколько законы разума, справедливости и благопристойности требуют, то такое качество называется *бережливость* (Ко-

зельск., Фил. предл.); Они могут превратить *чувствительность* человеческих тел в *бесчувственность* (Там же); Вселяется в душу его высокомерие, гордость и *неуступчивость*; Приемлет *строгость* и святость законов (Там же); Флегматик приходит иногда в сильный гнев и *запальчивость* (Брянц., Слов. о зак. прир.); Человек, во всем том недоверчивый, что для *необузданности* его кажется предосудительным и опасным, не верит и самой истине (Там же); *Вспыльчивость* производится... от таящегося в нем [человеке] гнева (Там же); Единая *неосмотрительность* и неосторожность [людей] производит сие действие (Болот., Мысли о романах); Неутомимая его [настоятеля] *заботливость* о благе своих родных (Там же); Я наследовал от отца моего как *вспыльчивость*, так и непамятозлобие (Фонв., Чист. призн.); [Люди] без всякого размышления предаются безумной *ветрености* (Крыл., Почта дух.); Можно ли таковую жизнь почесть счастливою, в которой надлежит быть непрестанно... в *недоверчивости* (Там же); Видя их... *недогадливость*, всякий должен думать, что они, просто сказать, глуповаты (Карамз., ПРП).

2) Обширную тематическую подгруппу новообразований со значением качества, свойства составляют слова, называющие качества и признаки «широкого» значения, т. е. такие, которые обозначают отвлеченные понятия, явления окружающего мира, как естественного, так и социального:

бескрайность, бесчисленность, взаимность, временность, делимость, ложность, многочисленность, неразделимость, неоспоримость, неправильность, обманчивость, обширность, ограниченность, огромность, одинаковость, основательность, неосновательность, переменчивость, продолжительность, протяженность, удобность, численность и др.

Сфера употребления таких слов широка. Их можно встретить и в публицистике, и в художественной, и в научной литературе:

Под влиянием тепла, холода, *продолжительности* времени они [люди]... изменились (Каверз., О перер. животн.); *Неразделимость* общей славы с личною, взаимное усердное вспоможение, окрыляют разум человеческий (Карамз., ПРП); *Основательность*... есть искусство уметь так связывать свои умствования, чтоб из одного предложения выходило другое (Козельск., Фил. предл.); Оно

[солнце] по неизмеримой *обширности* всемирного строения, за далечайшие планеты сияет беспрестанно (Ломон., Происх. света); Одни только слабые души... рассуждая по малой *обширности* своего света, почитают за невозможность... открыть себе чистую дорогу (Полен., О сост. крестьян); *Неоспоримость* предлагаемых мною истин (Батур., Исслед. кн. о забл. и истине); По причине простоты, краткости и *удобности* языка (Трет., О учрежд. унив.).

3) Расширение подгруппы существительных — названий качеств предметов, наблюдающееся еще в конце XVII в., продолжается и в данный период интенсивного развития естественных наук (физики, химии, биологии, астрономии и т. д.), разных отраслей промышленности.

В лексикографических и литературных источниках встречается много слов такого типа (чаще всего — образования на *-ость*, реже — на *-изн-*), как например:

блеклость, бурливость, бурность, впалость, вязкость, глубокость, горючесть, готовность, громкость, грузность, жаркость, жидкость («свойство жидкого»), *замысловатость, зыбкость, загрубелость, звучность, короткость, красивость, кривизна, крутость, крупность, летучесть, линючесть, липкость, маркость, мелкость, мутность, мылкость, надежность, непроходимость, непрочность, ноздреватость, огромность, отборность, отлогость, плавкость, плотность, податливость, прилипчивость, продолговатость, просторность, прочность, пышность, прямизна, резкость, рябость, свежесть, серость, сизость, скользкость, текучесть, топкость, тусклость, тягучесть, удобность, ужасность, узкость, упругость, хрящеватость, цепкость, шаткость, шероховатость, ядовитость, яркость.*

Несколько примеров их употребления:

[Галилей] в таком мнении оставался, будто твердые тела никакой *липкости* не имеют (Прим. Вед., О тверд. тел); Что вы упомянули о *липкости* воды, то нет ли подобного тому свойства и в твердых телах? (Козельск., Рассужд.); Гамбергер говорит что и твердые тела имеют в себе *вязкость* (Там же); *Упругость*, протяжение, делимость, движимость, тяжесть и прочие свойства суть общие как человеку, так и всем одушевленным и неодушевленным телам (М. Пекэн, Физиол.—ЛК); Он походит на большой, желтый, зрелый и в *продолговатости* грановитый огурец (Кеарни, Кораблекрушение, перев. Ф. Каржавина — ЛК); *Пышность* сего дома могла поравн-

няться с пышностью первейших дворцов в Европе (Крыл., Почта дух.).

2. Увеличивается в XVIII в. группа отвлеченных существительных, обозначающих различные отвлеченные и конкретные действия. Они часто образуются как от глаголов, давно бытующих в русском языке, так и от новых глаголов.

1) Слова со значением отвлеченного действия относились к самым различным сферам жизни человека — умственной и практической деятельности, психической и моральной сторонам жизни.

Наиболее продуктивными в этой группе были существительные с суф. *-ние*. Часто вместе с обозначением отвлеченного действия они совмещали в себе и названия состояний, явлений, конкретных реалий. Таковы некоторые из новообразований на *-ние*:

бодрствование, властвование, воспользование, востребование, выдумывание, вычисление, довольствование, завиствование, мысление, множение, нагнетение, надзирание, наскучивание, неблаговоление, невосприятие, недопущение, неудовольствование, обвинение, обеднение, обесчещение, обнародование, обогащение, ободрение, обожание, обременение, обручение, обществование, огорчение, одобрение, опустошение, остервенение, отгадывание, отсоветование, отягощение, перерождение, погрешение, подозревание, подразделение, подчинение, помещение, посвящение, пособствование, почувствование, предвкушение, предопущение, предосуждение, предостерегание, преподавание, претерпевание, преуспевание, признание, приноравливание, припамятование, согласование, сообразование, увеличение, узнавание, умничанье, утомление, философствование, хозяйствование, чувствование.

Новообразования на *-ние* со значением отвлеченного действия употреблялись широко, хотя и носили оттенок «книжности». Например:

Философы мучили себя понапрасну в трудном *выдумывании* тем ложным умствованиям названий (Козельск., Фил. предл.); *Вычисление* математическое (Фонв., Выб. гуверн.); [Совет] предлагается в полную вашу свободу без обязательства, без правила, а потому, кажется, без оскорбления, да даже и без *наскучиванья* (Козельск., Рассужд.); Поведением своим приобрел я благоволение герцогини и *одобрение* публики (Фонв., Чист. призн.).

Среди этих новообразований значительное место занимают и существительные на *-ство*. В этих словах, так же как и в существительных на *-ние*, значение отвлеченного действия совмещалось с результативно-глагольным значением (в XVIII в. существительные на *-ство* имели более ярко выраженную глагольность, чем в последующие эпохи). Таковы:

браковство, шатовство, хвастовство, удостоинство, водительство, зажигательство, запирательство, избирательство, искательство, наблюдательство, надзирательство, оборонительство, оказательство, отбывательство, отлагательство, подозрительство, подражательство, показательство, предостерегательство, предсказательство, предускорительство, почитательство, пренебрегательство, провожательство, производительство, разбирательство, соправительство, состоятельство, старательство, укрывательство, учредительство, язвительство и др.

В отличие от существительных на *-ние*, сфера распространения которых была очень широка, возникновение и первоначальное употребление существительных на *-ство* было характерно для деловой речи.

2) Активно пополнялась группа слов со значением конкретного действия. Эти слова широко охватывают сферу практической деятельности человека, обозначая различные конкретные физические действия.

Наиболее продуктивными среди этих образований были существительные с суффиксами *-ние* и *-к-*. Например:

а) *боронование, брызгание, буравление, ввинчивание, взбалтывание, выделывание, выворачивание, выкапывание, выработывание, довязывание, доглаживание, забрызгивание, заворачивание, завтракание, загораживание, заикание, запекание, клеймение, коверкание, ковыряние, колупание, колыхание, крахмаление, лепление, марание, муравление, мыление, навинчивание, нагружение, надевание, надрезывание, наливание, намазывание, нанизывание, напечатывание, насекание, настилание, натирание, ночевание, ныряние, обваливание, обваривание, обрабатывание, объезжание, огораживание, ограбление, ограничение, освежение, опоражнивание, осушение, отлупление, переплетание, поворачиванье, подслушивание, причесывание, пробуравливание, разваривание, связывание, сгибание, склеивание, случание, спотыкание, ужаривание*;

б) *выжимка, выплавка, доставка, окраска, осушка, перекройка, переплавка, переработка, промывка, разливка, расковка, расплавка, ужимка* и др.

В свете общих тенденций развития русского литературного языка этого времени большой интерес представляют новообразования на *-ние*. Среди них — значительное количество слов, образованных от глаголов конкретной семантики, бытовых и зачастую стилистически сниженных. Это свидетельствует о все расширяющемся процессе вовлечения русской лексики, в том числе и разговорной, в словообразовательные модели, ранее не характерные для нее.

Существительные на *-ние*, а также на *-к(а)* широко употребляются в разных стилях и жанрах литературного языка, в том числе и в художественной литературе. Например:

а) [Натура] черпает воду для *освежения* жаждущей земли (Карамз., ПРП); Позвонки к *поворачиванью* принадлежащие (Крашен., Опис. Камч.); Обстоятельства, которые ... при *нагружении* [судна] примечены (Там же); [Государь] продолжал... упражняться... в... прилежном *опоражнивании* рюмок и стаканов (Болот., Зап.); И сколько в них [в бочках] будет веса, о том на каждой с *нарезыванием* означить (ПСЗ, т. 20, 1776, II); Места, ближайшие к Ледовитому морю, неудобны совсем к *обрабатыванию* (Радищ., Опис. Тобольск. наместничества — ЛК); При *вырабатывании* сего плана (Болот., Мысли о романах);

б) Там построить завод для *расплавки* руд (Крашен., Опис. Камч.); Два молота, один для *расковки* меди, а другой для разбивания флюса (Лепех., Путеш.); За *выплавку* чугуна плата бывает не попудно, но по месяцам (Там же); А как довольно в пряжу вопьется краска, то в отделку обмакивают в чистый щелок и сушат без всякой *промывки* (Там же).

3. Продуктивной в изучаемое время была группа новообразований, обозначающих отвлеченные понятия, значительная часть которых представляла собой философские понятия, хотя и широко распространенные. Многие из этих слов обособились по значению от семантики производящей основы. Слова, принадлежащие к этой группе, активно образовывались и широко употреблялись во всех сферах литературного языка. Это, например, такие слова, как:

деятельность, двойственность, единственность, зависимость, независимость, крайность, необходимость, непрерывность, неспособность, одинаковость, обязанность, определенность, особенность, особливость, ответственность, отраженность, относительность, ощутительность, прерывность, раздражительность, свойственность, случайность, способность, терпимость и др.

Примеры их употребления:

Необходимость есть исчадие существования (Зерц. безбож.); *Необходимость* того требовала (Десн., Собств.); Правила истинности выводятся: 1) От *свойственности* наших чувствований справедливости и несправедливости (Десн., Из Блэкстона); Кто посредственное старание приложит к познанию философии, тот довольное понятие, по крайней мере довольную *способность*, приобрящет и к прочим наукам и художествам (Поповск., Речь); В природе бывает прехождение от одной *крайности* в другую (Брянц., Слово о прир.).

4. Большую лексико-семантическую группу среди новообразований с отвлеченным значением составляли слова со значением состояния, хотя эта группа пополнялась менее активно, чем рассмотренные выше. Значительное место здесь занимали существительные, называющие состояния внутреннего мира человека, физические состояния живого существа, состояния, связанные с социальной жизнью человека и другими явлениями окружающего мира.

Среди слов, обозначающих моральное и физическое состояние человека, многочисленны существительные на *-ость*, образованные от качественных прилагательных. Таковы слова:

бездейственность, бесчувственность (состояние лишившегося чувств), *беременность, безутешность, задумчивость, замешанность, усталость* и др.

Меньшую часть составляли существительные на *-ство*, образованные от качественных прилагательных (*замешательство, малолетство, материнство, нейтральство, чреватство, спокойство* и др.), а также образованные от основ существительных со значением лица. Эти существительные обычно характеризуют состояние человека, связанное с разными сторонами социальной жизни (*банкротство, вассальство, кандидатство, членство, затворничество, невольничество, сестриничество* и др.).

Некоторые новообразования со значением состояния охватывают явления более широкого круга:

безвестность, бесплодность, готовность, застылость, обветшалость, отдаленность, отделенность, оцепенелость, подчиненность, прилепленность, смутность, улежалость и др.

Слова — названия состояний используются в разных речевых сферах (конкретная сфера их употребления определяется их лексическим значением). Например:

Родитель мой в *задумчивости* несколько дней проводил (Фонв., Мним. глух.); Целые дни могла просиживать в глубокой *задумчивости* (Карамз., Рыц. наш. вр.); Развращенность сына приводит фамилию в *замешательство* (Новиков, Восп. дет.); Она берегла меня на дороге во время сна моего и ласками облегчала мою *усталость* (Вечера [Мармонтель] — Моск. журн., 1791 — ЛК); [Скукобред] не покоряется *усталости* (Крыл., Похв. речь); Иметь во всякой *готовности* надлежащие до земледелия орудия (Полен., О сост. крестьян).

5. Единичны в данную эпоху новообразования — названия общественно-политических, религиозных и философских учений:

Атеитство (в конце века вытесняется словом *атеизм*), *масонство* (появляется в конце века), *пирроничество*, *якобинство*.

II. Интенсивно в изучаемое время пополняется и состав конкретной лексики. Эта лексика получала широкое применение во всех жанрах литературного языка, в том числе и в художественной литературе.

Среди конкретных существительных, число которых возрастало на протяжении всего XVIII в., очень продуктивной оказалась группа существительных со значением лица.

1. По степени активности протекания этого процесса выделяется несколько подгрупп. В первую входят существительные, называющие лицо по выполняемым им производственным процессам и занятиям. Появление и укрепление того или иного нового слова с указанным значением тесно связано с развитием промышленности, с дифференциацией производственных процессов, появлением новых видов ремесел, с изменениями в сельском хозяйстве, торговле, транспорте. Наиболее продуктивными здесь были образования с суф. *-ник* и *-щик*. В неспециально терминологических общих лексикографиче-

ских источниках содержится первичная фиксация, например, таких слов, как: *лудильщик, лепщик, красильщик, пильщик, вырезыватель, выжигатель, костяник, меховщик, полотер, печатник* (тот, кто делает или вырезает печати) [16]; *подбойщик* (тот, кто подбивает обувь); *ледокол* (работник, занимающийся колкой льда); *пололъщик, пчеловод, крючник* (работник, который посредством крюка носит на себе тяжести); *мыльщик* (продавец мыла), *птичник* (тот, кто ходит за птицами), *перепродавец* (барышник); *меновщик* (тот, кто занимается меной), *волосочес.*

2. На протяжении всего XVIII в. активно пополняется группа существительных на *-тель* со значением действователя [17], производных от глаголов как конкретного, так и отвлеченного значения. Например: *ломатель, разносителъ, подаватель, отделитель, посылатель, получатель, усыпитель, пробудитель, обогатитель* (тот, кто делает богатым), *одолжитель, облегчитель, волнователь, укрыватель, повторитель, рассказыватель, исчислитель.*

Подобные слова по направлению к XIX в. приобретали все более широкую сферу применения, теряли свойственный им до середины XVII в. книжный характер.

3. Третья подгруппа — это существительные, называющие лиц по их отношениям к другим людям, по их поведению, чертам характера, качествам душевным и физическим. В этой подгруппе значительное место принадлежит словам, заключающим в своем значении экспрессивно-эмоциональную оценку человека. Таковы, например:

баловень, баловник, бедокур, весельчак, ветреник, вздыхатель, взяткобратель, взяточник, влюбленник, вольнодумец, враль, врун, выдумщик, выскочка, головорез, греховодник, крючкотворец, лежебок, маратель (худой живописец, маляр или сочинитель), *медлитель, мечтатель, молодчина, недоброжелатель, обожатель, остряк, переманщик, примечатель, притеснитель, прихвостень, прихотник, причудник, проказник, силач, скряга, совместник, сочувственник, сплетник, сутяга, упрямец, шутник.*

---

[16] Толкование значений дается по $САР_1$.

[17] См. об этом в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., «Наука», 1964, с. 20.

Круг употребления слов — названий лиц очень широк. Использование их в той или иной конкретной сфере связано с их лексическим значением. Так, слова со значением действователя, наименования лиц по их качествам, поведению выступают в публицистике, в научной и в художественной литературе (как в авторской речи, так и в речи персонажей). В художественной литературе и в публицистике чаще, чем в источниках другого характера, используются слова с экспрессивно-эмоциональной окраской. Несколько примеров на употребление слов этого типа:

Рассказывателя сей повести (Болот., Мысли о романах); чтущий справедливость *примечатель* (Батур., Исслед. кн. о забл. и истине); Любезных прелестей любезный *обожатель* (Держ., К портрету Н. М. Карамзина); Некоторые *влюбленники* в философию учатся ей лет по сороку (Козельск., Фил. предл.); Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славный *Выдумщик* (Живоп.); До внутренности потрясенный *вольнодумец* прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти (Радищ., Путеш.); Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! *сочувственник* мой, посвящено да будет (Там же); Надобно этого *взяткобрателя* отправить хорошенько (Лукин, Щепетильник — ЛК); Это и подлинно было чрезвычайно, что из такого *остряка* сделалась самая деревенская тупица (Чулк., Пересмешн.).

III. Активно пополнялся в рассматриваемое время и состав имен прилагательных.

1. В группе слов, характеризующих духовный мир человека, его внутренние качества, немалую часть составляют имена прилагательные.

Продуктивными в это время были новообразования с суф. *-ск-*, *-еск-* от имен лиц, в семантике которых содержится элемент качественной оценки. Таковы, например, слова:

безбожнический, волшебнический, дурацкий, канальский, кощунский, мошеннический, отшельнический, петиметрский, подданический, пустыннический, ребяческий, ругательский, фиглярский, хватский, шильнический, щегольский и др.

Прилагательные с суф. *-ский*, относящиеся к рассматриваемой тематической группе, широко представлены

в разных литературных жанрах (особенно в художественной литературе второй половины XVIII в.).

Активно пополняется эта лексико-тематическая группа и отглагольными прилагательными на *-тельн-*. Во второй половине XVIII в. возрастает продуктивность этой словообразовательной модели. Эти прилагательные также характеризовали моральные и духовные качества человека (нередко — с экспрессивно-оценочным элементом). Таковы:

восхитительный, изобретательный (ум), *необходительный* 'грубый, невоспитанный', *мерзительный, оболстительный, омерзительный, ослепительный, отвратительный, очаровательный, пленительный, предусмотрительный, презрительный, признательный, привлекательный, развратительный, разительный, старательный, трогательный, умилительный, усладительный, чувствительный.*

Ряд прилагательных на *-тельн-* являются кальками, возникшими при переводах с западноевропейских языков, как например *замешательный, занимательный, изобразительный, невразумительный, обстоятельный, поразительный, привлекательный, трогательный, умилительный.*

Хотя прилагательные на *-тельн-* и получили широкую употребительность в литературном языке изучаемого периода, они на протяжении всего XVIII в. сохраняли стилистическую окраску книжности.

Группа прилагательных, называющих качества душевного мира человека, его чувств, поведения, обогащается и за счет новообразований с суффиксами собственно русского происхождения *-чив-, -лив-*. Таковы прилагательные:

задумчивый, раздумчивый, выдумчивый, приметливый, сметливый, доверчивый, недоверчивый, разговорчивый, улыбчивый, разборчивый, уступчивый, неуступчивый, прихотливый, запальчивый, застенчивый, навязчивый, жалостливый, хлопотливый, придирчивый, задирчивый, бережливый, влюбчивый, тревожливый, беззаботливый, задорливый.

Прилагательные этого типа распространены преимущественно в художественной литературе, публицистике, в научных произведениях философско-психологического содержания:

Бережливый или любостяжательный человек не расточает, ни влюбляется в свое имение (Козельск., Фил.

предл.); Человек, во всем том *недоверчивый*... не верит и самой истине (Брянц., Слово о зак. прир.); Сидит, облокотясь, Ветрана под окном, И, возведя свои унылы-ясны очи К *задумчивой* луне, сестрице смуглой ночи, Грустит и думает (Дмитр., Причудница).

2. В это время образуется большое количество относительных прилагательных от существительных — названий лиц по должности, профессии, званию, рангу, социальному положению и др. Большую роль в создании таких новообразований играла заимствованная лексика, активно пополняющая группу названий лиц и увеличивающая число новых производящих основ.

Для примера можно назвать группу прилагательных, обозначающих отношение к лицу, названному по должности, профессии, званию, рангу. Эти прилагательные употреблялись в сочетаниях с существительными, обозначающими профессию, звание, должность и др. Примеры:

архитекторское звание, *асессорский* чин, ранг, *баронское* чиноначальство, *бригадирский* ранг, *графское* достоинство, *губернаторская* должность, *деканский* чин, *директорская* должность, *императорское* достоинство, *инженерский* чин, *информаторская* должность, *камергерский* чин, *канцеляристский*, *капральский*, *комендантский*, *комиссарский*, *консульский*, *переводческий*, *прапорщический* чин, *прокурорская* должность, *регистраторский* ранг, *сержантский* чин, *смотрительская* должность, *советнический* чин, *старостский* чин, *управленческая* должность, *церемонимейстерский* чин и т. д.

Основной сферой бытования этой лексики был деловой язык, однако эти прилагательные широко употреблялись в общелитературном языке.

3. В связи с развитием промышленности, различных промыслов, ремесел, разных отраслей науки интенсивно пополнялись и более специальные области номинаций. Пополнение этих отраслей специальной лексикой идет в основном за счет семантических преобразований уже существующих в языке слов, а также за счет заимствования готовых лексических единиц из других языков, русских народных говоров, профессиональных и социальных диалектов. Восполнение недостающих звеньев в словообразовательном гнезде было основной причиной роста новообразований-прилагательных. Здесь можно выделить несколько групп:

прилагательные, образованные от существительных — названий одежды: *галстушный, доминный (доминная маска), корпеточный, кофточный, косыночный, ливрейный, манжетный, мишурный, мундирный, муфточный, платошный, плащевый, пряжечный, саванный, сандалийный, сертушный, туфельный, тесемочный, фартучный, фишбейный, шароварный, шляпный, штиблетный, юбочный* и др.;

прилагательные, образованные от существительных — названий материалов: *батистовый, блондовый, венисовый, вигоневый, гарнитурный, гарнитуровый, гарпиусный, грезетовый, глазетовый, гродетуровый, драгетовый, дымковый, камлотный* и *камлотовый, канифасный, касторный, каламенковый, казимировый, кисейный, клиночный, коленкоровый, креповый, люстриновый, миткальный* и *миткалевый, мирсинный, парусинный, плисовый, поплиновый, саржевый, сафьяновый, ситцевый, тиковый, флоретный, штофовый* и *штофный.*

К расширяющимся группам прилагательных относятся цветообозначения (главным образом — обозначения различных оттенков основных цветов спектра). Часто — это сложные слова с составной частью *светло-, темно-, густо-.* Например: *светлосерый, темносерый, густозеленый, светлозеленый, светложелтый, темножелтый, светлокрасный, темнокрасный, темноцветный.* Сюда же относятся прилагательные с суф. *-оват-, -еват-*, служащие для выражения слабой степени проявления данного цветового признака: *сероватый, голубоватый, светловатый.* В кругу цветообозначений выступали и прилагательные типа: *землистый, золотистый, серебристый, тусклый.*

Важным стимулом расширения группы прилагательных — цветообозначений являлось развитие промышленности, в особенности красильной, связанной с текстильным производством, с развитием таких отраслей науки (ботаники, зоологии, химии, минералогии и др.), которые особенно нуждались в точных обозначениях цветов и их оттенков. Вот несколько таких слов: *сажной* (в красильной промышл.), *луковый, медовый, меловой* (в минералогии), *пыльный, зольный* (в других профессиональных сферах). Сферы возникновения и применения таких прилагательных в основном специальные [18].

[18] См.: *Грановская Л. М.* Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII—XX вв. Автореф. канд. дис. М., 1964.

Новые прилагательные-цветообозначения, в подавляющем большинстве своем образованные от имен существительных, очень интересны с точки зрения процессов их окачествления[19]. Этот процесс, как известно, — один из основных в истории русской литературной лексики нового времени.

Интенсивно пополнялся состав специальной лексики в административно-канцелярской, юридической, коммерческой сферах. Большое количество новых прилагательных в этой области образованы от иноязычных основ (слова иноязычного происхождения, как известно, очень активно входили в эти сферы):

Апелляционный, ассекурационный, ассигнационный, дирекционный, инквизиционный, конституционный, контрреволюционный, контумационный, конфедерационный, конфискационный, коронационный, коэкационный, операционный, пенсионный, ревизионный, революционный, реляционный, станционный и *стационный, фундационный, экзекуционный, экспедиционный, эмиграционный, юстификационный* и др.

Значительную группу здесь составляют новые прилагательные от русских основ, вошедшие в терминологические сочетания, типа:

верительное и вверительное письмо, *верительная* грамота, *возобновительный* трактат, *дозволительное* письмо, *заступательная* речь, *напоминательный* указ, *обнадеживательная* грамота, *объявительное* писание, *объявительная* грамота (указ, письмо), *отпустительная* грамота, *предостерегательные* известия, *предызвестительные* письма, *прельстительные* письма, *простительная* грамота, *рекомендательное* письмо, *уведомительное* писание, *утвердительная* речь (акт), *увольнительный* вызов, *узаконительная* грамота и др.

Многие из терминов этого типа возникли под непосредственным влиянием западноевропейских языков в процессе калькирования составных терминов:

одобрительное, препоручительное письмо (фр. lettre de recommandation, нем. Empfehlungsschreiben), *отрешительный* приговор (нем. widerrufliches Urteil), *подстерегательный* корабль (нем. Spähschiff), *помоществователь-*

---

[19] Там же, с. 7—8.

ные войска (фр. auxiliaires troupes), *постановительный* закон (фр. loi fondamentale) и нек. др.

В сфере военной и морской лексики прилагательные образовывались главным образом от основ иноязычных слов:

дивизионный, демаркационный, коммуникационный, контрибуционный, контрваллационный, навигационный, обсервационный, операционный, порционный, рационный, редукционный, рекогниционный, фортификационный, циркумваллационный.

Активно протекает формирование специальной лексики в области минералогии, химии, развитие которых было связано с потребностями горной и металлургической промышленности. Терминология этих отраслей науки (названия многих минералов, металлов, сплавов) пополняются путем заимствования иноязычных или диалектных слов. На их базе образуются многочисленные производные — в основном относительные прилагательные:

агатный, адамантный, аквамариновый, амарантовый, амиантовый, аметистный, гранитный и *гранитовый, асбестовый, базальтовый, бирюзовый, бриллиантовый, бронзовый, висмутовый, вальфрамовый, ворванный, диамантовый, известковый, кварцевый, квасцовый, кобальтовый, лазурный, лаковый, латунный, малахитовый, марганцевый, молибденовый, мышьяковый* и *мышьячный, нектаревый, никелевый, перламутровый, платинный, ртутный, сланцевый, смарагдовый, топазный* и *топазовый, фаянсовый, фосфорный, хромовый, цинковый, шпатный, яхонтовой* и др.

Процесс формирования ботанической терминологии также сопровождается возникновением большого количества прилагательных, образованных от основ иноязычных и диалектных слов (названия растений, их частей и т. д.):

абрикосный и *абрикоз(с)овый, аврикульный, алипдаловый, ананасный* и *ананасовый, апельсинный, бакаутовый, бамбосовый, бергамотовый, бузинный* и *бузиновый, барбарисный, ветловый, грабовый, гробинный, жонкильный* и *жонкилевый, индиговый, какаосовый, картофельный, квитовый, кизиловый, каштанный, купрейный, кокосный* и *кокосовый, кофейный, кукурузный, лавандовый, мастичный* и *мастиковый, нарциссовый, оливковый, пионный, розеновый, сабурный* и *сабуровый, самбуковый,*

сельдерейный, спаржный и *спаржевый, туберозный, тюльпанный, ульмовый, фиалковый, фисташковый, цикорейный, цитронный, чаберовый, чайный, чечевичный, шампиньонный, шамшитовый, шипковый, шишковый, эбеновый, ясминный* и др.

Ср. подобные новообразования от основ существительных — названий животных:

виперовый, выдровый, кабарговый, койковый, кроликовый, пескаревый, шокуровый, муксиновый, сырковый, устерцовый и др.

Многие прилагательные, пополняющие собой специальную лексику разных отраслей науки, образовались от основ русских существительных и глаголов в процессе калькирования составных иноязычных терминов. Такие прилагательные являлись составной частью сложных терминов. Ср., например, в области медицины:

делительное лекарство (нем. zerteilende Arznei), *легчительное* лекарство (нем. lindernde Arznei), *предохранительное* средство (нем. Verwahrungsmittel), *распускательное* средство (нем. Auflösungsmittel), *лечительные* воды (фр. eaux médicinales), *поправлятельное* лекарство (фр. médicament correctif), *объительная* мышка (лат. complexus musculus), *предлежательная* причина (лат. ratio objectiva).

IV. Пополнение литературного языка новыми словами в XVIII в. происходило и в кругу служебных слов (предлоги, союзы).

«Процесс образований новых предлогов особенно интенсивно протекает в XVIII—XIX вв.» [20]. Основная сфера их образования — различные жанры деловой письменности (в широком смысле): официально-технической, газетно-публицистической, т. е. такие области, в которых особенно остро давала себя знать потребность дифференцированных средств выражения различных отношений между словами и предложениями.

Этот процесс для XVIII в. имел большое значение, так как почти все новые служебные слова создавались на базе русской лексики. Именно по этим словам «заметнее, чем по чему другому, постепенный отход литературного языка от церковнославянского (реже — древнерусского), и главным образом они — характерная при-

[20] *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М., «Наука», 1967, с. 21 (материалы и иллюстрации взяты из этой книги).

мета архаизаторских или, наоборот, новаторских устремлений определенных авторов»[21].

Так, в течение XVIII в. в литературном языке получают широкую употребительность новые предлоги, служащие для выражения: причинных отношений (*по случаю, по поводу*); причинно-следственных (*в силу, вследствие*); временных (*тому назад, начиная с, начиная от*); сопоставительно-временных (*по мере*); пространственных (*вдоль по, вслед за, следом за, навстречу к*); ограничительно-определительных (*по части, в отношении, в отношении к*); отношений соответствия и несоответствия (*сходно, сходственно, в сходственность, в противность*); делиберативных отношений (*насчет, касательно, относительно*); отношений обратной обусловленности (*несмотря на*); отношений присоединения, включения и выделения, отстранения (*выключая, включая, считая*). Примеры:

причинные отношения: *По поводу письма* полномочного посла... я благодарил кардинала (Кант., Депеша из Парижа); *По случаю святок* и *праздников* провели мы в сей год отменно весело (Болот., Зап.); Он приехал к нам... *по поводу наступления времени* по обыкновенной переоброчке наших... земель (Там же); У г-жи Арсеньевой нашли мы, приехав к ней гремящую музыку и танцы, *по случаю делания* его для приятелей своих вечеринки и ужина (Там же);

причинно-следственные отношения: В мещанство записаны *в следствие указа* (ПСЗ, 1787 г.); Оные дела решить *в силу указов* без упущения (ПСЗ, 1753 г.); *В силу закона*, в случае неявки их по трикратной повестке, можно было межевать и без них (Болот., Зап.); Разведенная с мужем жена не может более вступить в брак *в силу церковных уставов* ($САР_1$);

временные отношения: Эта госпожа с месяц *тому назад*... умерла (Кант., Депеша из Парижа); Отпускать еще по 3350 рублей на год, *начиная* с первого числа сего генваря (ПСЗ, 1784 г.);

сопоставительно-временные отношения: Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют *по мере* разной своей важности, так и российский

---

[21] *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, т. 2 (Исторический комментарий к русскому литературному языку). Киев, «Радянська школа», 1953, с. 59.

язык... по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий (Ломон., Предисл. о пользе книг церк.); *По мере* уменьшения денег цена товаров умножается (Щербат., Замеч. на Больш. наказ 1772—1773 гг.);

пространственные отношения: Яблоко великое огненное... летело *вдоль по* небу (ПБП, 1704 г.); Гнали неприятеля *вдоль по* горам (Рапорт кн. Прозоровского 5 ноября 1777 г.); Старик бегает *вслед за* шалунами (Лукин, Щепетильник); Идти *за* графом *вслед* (Княжнин, Хвастун); *На встречу* к ним вышли пять или шесть человек (Карамз.);

ограничительно-определительные отношения: Верховная власть *в отношении* других должна быть беспристрастна (Радищ., Путеш.);

отношения соответствия и несоответствия: Предписали поступить *сходственно* ордеру (Ордер графа Румянцева, 30 окт. 1777 г.); Магазин строить *сходно*... примерному плану, без галерей (ПСЗ, 1785 г.); Поступать *в сходственность* 163 статьи, 1-й части Устава о водоходстве (ПСЗ, 1784 г.); Верующие письма, в *противность* вышереченных указов... даваны (ПСЗ, 1744 г.); Он в достоинство сие произведен... *в противность* трактату (Ордер кн. Прозоровского, 26 янв. 1777 г.);

делиберативные отношения: Рекомендации королевы *на счет* архиепископа Руанского (Кант., 1741—1743 гг.); Выписка из журнала *касательно* бывшего сражения (Храповицкий, 1788 г.); Уведомлять *касательно* до дел, вверенных вашему начальству (Письмо кн. А. Прозоровского, 1775 г.); Наставления *относительно* общей связи (Ордер кн. Румянцева, 1777 г.); Распоряжения *относительно* до спасения корабля (ПСЗ, 1787 г.);

отношения обратной обусловленности: *Не смотря на* ближнее его [острова] от берега отстояние, в зимнюю пору для носимых по морю льдов ни на него, ни с него на материю землю попасть не можно (Лепех., Путеш.); *Несмотря на* сопротивление и крик [Софью] сводят уже с крыльца к карете (Фонв., Недоросль);

отношения присоединения, выключения и выделения, отстранения: Окладных и неокладных доходов взять надлежало, *включая* Дворцовой канцелярии и Конюшенной конторы... деньги, кои собираются в ту канцелярию и контору (ПСЗ, 1747 г.); Якову Жанеону... оставляю... все мое белье (*выключая* постельное) (Кант., Завещание);

Все науки, *выключая* математики, подвержены расколам (Крыл., Похв. речь); В Москве вступаемых под стражу... по одному воинскому Кригсрехту было до 2400 человек, *не считая* других (ПСЗ, 1785 г.).

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

Пополнение словарного состава средствами словообразования в XVIII в. имело целый ряд особенностей, в которых нашли отражение основные черты и тенденции развития лексики русского литературного языка.

1. Одну из характерных для данной эпохи особенностей составляет резко возросшая избыточность словарного состава. Эта характерная черта эпохи, связанная с поисками наиболее рациональных средств номинации, определялась в области словообразования и рядом конкретных причин.

Активизация, особенно со второй половины века, ряда словообразовательных моделей приводит к тому, что возникают многие слова, уже имеющие однокорневые, но оформленные другими суффиксами параллели, тождественные или мало дифференцированные по значению. Так, например, новообразования на *-ость* сталкивались со своими однокорневыми дублетами на *-ство* и *-ие*, уже существовавшими до XVIII в. Возникли ряды слов:

а) *безответственность — безответство, безрассудность — безрассудство, дородность — дородство, знакомость — знакомство, мнительность — мнительство, ненасытность — ненасытство, неприятность — неприятство, опрятность — опрятство, постоянность — постоянство, рачительность — рачительство, человечность — человечество* и др.;

б) *безбрачность — безбрачие, бессмертность — бессмертие, бесчинность — бесчиние* и др.

Однокорневые образования, оформленные разными суффиксами, могли возникать и параллельно в XVIII в. Таковы некоторые образования на *-ость, -ство, -ние*:

а) *взаимность — взаимство, знатность — знатство, излишность — излишество, деликатность — деликатство, рассудительность — рассудительство, строптивость — строптивство, терпимость — терпимство, фамильярность — фамильярство* и др.;

б) *безызвестность — безызвестие, бескорыстность — бескорыстие, бессловесность — бессловесие, бессмысленность — бессмыслие, бесхитренность — бесхитрие* и др.

Статус слов в этих рядах был неодинаков. Многие из образований носили окказиональный характер, употребление других часто было ограничено временными и жанровыми рамками. В однокорневых образованиях на *-ость* и *-ство* обычно побеждали параллели на *-ость*. Это было связано с возросшей продуктивностью этой модели и постепенным вытеснением существительными на *-ость* в значении отвлеченного качества, свойства старых образований с другими суффиксами. Так, например, Сл. 1847 не фиксирует уже старых слов *безответство, мнительство, неприятство, рачительство*. Возникающие уже в XVIII в. новообразования с суф. *-ство* в этом значении также вытеснялись существительными на *-ость*. Кроме того, новообразования на *-ство* и употреблялись реже своих однокорневых параллелей на *-ость*. Так, например, слово *взаимство* во второй половине века начинает функционировать в значении, свойственном слову *взаимность*, — 'равное одного к другому отношение, ответное, взаимное чувство, обоюдность' (ранее у него было более узкое значение — 'взаимная зависимость, связь'). Однако уже к концу века оно выходит из употребления. Со второй половины XVIII в. слова *регулярность — регулярство* также начинают употребляться в общем значении 'построенный, спланированный по определенному правилу' (в первой трети века слово *регулярство* значило 'постоянная, обученная по правилам военного искусства армия'), но образование на *-ство* встречается реже. Редким было употребление и слова *знатство* по сравнению со словом *знатность*. Вытеснение существительных на *-ство* могло происходить и за пределами XVIII в. Так, например, в ряду слов *степенность — степенство*, возникшем во второй половине XVIII в., слово *степенство* выходит из употребления только в XIX в.

Однокорневые образования на *-ость* и *-ие* в XVIII в. часто функционировали как тождественные по значению, смысловая дифференциация в них не была четко выражена. Более употребительными среди них были существительные на *-ость*. Так, например, слово *безызвестность* было распространено шире, чем слово *безызвестие*. Но могли быть и другие отношения между этими параллелями. Например, существительные *бессмысленность* и

бессмыслие использовались как равноправные до конца века и отмечены в Сл. 1847. В ряду же *бескорыстность — бескорыстие* наиболее жизнестойким оказалось слово *бескорыстие*, появившееся во второй половине XVIII в.

Возникновение тождественных или синонимичных образований во многих случаях объяснялось состоянием самой словообразовательной системы того времени, отсутствием строгих норм. Многие словообразовательные модели были менее ограничены в своих словопроизводственных возможностях, чем в современном языке. Кроме того, существовало много семантически тождественных или слабо дифференцированных в смысловом отношении суффиксов. Все это при активизации процесса пополнения лексического состава средствами словообразования создавало условия для возникновения многих тождественных или близких по значению словообразовательных параллелей. Поэтому в изучаемое время функционирует большое число тождественных или очень близких по значению однокорневых образований, оформленных разными суффиксами. Таковы, например, однокорневые существительные на *-ость, -ство, -ствие, -ие*:

безвременность — безвременство — безвремение; бездейственность — бездейство — бездействие; безопасность — безопаство — безопастие; бесплодность — бесплодство — бесплодие; бессильность — бессильство — бессилие; бессовестность — бессовество — бессовестие: бесстыдность — бесстыдство — бесстыдие; благодарность — благодарство — благодарствие; благородность — благородство — благородствие; коварность — коварство — коварствие; разумность — разумство — разумие; спокойность — спокойство — спокойствие; усильность — усильство — усилие и др.

Среди однокорневых образований на *-ость, -ство, -ствие* наименее употребительными были слова на *-ствие*. Будучи принадлежностью в основном церковной литературы, они в XVIII в. функционировали в основном в «высоких» и поэтических жанрах. Многие новообразования на *-ствие* носили окказиональный характер. Так, например, в рядах *благородность — благородство — благородствие* и *коварность — коварство — коварствие* наиболее распространенными были слова *благородство* и *коварство*, существительные с другими суффиксами были единичны.

Ряды с однокорневыми существительными на *-ость*,

-ство, -ие носили неустойчивый характер. Отношения в этих рядах складывались по-разному. Как правило, наиболее слабыми оказывались образования на *-ство*. Закрепление их в языке происходило лишь при наличии смысловой дифференциации с существительными на *-ость*. Так, среди существительных *бесплодность — бесплодство — бесплодие* наиболее употребительными были слова *бесплодность* и *бесплодие*. Слово *бесплодность* употреблялось лишь в начале века, однако Сл. 1847 фиксирует все три слова.

Подобные отношения были характерны и для ряда *разумность — разумство — разумие*. Среди параллелей *бессильность — бессильство — бессилие* наиболее устойчивым и распространенным оказалось древнерусское слово *бессилие*. Существительное *бессильство*, известное с XVII в., было малоупотребительным, слово же *бессильность* носило окказиональный характер (употреблено Тредиаковским). В ряду образований *бесстыдность — бесстыдство — бесстыдие* основным было возникшее в XVIII в. существительное *бесстыдство*. Параллели *бесстыдность* и *бесстыдие* были мало распространены в языке XVIII в.

Широкое функционирование тождественных или близких по значению параллелей наблюдается и среди однокорневых существительных на *-ость, -ство, -ние*. Ср.: *забвенность — забвенство — забвение; повелительность — повелительство — повеление; подчиненность — подчиненство — подчинение; проницательность — проницательство — проницание; смиренность — смиренство — смирение; снисходительность — снисходительство — снисхождение; сомнительство — сомнительность — сомнение; старательность — старательство — старание; содрогательность — содрогательство — содрогание; стремительность (стремливость, стремленность) — стремительство — стремление* и др.

Однокорневые образования на *-ость, -ство, -ние* объединялись в один ряд через слова на *-ость*, могущие выражать как значение качественности, так и глагольности. Позднее эти ряды разрушались: между образованиями на *-ость* и *-ние* происходила смысловая дифференциация (за первыми оставалось значение качества, за вторыми — действия), существительные же на *-ство*, как правило, не закреплялись в языке. Так, Сл. 1847 не отмечает таких слов, как *забвенство, подчиненство, проницатель-*

ство, снисходительство, содрогательство, стремительство. Однако Сл. 1847 не фиксирует и некоторые образования на *-ость*: *забвенность, повелительность, содрогательность, стремливость, стремленность.*

Дублетные образования (тождественные по значению) были широко распространены и среди прилагательных. Таковы функционирующие однокорневые дублетные образования с суф. *-н-* и *-ов-*, *-ск-* и *-н-*, *-тельн-* и *-льн-*:

а) *абрико(с)зный — абрикоз(с)овый*; *агатный — агатовый*; *адамантный — адамантовый*; *ананасный — ананасовый*; *блочный* (образов. до XVIII в.) — *блоковый*; *бомбный* (образов. ранее XVIII в.) — *бомбовый*; *брюшный — брюховый*; *гарнитурный — гарнитуровый*; *глазной — глазовый*; *голосный — голосовый*; *гранатный — гранатовый*; *гранитный — гранитовый*; *кометный — кометовый*; *кустный — кустовый*; *петушный — петуховый*; *плечный — плечевый*; *плитный* (до XVIII в.) — *плитовый*; *плодный — плодовый* и др.;

б) *инженерский — инженерный*; *музыкантский — музыкантный*; *столярный — столярский*; *архитекторский — архитекторный* и др.;

в) *бросальный — бросательный*; *кормильный — кормительный*; *курильный — курительный*; *полоскальный — полоскательный*; *черпальный — черпательный.*

Возникновению дублетности способствовали и сравнительно широкие словопроизводственные возможности тех или иных словообразовательных моделей: в ряде случаев были возможны, например, однокорневые тождественные по значению образования, оформленные одним и тем же суффиксом от основ разных видов глагольных коррелятов. Таково, например, функционирование в изучаемое время существительных на *-ние* и прилагательных с суф. *-тельн-*, образованных от основ как совершенного, так и несовершенного видов глагола:

а) *выдавление — выдавливание, доверение — доверивание, ограничение — ограничивание, отварение — отваривание, отыскание — отыскивание, увеличение — увеличивание, возделание — возделывание, доказание — доказывание, переделание — переделывание*;

б) *вообразительный — воображательный*; *обнадежительный — обнадеживательный, побудительный — побуждательный, пригласительный — приглашательный, презрительный — презирательный, произрастительный — произрастательный, уничтожительный — уничтожательный.*

Существование дублетных однокорневых, но разносуффиксальных образований создавало условия для возникновения новых дублетных образований, когда эти первые становились базой для последующих словопроизводственных процессов. Таковы, например, дублетные новообразования на *-ость* от основ однокорневых прилагательных, оформленных разными суффиксами:

безбоязненность — безбоязность, беззаботность — беззаботливость, задумчивость — задумливость, недоверчивость — недоверенность — недоверность, неизбежность — неизбежимость, нерешительность — нерешимость, притворность — притворчивость, рассудность — рассудливость, уклонность — уклончивость, упругость — упружность, услужливость — услужность, чистосердечность — чистосердность и др.

Все это приводило к появлению целых рядов однокорневых образований, тождественных или очень близких по значению. Например:

вывихнутие — вывихание — вывихнение — вывих, доверие — доверение — доверивание, доказание — доказывание — доказательство, неверение — неверие — неверствие — неверство, отбытие — отбывание — отбывательство — отбытность, ответствование — ответство — ответ, отличение — отличие — отличенность — отличительность, отступление — отступание — отступ, помогание — помощь — помогательство, предостережение — предостерегание — предостерегательство, растяжение — растягивание — растяжка.

Среди указанных параллелей также было много окказиональных и неустойчивых. Сл. 1847 не отмечает следующих слов: *безбоязность, воображательный, вывихнение, доверивание, задумливость, недоверенность, недоверность, обнадежительный, отбытность, отварение, ответство, отличенность, побуждательный, предостерегательство, презирательный, приглашательный, рассудность, рассудливость, уничтожательный, упружность, услужность, чистосердность.*

2. Характерная особенность развития словарного состава русского литературного языка изучаемого периода — многочисленность окказиональных и неустойчивых новообразований.

В значительной степени это объяснялось состоянием словообразовательной системы — отсутствием строгой нормативности словообразовательных моделей. Кроме

того, активизация определенных групп новообразований, наличие большого количества дублетных слов сопровождались их неустойчивостью в языке. Таковы, например, были многие неологизмы на *-ость, -ство, -тельн-*. Это, например, такие слова (кроме указанных выше), как:
а) *военность, возмерчивость, губкость, движность, извлетность, излишественность, напорчивость, ощадливость, последственность, прибавность, распускательность, рассмотрительность, тщатливость, упадливость, ущипливость*; б) *ношество, политичество*; в) *верстательный, отпрыгательный, прибавительный, склонительный* и др.

Появление неустойчивых и окказиональных образований нередко объясняется внешними причинами. Для описываемого времени характерно широкое распространение словотворческого экспериментаторства. Возникает большое количество индивидуально-авторских образований [22]. Такие окказионализмы были не только показателями поисков наиболее рациональных способов номинации, но и отражением различных индивидуальных и групповых вкусов. Многие из таких индивидуальных образований вызывали критику современников. Так, В. С. Подшивалов писал, что «вновь произведенные слова, которые скованы или выпечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми — без всякой нужды и из одной безмерной щекотливости, чтоб чрез то высказать себя... таковые слова отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смешны» [23].

Одним из плодовитых словотворцев был В. К. Тредиаковский. В его произведениях встречаются окказионализмы разных типов, например:

а) на *-ство*: *детинство, любимство, повсемество, предержавство, преспейство, рабчество, укромонство, эпичество* и др.;

б) на *-ость*: *возблагодарность, наверхность, недоверность, незнамость, ненадлежность, неподчинность, омерзелость, очесливость, поверность, преобратность, преспособность, проразность, речеточивость, разногласность, самолюбность, содружность* и др.

---

[22] См. об этом в кн.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 47.

[23] *Подшивалов В. С.* Сокращенный курс российского слога, изданный Л. Скворцовым. М., 1796, с. 46.

Однако именно таким индивидуально-авторским образованиям язык обязан существованием огромного количества слов.

Своим проникновением в литературный язык обязаны Кантемиру слова: *деликатность, дерзновенность, жадность, излишность, надменность, нечаянность, связность, смиренность* и др.

Многие из широко известных сейчас слов впервые отмечены у писателей XVIII в. Вот некоторые примеры: *бесполезность, беспристрастность, благодарность, благонравность, величавость, гласность, дальновидность, дружелюбность, зазорность, злобность, избранность, миловидность, независимость, неимоверность, неосмотрительность, непорочность, неправильность, неразрешимость, неусыпность, общность, особенность, почтительность, порочность, рачительность, ретивость, рьяность, свойственность, снисходительность, сомнительность, сообразность, стремительность, сущность, цельность* (Тредиак.); *бессовестность, церемониальность* (Сумарок.); *нелепость, отлогость, тленность* (Ломон.); *безболезненность, возмужалость, затхлость* (Козельск.); *бездеятельность, беззащитность, бесхитренность, мощность, неприязненность, нерешительность, несообразность, отраженность, плавность, подражательность, раздраженность, раздражительность, разнородность, расстроенность, совокупность, сопричастность, убедительность* (Радищ.); *двусмысленность, наследственность, неопытность, опытность, предприимчивость, развращенность, рассудительность, слезливость, торжественность, тщательность* (журналы, издававшиеся Новиковым); *запутанность, изнеженность, предусмотрительность, скоротечность, хлопотливость* (Держ.); *добросовестность, ковкость, неловкость, несоразмерность* (Карамз.); *выразительность, определенность, протяженность* (журналы, редактировавшиеся Карамзиным).

3. Пополнение однокорневых дублетных образований не прекращается на протяжении всего XVIII в., и это является одной из характерных черт русского литературного языка XVIII в.

Однако одновременно намечается тенденция к преодолению избыточности словарного состава, к более строгим системным отношениям, в частности и тенденция к сокращению дублетных словообразовательных параллелей.

Основной путь преодоления лексико-семантической дублетности — это дифференциация тождественных по значению образований. Лексико-семантическая дифференциация особенно усиливается к концу XVIII в.

Однако процессы, направленные к сокращению дублетности, в значительной степени определялись и причинами словообразовательного характера, связанными с перестройкой словообразовательной системы: активизацией или затуханием продуктивности тех или иных словообразовательных моделей, становлением более строгих и четких норм словопроизводства, более тонкой семантической специализацией морфем.

Так, например, в результате роста образований имен существительных на *-ость* эти существительные становятся основными средствами выражения значения отвлеченного качества и свойства и вытесняют дублетные образования на *-ство*. Например, слова на *-ство* типа *благоумство, кудрявство, неприязнество, опрятство, рачительство, смутство, тщивство* вытесняются словами на *-ость*, возникшими в XVIII в., типа *благоумность, кудрявость, неприязненность, опрятность, рачительность, смутность, тщивость*.

Однако некоторые дублетные образования в этот процесс не вовлекаются; таковы, например, параллели *дородность — дородство, достаточность — достаточество, излишность — излишество, окончательность — окончательство* (позднее оба слова вытесняются словом *совершенство*).

Существительные на *-ние* со значением отвлеченного процессуального признака (действия) вытесняют дублетные однокорневые образования на *-ство* (особенно на *-тельство*).

Те же процессы наблюдаются и в кругу имен прилагательных. Так, продуктивные в XVIII в. прилагательные на *-тельн-* вытесняют собою однокорневые слова с другими суффиксами. Например, такие прилагательные, как *кормильный, мертвенный, неощивный, нерассудный, обитальный, омерзостный, оральный, отпустный, призорный, умильный, чувственный* и др., постепенно выходят из употребления, сменяясь прилагательными *кормительный, мертвительный, необщительный, нерассудительный, обитательный, омерзительный, орательный, отпустительный, призрительный, умилительный*.

Это же характерно и для терминологических обозначений. Наряду со старыми устойчивыми сочетаниями (типа *верующее*

письмо, прелестное письмо, отпускная грамота) начинают выступать и новые (типа *верительное письмо, прельстительное письмо, отпускательная грамота*).

4. В рассматриваемую эпоху значительно расширяется, по сравнению с предшествующим периодом, вовлечение в словообразовательные процессы элементов различных генетико-стилистических групп — русской лексики, в том числе просторечной и диалектной, славянизмов, заимствований. Здесь находит свое яркое выражение тенденция к объединению разных генетико-стилистических пластов. Она проявляется, например, в таких фактах, как характерное для этого времени соединение морфем разного происхождения, указывающее на активизацию процесса ассимиляции книжно-славянских, иноязычных, русских и среди них — просторечных и диалектных элементов. Кроме того, при объединении в пределах определенной словообразовательной модели в качестве производящих основ слов разных генетических пластов возникали новообразования, относящиеся к одной лексико-семантической, а часто уже и к одной лексико-тематической группе. Эти новообразования имели общую сферу функционирования, что также создавало условия для стилистической и семантической ассимиляции и слиянию разобщенных ранее элементов.

Наиболее активными, давшими наибольшее количество новообразований были в данную эпоху слова собственно русские. Особенно существенно то, что русская лексика принимает самое активное участие в формировании новообразований в сфере книжной отвлеченной лексики. В описываемое время словообразование — это основной путь, благодаря которому русские слова становились равноправными в этой сфере. Это был крайне важный процесс с точки зрения формирования русской лексики как основы всех функциональных сфер русского литературного языка. Русские слова делаются основной словообразовательной базой в создании книжной отвлеченной лексики (новообразования с суффиксами *-ость, -ство, -ние*).

Так, например, словообразовательная база активизирующейся в данную эпоху модели с суф. *-ость* расширяется в основном за счет основ русских слов. В словопроизводство вовлекаются не только стилистически нейтральная лексика, но и слова, отмеченные в САР как

просторечные и простонародные. От «просторечных» слов, например, были образованы существительные *возгривость, кропотливость, брюзгливость* 'склонность, привычка брюзжать' ($САР_1$), *огурливость* 'ослушание, упрямство' ($САР_1$), *збойливость* 'склонность, способность к пронырству, увертливости, лукавству' ($САР_1$), *болтливость, прожорливость, обжорливость, забулдыжность, мозглявость* и др.

Активное участие русской лексики в словопроизводстве существительных на *-ость* было одной из основных причин расширения сферы функционирования новообразований с этим суффиксом. «Помимо памятников делового и научного характера, оставшихся, как и прежде, основной областью образования и употребления значительной части имен на *-ость,* в XVIII в. по мере развития языка, сложения его норм, формирования новых стилей и жанров существительные с этим суффиксом получают все большее распространение не только в нейтральной общеупотребительной письменной речи, но также и в произведениях, отражающих разговорную речь и просторечие. В это время они уже составляют неотъемлемую часть лексического состава изданий периодической печати, широко представлены в записках путешествий, дневниках, письмах, в различных жанрах художественной литературы, не только „высокого", „среднего", но и „низкого" стилей» [24].

То же может быть сказано и о новообразованиях на *-ство.* Здесь также наблюдается расширение словообразовательной базы за счет широкого вовлечения в словопроизводство собственно русских слов, не только нейтральных, но и стилистически сниженных. Одновременно расширяется и сфера функционирования новообразований на *-ство,* проникновение их в самые разные жанры и стили литературного языка, в том числе широко отражавшие разговорную речь (дневники, письма, комедии и др.).

По своему генетическому характеру резко изменяется состав новообразований на *-ние.* В кругу образований с этим суффиксом русские слова занимают значительное место. Но процесс сближения с разговорной лексикой идет и дальше. В словопроизводственный процесс

---

[24] *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 21.

все свободнее включаются русские слова, обозначающие конкретное действие. В кругу этих новообразований много русских слов со стилистически сниженной окраской, характерных для разговорной речи. Например:

барахтанье, барышничанье, ботанье, бражничанье, вахляние, верезжание, взвизгивание, визжание, гавканье, гарканье, жрение, завистничанье, завистствование, запутнение, каляканье, кобенение, коктание, ковыряние, колупание, лопание, ляпание, мыканье, набучивание, облыжание, остервенение, пихание, прысканье, сморкание, тазание, топырение, хижение, хлябание, шалберенье, шалберничанье, шатанье, шершение, шильничание, шучение, ябедничание и др.

Соответственно с самим составом новообразований расширяется и сфера их употреблений, что приводит вообще к постепенной стилистической нейтрализации всех существительных на *-ние*, в том числе и старых книжно-славянских образований. Русские слова в описываемое время включаются в качестве производящих основ в такие словообразовательные модели, которые до этого времени были характерны только для книжно-славянских образований. Таковы, например, прилагательные на *-тельн-* и (*не*)*-ем-/-им-*:

а) *обнадежительный, отягчительный, отвечательный, улыбательный, мешкательный, попрекательный* и др.;

б) *невыходимый, несходимый, неумягчимый, неупросимый, неусмотреваемый, непроездимый, неуправимый, ненаполняемый, неотходимый, неусыхаемый, неоканчаемый* и др.

Новообразования на *-тельн-* и (*не-*) — *-ем-/-им-* получили в языке широкое распространение. Это особенно характерно для прилагательных на (*не-*) — *-ем-/-им-*, которые активно участвовали и в формировании терминологии, и в создании экспрессивно-оценочной лексики. Они широко употребляются в разных жанрах и стилях, в том числе и отражающих разговорную речь.

Подобные факты соединения морфем разного генетического происхождения свидетельствуют о дальнейшем сближении и объединении книжно-славянской и русской лексики.

Таким образом, при резком возрастании словообразовательной активности русской лексики обнаруживаются две стороны этого процесса. С одной стороны, укрепляются и расширяются позиции собственно русских слов

в области книжной отвлеченной лексики. Единая сфера функционирования, общая словообразовательная семантика приводят к семантико-стилистическому сближению и «уравнению» славянизмов и русских слов, принадлежащих к одной словообразовательной модели. С другой стороны, расширение сферы функционирования новообразований, широкое проникновение их в различные жанры и стили литературного языка, в том числе и такие, которые отражали разговорную речь, способствовали стилистической нейтрализации этих образований, ранее заключенных в узкие рамки определенных жанров, сближению книжной и разговорной лексики.

Широкое участие в словопроизводственных процессах принимает и книжно-славянская лексика. Известно, однако, что словообразовательные гнезда в книжно-славянском типе русского литературного языка были развиты и ранее. Это относится прежде всего к словам с отвлеченной семантикой. Несмотря на это, дальнейшее развитие этих словообразовательных гнезд продолжается, что в большинстве случаев связано с изменениями в кругу самих словообразовательных гнезд, протекавшими уже на почве русского языка: выходом из употребления одних слов или же сокращением сферы их функционирования, переходом их в разряд архаической лексики, заменой старых образований новыми, более продуктивными, а также восполнением отсутствующих звеньев в словообразовательном гнезде. Как правило, словообразовательная активность славянизмов определялась и изменением их семантики, также уже на почве русского языка, что являлось толчком к образованию целого ряда новых производных, семантически связанных с новым значением славянизма.

Продуктивными были образования на *-ость* от основ славянизмов со значением качества и свойства; например:

бдительность, безбоязненность, благоумность, внимательность, мужественность, откровенность, преданность, предприимчивость, пренебреживость, принужденность, пристрастность, проницательность, расточительность, самонравность, суеверность, суетливость, трезвенность, целомудренность, язвительность и др.

Активно образовывались слова от основ славянизмов с суф. *-ние* со значением отвлеченного действия; таковы, например:

бодрствование, властвование, востребование, надзирание, обществование, обременение, посвящение, предвкушение, предосуждение, преподавание, претерпевание, преуспевание, припамятствование, согласование, сообразование.

Продуктивными были образования от основ славянизмов с суф. *-ство* со значением отвлеченного действия, как например: *избирательство, надзирательство, пренебрегательство, произвещательство* и др., менее продуктивны слова со значением отвлеченного качества и свойства (*благорассудство, высокомерство, добросердство* и др.).

Много новообразований от основ славянизмов и в кругу прилагательных, особенно с суффиксами *-тельн-* и (*не*) — *-ем-/-им-*. Это несомненно связано с общим процессом развития семантической категории качественности (особенно интенсивно со второй половины XVIII в.). Эти новообразования возникают в основном от основ славянизмов с переносным значением типа *восхитительный, отвратительный, пленительный, привлекательный, развратительный, разительный, усладительный.*

Новообразования от основ славянизмов имеют широкую сферу распространения и, сталкиваясь в разных жанрах и стилях литературного языка с оформленными при помощи тех же суффиксов образованиями от основ русских слов, «уравниваются» с ними по своей семантико-стилистической функции.

Большое количество новообразований в данную эпоху возникает от основ иноязычного происхождения. Заимствованная лексика принимает активное участие в словообразовательных процессах. Это свидетельствует о том, что активизируется процесс усвоения, ассимиляции заимствований русским литературным языком.

Словообразовательная продуктивность слов иноязычного происхождения была неодинаковой по отношению к различным словообразовательным типам. Известно, например, что новообразований на *-ость* от основ заимствований всего 2% от общего числа существительных с этим суффиксом, возникших в XVIII в.[25] Вот некоторые из них:

азартность, аккуратность, ароматность, деликатность,

---

[25] См. об этом в кн.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования..., с. 17.

индиферентность, куриозность, мизерность, натуральность, национальность, неаккуратность, нейтральность, оригинальность, персональность, прозаичность, пропорциональность, пунктуальность, регулярность, сентиментальность, субтильность, фамильярность, фигурность, церемониальность, экстренность.

Много слов от иноязычных основ образуется посредством суф. *-ство*; одна из наиболее активных групп новообразований здесь от названий лица:

адмиральство, адвокатство, авторство, банкротство, бригадирство, буффонство, бухгалтерство, вассальство, генеральство, губернаторство, депутатство, диктаторство, директорство, инспекторство, кавалерство, кандидатство, квартирмейстерство, ландграфство, масонство, парикмахерство, педантство, пилигримство, прокурорство, протекторство, регентство, рефендарство, фанфаронство, фиглярство, шаманство, шпионство, электорство, юнкерство и др.

Новообразования на *-ство* от основ качественных прилагательных малочисленны: *деликатство, нейтральство, регулярство, субтильство, фамильярство* и нек. др.

Большую продуктивность проявляют новообразования на *-ние* от иноязычных основ. Особенно многочисленны были образования от иноязычных глаголов на *-овать* и *-ировать* со значениями отвлеченного и конкретного действий:

а) *аккредитование, атакование, дискутование, иллюминование, комплектование, конфирмование, опробование, ратификование, секундование, севостровање, скассование, укомплектование, фехтование, фортификование, шлифование, шпикование, шурфование* и др.;

б) *бордирование, дистилирование, инкорпорирование, кальцинирование, копирование, круазирование, окулирование, прожектирование, расклассифицирование, рафинирование, ремонтирование* и др.

Многочисленны образования прилагательных от иноязычных основ.

Таким образом, широкое включение иноязычных слов в качестве производящих основ в русскую словообразовательную систему свидетельствует об усвоении больших групп заимствований русским литературным языком.

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ГОТОВЫМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

В рассматриваемую эпоху русский литературный язык активно обогащался и за счет включения в свой состав готовых лексических единиц. Здесь было два пути — заимствование слов из иностранных языков и освоение общенародной и диалектной лексики.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ

В рассматриваемый период продолжается интенсивный процесс заимствования иноязычных слов. Однако наблюдается и некоторое снижение темпов непосредственного заимствования лексических единиц. Если на Петровскую эпоху и 30-е годы приходится 52% всех лексических заимствований XVIII в., то на вторую треть века (40—60-е годы) — 27%, а на последнюю треть падает 21% [26].

Преобразования в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны обусловили и специфику протекания процесса заимствования, его более сложный характер в данный период. Изменения коснулись разных сторон этого процесса.

Изменяются *сферы иноязычного влияния*. Умеряет темпы политехнизация языка. В России уже заложены к этому времени основы военно-морской терминологии, терминологии важнейших точных и прикладных наук, счета и измерения. В середине — второй половине XVIII в. на первый план выдвигается развитие сфер, связанных с явлениями общественной жизни, культуры, искусства, естествознания.

Происходят изменения и в *источниках заимствования*. По-прежнему главное место принадлежит западноевропейскому языковому влиянию. Однако характерной особенностью рассматриваемого периода «является переход от многоконтактности к постепенному ограничению активных языковых отношений сферой двух языков — французского и немецкого: они являются главными источниками заимствований и языками-посредниками» [27].

[26] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 170.
[27] Там же, с. 176.

Влияние немецкого языка особенно сильно в 40—60-е годы, к концу века оно ослабевает.

С 60-х годов все больше и больше возрастает роль французского языка. «Уже со второй половины XVIII века французский язык стал для русского дворянства — необходимое условие входить в серьезный контакт с Европой и ее цивилизацией», — писал Булаховский [28]. Дворянство постепенно становится двуязычным, французский язык делается признаком образованности. Переводы с французского преобладают. Французский образ жизни проникает в быт верхов.

Влияние других европейских языков хотя и продолжается, но становится относительно слабым. В 70-е годы заметно итальянское влияние — в связи с развитием в России музыки и театра, в конце века — английское. В это время в русском языке появляется даже слово *англоман*. В моду входит Стерн. «Все английское кажется... хорошо» (Живоп.). С английского переводят С. Е. Десницкий, А. Н. Лушков, Н. Н. Жданов, Л. Н. Сичкарев, Л. Собакин, И. Акимов, А. П. Сумароков переводит «Гамлета» Шекспира. Англия в это время переживает общий подъем, имеет высокий международный авторитет. Европа следит за развитием в Англии сельского хозяйства, законности, религии, литературы, быта [29]. Пропагандой английской литературы занимается в своих журналах Н. И. Новиков.

Только в морской сфере наблюдается влияние голландского языка. Продолжается проникновение в русский язык греко-латинских научных (философских, гражданских), отвлеченных слов [30]. В 40—50-е годы в переводах латинский язык стоит на первом месте. Латынь в это время в Европе продолжает оставаться международным языком науки. В России вплоть до середины века, когда сложился в своих основах русский научный язык, лекции в русской Академии наук и в Университете читаются на латинском и русском языках. К концу XVIII в. роль латыни падает. В русском языке в это время встречаются экзотизмы из испанского.

---

[28] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, Изд-во КГУ, 1957, с. 213.

[29] См.: *Аристова В. М.* К истории английских слов в русском языке. Канд. дис. Самарканд, 1968.

[30] См.: *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 49, 163.

В связи с победами России в русско-турецких войнах, присоединением Крыма и других новых областей, а также с этнографическими экспедициями Академии наук по малообследованным землям Российской империи заметно активизируется восточная тема, а с нею и «восточная» лексика. Здесь и собственные имена (названия городов: *Хотин, Стамбул, Дамаск, Каир*), и многочисленные названия народов, и названия различных явлений восточной природы и восточного быта: *буза, исъэху* 'кумыс', *сераль, ячеицы* 'сеть из талового лыка' (У кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка... они называются *ячеицы* — В. Зуев, Описание остяков и самоедов — ЛК); названия монет: *пагод, пессар, рупия, факам, фанон*; средств передвижения по воде: *фелюга*.

Особое, аллегорическое звучание получает восточная тема в сатирической литературе второй половины XVIII в. (ср., например, прозу И. А. Крылова, сатирическое изображение сна в «Путешествии» Радищева и др.).

В рассматриваемое время усложняются и пути заимствования. Письменное западноевропейское влияние еще более усиливается в этот период по сравнению с первой третью XVIII в., что связано с дальнейшим ростом переводной литературы, особенно художественной. Знание иностранных языков, которое становится все более обычным явлением в дворянском обществе (в особенности знание французского языка), активизирует заметно также устный путь заимствования. Однако в это время преобладающим остается письменный путь заимствования.

К данному периоду относится начало внутреннего перемещения иноязычных слов, особенно западноевропеизмов, в русском языке. Одновременно с непосредственным заимствованием из иностранных языков происходит активное передвижение иноязычных слов из специальных, терминологических сфер в общее употребление.

Усложняются и виды (формы) иноязычного влияния. «Процесс европеизации русского литературного языка в половине XVIII в. продвигается вглубь. В структуре национального литературного языка осознаются морфологические и семантические соответствия формам выражения западноевропейских языков. Лексические заимствования сокращаются. Дело идет не столько о частном заимствовании слов и понятий, сколько об общем сближении семантической системы русского литера-

турного языка с смысловым строем западноевропейских языков» [31].

Одним из выражений углубляющегося процесса внутреннего сближения с западноевропейскими языками был процесс создания русских тождесловов или «аналогов» иноязычным словам. «Процесс контрноминации средствами языка родного неизбежно сопровождает процесс заимствования» [32]. Это явление было одной из наиболее характерных особенностей процесса заимствования в рассматриваемый период. Особенно активно оно проявляется в 40—60-е годы.

Источники создания аналогов могли быть различными. Возникновение тождесловов часто объяснялось общей тенденцией этого времени — стремлением к «многоименности» того или иного предмета или явления, «опробованию» различных средств номинации.

В ряде случаев «соименования» вызывались потребностью лучше овладеть иноязычным материалом путем сближения его со словами родного языка.

Однако появление аналогов обусловливалось и причинами противоположного характера — стремлением оттолкнуться от чужого языкового материала в связи с общей тенденцией этого времени — созданием литературного языка на национальных основах. Эта языковая тенденция связана с более глубокими общественными явлениями — с общим тяготением русской общественной и культурной жизни к национальным истокам. Более сложным становится отношение современников к иноязычным словам, усиливаются различные пуристические течения. «С середины XVIII в. растет протест против механического копирования западноевропейских языков... С заимствованиями начинается борьба во имя национальных форм литературного выражения» [33].

Осторожное отношение к иноязычным словам было характерно для А. Кантемира. В Предисловии к «Разговорам о множестве миров» он писал: «Приложил я к ней [книжке] краткое примечание, для изъяснения так чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для русских,

---

[31] Там же, с. 150.
[32] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 288.
[33] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 151.

употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится»[34].

В 30-е годы В. Н. Татищев определяет свое отношение к проблеме заимствования. Признавая необходимым введение в язык слов иноязычных, Татищев резко выступает против чрезмерного увлечения ими: «...безрассудное употребление, т. е. примешивание иноязычных слов в свой язык вредительно, как то видим многих наибольшею частию неразумных и неученых от хвастовства и нерассудности не токмо в разговорах, но в письмах весьма нужных сторонные слова употребляют, да к тому же не в той силе и разуме или неправильно... а что из того вреда происходит, того они рассудить не могут»[35].

Пуристические настроения особенно усиливаются с 40-х годов, и с этого времени пуризм становится главной линией языковой политики на протяжении всей второй половины XVIII—начала XIX в. На позициях умеренного пуризма, борьбы с иноязычными излишествами в это время стояли почти все крупнейшие писатели — В. Тредиаковский, А. Сумароков, М. Ломоносов, М. Чулков, В. Лукин, В. Майков, Н. Новиков, А. Радищев, Д. Фонвизин, И. Крылов, Г. Державин, Н. Карамзин. Их всех характеризует стремление ограничить приток заимствований и там, где это возможно, использовать слова родного языка.

Наступление шло главным образом на новые иноязычные слова — западноевропеизмы; заимствования старого времени из древних языков пересмотру, как правило, не подвергались: они считались пришедшими в язык по необходимости и обогатившими его.

В. Тредиаковский в предисловии к «Тилемахиде» писал: «На что ж нам претерпевать добровольно скудость и темноту французскую, имеющим всякородное богатство и пространство славенороссское?»[36]. Против засорения русского языка иноязычными словами последовательно выступает А. Сумароков. «Немцы насыпали в него [русский язык] слов немецких, петиметры французских, предки наши татарских, педанты латинских, переводчики свя-

---

[34] *Кантемир А.* Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла. СПб., 1740 г.
[35] *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, с. 80.
[36] *Тредиаковский В. К.* Сочинения, т. 2. СПб., 1849, с. LXIII.

щенного писания греческих»[37], — отмечал он. Он пишет сатиру «О французском языке», высмеивает язык петиметров в своих комедиях. Н. Курганов также советовал «стараться оные слова истребляти и в лучшее состояние приводить отеческий язык, и не вводить в него чужого ничего, но собственной своей добротой украшаться»[38]. Аналогичная позиция характерна для М. В. Ломоносова, который считал, что благодаря «старательному и осторожному употреблению сродного нам славянского языка... отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков»[39].

С 40-х годов начинаются поиски русских замен для терминов. «Избегая иноязычных заимствований, Ломоносов в то же время стремился содействовать сближению русской науки с западноевропейской, используя, с одной стороны, интернациональную научную терминологию, составленную преимущественно из греко-латинских корней, а с другой стороны, образуя новые русские термины или переосмысляя уже существующие слова»[40].

Во второй половине века рядом с латынью в России формируется русский научный язык. На русский язык переводятся с латинского рефераты Академии наук[41], книги по всем областям знаний. Лекции в Университете и Академии читаются на латинском и русском языках. Медицинская коллегия приказывает преподавать в новых училищах и госпиталях в конце века на русском языке анатомию. Химик В. Севергин усиленно заменяет иноязычные химические термины русскими.[42]

Многие переводчики также стремятся избегать иноязычных слов, стараясь найти им аналоги в русском языке. М. Попов, например, в переводе «Освобожденного Иерусалима» Тасса отмечал, что «поэма» не терпит без необходимой нужды чужестранных слов; но и нигде они не

---

[37] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, ч. 9. М., 1787, с. 279.

[38] *Курганов Н. М.* Всеобщее российское письмословие. СПб., 1769, с. 289.

[39] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.—Л., 1952, т. VII, с. 691.

[40] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 99.

[41] См.: *Пекарский Г.* История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., Изд. ОРЯС АН СССР, 1873.

[42] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 4. — Сб. ОРЯС, т. 19, № 1. СПб., 1878, с. 29—30, 34.

должны быть терпимы»[43]. Обычай «морщиться от русского языка» И. Крылов устами героя своей комедии «Урок дамам» называет «глупым чванством». Та же мысль звучит в сатире И. Баркова «На употребляющих французские слова в русских разговорах».

И. Н. Болтин отстаивает в полемике с французским историком Леклерком богатство русского языка для выражения отвлеченных понятий, т. е. «всего, что не имеет тела и образа, для выражения вещей, не попадающих чувствам» (разрядка авт.). Леклерк утверждал, что для выражения всего этого «не достает в русском языке речений». «Если бы сие было правда, — пишет Болтин, — то бы не могли быть переведены с греческого языка на славянский столько творений знаменитейших отцов восточныя церкви; из коих вся красота... еллинского витийства, и без заимства слов чуждих, пренесены в язык славянский... Русский язык не столь богат, как славянский, однакож и на него многие книги, важных и глубокомысленных творцов, переведены без потери ясности и красоты»[44]. «Но сие есть явная клевета, — пишет далее И. Болтин, — якобы в недостатке речений условных, к выражению умоначертаний сложных, принуждены были ввести в язык природный безобразное смешение языков различных (разрядка авт.)... Все знающие язык русской хорошо, согласятся со мною, что в речениях сказанных недостатка мы не имеем»[45].

О том, что пуризм остается господствующим направлением до конца XVIII в., свидетельствует характер отражения иноязычной лексики в первом нормативном словаре русского литературного языка — Словаре Академии Российской 1789—1794 гг.

В $САР_1$ не были внесены многие заимствования, широко распространенные в языке XVIII в. Президент Российской Академии Е. Р. Дашкова советовала «избегая всех слов иностранных заменять оные российскими старинными или вновь по правилам произведения слов сде-

---

[43] *Тасс Т.* Освобожденный Иерусалим, прозанч. поэма, ч. 1—2. Пер. с фр. М. Попова. СПб., 1772, с. 8—9.

[44] Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, соч. генерал-маиором Ив. Болтиным, т. 2. [СПб.], 1788, с. 29—30.

[45] Там же, с. 30.

ланными»[46]. Аналогичные взгляды были свойственны и другим составителям словаря. Из «Аналогических таблиц», работа над которыми предшествовала составлению САР$_1$, около 200 западноевропеизмов не было включено в словарь его составителями вполне сознательно. Среди них такие слова, как *акт, амфитеатр, анапест, балет, батарея, дама, дежурю, дезертир, декан, декорация, демонстрация, кавалерист, катафалк, колоннада, колония, компресс, контора, контузия, копирую, коридор, кортеж, кризис, кулиса, купон, лакей, лаконизм, ливрея, ломбард, лотерея, лото, марш, нотариус, обшлаг, пика, плакат, помада, пунш, регулярно, реторта, сейм, скульптура, софа, станция, суп, термометр, туалет, фамилия, факты, фасад, фланг, фланель, фрак, цемент, шампанское.*

На позициях, близких к крайнему пуризму, стоял А. Шишков. Он считал, что заимствования уродуют русский язык, поскольку лишают его образности и самобытности. Он возражает против употребления таких иноязычных слов, как *катастрофа, энтузиазм, сцена, моральный, талия, публика, фасад, интересный, героизм* и др. А. Шишков полагал, что всем этим словам можно найти аналоги в русском языке. Он писал: «Вольно нам пренебрегать слово *гонец*, и вместо него говорить *курьер*. Вольно нам *книгохранительницу* называть *библиотекою, бойницу батареею, бойца* или *единоборца гладиатором, писателя автором, поверье модою* и проч.» (Рассужд.).

А. Шишков предлагает заменить *навигацию — мореплаванием, перпендикуляр — отвесом, циркуль — кругом, циркумференцию — окружностью, астрономию — звездочетством, геометрию — землемерием, физику — естествословием* и др.

Крайнюю точку зрения на заимствования занимал во второй половине XVIII в. В. Светов, объявивший войну таким, с его точки зрения, германизмам, как *снег, вода, люди,* и латинизмам (*дом, огонь, око, день, видеть*)[47].

А. Шишкову и его сторонникам в конце XVIII—начале XIX в. противостояли карамзинисты, защищавшие необходимость умеренного заимствования иноязычных слов. «Некоторые чужестранные слова совершенно необхо-

---

[46] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 8. — Сб. ОРЯС, т. 58. СПб., 1888, с. 127.

[47] *В. С.* Некоторые общие примечания о языке Российском. — Акад. известия. СПб., 1779, ч. 3, с. 77.

димы; лишь только не должно пестрить языка без крайней осторожности», — писал П. Макаров [48]. Я. К. Грот отмечал умеренный пуризм карамзинистов: «Карамзин и лучшие из его последователей, не изгоняя вполне иностранных слов, вводя даже вновь такие, которые казались им необходимыми, старались... избегать варваризмов и по возможности заменять их русскими» [49].

Русские замены в 30-х годах XVIII—начале XIX в. настойчиво подыскивались самым разным западноевропеизмам. Писатели, переводчики и издатели журналов составляют списки заимствований, подлежащих замене русскими словами, сами предлагают такие замены и нередко пользуются ими при переводе и исправлении своих сочинений и подготовке их новых изданий. Так, например, А. Шишков выступал против употребления в русском языке таких образованных от иноязычных основ глаголов, как *гармонировать, танцевать, энтузиастствовать*, Н. Карамзин — против *публиковать, рекомендовать*, Бобров предлагал заменить русским словом глагол *ангажировать*, А. Х. Востоков — слово *аплодировать*.

С французского языка *intéressant* переводилось как *занимательный, raffiné* — как *утонченный, condensation* — как *сгущение, balistique* — как *метания*. В эту эпоху наряду с иноязычными словами *резервуар, цивилизованный* (народ), *концентрированное* масло употреблялись русские *водохран, вычищенный* (народ), *усиленное* масло. Вместо *шандал* рекомендовалось *подсвечник*, вместо *шнур — свора*, вместо *адресоваться — относиться*, вместо *инфолио — в лист*, вместо *аккредитованный — доверенный*, вместо *нахтишь — уборный стол*, вместо *неглиже — неудобно*, вместо *идея — мысль*.

Та же тенденция наблюдалась и в отношении собственных имен. Название города *Кенигсберга* переводилось как *Королевец, Петербург* и *Петрополь* — как *Петроград*. Вместо *Стамбул, Константинополь* чаще говорили *Царьград*.

По своей структуре, как и пояснения Петровской эпохи, русские аналоги иноязычных слов были различными. Например: слова простые (*гимназия — училище, грунт — дно, генерально — вообще, корректура — справка*) и сложные (*бухгалтер — книгодержатель, демократия —*

---

[48] Московский Меркурий, 1803, ч. 4, с. 166—167.
[49] *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 1. СПб., 1876, с. 4.

народоначалие, история — дееописание, генеалогия — родословие, экватор — равноденственник). Увеличилось среди аналогов и количество описательных наименований: *камердинер — комнатный служитель, перук* 'парик' — *волосы накладные, галстук — шейный платок, журнал — поденная записка, флот — морская сила.* Преобладающими являются простые слова, а также атрибутивные и, реже, генитивные конструкции.

Русские слова по-разному приспособлялись писателями и переводчиками к функции наименования новых вещей и понятий или вещей и понятий, несколько отличных от известных русских. Здесь были три основных приема, которые, однако, не составляют специфики именно этой эпохи, а известны на протяжении всей истории русского литературного языка.

1. «Семантическое приноравливание» (В. В. Виноградов) русского слова к передаче значений иноязычного. Например: *charlatan* переводилось русским *обманщик, relation — отписка, réputation — слава, lustre — паникадило, prestige — обольщение, levain* 'закваска' — *квас* и др.

2. Словообразовательное калькирование иноязычных слов. В этом случае словообразовательная структура русского слова представляла собой как бы «копию» иноязычного. Например: *impulsion — потолкновение, réalité — вещность, influence — натечение, conjoncture — сопряжение, divisibilité — разделенность, inertie — недействие, neutralité — посредность, symphonie — согласие, sympathie — сострастие* и др.

3. Описание значения иноязычного слова посредством словосочетаний, толкование понятий, выражаемых этим словом. Например: *geste — телесное мановение, abstraction — отвлечение от вещества, abstrait — отвлеченный от вещественности, ressource — обилие в способах* и др.

Однако в рассматриваемую эпоху каждый из этих приемов далеко не всегда служил точной и ясной передаче русскими словами значений иноязычных слов. Так, значения русского и иноязычного аналогов иногда оказывались очень далекими, как например в словах *ванна* и *кадь*. «*До гниди* (курсив авт.). Во французском стоит *до подкожного червяка* (курсив авт.), я *гниду* (курсив авт.) употребил для того, что и довольно мала, и нам знакомее», — писал А. Кантемир (О мн. миров).

При подыскивании переводных эквивалентов иностранным словам использовалась лексика разной стили-

стической окраски. Широко применялись русские устаревшие слова и «обветшалые» славянизмы. В. С. Подшивалов, например, заявлял, что «чужестранные» слова более хулы достойны, чем «провинциальные» [50]. Одним из наиболее распространенных приемов создания аналогов иностранным словам в данное время было образование новых слов. А. Сумароков писал: «На что ж нам чужие слова вводить, когда мы... своих из первоначальных слов довольно произвести можем» [51]. «Процесс заимствования порождал импульсы к увеличению словообразовательной активности самого русского словаря, к созданию новообразований на базе русского строительного материала (корневого и аффиксального)» [52]. Количество таких новообразований было очень значительным. В борьбе с западноевропеизмами использовались и слова других славянских языков. Таковы, например, следующие слова, относящиеся к разным генетическим и стилистическим слоям русской лексики, которые использовались в качестве «тождесловов» к иноязычным:

«простые» слова: *доля — акция, прибыток — акциденция, блехарка — кастиланша, маточник — компас, выступцы — туфли, прилучай — оказия, упоки — боты, взманка — аппетит, озноба — paroxismus*; слова устаревшие: *обзор — горизонт, омена — аллея, цер — фитиль, сулица — кортик, поруб — тюрьма, гонец — курьер*; славянизмы: *деописатель — историк, мечтание — имажинация, воздаяние — репресаль, сущность — essentia, истление — corruptio*; слова общеупотребительные: *польза — интерес, груз — балласт, отпуск — абшид, сражение — акция;* слова, искусственно созданные: *телокривия — жесты, прямопись — профиль, железопритягатель — магнит, грудокров — парапет, книготворец — автор, противоноги — антиподы, морестраж — гардемарин, одеждохранилище — гардероб, промышленность — industrie.*

При этом характерно тяготение разных писателей в разные периоды к разным источникам. В. Н. Татищев ориентируется на лексику общенародную, близкую к раз-

---

[50] *Подшивалов В. С.* Сокращенный курс российского слога..., с. 45.
[51] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений, ч. 9, с. 252.
[52] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 288.

говорной речи[53]. Наблюдаются примеры такой же ориентации и у В. Тредиаковского: французское *les yeux* он переводит как *зенки, contre le visage* как *рожа*[54]. Ориентируется на бытовую речь А. Сумароков. Поиски замен иностранными словами у И. Крылова, Д. Фонвизина, А. Радищева выступают на фоне общей демократизации их слога. Широко используются славянизмы, которые становятся орудием борьбы с западноевропеизмами уже в 40—50-е годы XVIII в. (например, А. Кантемир — в стихах, В. Тредиаковский — перевод «Аргениды» Барклая). 60—80-е годы отличаются от предшествующего времени уже явным предпочтением славянизмов в связи с увеличением в это время в литературном языке славянских элементов, изменением лексического состава среднего слога и расширением за счет славянизмов лексической базы книжного отвлеченного языка.

Возникновение русских аналогов иноязычных слов было источником создания новой лексической избыточности. Ср., например, употребление следующих рядов русских и иноязычных параллелей, характерное для рассматриваемого времени:

агрессор — наступатель; *акционер — пайщик, вкладчик; бульвар — гульбище; вентилятор — ветродуй, ветронос, ветреница, ветроверт, ветрильник, ветровая машина, душник, воздушник; дессерт — закуски, заедки*; *идеальный — мысленный, умственный, мнимый, воображаемый*; *канонада — пальба, стреляние*; *карусель — конная потеха, конное ристалище; компатриот — одноземец; космология — мирословие; курс — путь*; *национал — одноземец*; *патриот — сын отечества*; *патриотизм — отечестволюбие, отчизнолюбие*; *рупор — труба, переговорная труба, слуховая, повелительная, командная труба*; *спектакль — зрелище, позорище, представление, театральное действие* (ср. также иноязычные аналоги — *комедия, театр*); *туалет — уборный столик*; *эгоизм — самохвальство, яканье, ячество, собственнолюбие, самство, самость*; *вакуум — праздноместие*; *объект — подлог, подлежащее*; *монумент — памятник*; *нувель (новелла) — новости*; *фрикция* (физ.) — *трение*; *бюст — полукумир*; *гемисфера — по-*

[53] См.: *Аверьянова А. П.* Рукописный лексикон Татищева. — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 193, Сер. филол. наук, вып. 23. Очерки и исследования по истории языка, с. 25—83.

[54] Словарь русского языка XVIII века. Л., 1977, с. 67 (сноска) (Машинопись).

лушарие; *оппонент — противоречитель*; *реалист — именник, вещественник*; *синонимия — общеименство*; *аргументация — винословие; этаж — жилье* (иноязычное *ярус)*; *аккомпанировать — сопровождать*; *физиономия — лицо*; *гербарий — травник* и др.

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗАИМСТВУЕМЫХ СЛОВ

Как уже отмечалось, процесс заимствования готовых лексических единиц, несмотря на некоторое замедление его темпов по сравнению с Петровской эпохой, был в рассматриваемое время очень активным.

Сам состав заимствований с точки зрения его лексико-тематической характеристики значительно изменяется и расширяется по сравнению с предшествующим временем. Это было связано с углублением процесса европеизации жизни русского общества как в сферах общественно-социальной, культурной, научной, так и бытовой. Это определило и состав заимствований. Наибольший приток иноязычной лексики наблюдается в таких областях общественной жизни, как экономическая, административно-канцелярская, образование, издательское дело. Интенсивно пополняются иноязычными словами гуманитарные науки и естествознание. Значительно в это время количество заимствований, относящихся к разным областям искусства — живописи, архитектуре, театру и др. Большое место в общем количестве заимствований составляет бытовая лексика.

В рассматриваемое время увеличивается по сравнению с предшествующей эпохой количество отвлеченных заимствований. Однако удельный вес их в общей массе заимствований остается сравнительно невысоким. В основном это слова, обозначающие понятия духовного мира, философские, морально-этические, политические и другие понятия. Таковы, например, иноязычные слова, обозначающие философские течения: *деизм, идеализм, кальвинизм, материализм, пиронизм, стоицизм, фатализм, эгоизм* и др.; социально-политические и другие общественные направления: *англицизм, аристократизм, галлицизм* (приметы французского образа жизни), *гуманизм, деспотизм, оппозиция* (противодействие существующему правительству или господствующей партии), *патриотизм, фрасонизм*

и др.; морально-этические понятия: *патетизм, скептицизм, педантизм, фанатизм, эгоизм* и др., различные понятия и отвлеченные действия, относящиеся к сфере интеллектуальной и общественной деятельности человека: *концепция, эрудиция; анализ, компенсация, консервация, концентрация, координация, организация, реакция, субординация, сублимация* и др.

Однако значительно бóльшую часть заимствований составляет конкретная лексика: название различных предметов, лиц.

Тематические группы, которые наиболее активно пополнялись иноязычными словами, были разнообразны.

Большую группу составляют слова, относящиеся к различным областям общественно-социальной жизни.

Таковы, например, обозначения общественных явлений, связанных с общеделовой и канцелярской практикой: *диктовать, аттестовать, копировать;* с развитием издательского дела, книгопечатания, журналистики, периодики: *корректор* (1730 г.), *пренумерант* (подписчик), *матрица, формат, публицист, рецензент, редактор, субскрибент* (подписчик), *журналист; рецензировать, фельетировать;* с деятельностью почты: *почтдиректор, месажер* (почтарь), *фельдъегерь;* со школой и образованием: *ментор, педель, филистер, фискал, проректор, пенсионер, гимназист*; с торгово-финансовой сферой: *авантюрье, дебитор, диспетчер, ажиотер, ассекуратор, безухер* (раскладчик процентов), *негоциант, акционер, аукционист, камбист, коммерсант* (торгующий оптом, отдающий деньги в рост), *маркгфохт, штемпельмейстер, камералист, комерцрат; аванс, дивидент, камбио, ассортимент; бушель, пинта*; *ажиотаж* (биржевая игра), *гросбух, ассигнации* (введены в России в 1768 г.); *арбитраж, аталанта* (прибыль), *баланс, гонорар, дравбак* (возврат пошлины), *ликвидация, привилегия, стокс* (долги), *финансы, фирма;* названия иностранных монет: *гинея, дублон, зильберминц, империал, реал, цехин, экю* (например: Прошедшего марта 1-го дня состоялся указ, чтоб *цехину* быть по 31-му фунту. Зап. Неплюева — ДРС); [Згорадова] Не уж ли ты думал, что я не привезу? Вот они! ровно 30 *империалов.* Лукин, I — ДРС; [Человек] получает за то несколько копеек, ливра два или целый *экю*

(курсив авт.) — Карамз., ПРП); с судебной сферой: *консультировать;* с развитием международных контактов: *компатриот, космополит, эмигрант* (с 1735 г.).

Необычайного расцвета достигает во второй половине XVIII в. русское искусство. Таковы, например, общие термины искусства: *группа* (термин живописи и скульптуры), *бельарт* — название изящных искусств.

Из терминов живописи, появившихся в это время, можно назвать такие, как *пейзажист, перспективист, силуэтист* и *силуэтер, карикатура, миниатюра* (с 30-х годов), *арабеск, мозаика, эскиз* (например: Может быть и другие найдут нечто приятное в моих *эскизах* (курсив авт.) — Карамз., ПРП), *ландшафт; картон, виньетка; палитра* (с 40-х годов), *мольберт, рейсфедер* (рисовальное перо). В 1798 г. на русский язык переводится «Руководство к... познанию... живописей» Иоганна Генриха Людвига фон Винкельмана, представляющее собой лексикон художников-иностранцев. Развивается гравировальное искусство (*гравер, гравирование, грабштих* 'резец', *лавис*), искусство литографии (*литография*). Развитие скульптуры отражается в появлении терминов: *скульптор* (1737), *бюст* (1748 г.), *курулы* (статуи), *горельеф.*

С этой эпохой связано появление в русском языке таких терминов архитектуры, как: *ваза, антаблемент, акант, арабески, багет, балюстрада* (1765 г.), *барельеф* (1734 г.), *вестибюль* (1779 г.), *караколь* (витая лестница), *кариатида* (1763 г.), *квис, колоннада, контрафорс, купол* (например: Как оный шпиц, так на соборной церкви *купол*, сгорая, овалился же. Зап. Нащокина — ДРС), *мезонин* (1768 г.), *павильон* (1741 г.), *пилястр* (например: Ея И. В-во изволила указать *пилястр* в Петропавловской церкви строить по сему образцу. Журн. Каб. Анны Ив. — ДРС), *плафон* 'потолок' (1737 г.), *постамент, ротонда, рустика* (грубое сельское строение), *стилобат, стереобат, симметрия* (1737 г.), *срестон, фронтон* (1737 г.), *этаж* (с 30-х годов в знач. 'ярус дома'), *эпизод* (ярус в театре), *мавзолей* (70—90-е годы).

Наиболее важные новые музыкальные термины этого времени: *акомпанист, виртуоз* (1735 г.), *виолончелист, клависинист* (например: [Иван] *Клависинист*, сударыня, в зале вас ожидает. Лукин, II — ДРС), *гитарист, кларнетист* (1784 г.), *контрабасист, лютнист, флейтраверсист, альтист, дирижер* (1778 г.), *пианист, солист*

(1786 г.), *дискант, контральт* (1795 г.), *баритон* (1795 г.), *дишкантист, тенорист, аккомпанировать, аккомпанирование, дирижировать* (1758 г.), *пассаж*; *виолончель* (1738 г.), *гармоника* (музыкальный инструмент из стеклянных сосудов), *клавир, кларнет, мандола, мандолина, мюзет, панталеон, тромпетта, фагот, флигель* (музыкальный инструмент), *фортепиано* (также *пиано* и *пианофорте*), *клавесин, камертон, адажио, акорд, аллегро, гамма, дуэт, диэз, каватина, контата, каприччио, мотив; ариетта, рапсодия, речитатив, рулада, соната, терцета, триолет, оркестр* (1738 г.).

Из новых театральных терминов: *полишинель* (1764 г.), *суфлер, акробат, режиссер* (1786 г.), *солист* (1786 г.), *статист* (1752 г.), *буфон* (1738 г.), *балетмейстер, артист* (1755 г.), *актриса, хорист, оперист* (1738 г.), *пантомим* (1755 г.), *паяц, примадонна* (сер. XVIII в.), *труппа* (сер. XVIII в.), *фарсер* (1796 г.), *фигурант, персонаж* (1763 г.), *бутафор* (1789 г.), *антрепренер, мим* (1790 г.), *оперистка; контрмарк* (1798 г.); *балансор* (с 50-х годов), *афиши* (например: Человек, изрядно одетый [живет] продажею *афиш* (курсив авт.), или всякого рода печатных объявлений, которыми здесь бывают облеплены стены — Карамз., ПРП); *дебют* (1810 г.).

Развитие русской науки в целом и расширение научных связей с разными народами отражается в появлении таких общенаучных терминов, как *энциклопедия* (1760 г.), *энциклопедист* (1796 г.), *корифей, полимат* (всесторонний ученый).

Активно развивается в этот период в России естествознание. Бурное развитие этой науки отражается в появлении названий многих частных естественных наук: *энтомология* (о насекомых), *фитология* (о растениях), *фаленология* (о блестящих животных), *литология* и *литография* (о камнях), *ихтиология* (о рыбах), *зоология* и *зоотомия* (наука как разнимать и потрошить какое-либо животное)[55], *дендрология* (о деревьях), *галотехния* (о солях), *электрология* (о янтаре), *кристаллография, минералогия, металлургия* (с 30-х годов), *орнитология* (о птицах), *доцимазия* (о рудах), *номенклатура* (наука

[55] См.: *Урусов А. А.* Опыт естественной истории, заключающий первую часть оной, то есть ориктологию, содержащую в себе описание всяких земель, мелов, глин, песков, камней, солей, сер, смол, полуметаллов, металлов и прочаго. М., Унив. тип., 1780, с. 24.

именовать порознь всякую природную вещь в подлежащем ей порядке) [56], *аэрография, аэрометрия, аэрология, аэростатика, метрология, герменевтика, агрикультура* (земледелие). Многочисленны относящиеся к естественнонаучной сфере названия инструментов: *анемоскоп, ареометр, барограф, бароскоп, гасометр, гигробароскоп, гномон, манометр, сонометр, термоскоп, пирометр.* Названия ученых-естествоиспытателей: *минеролог* (1780 г.) и *минералист* (1784 г.), *зоологист* (1798 г.) и *зоолог* (1803 г.), *лаборант* (1731 г.), *литолог, орнитолог, ихтиолог* и *ихтиологист, физист, демонстратор* (в ботанике) *гербарист, оптик.*

Преимущественно с развитием общего естествознания, а также его частных наук, таких, например, как ботаника, минералогия, физика, химия, медицина, связано в это время появление в русском языке множеств названий различных природных веществ (*азот, алкоголь, натр, эфир*), в том числе красок (*ультрамарин*), драгоценных камней (*аквамарин, опал*), металлов (*никель* — 1798 г., *цинк* — 1763 г.), родовое название ископаемых (*фоссилии*), произведения флоры; *арахис, банан* (1786 г.), *брюква* (1737 г.), *картофель* (1737 г.), *календула, ипекуана, бодяга, вербена, корнишон, курага, портулак, потаты* 'картофель', *редис* (1739), *трюфели* (1757 г.), *цикламен, шампиньон* (1765 г.), *акация, астра, герань, гладиолус, камелия, левкой, магнолия, настурция, примула, резеда, цинния, бамбук, баобаб* (1783 г.); фауны: *аллигатор* (1751 г.), *альбатрос* (1751 г.), *антилопа, аскарид, бекас, дог, дрофа, жираф, кайман, какаду, колибри, краб, креветка, мопс, омар* (например: Подали на стол *гомара* или очищенные рачьи клешни и хвостики с уксусом и перцем. Порошин. Записки — ДРС), *орангутанг* (1787 г.), *павиан, паразит* (1763 г.), *полип* (сер. XVIII в.), *пудель* (сер. XVIII в.), *пулярдка, скат, скумбрия, тарантул, форель* (1738 г.).

Появляется ряд специально научных терминов химии (*амальгация, ампула, матрац* (сосуд), *алкали, реторта*); медицины, как например названия ее частных наук: *гигиена, гимнастика, остеология, семиотика* (наука о признаках болезни), *фармация*; обозначение различных лечебных, хирургических и профилактических действий и мер: *аборт, диета* (1734 г.), *ампутация* (Яновск., Нов.

---

[56] Там же, с. 26.

словотолк.), *лигатура* (хирургическая операция); их материализованных результатов: *апертура* (отверстие, делаемое в теле способом прижигания для удаления мокрот); болезненных состояний: *кризис* (например: *Кризис* (курсив авт.). Слово греческое, собственно *суд* (курсив авт.); но у докторов значит внезапную премену. — Кант., О мн. миров); названия болезней и болезненных симптомов: *конвульсия, контузия* (1758 г. — Курганов), *обструкция* (кишечный запор) (Яновск., Нов. словотолк.), *спазм, абсцесс, агония, аневризм, анемия, апатия, геморроиды, диабет* (*диабетес*), *индижестия* (несварение желудка), *мигрень* (1786 г.), *инфламация* (воспаление с опухолью) (например: Оно [лекарство] весьма действительно и от многих глазных болезней помогает, а особливо от жару и лома в глазах, или так называемой *инфламации,* или воспаления. Болот. С. Ж. ч. II. — ДРС), *истерика, каталепсия* (род паралича), *коклюш, маразм* (сухотка), *мозоль, рахит* (Яновск., Нов. словотолк.), *флегмона, фризель* (болезнь горячки с пятнами) (ПСЗ, XIV, 1755), *чума, шанкеры, эпидемия;* названия медицинских инструментов, лекарств и лекарственных составов: *бинт, пессарий, плантер, шнипер* (ланцет), *болус* (пилюля), *аврипигмент* (мышьяк), *аммониак* (нашатырь), *арсеник* (мышьяк), *конфекция* (Яновск., Нов. словотолк.), *магнезия, марганец, опиум* (1734 г.), *плазм, поссет, фиритин, формула* (рецепт) (1727 г.); частей лекарств: *доза*; названия больных: *апоплектик, гидрофоб, пациент;* врачей и лекарей: *акушер, эмпирик* (врач-шарлатан), из восточных языков: *троншеин* (Курганов); названия этапов болезни: *период* (1728 г.).

Появляется и ряд анатомических новых терминов: *глоссотомия* (рассечение языка), *кардиография* (описание сердца), *аденология* (наука о железах), *желудочный магазин, масса* (пища в желудке); среди них — множество названий частей и органов тела: *абдуктор, аддуктор* (мускулы), *антагонист* (мускул противодействующий); *атлас* (шейный позвонок), *барабан* (натянутая плева) (калька с timpanum), *блок, бронхи, гландула* (железа), *дерма* (кожа), *диафрагма* (1728 г.), *дукт* (проток), *капсула* (плева), *капут* (голова), *лингва* (язык), *окулус* (глаз), *юрган, стомах* (желудок), *трохея, фибры* (жилы).

Углубление знаний по астрономии отражается в новых терминах этой эпохи: *амплитуд* (расстояние солн-

ца от точки восхода или захода), *нодус* (лунный узел), *орбита, тропик, фосфор* (название планеты Венера), *астероид; аналеммат* (астрономический инструмент), *диоптры* (две линейки на круге астролябии), *планетарий* (астрономическое орудие или прибор) (Яновск., Нов. словотолк.), *транспортир, комплемент* (расстояние солнца от зенита), *аномалия* (расстояние планеты от афелии) (1752 г.), *фаза* (вид светила на небе), *метеорология.*

Ср. также такие названия явлений природы, как: *дюны, муссон, тайфун, ураган, шквал; лагуна, зунд* (пролив).

Развитие математики во второй половине XVIII—начале XIX в. сопровождается заимствованиями новых терминов: *статистика, алтиметрия* (высотомерие), *аналист* (1786 г.) и *анализист* (искусный в решении задач), *бином* (1798 г.), *абревиатор, алгоритм, асиметрия, диаграмма, косинус, котангенс, косеканс, директриса, икосаендр* (20-гранник), *королларин, теорема* (1732 г.) *октагон* (восьмиугольник). С дальнейшим развитием техники связано появление слов: *механизм* (1754 г.), *вентилятор, аэростат* (1801 г.), *вентиль* (1783 г.), *катапульта* (воен.), *мензула* (металлический инструмент в геометрии), *пендул* (гиря, отвес), *автомат* (самоподвижная машина), *нивелировать* (понижать уровень воды в реке).

Из новых названий измерений: *акр, акрем, брас* (сажень), *брутто, грамм, кильдеркин, лье, метр, пинта, чалдрон* (мера веса угля), *ярд.*

Начинают свое развитие гуманитарные науки. Ср. названия гуманитарных наук: *библиография* (1798 г.), *лексикография* (1802 г.), *филология, эпиграмматография* (знание надписей); ученых: *гуманист* и *гуманиор* (человек, упражняющийся в изящных науках или обучающий оным) (Яновск., Нов. словотолк.), *мифолог* (60-е годы), *хронолог.* Начинается изучение монет: *нуммария, нумизматография, нумизматика* (1789 г.). Развивается наука о нравах и о воспитании: *андрология, педагогия, мораль* (1769 г.), *патология* (учение о страствованиях или пристрастиях человеческих) (Тредиак., Сл. прем.; Патология по своему существу есть: способ воли, коим наш ум представляя себе доброе и злое, чрезвычайно преклоняется к получению оного, а к убеждению от сего — Там же).

Развитие философии отражается в появлении терминов *космогония, космология, психология, психолог,*

пневматика (например: Впрочем же сие яко до метафизики или *пнеуматики* принадлежит. Тат., Разг. — ДРС), и *пневматология* (духословие) (Курганов), *онтология, идеолог* (занимающийся наукою о идеях) (Яновск., Нов. словотолк.), *эстетика* (с 1784 г.) (например: *Эстетика* есть *наука вкуса* (курсив авт.). Она трактует о чувственном познании вообще — Карамз., ПРП), *монада* 'атом', *эфир, логик* и *логист*.

К рассматриваемому времени относится развитие отечественной филологии, отразившееся в появлении таких слов, как: *акцент* 'ударение', *архаизм, галлицизм, диалект, иероглифия* (1737 г.), *калька, комма* 'запятая', *лексика, лексикограф* (1802 г.), *омоним, пурист*.

Начиная с А. Кантемира и В. Тредиаковского русская литература и словесность вступает в новую фазу. Появляются такие слова, как *акростих, амплификация* (риторическая фигура), *анапест, анекдот* (повесть), *антитеза, асиндетон, баллада* (1802 г.), *бард, декламация, дикция, дифирамб, имажинация* (1731 г.), *каданс, каламбур, кармины* (стихи), *куплет, литератор* (90-е годы), *лирик, мадригал, метафразис, метонимия, минезингер, ода* (1730 г.), *памфлет* (1784 г.), *панегирист, парафраз, парафраст, пародист, пирихий, поэма* (1731 г.), *пьеса* (1785 г.), *рапсод, рифмоскрип, роман* (например: Дабы те, которые будут читать оную работу, не вздумали, что это *роман* [т. е. вымышленная книга]. Гист. доф. о тур. пр. Зизим. — ДРС), *романист, сатира* (например: Известно уже довольно, сколь нравоучения у нас не в моде, и сколь худое напротив того *сатиры* производят действие. Болот., Сельск. жит., ч. 1 — ДРС), *силлаба, синекдоха, сонет* (1755 г.), *станс* (1784 г.), *стилист, строфа* (например: Говорили о покойном Ломоносове, рецитировал [я] последнюю его *штрофу* из одной оды. Порошин, Записки — ДРС), *сюжет* (1766 г.), *филиппика, элегия, эпиграф, эпопея, этюд* (1789 г.) и др.

Во второй половине XVIII в. углубляется знание русскими античного мира, например погребальных античных обрядов, что отражается в появлении слов: *лакриматории* 'маленькие глиняные и стеклянные сосуды, в которые римляне плакали на погребениях' (Карамз., ПРП), *кенотаф* (гроб) (Я напрасно искал гробницы Ярославовой дочери... Как бы то ни было, но ее *кенотафа* нет подле монумента Генриха I — Там же); *мавзолей* (В витийственном стиле так называют все ве-

ликолепные гробницы, воздвигнутые в честь какой-либо знаменитой особы. Имя же сие происходит от той гробницы, которую Артемида, Царица Карийская, соорудила из белого мрамора в честь Мавзолу, супругу своему — Яновск., Нов. словотолк.), *вакханалия, сатурналы* (праздник в Риме), русские дериваты *вакханка, весталка.*

Значительно сокращается количество заимствований в военной и морской сферах. Основной состав этой лексики уже сформировался в Петровскую эпоху.

Из новых военных терминов можно назвать такие, как *эскалада* (взятие крепости с помощью лестниц), *вахт-парад, демарш, канонада, маневр* (с 50-х годов), *агрессор, кювет, артиллерист* (50-е годы), *ветеран* (сер. XVIII в.), *анфилада* (расположение войск), *депо* (местопребывание солдат) (с 70-х годов), *павильон* (казарма), *бивуак* (1777 г.), *рикошет* (1787 г.), *жандармерия, кирас, китель* (1765 г.), *эполеты* (1780 г.). Из морских терминов: *вахтер, корвет, баркас, борткамера.*

Сильнейшее влияние Запада наблюдается в это время в сфере быта. Развиваются ремесла, обслуживающие быт. Появляются названия ремесленников, в том числе и русские образования от иноязычных основ: *модистка, ювелир, трассировщик* 'изготовитель париков', *бандажист, фонтанщик;* с развитием ювелирного дела заимствуются специальные ювелирные термины: *акори* 'голубой бисер', *розет, марказит.*

В конце века в быт верхов проникает увлечение магией, что отражается в появлении таких слов, как: *амулет, талисман, хиромантик* (например: Бабка моя, бывшая тогда еще в девках, показывала ему руку и требовала предсказания, ибо он угадывал многим и был *хиромантик.* Болот., Зап. I — ДРС), *физиогномист* (например: Я не *физиогномист;* однако же вид ваш заставляет меня иметь к вам некоторую доверенность — Карамз., ПРП), *магик* (волхв, волшебник) (Курганов).

Продолжается ознакомление русского общества со многими предметами западного быта. Появляются новые названия тканей: *батист, брокатель, буракан, гарнитур, глазет, гризет, гроденапль, гродетур, дородор, драгет, камертух, ситец* (1768 г.), *транценель* (изысканные тонкие, роскошные ткани), *брамзелдук, каломель, лино, лино-батист, лино-флер, люстрин, марль, ревентух, тарлатан, фанза* (кит.), *флоранс, шифон, твид, каземир;* одежды: *шинель, салоп, рейдинкот, спенсер;* предметов лич-

ного пользования: *альбом, лорнет* (и действие *лорнировать*), *зонтики,* которые называются *парасоль* (от солнца) и *параплюй* (от дождя), *портшез;* украшений: *букеты, гирлянды, фермуары;* экипажей: *визави, фура, кабриолет;* предметов убранства жилого помещения: *абажуры* (окна, через которые льется верхний свет), *жалузи* (1793 г.) и *шпингалеты, комод, туалет, канапе, софа;* осветительные и обогревательные приборы: *жирандоли, реверберы, софиты, калуферы.* Развивается парикмахерское искусство. В конце века среди названий светских причесок и видов бритья появляются: *тупей(я), тупей-алакроше, бакенбарды, букли, лавержет, шиньон* (1769 г.), а в самом начале XIX в. — *эсперансы.*

Большого разнообразия достигает искусство приготовления пищи, кулинарное и кондитерское, что отражается в появлении таких названий, как: *десерт* (с 50-х годов), *бон-бон, вафля* (1765 г.), *карбонад, клярь, консюме, пикули, рагу* (1752 г.), *сосиски, цукерброт, брез, антреме, бирсуп, бифштекс, бланманже, вермишель, галантерь, галлерт, глясс, гризет, карамель, мармелад, маринад, матлот, пудинг* (1786 г.), *ролад, ростбиф, рулет, фарш, филе, шарлот, фрекандо, фрикадели, трюфели* (1757 г.), *фаршировать, бланшировать, митонировать, панировать, карбовать, мариновать, лигировать, гас* 'солить', *шпиковать* (1771 г.), *глассировать, фрикасировать, шпинат, сельдерей, шампиньоны* (1765 г.), *картофель* (1737 г.), *борколи, пунцель.* Ср. у Державина: Тогда-то *устрицы го-гу,* Всех мушелей заморских грузы, Лягушки, *фрикасе, рагу,* Чем откормляют нас французы (Похвала сельской жизни); у Карамзина: Обедаю иногда в кофейных домах, где за кусок говядины, *пудинга* и сыру берут также рубли два (ПРП); Англичане не любят ни какой зелени. *Рост-биф* (курсив авт.), *биф-стек** [*в сноске: жареная и битая говядина] (курсив авт.) есть их обыкновенная пища (Там же).

Из новых вин и напитков известны: *баваруаза* (например: Человек, изрядно одетый... сидит в Cafe de Chartres за чашкою *баваруаза* (курсив авт.) — Карамз., ПРП), *бержерак, бишоф, брейган, глинтвейн, грог* (1799 г.), *джин, кандель, кларет,* (например: Мы сами выбрали себе павильон, велели подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку *Кларету* — Карамз., ПРП), *мадера, мозель, малага, ром, эль, виски, оршад* (1770 г.).

В моду входит обучение танцам, ср. название танцев второй половины XVIII—начала XIX в.: *полонез* (1777 г.), *жига* (1773 г.), *матрадур, манимаска, гавот, англез, контреданс* (1734 г.), *фанданго, кадриль* (например: Во веселью хороводы поиграть, На мудреные *кадрили* посмотреть. Порошин, Зап. — ДРС), *вальс* (1799 г.).

Русское дворянство знакомится в эту эпоху с рядом новых игр: *баленшпиль, берлан, волан, бильбоке, лото* (1791 г.), *рулетка* (или *вертушка*); в том числе и карточных: *аламбра, ал амуш, бостон* (1791 г.), *басет, гок, империаль, веньт-энь, вист* (1769 г.), *кадриль, ландскнехт, квинтич, лабет, ламуш, макаб, маниль, пик-медрилль, реверси, рест, рокамболь, солитер, тентере, треет, тритриль, шпиншпен-шпур, штос, юрдон, гранд-прим, ломбер* (например: Сестра моя приказала подать карты, и разобравшись партиями сели играть: я, Люция и Анна София в *ломбер,* а сестра Филистина, Мералий, Кристина... в *кадриль.* Милорд. — ДРС), *пикет, контра, памфиль, пасьянс, фараон* (например: Играли в карты мы — в ерошки, в *фараон,* По грошу в долг и без отдачи. — Держ., Евгению. Жизнь Званская), *фаро.*

Развивается далее и быт общественный, заимствуются новые слова: *карусель, клуб* (например: Не слишком любишь маскарады, А в *клуб* не ступишь и ногой — Держ., Фелица), *пикник* и *шарады, вояжир* (*вояжировать*).

Углубляется и знание западноевропейского быта. Появляется ряд обозначений западноевропейских реалий: *отель* (Наемный дом, где вы кроме комнаты и услуги ничего не имеете. Кофе и чай приносят вам из ближайшего кофейного дома, а обед из трактира — Карамз., ПРП), *тротуар* (везде *тротуары* (курсив авт.), или камнем выстланные дорожки для пеших — Карамз., ПРП; Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие *тротуары* (курсив авт.), которые по-русски можно назвать *намостами;* их всякое утро моют служанки — Там же), *дилижанс, фиакр, воксал*[57].

---

[57] Ср. описание английского вокзала у Карамзина: Вообразите бесконечные аллеи, целые леса, ярко освещенные огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великих людей, среди густой зелени триумфальные, пылающие арки, под которыми гремит оркестр; ... везде столы для пиршества, убранные цветами и зеленью... Славный Английский *Воксал,* которому напрасно хотят подражать в других

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

1. В функционировании заимствований в рассматриваемый период сохраняются многие черты, свойственные им в Петровскую эпоху. Общие особенности процесса заимствования, характерные для его начальной стадии, а также особенности, специфичные для определенного времени (большое количество заимствуемых слов, определенная языковая политика по отношению к ним, наличие «тождесловов», создающих лексическую избыточность и др.), способствовали тому, что в целом положение иноязычных слов в этот период продолжает оставаться неустойчивым.

Многие слова употребляются редко, единично (например, слово *энергия* и его производное *энергетический* — Радищ., О чел.). Значительное число иноязычных слов имеют узкую сферу функционирования или ограничено рамками группового употребления (например, жаргонные производные слова от иноязычных основ — *анонсировать* 'извещать', *юстировать, мокероваться* 'насмехаться', *фельетонировать* 'перелистывать', *дистракция* и др.).

Эта неустойчивость проявляется и в семантике многих слов. Для них, как и в Петровский период, характерна «размытость» границ значения, неопределенность набора простейших смыслов[58]. Это объясняется тем, что иноязычное слово «еще не располагает в принявшем его языке нужным набором лексических контекстов, в которых может однозначно реализоваться его значение»[59].

Так, например, слово *интерес*, вошедшее в русский язык в Петровскую эпоху в общем значении 'польза, выгода', широко употреблялось в коммерческой сфере, где реализовалось в значении 'денежная выгода, прибыль, доход' (распространенное сочетание *государственный интерес*). Это привело к тому, что многие стали употреблять слово именно в этом значении. В. Татищев возра-

---

землях. Вот прекрасное, вечернее гульбище, достойное умного и богатого народа!... Лондонский *Воксал* соединяет все состояния: тут бывают и знатные люди и лакеи ...*Воксал* в двух милях от Лондона (ПРП).

[58] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 243.

[59] Там же, с. 242—243.

жал: «Интерес, франц. польза, участие, побыток и прибыток..., у нас же сие слово неведующие свойства его употребляют вместо казенного дохода не правильно» (Л. Тат., III) [60].

Для многих иноязычных слов и их производных в это время характерна узость лексических связей, они еще терминологизированы в своем употреблении. Так, например, только по отношению к бумагам употребляется глагол *копировать*, только по отношению к кораблю — *кренить, пеленговать*, к войскам — *маскировать, формировать*, к товарам — *пломбировать*, к биллиарду — *тренировать*, к лошади — *школить*. Слова *амортизация, апологет, антогонист* имеют узко конфессиональное значение, *аналогия* употребляется только в математике, а слово *циник* — только в значении «сторонник определенного учения», качественное значение ему еще не было свойственно.

Слабо развиты в этот период у многих иноязычных слов словообразовательные гнезда, в употреблении много одиночных слов.

В этот период продолжается недостаточная фонетическая и морфологическая адаптация иноязычных слов. В оформлении их наблюдается сильная вариантность, что во многом объясняется многоконтактностью с иностранными языками, возможность заимствования одних и тех же слов из разных языков; например, такие варианты, как *маркитант* и *маркитентер*, *аптекар* и *аптекарь*, *барказ* и *баркас*, *фрегат* и *фрегата*, *шлюбка* и *шлюпка*, *проектовать* и *проектировать; авантура* и *авантюра*, *актор* и *актер*, *новелла* и *нувель*, *жест* и *гест*, *цифры* и *шифры*, *дуэт* и *дуо*, *паштет* и *пастет*, *желе* и *желей*, *фрикасе* и *фриказе; вафля* и *вафль*, *бифштекс, бифстек* и *бифстекс*, *глинтвейн* и *глейтвейн*, *куверт* и *конверт*, *глазет* и *гласет*, *императрица* и *императрикс*.

В 1735 г. начальник канцелярии тайных розыскных дел Ушаков потребовал от Тредиаковского письменного объяснения по поводу слова *императрикс*, употребленного наряду с *императрица* в песне, посвященной коронации Анны. «Слово сие Императрикс, — писал Тредиаковский, — есть самое подлинное латинское, от которого и нынешнее наше сие производится, Императрица, в чем я

---

[60] Цит. по: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 245.

ссылаюсь на всех тех, которые совершенную силу знают в латинском языке. Употребил я сие Латинское слово Императрикс для того, чтобы мера стиха сего требовала..; но что чрез оное слово никакова нет урона в высочайшем титле Ея Императорского Величества, то не токмо латинский язык довольно меня оправливает, но сверх того еще и стихотворная наука»[61].

Множество вариантов отражает в качестве равноправных Словарь Академии Российской: *гродетур* и *гарнитур*, *иконом* и *эконом*, *крахмал* и *крухмал*, *лабиринт* и *лавиринф*, *махина* и *машина*, *слюз* и *шлюз*, *спинат* и *шпинат*, *такт* и *такта*, *театр* и *феатр*, *шеколад* и *шоколад*, *шпиц* и *спиц*.

В лексикографии того времени заметно стремление объяснить причину вариантности влиянием разных языковых источников. Так, Н. Яновский указывает на *скиц* и *шкиц* немецкие и *эскисс* французское, на *рецитатив* латинское и *речитатив* итальянское и др. Однако намечается известная тенденция в движении вариантов. Так, глаголы на *-ировать* (немецкое влияние) начинают вытеснять глаголы на *-овать* (польское). Вместо известного с 1711 г. *детащовать* появляется в 1757 г. *деташировать*, вместо прежнего *капитуловать — капитулировать*; реже наблюдался обратный процесс: *проектовать* появилось позже (1779 г.), чем *проектировать* (1735 г.)[62]. Более ранние латино-немецкие варианты 40-х годов в 60-е годы уступают место французским, вместо *авантура, миниатура, актор, миссионар, цифры, гест, новелла* приходят *авантюра, миниатюра, актер, миссионер, шифры, жест, нувель*[63]. Ослабление к концу века влияния латыни ведет к преобладанию в оформлении слов европейских языковых образцов, хотя не следует понимать это прямолинейно: во многих случаях латинское оформление слова оказалось устойчивым. Ф. Каржавин писал: «В Европе, против берегов Голландских лежит остров называемый England *Энгланд* (курсив авт.): житель тамошний... *энглишь — ман* (курсив авт.) englishской человек, и говорит по englishски does speak English *доз спик Энглишь* (курсив авт.). У нас слова: *Англичанин* (курсив авт.),

---

[61] *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук..., с. 62.
[62] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 389.
[63] Там же, с. 176.

а хуже того *Агличанин* (курсив авт.), *Англия* (курсив авт.), *Англицкой* (курсив авт.), *Англинской* (курсив авт.) и *Аглинской* (курсив авт.) выделаны из латинского слова Anglia. Что же лучше? Название острова и жителей его с которыми ежедневно мы обращаемся, перенести в Российский язык из того самого языка, который на оном острове употребляется; или из мертвого латинского языка, которым давно уже не говорят и в самой латинской земле?» [64].

Смысловая и стилистическая дифференциации вариантов намечены слабо. Ср. немногие словарные свидетельства по этому поводу: рядом со словом *квартира*, воспринимаемым как литературное, фонетические варианты *квартера* и *фатера* стали восприниматься как просторечные: «простолюдины выговаривают *квартера* и *фатера* (Яновск., Нов. словотолк.). Рядом с литературным *регент* просторечным оказалось *реент*. Смыслового различия между *махина* и *машина*, *шторм* и *штурм* в это время еще не было.

При том, что общие литературные нормы этой эпохи не были устойчивы, а орфография не была достаточно упорядочена, западноевропеизмов нормализация касалась еще вообще слабо: вокруг них не утихали споры по более существенному основанию — быть или не быть им в русском языке.

2. Однако в это время отчетливо проявляются тенденции к более глубокому освоению иноязычных слов русским литературным языком.

Развивается на русской почве словообразовательная активность у множества заимствований [65].

Наблюдается активизация употребления многих иноязычных слов, единичных или редких в первой трети и середине века, иногда с изменением их значений. Таково, например, слово *литература*, употребляемое в 20-е годы в значении 'письменность', которое в 70-е годы прочно входит в русский язык в значении 'совокупность произведений письменности' [66].

---

[64] Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Севиля. [Пер. Ф. Каржавина]. М., 1791, с. 20—21.

[65] См. об этом в разделе «Особенности образования и функционирования словообразовательных неологизмов».

[66] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 161.

Во второй половине XVIII в. многие заимствования начинают преодолевать свою семантическую неопределенность и статичность. Эта тенденция проявляется в тех семантических изменениях, которые претерпевают иноязычные слова в рассматриваемый период. Показателем более глубокого освоения русским языком иноязычных слов является развитие у них новых переносных значений.

Так например, слово *стихия* (грецизм) еще в древнерусский период употреблялось в различных естественно-научных, философских, богословских сочинениях и в переводах с латинского соответствовало слову elementum. В этом же значении слово употребляется на протяжении всего XVIII в. Например у Радищева: Начальные части всех тел называем мы *стихии*. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь (Рад., О чел.). В конце века это слово начинает функционировать в светской литературе, не связанной с научными и философскими проблемами, где оно может выступать переносно: Менее просвещения, менее независимости, менее возможности усилиться, менее честолюбия, но более спокойствия и надежности: вот *стихии* политического бытия сих народов (ВЕ, 1802). Постепенно в подобных контекстах у этого слова формируется новое переносное значение 'окружающая привычная среда, обстановка'. Например: Богатое, нечерпанное лоно старины и мощного свежего языка пред ним расступается; вот *стихия* поэта, вот колыбель гения (Б.-Марл., Русск. слов.).

На протяжении XVIII в. формируются новые переносные значения у слова *сфера*. В первой половине века это слово употребляется в значениях 'шар', 'небесная сфера', 'вселенная'. В середине XVIII в. слово *сфера* начинает использоваться в значении 'пределы действия физических тел'. Например: [Тела] входят в *сферу* другого солнца (ВЕ, 1803). Синтагматические связи этого слова в новом переносном значении быстро расширяются: оно начинает употребляться для обозначения пределов распространения, действия не только физических тел, но и по отношению к отвлеченным понятиям: *Сфера* всеобщего умозрительства (Тредиак., Фил. Бак.); пройди *сферу* мыслей Ньютона (Радищ., О чел.). Одновременно у слова *сфера* формируется и другое переносное значение 'определенная обстановка, социальная, бытовая; общественное окружение': Вот в какой но-

вой *сфере* мы себя видели (Фонв., П. к А. М. Обрескову, 28 сент. 1773); образовать собою отдельную *сферу* бытия (ВЕ, 1827).

Во второй половине XVIII в. развиваются новые значения и у слова *сцена*. Оно начинает обозначать не только 'отдельный эпизод, изображенный в пьесе, романе, картине и т. д.', но и 'случай, эпизод, наблюдаемый в жизни'. Например: Она позволила нам расцеловать своего [сына], из чего вышла опять чувствительная *сцена* (Карамз., ПРП). В самом конце XVIII—начале XIX в. у этого слова формируется и другое переносное значение 'область деятельности, поприще': Едва выступил на *сцене* авторства (ВЕ, 1823).

Слово *картина* во второй половине XVIII в. начинает употребляться в новом переносном значении 'то, что можно видеть, обозреть или представить себе в конкретных образах'. Например: Предложит нам историю некоторого века... да всеобщую *картину* естества человеческого (Тредиак., Фил. Бак.); *картина* Римской республики (Там же). Особенно широкую употребительность слово *картина* в новом значении получает у Карамзина и его приверженцев: Спокойно рассматривал *картину* водопада с его окрестностями (Карамз., ПРП); заходящее солнце... освещало разнообразные *картины* парижских окрестностей (Там же); он видел перед собою великолепную *картину* природы (ВЕ, 1802).

К этому же времени относится развитие нового переносного значения у слова *пружина* — 'действующая причина, орудие' (САР$_1$). В середине XVIII—начале XIX в. это слово в новом значении было широко распространено в научной, философской, публицистической литературе. Например: Химия находится в державе метафизики, объемлющей намерения и *пружины* всего естества (Тредиак., Фил. Бак.); Они [великие мужи] всегда родятся на возобновление ослабевающих *пружин* нравственного мира (Радищев., О чел.) [67].

Наиболее перспективными в отношении освоения их литературным языком оказывались иноязычные слова общего характера, связанные прежде всего с социальной и бытовой сферами жизни: слова бытового обихода, многие слова, обозначающие явления общественной жизни,

[67] Подробнее об этих словах см. в кн.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., «Наука», 1972.

названия наиболее известных и актуальных для этой эпохи понятий разного рода.

Замедленными темпами и меньше в количественном отношении осваивались иноязычные слова, принадлежащие к более узким, специальным сферам употребления. Однако уже в рассматриваемый период начинается активное передвижение иноязычных слов из сфер специальных в общий язык.

В обществе складывается постепенно понятие о многих специальных вещах, а вместе с ним проникает в общее употребление и его обозначение. Из астрономических терминов, как замечал Д. И. Фонвизин, в это время «многим не-астрономам известны *аберрация* и *перигей*, многим не-хронологам знакома *эпакта*»[68]. Н. М. Карамзин, «разбирая перевод Естественной Истории Бюффона, сделанный Румовским и Лепехиным... говорит: „Я не знаю, для чего бы mineraux не назвать *минералами*; сие слово известно всем тем, которые и никаких иностранных языков не знают. Название *ископаемые* (курсив авт.) скорее могло бы означать fossiles *фоссилии* (курсив авт.), слово не толь уже известное в русском языке, как *минералы* (Моск. журн., ч. 1, с. 246)“»[69]. То же касалось военных понятий. «*Дисциплина* — слово, которое в войсках наших так известно, что нет служащего, кто б чего не слыхал о Дисциплине и в разговорах и на письме», — читаем мы в журнальной заметке «Из Карлсбада от 15 августа 1783 года. К господам издателям и собеседникам и слова Российского любителям»[70].

Ряд предметов морского обихода получает более широкое применение, с чем связано появление у прежних специальных обозначений новой дополнительной функции — обозначения вещей общеобиходных. Например, слово *брюки* вошло в русскую обиходную речь из морского языка. Ср.: *брезент* «Реч. мор. 1) Кожа, или крашеная или смоляная парусина, служащая на корабле покрышкою. 2) В хозяйственном быту разнообразно крашеная парусина, которою выстилают в покоях полы» (Яновск., Нов. словотолк.). То же *зонтик* (первона-

---

[68] См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 7. — Сб. ОРЯС, т. 37, № 1. СПб., 1885, с. 16.

[69] *Грот Я.* Филологические разыскания, ч. 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1899, с. 81.

[70] Собеседник любителей Российского слова. СПб., 1783, ч. VI, с. 12.

чально *зондек*), сначала «тент над палубой для защиты от солнца» (Уст. морск. и др.), ср. у Карамзина: «Наш N. N. бросился под *зонтик* пирожной лавки» (ПРП).

В это время сложилось уже общее представление, например, о корабельных каютах (благодаря начавшимся путешествиям и перевозке по воде гражданских лиц). Например: Вошла я в свой *кают* (Зап. Долг.); Опомнилась я в *каюте*, или в чулане (Там же). Многие иноязычные слова получают широкое распространение в литературном языке.

«Не находим ли везде... *министр*, *кабинет*, *архиерей*, *синод*, *консистория*, *генерал*, *армия*, *корпус*, *публика* и проч. и проч.?» — писал Н. М. Карамзин[71]. Этому же способствует освоение специальных понятий общими сферами языка (например, кулинарных, фехтовальных, картежных), все большее соприкосновение разных сфер практики, например быта общего и частного (морского, военного): *кастрюля* — первоначально была известна лишь в морской сфере, *галстук* — в военной, а во второй половине века стали известны и в общем быту. Соприкасаются в это время все больше и больше провинция и столица, мир разных социальных кругов. «Петербургский житель..., — писал «Московский журнал», — живет по-французски или по-английски; московский перенимает у петербургского, и служит в свою очередь образцом для провинциалов; наконец слуга перенимает у господина, и так далее... сколько копий!» (Моск. журн., 1791 г., ч. 1).

Характерно для этого времени использование различных способов ввода иноязычных слов в литературное употребление. Это прежде всего традиционные пояснения разного рода (глоссы) на полях, в сносках, в строке текста, текстовые описания вещей и определения понятий. Ср., например:

В Англии и Нормандии так много растет яблоков и груш, что из них выжимают морс и делают *напиток...*, *цидр* называемой (Бишинг., Руков. к позн. геогр. и полит. сост. европ. гос.); [Атаман] приказал растворить чашу с теплым напитком, который англичане именуют пуншем (Чулк. Пересмешн.); Приехал я в Майнц в *дилижансе* (курс. авт.) или в почтовой карете (Карамз.,

---

[71] *Карамзин Н. М.* К издателю «Русского Вестника». — Аглая, 1808, ч. 3, с. 53—54.

ПРП); И после проходят по оному [черному карандашу] тушью * [в сноске — * Китайские чернила] (Люб. худ.); (*конеристательное* и *зрелищное место*) был... потешное строение. Выстроил его Тарквиний Приск (Рижск., Сокр. богосл.); *Зеленая краска*, называемая *териверда* (Краткое руководство, 1793 г. — ЛК); В *шиферных* или *мяхкой камень* имеющих горах (Прим. Вед., О движ. земли); [Фисли] выбирает из Шекспира самое *фантастическое* или *мечтательное* (курсив авт.) (Карамз., ПРП); адская *машина* названная *гильотиною* (Курганов); *Шоколад* (курсив авт.) есть состав из ореха, *какао* (курсив авт.) называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе (Капт., Сат. II); [Сноска] *Обсервует*, слово не русское, оно потеряв свое подобие въехало в наш язык. Латинское observo значит по-русски наблюдаю, почитаю (Пересмешн., ч. 1); Загляните ввечеру в подземельные *таверны* или в питейные дома (курсив авт.) (Карамз., ПРП); Вот английский *сплин* (курсив авт.). Эту нравственную болезнь можно назвать и русским именем: *скукою* (курсив авт.), известною во всех землях, но здесь более нежели где-нибудь (Там же); *Акудіа* (курсив авт.) есть летучее и светящееся насекомое в Америке находящееся (Он же, Дерев. вечера); глоссы в тексте: *Эписодии* (курсив авт.) (прибавочные приключения) (Тредиак., Телимах.); Там перед камином сидели *монтаньяры* (курсив авт.) или *горные жители* (курсив авт.) (Карамз., ПРП), *абрис* — [в примеч.] *окружность фигуры* (Решетн., Люб. худ.). Ср. также описание: Подите городом прямо, в которую сторону вам угодно, и вы очутитесь наконец в тени густых аллей, называемых *булеварами* (курсив авт.); их три: один для карет, а два для пешеходцев; они идут рядом и образуют магическое кольцо, или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа (Карамз., ПРП). Ср. определение: Что такое барометр? Стеклянная трубка, наполненная ртутью, по которой можно узнать, когда будет хорошая, и когда худая погода (Кратк. пон. о физ.).

Пояснения эти нередко курьезны. Ср.: *гиппопотам* или *речная лошадь* (Сл. Фонв.).

Традиционными способами вводятся в литературное употребление в это время и многие **русские слова**, служащие переводными эквивалентами слов иностранных, в особенности же те из них, которые являются неологизмами и семантика которых лишь приспосабливается к выражению новых понятий, заключенных в их иноязычном аналоге. Поскольку же носители литературного языка этого времени хорошо знают иностранные языки, к таким словам в качестве глосс ставятся их иноязычные прототипы. Обилие не иноязычно-русских, а русско-иноязычных глосс является характерной приметой этого времени (в Петровскую эпоху русско-иноязычные глоссы не были типичны). А. Кантемир, вводя слово *вихрь* в новом значении, понимал, что оно в этом случае «не всем знакомо» (О мн. миров) и поэтому счел необходимым сопроводить его комментарием-описанием с дополнительным изъяснением: «каково в своей физике издал Картезиев ученик, Господин Петр Регис, наших веков славный философ» (Там же). «Французское слово tourbillons, я по-русски назвал *вихрь*... сие слово (в таком разумении) в Российском языке введено» (Там же). Ср. также: *Украшения* (курсив авт.). Чужестранным словом *декорации* (курсив авт.) называется все то, что в опере и в комедиях служит для украшения театра (Там же). Нередко в скобках в переводе давался иноязычный этимон из языка оригинала: В *большом спуске* (in cloaca maxima), *Спускные трубы* (курсив авт.) (Cloacae) (Рижск., Сокр. богосл.).

В освоении иноязычной лексики в это время огромную роль сыграли разные жанры **литературы**. В первую очередь следует назвать **журналистику**, начавшую развиваться в 40—60-е годы, прежде всего журналы не специального, научного направления, а общего, адресованные широкому читателю и создавшие такого читателя. Они способствовали выработке общих понятий о многих прежде специальных предметах. Такую же роль играли в это время и некоторые энциклопедические словари и энциклопедии. Большую роль сыграла и **художественная литература**, как переводная, так и оригинальная, в особенности — литература, преодолевавшая схематизм классицизма, обращавшаяся к изображению разных социальных характеров (басня, комедия, комическая поэма, сатира), психологических состояний человека (психологическая повесть с сенти-

менталистской структурой) [72]. В связи с этим в литературе начинается воспроизведение речи купцов, музыкантов, петиметров, врачей, поваров, стряпчих, учителей. Расширяется объект изображения в традиционных поэтических жанрах, возникают новые жанры. Ломоносов создает научно-философскую поэзию. К охвату мира во всем его многообразии устремлена поэзия Державина. В его стихах находим, например, такие иноязычные слова, как *ланцет*, *клистир*, *гитара*, *машина*, *арфа*, *цитра*, *тромпета*, *пудель*, *устрицы*, *фазан*, *бард*, *лилея*, *стоик* и др.

В конце XVIII в. заметны сдвиги в жанрах повествовательной и сатирической прозы, басни.

Развивается повесть сентиментального направления, появляется аллегорическая сатира, в басне развивается реалистическое начало. Художественная литература открывает новые, по сравнению с классицизмом, сферы изображения (мир чувств). Велика роль Карамзина, знакомившего читателей с европейской действительностью и активно способствовавшего темой и языком своих произведений формированию на русской почве общих понятий о многих вещах, до этого бывших достоянием лишь специального знания.

Большое значение в процессе освоения иностранных слов имел и общеобиходный язык образованных людей той эпохи. Он был одним из основных фильтров, через который проникали в литературный язык определенные группы слов. Прежде всего это были обозначения «крупных вещей» (составители Словаря Академии Российской недаром писали, что в него не сможет войти название «каждой корабельной веревочки»), обозначений понятий родовых (*мебель*, *галантереи*, *фрукты*, *экипаж*), обозначений вещей модных (*парасоль* изображается в это время на модных картинках), практически удобных (*кастрюля*), явлений наиболее известных и общественно значимых (*трибунал*, *коллегия*, *юридический процесс*). Большинство этих обозначений были перспективны и в литературном языке.

---

[72] См. об этом: *Кравцов Н. И.* Художественные средства создания образа-персонажа в баснях И. А. Крылова. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., «Наука», 1971; *Грассгоф Х.* О перспективе в повестях Карамзина. — Там же.

Из самой обиходной речи в литературный язык проникали преимущественно иноязычные слова, обозначавшие новые вещи и новые понятия европейской образованности. Разного рода модные словечки жаргона тогдашних петиметров находились на периферии литературного языка. Они используются в сатирической характерологической функции — лишь в языке низких жанров. О таких словах в своем «Пересмешнике» М. Д. Чулков пишет, что они ему «надобны были... для того, чтоб на другими посмеяться» (Предуведомление). Немало подобных слов в комедиях А. Сумарокова; ср., например, следующий диалог в «Пустой ссоре»:

[Деламида]: Вы так мне *флатируете*... [Дюлиж]: Вы мне не поверите, что я вас *адорирую*. [Деламида]: Я етова сударь не *меритирую*. [Дюлиж]: Я думаю, что вы довольно *ремаркированы* быть могли... [Деламида]: Что вы *дистре*, так ето может быть от чево другова. [Дюлиж]: Я все, кроме вас, *мепризирую*. [Деламида]: Я етой *пансе* не имею, чтоб я и впрямь в ваших глазах *емабль* была. [Дюлиж]: *Треземабль* сударыня. [Деламида]: И я вас очень *естимую*[73].

Такие слова были бесперспективны в литературном языке. Основная масса иноязычных слов концентрируется в эту пору в жанрах среднего штиля, штиля наиболее важного, послужившего базой складывающейся в это время единой литературной нормы.

Однако многие заимствования, функционирующие на протяжении рассматриваемого времени, не закрепились в языке. Процент подобных слов был очень высок. «XVIII век — время очень интенсивных словарных смен, выпадения из словаря десятков и сотен слов»[74]. Лексические утраты среди заимствований определялись разными причинами.

Наиболее общая причина, характерная для всех периодов развития языка, связана с исчезновением самих реалий, предметов, обозначаемых данными словами. Эта причина наиболее типична для слов, относящихся к сфере быта. Так, например, на протяжении второй половины XVIII—начала XIX в. выходят из употребления названия модных причесок (*ловержет*, *эсперансы*), предметов быта (*параплюй* 'зонтик от дождя', *парасоль* 'зонтик от

[73] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений, ч. 5, с. 345—346.

[74] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 295.

солнца', *ревербер* 'осветительный прибор'), названия игр (*баленшпиль, берлон*), танцев (*матрадур, манимаска*), названия, относящиеся к сфере кулинарного искусства, названия напитков (*клярь, консюме, брез, антреме, галлерт, ролад, боваруаза, кондель* и др.).

Но для рассматриваемого времени более важны утраты, связанные с преодолением избыточности словарного состава, с сокращением «тождесловов», входящих в многочисленные аналогические ряды.

Различные пуристические течения, усилившиеся в это время, несомненно оказывали воздействие на закрепление в ряде случаев в языке, при одновременном функционировании русского и иноязычного аналогов, именно русской параллели. Таковы ряды:[75] *регула — правило, малконтент — недовольный; фебра — лихорадка, секундовать — помогать, сиккурс — помощь, аккорд — договор, потенция — держава, эстима — честь, эстимовать — почитать, мериты — достоинства, квалитет — качество, квантитет — количество, орация — слово, речь, аккомпанировать — сопровождать, эд(д)иция — издание, инсект — насекомое, корпуленция — объем, радикс* (мат.) — *корень, репрезентация* (театр.) — *представление.* Однако далеко не во всех случаях побеждал русский аналог. Многие из них оказывались неудачными и не закрепились в языке. Ср., например, ряды: *вакуум — праздноместие, окуляр — огляд, антипатия — противустрастие, летаргия — любосоние, реалист — именник, вещественник, гербарий — травник* и др.

Стремление к упорядочению словоупотребления, в частности к сокращению множественности наименований одной реалии или понятия, также способствовало выходу из языка иноязычных слов в результате вытеснения одних аналогов другими и в тех случаях, когда эти обе параллели были иноязычными. Таковы ряды: *кампанент — лагерь, факция — партия, суксцесс — прогресс, дикционер — вокабулярий — лексикон, овизы — куранты — газеты, профит — интерес, орма — герб, грефьер — секретарь* и др.

Причиной утрат многих заимствований явились и языковые смены, характерные для этого времени[76]. При-

[75] Здесь и ниже используется материал, содержащийся в кн.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки..., с. 290—294.

[76] Там же, с. 295.

мером может служить падение влияния в научной жизни в конце 20—30-х годов XVIII в. ученых старой формации. Это повлекло за собой выход целого ряда слов, относящихся к научной сфере и общему употреблению и представляющих собой лексику «специфически группового характера»[77]. Таковы слова: *«абецадло* 'азбука', *навклир* 'навигатор', *венеровать* 'чествовать', *вапор* 'влажный пар' *мизерия* 'беда, несчастье', *экзепль* 'пример', *винкеляк* 'угольник', *калькул* 'счет', *доматор* 'домосед', *перигринация* 'путешествие', *фавор* 'польза', *доместиж* 'слуги', *инсуланы* 'островитяне', *бестия* 'животное, зверь', *квестия* 'вопрос', *тектон* 'плотник, строитель', *алектор* 'петух', *потенция* 'мощь, сила', *рация* 'отношение' и др.

ОСВОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ ОБЩЕНАРОДНОЙ И ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

В это время литературный язык обращается и к внутренним ресурсам русского языка — общенародной и диалектной лексике.

Это было вызвано как потребностями номинации (названия реалий, относящихся к народному быту, новые терминологические обозначения, экспрессивно-оценочные средства языка), так и общей характерной чертой эпохи — стремлением к «многоименству», «опробованию» различных способов номинации.

Включение в состав литературного языка этой лексики свидетельствует об активизации процесса демократизации литературного языка. Этот процесс мог иметь сознательный, целенаправленный характер — определенную установку на народность, демократичность языка. Однако он мог быть и стихийным — вызываться неустойчивым и противоречивым состоянием языковой системы. В частности, например, проникновение в литературный язык слов живой народной речи и диалектных слов могло обусловливаться отсутствием строгой разграниченности между книжным и разговорным языком, а также и неустойчивостью, неопределенностью стилистической окраски слов.

---

[77] Там же.

РАСШИРЕНИЕ ПРАВ ОБЩЕНАРОДНОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Основные лексико-тематические группы «простой» лексики и ее стилистическая оценка современниками

1. В рассматриваемое время пополнение словарного состава русского литературного языка происходило и за счет общенародного лексического фонда, который в предшествующие эпохи был ограниченно представлен в литературном языке.

Эта лексика носила разный характер. С одной стороны, это был слой номенклатурных, именующих слов (собственно номинативная лексика), включающих в себя названия реалий общенародного быта, промыслов, явлений живой и неживой природы и не имевших какой-либо стилистической или экспрессивной окраски. Им противостояли, с другой стороны, слова признаковые, квалифицирующие, которые не просто называли реалию, но и давали ей определенную оценку и в разной степени обладали экспрессивно-эмоциональной окраской.

1) Лексика первого типа была представлена следующими наиболее типичными группами слов[78].

Названия построек и их частей: *двоенка* 'изба из двух срубов с сенями посередине', *хибарка, подклет* 'нижняя изба и брачная ложница', *крыша, вышка, истобка, куть* 'угол в избе', *казенка* 'пристройка к печи в избе с дверкою', *коник* 'лавка у входа в избу', *горнушка* 'угол с ямкой в русской печи, куда загребают жар', *опечек* или *шесток, закут* 'угол в избе и чулан', *светлица, светелка, приделок* 'пристройка к дому', *каморка* 'маленькая комната' и др.

Название различных бытовых предметов: *баран* 'рукомойник', *киса* 'мешок', *жбан, жгут, клюка, кузовенька, кулек, лукно, лукошко, люлька, рожон, шест, голик* 'веник без листьев', *паволока* и *паволочник* 'чехол, покрывало', *светец, утиралка, утирка* 'полотенце', *коробья* 'сундук' и др.

---

[78] При рассмотрении тематических групп лексики выделенных выше типов широко используется материал и его классификация, содержащиеся в кн. Г. П. Князьковой «Русское просторечие второй половины XVIII в.» (Л., «Наука», 1974).

Названия кушаний и напитков: *болтушка*, *заедки* 'лакомство', *калья* 'похлебка на огуречном рассоле', *кока* 'яйцо', *луковник* 'луковый пирог', *глазунья* 'вид яишницы', *крошево*, *папа*, *папуша* и *папушник* 'хлеб, каравай хлеба', *тюря*, *шаньга* 'лепешка с семенем', *варенуха* 'хмельной напиток' и др.

Названия одежды и ее частей: *гачи* 'концы у порток', *гуня* 'ветхое дырявое платье', *жупан* 'кафтан', *зипун*, *сермяга*, *волчура* 'волчья шуба', *понева*, *порты*, *шушун*, *шивороток* и др. Названия женских головных уборов: *повойник*, *подубрусник*, *подкапок*, *разлетай*, *сборник*, *сорока*, *ширинка* 'платок', *шлык*, *треух*. Название обуви: *боты*, *валенки* и *валенцы*, *коты*, *лапти*, *онучи*, *суконки*, *истопки* 'изношенная обувь', *упорки*, *черошни*, *чеботы*.

Названия многих явлений и предметов окружающей среды. Среди них — слова, обозначающие атмосферные явления: *ведро*, *жара*, *мокредь* 'сырая погода', *непогодь* 'ненастье', *ростопель* 'оттепель', *вьялица*, *заметь*, *кутерьма*, *кура*, *юра* 'метель', *куржка* 'иней', *гололедина*, *гололедь*, *морок* 'туман, облака' и др.; названия различных видов лесов, зарослей, кустарников: *липняк*, *листвяк*, *ольшняк*, *кустовняк*, *чапыжник* и др.

Слова с отвлеченной семантикой. Эти слова в большинстве своем относятся к человеку и обозначают качества, состояния, действия. Среди них — названия состояний человека: физические — *дремучка*, *усталь*, *умора*, *упад*; моральные — *сухота* 'беспокойство', *раздумье*, *передряга* 'смятение'; название чувств — *кручина*, *жаль* 'тоска', *сердце* 'гнев', *страм*, *сором*, *зазор* 'стыд' и др.

В кругу отвлеченных слов можно назвать и слова с общим значением 'судьба, доля' — *судьбина*, *планида*, *година*, *талан*, и слова, обозначающие неблагоприятное для человека время, — *безгода*, *безгодье*, *безгодица*, *несгода*, *несгодье* и др.

Обширную группу составляют слова — названия лиц. В зависимости от того, по какому признаку называется лицо, вычленяется целый ряд подгрупп. Среди них — название лица по семейному положению: *батя*, *батька*, *матка*, *хозяйка* 'жена', *хозяин* 'муж', *братеник* и *братень*, *большой*, *большак* 'старший в семье', *молодой* и *молодая* 'новобрачный и новобрачная', *молодка* 'молодая замужняя женщина', *родня*, *свойствен-*

ник, *сродница*, *суженый* 'жених', *кум*, *кума*, *жонка* и др.; по полу и возрасту: *баба*, *девка*, *мужик*, *малютка*, *малец*, *малый*, *молодец*, *молодчик*, *детина*, *парень*, *старина* 'старик', *ровня*, *ровняк* 'человек, равный с кем.-л. по возрасту' и др.; по профессии и роду деятельности: *купчина*, *зубоврач*, *меняло*, *моряк*, *мытья*, *почтарь*, *скоморох*, *малой* 'слуга' и др.

Многочисленны глаголы, обозначающие трудовые процессы человека. Здесь и слова с общим значением 'делать' (*мастерить*, *мастерерить*), и называющие разнообразные конкретные действия: *воротить* 'поворачивать с одной стороны на другую', *додергивать* 'дотаскивать, доводить', *опруживать* 'опрокидывать', *тяпать* 'рубить', *откроить* 'отрезать', *полосовать* 'рвать на части', *колупать* и др.

Целый ряд слов обозначал действие, связанное с профессиональной деятельностью человека: *бабничать* 'повивать', *блинничать* 'торговать блинами', *голубятничать*, *кухарить* и *кухарничать*, *котельничать*, *мясничать*, *нищебродничать*, *извозить* 'заниматься извозом' и др.

Среди слов этого типа было много местоимений, наречий, служебных слов.

2) Среди лексики признаковой, квалифицирующей, содержащей определенную экспрессию, также можно выделить несколько наиболее типичных групп.

Центральное место здесь, занимают слова, относящиеся к человеку. Эта лексика очень разнообразна по своему содержанию.

Значительное место здесь принадлежит названиям лиц, характеризующимся по разным признакам, например по имущественному и социальному положению: *заплатник*, *лохматник*, *лапотник*, *голяк*, *голыш*, *захребетник* и др. Среди названий лиц многочисленную подгруппу представляют слова, характеризующие человека по физическим свойствам, внешнему виду, например по общему внешнему виду: *красотка*, *красава*, *красавка*, *пригожайка*, *благой*, *чудородье*; по росту: 'высокий' — *верзило*, *жердило*, *веха*; 'низкий' — *карла*, *карапузик*; по телосложению: *гладыш*, *телепень*, *толстуха*, *заморыш*; по какому-либо характерному внешнему признаку: *брюхан*, *бородач*, *головастик*, *зубан*, *губач*, *носач*, *пузан*, *лобан*, *белобрысый*, *русак*, *рыжак* и др.

Большую подгруппу составляют слова, обозначающие человека по характерным для него свой-

ствам, чертам характера, привычкам: по свойству много есть — *жрун, жраль, обжора, объедала*; по свойству много пить (вина) — *запивоха, опивала, пиявица, пьянчуга, пропойца*; много говорить — *болтун, болтушка, говорун, краснобай, лепетун(ья), мутовка* 'болтливая женщина', *тараторка, пустозвяк, пустомеля*; говорить неправду — *враль, врун, завироха*; неспокойному, «шумному» характеру — *воженый, неугомонь, проказа, бедокур, куролес, пострел, блудняк, блудень, баловень, сорви-голова, буян, хайло, бурлило, шумило, забияка, баламут, смутник* и др.

Значительную по составу подгруппу среди названий лиц образуют слова, характеризующие человека по внутренним, нравственным свойствам. Это, например, слова со значением — 'гордый' — *спеско, спесиха*; 'скупой' — *скупяга, скупентяй, скряга, кащей, жидомор, хапун*; 'расточительный' — *мотыга, моторыга, замотыга, мотушка, мутовка*; 'смелый' — *залет* и *залета, удаль, удалец, удалень, хват, востряк, смельчак, смелко*; 'веселый' — *балагур, весельчак, забавник*; 'злой, коварный' — *злыдня, злыдень, змея, змей, ехидна*; 'ленивый' — *лентяй, лентяга, валень, лежень, разгильдяй, байбак*; 'грубый' — *грубиян, огрыза, хайло, горлан, халда*; 'льстивый, угодливый' — *изгибало, лизоблюд, подбегало* и *подбегатель, прихвостень, улещатель, ублажитель, подлипало*; 'непостоянный' — *ветер, ветреница, ветрогон, вертопрах, волочага, вертушка, повеса* и др.

Слова этой группы нередко используются бранно, т. е. таким образом, что на первый план выдвигается не их предметное значение, а экспрессивная (отрицательно-уничижительная) оценка. В такой функции выступают, например, слова *враль, кикимора, мошенник, плюгавец, рохля, ротозей, скаред,* (старая) *ведьма, гад, гадина, дура, дурак, изувер, кровопийца, лихоимец, неуч, окаянный, плещак, простак, сука, урод,* (старый) *хрен, хрыч, хрычовка,* (какой) *чёрт, чучело.*

В группу бранной лексики входят и некоторые названия частей человеческого тела или лица, например *рожа, харя, рыло, башка* и некоторые слова других групп, например *девка* — как название женщины беспутной, вольного поведения.

Примыкают сюда слова, бранное значение которых возникает в результате переноса, в частности при применении названий животных к человеку. Так, употреб-

ляются переносно, например, общие собирательные названия животных: *скот, скотина*; слова, обозначающие домашних животных (применительно к человеку): *козлы* (бранно о необразованном европейском дворянстве), *осел, свинья, щенок* (о молодом заносчивом человеке); другие животные: *змея* (*змейка*) (о коварном человеке), *мартышка.*

Меньшую по составу группу составляют слова, обозначающие части и органы человеческого тела. Например: *башка, рожа, рыло, харя, пузо, буркалы, зенки, бельмы* 'глаза', *клыки* 'зубы', *лапа* 'руки' и др.

Важнейшей внутри просторечной лексики является группа слов, обозначающих различные действия человека. Эта группа очень обширна и многообразна. Здесь также можно выделить несколько подгрупп. Например, слова со значением 'говорить' — *тараторить, трещать, щекотать, тарантить, мямлить, вякать*; со значением 'есть' — *жрать, лопать, трескать, уплетать, нажираться, обжираться, налопаться, натрескаться.*

Как и в группе названий лиц, в значениях слов рассматриваемой группы присутствует момент качественной характеристики и оценочности действия. Выстраиваются целые ряды слов, обозначающих какое-либо общее действие, но конкретизированных и дифференцированных в своих значениях в зависимости от характера протекания действия (степень интенсивности, направленность и др.) и его экспрессивной оценки.

Это отчетливо прослеживается, например, в подгруппе слов, обозначающих передвижение человека: 'идти медленно' — *плестись, тащиться, ковылять*; 'идти быстро' — *катить, лететь, лупить, нестись, взваривать, встряхивать, протесать*; 'начать быстро двигаться' — *ринуться, стрекнуть, брызнуть, дернуть, махнуть*; 'уходить медленно' — *утащиться*; 'уходить быстро' — *уплетать, уплетаться, убираться, укатить, улизнуть, лизнуть, улепетывать, ускорять*; 'ходить взад и вперед' — *мыкаться, шастать, шнырять, шлендать, рыскать*; 'двигаться вверх' — *карабкаться, вскарабкаться*; 'идти куда-нибудь с силой, напором' — *лезть, ломить, ломиться*; 'медленно разойтись в разные стороны' — *разбрестись*; 'уйти куда-либо' — *закатиться*; 'ходить по разным местам' — *выбраживать*; 'с трудом доходить' — *доплетаться*; 'заходить, заезжать куда-нибудь' — *завертывать*; 'заходить куда-нибудь да-

леко' — *заплетаться*; 'прибавлять скорости бега, езды — *припускать*; 'скоро проехать, пролететь' — *промахнуть*; 'делать большой объезд' — *колесить* и др.

Эти характерные особенности семантики лексики этого типа прослеживаются и в других подгруппах слов, обозначающих действие.

Большую подгруппу составляли слова, обозначающие и характеризующие поведение человека. Ср.: 'вести себя неестественно' — *жеманиться, кобениться, ломаться*; 'буйно вести себя' — *бурлить, буянить, буянничать, головорезить*; 'упрямиться' — *бычиться, ершиться, ерошиться, карячиться, копытиться, кочевряжиться, ртачиться*; 'вести себя высокомерно, излишне гордиться' — *бариться, бояриться, дворяниться, чваниться, нестись, ширяться, пузыриться* и др.

Многие прилагательные характеризуют человека по его нравственным качествам. Таковы слова со значением 'гордый' — *спесивый, заносчивый*; 'щедрый' — *торовато́й*; 'расточительный' — *мотыжный*, 'смелый' — *залетный, удалый*; 'трусливый' — *полошливый*, 'упрямый, непослушный' — *блажной, зубастый, огурливый*, 'завистливый' — *заркий, завидущий*, 'расторопный' — *досужий* и др.

Ряд отвлеченных слов содержит оценку по отношению к мыслям, высказываниям или поступкам человека: *ахинея, галиматья, бредни, вздор, дрязг, сумбур, пустяк, пустошь, пустельга, нелепица, сколесица* или *околесная, чушь, пыль, сумасбродица, куролесица, блажь* и др.

2. Во второй половине XVIII в. при дальнейшем развитии нормализаторской деятельности эта лексика недифференцированно объединяется и получает стилистическую квалификацию как «простая», «просторечная и простонародная» — в противовес литературной, книжной. Понятие просторечия в XVIII в. не адекватно современному пониманию этого термина, оно было близко к этимологическому значению этого слова. Стремление наиболее исчерпывающе определить состав «простой» лексики и критерии ее выделения впервые осуществлено в Словаре Академии Российской[79]. В $САР_1$ статья «просторечие» пропущена, но из предисловия к I тому видно, что

[79] См. об этом: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.). — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

составители пометой «просторечное» выделяли слова, употребляемые «в обыкновенных разговорах». В $САР_2$ *просторечие* определяется как «употребление слов простым народом». Здесь же отмечается: «Слова, в просторечии употребляемые, есть средние между высокими и низкими».

Наряду с термином «просторечие» в $САР_1$ и $САР_2$ был принят и другой — «простонародное» или «простонародное употребление», обозначавший «принадлежащее, свойственное, приличное черни, низкому, простому народу». Таким образом, для составителей САР стилистическая оценка слова накладывалась на социальную. Определение просторечия в $САР_{1,2}$ не является четким, так как в первой части оно совпадает с простонародной, а во второй — с нейтральной лексикой. Нерасчлененность, нечеткость определений могла быть следствием существовавшей и в конце XVIII в. недифференцированности разговорной речи, которая включала в себя самые разнородные слова: и книжно-славянские, и общеупотребительные, и просторечно-простонародные, и даже областные. В. В. Виноградов, определяя границы просторечия конца XVIII—начала XIX в., пишет, что в разряд просторечных слов включались «и общеразговорные слова, обороты и формы, лишенные книжного колорита, и те элементы бытовой речи, которые носили экспрессивный отпечаток демократической непринужденности, фамильярности, а иногда и грубости, даже вульгаризма, а также диалектные или жаргонные выражения. К „просторечию“ подходила, отчасти с ним сливаясь, струя „простонародной“ речи» [80].

Ю. С. Сорокин считает, что термин «просторечие» охватывает в САР «область разговорной речи в ее отличие от книжного языка» [81]. По его мнению, составители Словаря причисляли к просторечию слова и выражения, прочно вошедшие в повседневное употребление даже в речевой практике высших слоев общества, а к простонародным относили то, что характерно для разговорной речи необразованных лиц как города, так и деревни. Однако, как отмечает Ю. С. Сорокин, в $САР_1$ нет доста-

---

[80] *Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 168.

[81] *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь..., с. 100.

точно последовательного разграничения названных разрядов лексики. Это объясняется отчасти и тем, что даже в конце XVIII в. не существовало резкого различия между этими двумя категориями[82]. Кроме того, отсутствовала строгая стилистическая регламентация слов. Одним из свидетельств сказанного может быть и то, что слова, признаваемые «просторечными» или «простонародными», используются самими же составителями при определении других слов. Например, «просторечным», в оценке $САР_1$, словом *чваниться* определяется значение глаголов *жеманиться* и *ломаться*; «просторечное» *обжираться* вводится в определение глагола *объедаться*; «простонародное» *ономедни* определяет слово *онога*, словом *сивуха* толкуется значение слова *вино*.

Не было также резкого различия между разговорной речью «простого» народа и речью дворянства. Лишь в последние десятилетия века, в связи с расслоением дворянства и заметным обособлением культурной дворянской верхушки, получившей европейское образование, намечается некоторое разграничение внутри разговорной речи «низших», простонародных элементов и элементов, свойственных речи дворянской интеллигенции.

Дальнейшая история этой разнородной по своему характеру лексики связана с ее функционально-стилистической дифференциацией, которая определила и разные судьбы ее в литературном языке: 1) одна часть этой лексики прочно вошла в литературный язык в качестве его нейтральных и разговорных единиц; 2) другая часть явилась источником формирования просторечия в его современном понимании как определенной функционально-стилистической категории; 3) третья часть не закрепилась в литературном языке.

Вторая половина XVIII в. — лишь начало этих процессов. Однако именно для этого времени характерно широкое проникновение «простой» лексики в разные жанры литературного языка. Письма, дневники, мемуары, путевые записки и другие подобные жанры были одним из источников проникновения этой лексики в литературный язык. В расширении ее прав заметным было также участие художественной литературы. Немалую роль в этом отношении сыграли писатели недворянского круга, например А. А. Аблесимов, В. И. Лукин, П. А. Плавиль-

[82] См. об этом: *Князькова Г. П.* Русское просторечие..., с. 16 и сл.

щиков, М. Д. Чулков и др., свободно вводившие в свои произведения привычную для их среды лексику. Но и писатели иной сословной принадлежности (например Д. И. Фонвизин) нередко используют «простые» слова в своих сочинениях.

Особенности функционирования «простой» лексики

Отсутствие единых сложившихся норм и недостаточная определенность самой категории этой лексики приводили к тому, что в употреблении ее в литературном языке этого времени не было последовательности и четкости как в отношении ее стилистической квалификации, так и в отношении ее функциональной нагрузки.

Помимо низких жанров литературы, где ее использование было регламентировано ломоносовской теорией и где основная ее функция была характерологическая, «простая» лексика широко употреблялась в средних и проникала в высокие жанры. Употребление ее в этих жанрах носит противоречивый характер и обусловлено разными причинами. Оно могло вызываться сознательной установкой на сближение литературного языка с народно-разговорной речью, но могло иметь и элемент «стихийности»: «не книжность» того или иного слова не всегда и в разной степени (в зависимости от различных социальных групп дворянства) ощущалась носителями языка, оно вводилось в то или иное литературное произведение как привычный элемент речи.

В ряде случаев использование подобных слов в литературном языке вызывалось и потребностями номинации — отсутствием дублетного наименования. Это особенно касается терминологической лексики, названий предметов народного быта, ремесел, профессиональной деятельности. Широко применялась эта лексика и в качестве глосс и аналогов к иноязычным словам как общепонятный и часто, в силу своей конкретности, наиболее точный перевод незнакомого слова.

Однако в рассматриваемое время отчетливо намечается тенденция к упорядочению «просторечной» и «простонародной», по определению $САР_{1,2}$, лексики, что находит свое выражение в процессе дифференциации внутри нее. В. В. Виноградов отмечал, что «внутри категории „простонародности“ устанавливалась своеобразная дифференциация „подлого“, „мужиц-

кого“ и того, что употреблялось или могло стать употребительным в быту высшего образованного общества»[83].

Процесс дифференциации особенно усиливается в конце века. «Конец XVIII—начало XIX в. — время, для которого характерны яркие проявления тенденций внутренней организации просторечия. Именно тогда постепенно определялись его центральные и периферийные слои, в частности слой слов с ослабленной оценочностью, с тенденцией затухания стилистической маркированности, способствующими постепенной нейтрализации таких слов, с другой стороны, слой слов с резкой эмоциональной окраской, содействующей их перемещению к периферии категории, а в дальнейшем и выходу из нее в ненормированную разговорную речь и ее диалектные вариации. В ряде случаев такие продвижения могли быть обоснованы особенностями социальной дифференциации лексики»[84].

По определенности стилистической окраски, по характеру и сфере функционирования можно выделить различные группы, свидетельствующие о процессе внутренней дифференциации этой лексики.

Слова, употребляемые преимущественно в «низких» жанрах.

В XVIII в. довольно значительная группа «просторечных» и «простонародных» (по оценке $САР_{1,2}$) слов оставалась достоянием комедии и других низких жанров, а также эпистолярной литературы. Таковы, например, слова, использовавшиеся в языке комедии в характерологических целях: *закропотиться* — ‘заворчать’, *исплоховаться* — ‘испугаться’, *прихолиться* — ‘принарядиться’, *утямить* — ‘заладить, затвердить’, *чепышиться* — ‘чваниться’, *козокаться* — ‘упрямиться’, *взмилиться* — ‘понравиться’, *размурыжить* — ‘разволновать’ *трелюдиться* — ‘причудничать’, *колотырить* (В $САР_2$ два значения: ‘1) мелочью торговать, перебивать; 2) перенося речи, делать смутки’), *пильновать* — ‘стараться’, *пощувать* — ‘побранить’, *вышевкать* — ‘взять’, *сгоношить* — ‘изготовить’, *скурныкать* — ‘тихо спеть’, *урыть* — ‘удрать’[85]. Таковы же глаголы *взбутетенить*, *припопо-*

[83] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 128.

[84] *Князькова Г. П.* Русское просторечие..., с. 217.

[85] *Фойнштейн В. М.* Наблюдения над лексической синонимией в просторечии второй половины XVIII в. — В кн.: Актуальные

нить, допустимые, как отмечал П. Н. Николев в предисловии к пьесе «Розана и Любим», только в речи «простолюдинов», черни.

Подобные слова обнаруживают тенденцию замкнуться в разряде «нелитературных», они обособляются в стилистически ограниченных контекстах. Впоследствии они были утрачены. Некоторые из этих слов можно встретить в литературе XIX в. в речи крестьян (так, например, используется глагол *взбутетенить* в стихотворении Некрасова «Псовая охота»).

Другая группа «просторечных» и «простонародных» слов, в большинстве своем известных современному языку, но в XVIII в. также ограниченных в употреблении, в целом тяготела к низким жанрам. Эти слова используются в подобных жанрах без нарочитого снижения, которое характерно для слов, названных выше. Таково употребление следующих слов.

Кружало — 'кабак, питейный дом' (в этом значении дано в $САР_{1,2}$ с оценкой «просторечное»). Например: Некогда черт... шел мимо Петровского *кружала* и услышал огромную музыку и пение (Сумарок., П. о заразит. болезни). Во второй половине XVIII в. намечается тенденция к некоторому сужению сфер функционирования этого слова. Оно встречается в комедиях Лукина и Николева, в собрании песен Чулкова, в журнальных очерках «Трутня» и «Живописца», в «перевернутой» «Энеиде» Осипова.

Отглагольное существительное *побранка* — 'небольшая ссора' (в $САР_{1,2}$ имеет пометку «просторечное») используется в комедии в речи персонажей, в авторском тексте, например в басне (Сумароков, Волки и Овцы), в мемуарах («Записки» С. Порошина).

Буркалы — 'глаза' (отсутствует в $САР_{1,2}$) встречается в комедиях в речи персонажей (у Николева, Фонвизина, Крылова), в шутливых стихотворных текстах.

Такое же употребление характерно и для сочетания *на фуфу*. Например: Нет, пожалуй, в городе... богатого и глупого наследника, которого бы по милости своей не дернули *на фуфу* (Рос. Феатр, XXII — ЛК); А чтобы провесть этак из них кого за нос, или поддеть *на фуфу*,

---

проблемы лексикологии и лексикографии. Материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1972, с. 468.

и не думай, все видят, все проницают (Березайский, Анекдоты древн. пошехонцев — ЛК).

Ряд слов, определяемых в $САР_{1,2}$ как «просторечные» или «простонародные», выходят за пределы низких жанров и контекстов. Например, многие подобные слова употребляются в литературе не только в речи «простого» народа, но также в речи дворянства — провинциального и столичного; «простые» слова вводятся в речь положительных персонажей и слуг-резонеров, свободно включаются в журнальную прозу, в повести и романы, в стихотворные послания, в научную литературу и в записки путешествий. Они нередко проникали и в самые высокие контексты — в оды, трагедии и тому подобные произведения [86].

Включение «просторечных» и «простонародных», по оценке $САР_{1,2}$, слов в более широкий круг памятников может свидетельствовать, с одной стороны, об отсутствии строгой стилистической регламентации слов [87] и, с другой стороны, о более свободном использовании их в литературных произведениях, а также в мемуарах, переписке, дневниках. Удельный вес этой лексики в литературе возрастает. Именно в этот период слова народно-разговорного источника все заметнее начинают проникать и за пределы эпистолярной литературы и жанров, отражающих разговорную речь. Ознакомление с функционированием «простых» слов в литературе XVIII в. позволяет говорить о том, что все более усиливается тенденция к демократизации русского литературного языка.

Среди рассматриваемой ниже лексики оказываются сходными по употреблению слова очень различные с точки зрения установившихся впоследствии норм. В дальнейшем одни из них укрепляются в языке на правах нейтральных средств или с сохранением присущей им экспрессии, другие — выходят из употребления.

---

[86] В работе использовались материалы ЛК, материалы, содержащиеся в работе Г. П. Князьковой, и самостоятельные наблюдения автора.

[87] Ср. замечание Ю. С. Сорокина: «Много из того, что получило затем в литературном языке особое стилистическое применение, здесь в САР еще никак не оговаривается. И в ряде случаев в этом можно видеть не случайность, а действительное отсутствие стилистических разграничений» (*Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь..., с. 124).

Наличие «просторечных» и «простонародных» (по определению САР) слов в самых различных произведениях литературы может свидетельствовать об их близости к стилистически нейтральной лексике. Среди таких слов можно выделить две группы. Первую составляют слова, которые, преобладая в низких жанрах, проникают и в средние, но не встречаются в жанрах высоких, во вторую, меньшую по объему, группу входят слова, которые в XVIII в. употребляются в разнообразных жанрах, включая и высокие.

Слова, проникающие в средние жанры литературы. Среди слов, оцениваемых $САР_{1,2}$ как «просторечные» и «простонародные», но функционирующих за пределами низких жанров литературы, выделяется группа слов, называющих лиц по полу, возрасту, социальному и семейному положению. Так, употребляются не только в эпистолярной литературе, но и в других произведениях слова *баба*[88], *девка*.

Слово *баба* встречается в авторском рассказе в басне Майкова («Наказание ворожее»), в его же ирои-комической поэме «Елисей», у Чулкова («Стихи на семик»), а также в других жанрах художественной литературы. Например: Многие *бабы* стали учиться с недавних лет прясть (Радищ., О китайск. торге); Почтмейстеры, постиллионы, *бабы*, говорят о революции (Карамз., ПРП); Шел великан, да *баба*, да дитя (Держ., Великан, баба и дитя).

Слово *девка* вводится в комедии в речь положительных персонажей (у Сумарокова), в стихотворный авторский текст (Майков, Чулков, Державин), используется в прозе (Чулков, Новиков, Болотов), в «Описании» Крашенинникова (Как женщины так и *девки* по Российски убираются); у Радищева (Кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных *девок*? — Путеш.; см. его же «Дневн. путеш.»). Это слово встречается в «Кратких экономических... записках» В. Н. Татищева и — неоднократно — в «Полном собрании законов». Употребляет слово *девка* и Карамзин.

---

[88] В $САР_1$: *Баба*. В общенародном употреблении значит вообще женщину низкого состояния. В $САР_2$ это знач. с пометой «в простореч.».

Слово *детина* 'молодой человек мужского пола' встречается в комедиях и комических операх (в речи самых различных персонажей), оно используется в повествовании рассказчика в басне (Сумароков; Майков) и ироикомической поэме (Майков, Чулков). Слово *парень* употребляется в речи крестьян, провинциальных дворян, а также в авторском рассказе, например в басне Сумарокова.

Аналогично функционируют слова *свойство, свойственник, свойственница* 'родственник, родственница по браку', *сродник* (в том же значении), *мужик* (в $САР_2$ определяется 'крестьянин, поселянин, житель сельский', значение 'мужчина' не указывается ни здесь, ни в Сл. 1847) [89], *малый* в значениях 'слуга' и 'молодой человек', *матка* — 'мать' (в обращении).

Подобным по употреблению было также слово *сударь* [90], имеющее в $САР_2$ помету «в просторечии».

Довольно широко, но в пределах низких и средних жанров, употребляются в XVIII в. некоторые экспрессивно-характеризующие слова, например *бездельник* (по определению $САР_1$ — 'хитрый, пронырливый человек, занимающийся плутовством, обманом, негодный человек'). Оно встречается в речи положительного персонажа комедии Сумарокова, в журнальной прозе, например у Новикова и Крылова, а также в «Полном собрании законов». Слово *враль* используется в сатирических произведениях, например у Ломоносова, Сумарокова, но возможно и в переписке Фонвизина, а также в «Письмах русского путешественника» Карамзина. Слово *дурак* употребляется в речи самых различных персонажей комедий и в авторском тексте — в сатирических стихах у Ломоносова, в притчах, например у Сумарокова, в ирои-комической поэме у Майкова; включается оно в повествование и в переводных произведениях (например «Мизантроп» Елагина).

---

[89] $САР_1$ не указывает в слове *мужик* значения 'грубый, необразованный человек', хотя это значение известно в памятниках эпохи (см.: Зап. Долг. — *мужичье*).

[90] Подробнее см.: *Князькова Г. П.* Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII века (Материалы и наблюдения). — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., «Наука». 1965, с. 192—194.

Широко функционируют также существительные *горлан, доянь, забияка, крикун, негодяй, сволочь*[91].

Иллюстрацией слов этого типа может быть слово *бедняк* — 'бедный, несчастный человек, бедняга'. В названном значении оно представлено в XVIII в. в комедии и комической опере (например у Попова, Матинского), в сатире (у Дмитриева), в статьях и очерках сатирических журналов Новикова, в ирои-комической поэме (у Чулкова), в басне (у Сумарокова и Дмитриева).

Вместе с тем слово *бедняк* изредка проникает и в переводные повести, записки путешествий, а также в стихотворный авторский текст. Например: Прилично весьма такому негодяю каков Ионес, такому незаконнорожденному *бедняку*, коего отец еще и поныне не известен, отважиться не устоять в правде против моей госпожи (Фильдинг, Повесть о Томе Джонсе — ЛК); У всякого было по куче сих умерщвленных *бедняков* [сусликов] (Лепех., Путеш.— ЛК); Смотри, взревел *бедняк*! вперед со мной ни слова! (Держ., Филька и Михейко); *Бедняк* бесился, клял, известно, лютый рок (Дмитр., Искатели Фортуны). Слово *бедняк* в отмеченном значении было широко распространено в литературном употреблении XVIII в., но сохраняло в нем характер разговорной непринужденности.

В подобных контекстах функционируют также слова других тематических групп, например слова, обозначающие отвлеченные понятия.

Слово *вздор* в значениях 'распря, ссоры' и 'околесица, чушь, нелепость' было очень распространено в XVIII в. Оно неоднократно встречается в баснях (например, в притчах Сумарокова), в ирои-комических поэмах (например, у Чулкова в «Плачевном падении стихотворцев», у Майкова в «Елисее»), в комедиях в речи как отрицательных, так и положительных персонажей (у Фонвизина, Лукина, Княжнина, Крылова). Кроме того, слово *вздор* широко употребительно в журнальной прозе (например, в «Трутне» Новикова, в «Почте духов» Крылова), в переводных романах и повестях. Оно часто в поэзии: И шел к нему опять со *вздором* Суда и милости просить (Держ., На умеренность); Куда ни погляжу, везде я *вздор* встречаю! (Д. Горчак., Беспристрастный зритель нынешнего века); Пред чем

---

[91] *Фойнштейн В. М.* Наблюдения..., с. 15.

богатство, власть, корона Все благи мира — *вздор*, ничто? (Дмитр., К*** о выгоде быть любовницею стихотворца). Слово *вздор* проникает в деловые документы, в жизнеописания (Что значит весь сей *вздор*?— Радищ., Житие Уш.), в переписку: Я думаю, обеспокоена вчерашним *вздором* (Держ., П. к Д. А. Дьяковой [конец 1794—начало 1795 г.]).

Собирательное слово *всячина* 'множество собранных в одно место разновидных вещей' в $САР_1$ имеет помету «простонародное», в $САР_2$ — «просторечное». В описываемый период оно известно в выражении *всякая всячина,* а также в свободном употреблении. Оно встречается в разнообразных произведениях низкого и среднего стиля: в «домашней литературе», например в «Записках» А. Т. Болотова, и в литературе художественной: в речи персонажей комедий и в авторском рассказе — в ирои-комической поэме, в бытовой повести, в журнальной прозе, в путевых записках, романах. Например: Муромской воевода человечик добринький, со *всячиною* принял просьбу (Лепех., Путеш.— ЛК); С удовольствием пробыл я несколько времени в монастырском саду, разговаривая с садовником, который, будучи весьма словоохотен, насказал мне довольно *всякой всячины* о своих монахинях (Карамз., ПРП).

Слово *дело* в значениях 'нужда, надобность' и 'состояние' в $САР_{1,2}$ определяется как «просторечное». В составе выражения *то ли дело,* а также в свободном употреблении оно отмечено в самых разнообразных жанрах литературы XVIII в.

Слова *пых* ('пыл, спех, горячность, торопи'. *Что за пых*?— Даль, Сл.) и *попых* употреблялись в разных жанрах, но только в форме родит. и предложн. падежей мн. ч. Эти слова использовались и вне обязательных фразеологических связей (например: Не успел я все сие перемыслить, как г-н Рахманов, успокоившись от своего разгорячения и *пыхов*, и сделавшись смирнее и снисходительнее, сказал — Болот., Зап.), и в составе выражений *в пыхах, в попыхах* (в $САР_2$ определяются «простонародное» 'гордо, надменно или в счастии'), *с попыхов* (в $САР_2$ приводится с определением «простонародное» 'в торопях'); например: Г. Бачманов, прискакав к полковнику, начал в *пыхах* своих приносить ему тысячу на нас жалоб (Болот., Зап.); В превеликих *попыхах* Сев на Северном сиянье И в престранном одеянье Козерог

слетел с лучом (Муза, 1796 г.— ЛК); Такой молодчик вдруг к писателю примчался, И с попыхов к нему бежит, А сам уж издали кричит (Хемниц., Пустомеля).

В языке второй половины XVIII в. широко употреблялись в разных жанрах многие «простые» прилагательные. Так, в следующих контекстах встречается слово *дельный*: Привидения, которые я присовокупил, имеют некое *дельное* основание (Кант., О мн. миров); Смесь стиля трагического с комическим, *дельного* и важного с простым и дружеским, не имеют никакие сладости (Тредиак., Рассужд. о комедии); [Я] Однако ж *дельно* ль ты людей возненавидел (Д. Горчак., Он и Я); *заносчивый*[92]: Верно, нет в нем бесстыдства наших *заносчивых* невежд (Мемье, Гр. Сент-Меран — ЛК); *Заносчив,* правда, ты, Милорд, Но будь блажен, о пес почтенный! (Держ., Милорду, моему пуделю); *лакомый:* в значении 1) 'вкусный, заманчивый по своему вкусу': Летит к нему Атилл со зверской пастью, с злостью, На *лакомый* кусок (Держ., На атаку французами Багратиона); 2) 'имеющий особое пристрастие к чему-н.': И так *лакомые* до пива могут довольствоваться чрез многие дни (Лепех., Путеш.); Я к прелести *лаком* (Козельск., Рассужд.); 3) 'охотник до сладких яств': Посредством самого же искусства, которым бы можно было им отвадить от себя *лакомых* гостей (Козельск., Фил. предл.).

Как стилистически нейтральное употреблялось также слово *назойливый.*

Широко распространенным был целый ряд слов, обозначавших различные действия: *браниться*[93] (например, у Тредиаковского в переводе романа «Езда в остров любви»; у Новикова, Болотова, Богдановича, Карамзина); *вопить*[94] (отмечено в ирои-комической поэме, в художественной прозе Чулкова, у Радищева, например: Старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, *вопила* — Путеш.); *наска-*

---

[92] *Заносчивый* «в просторечии гордый, много о себе мыслящий, задорливый» ($САР_1$). В $САР_2$ помета отсутствует.

[93] *Браниться.* В $САР_{1\ 2}$ знач. 'изъявлять негодование свое бранными, неблагопристойными словами' определяется как «просторечное».

[94] *Вопить* в $САР_{1,2}$ имеет помету «простонародное»: 1) 'кричать, шуметь', 2) 'плакать, громко рыдать'.

кать[95]: Того и смотришь, что *наскачут* неприятельские гусары (Болот., Зап.); Вынимают мечи и *наскакав* ударяют друг друга (Радищ., Бова — ЛК).

Слово *обворожить*[96] широко употреблялось в комедиях в речи персонажей (например, у Княжнина, Попова), в авторском тексте (у Богдановича), в переводных романах и повестях (у Тредиаковского, Елагина), в журнальной прозе (Пантеон иностранных слов, Московский Меркурий, Утренний свет), а также в стихотворениях. Например: Цветы любви сияют, Улыбкой, нежностью, умом *обворожают* (Держ., Физиогномист или хиромантик); Особо тут Сирены пели И гласов сладостью, стихов, Сердца и ум *обворожали* (Он же, Развалины); Не бойся сладкого ты яду *Обворожающих* очей (Дмитр., Грусть).

Отряхать 'тряся, очищать от нечистоты' (в $САР_2$ имеет помету «в просторечии») встречается в стихотворении Державина «Праздник воспитанниц девичьего монастыря», в баснях Дмитриева и в авторском рассказе: — Спасибо, барин,— говорил мне пахарь, *отряхая* сошник (Радищ., Путеш.).

Шмыгать 'скоро ходить, соваться взад и вперед' употребляется в комедии Фонвизина «Бригадир» в авторской ремарке: [Бригадирша] (держа в одной руке карты, одним пальцем *шмыгает*, между тем советник остановляет игру в шахматы и смотрит на нее с нежностию).

Нейтральными по употреблению были многие наречия и незнаменательные слова. Таково, например, слово *авось* (и *авось-либо)*, которое в $САР_{1,2}$ квалифицируется как простонародное. Оно используется при передаче непринужденной речи не только крестьян, но и выходцев из других социальных слоев, например в комедии и комической опере (у Аблесимова, Княжнина, Фонвизина). Слово *авось* возможно в комедии также в речи подьячего (Веревкин, «Точь в точь») и добродетельного купца («Перемена в нравах»). Оно встречается в статьях и очерках журналов «Трутень», «Живописец», «Сельский житель»; отмечено в авторской речи, например в стихотворных жанрах— в баснях Май-

---

[95] *Наскакать* 'скача верхом, наехать на кого-н'. В $САР_2$ — «простонародное».

[96] *Обворожить* в $САР_{1,2}$ — «простонародное» во всех знач.

кова, в ирои-комической поэме Чулкова, в «Душеньке» Богдановича, в «легкой» поэзии Дмитриева и Востокова. Например: Войти, сказать умеем; *Авось* и мы найдем, *авось* разбогатеем (Дмитр., Искатели Фортуны); Естественной стезею Тогда идти уму Пред нами со свечою *Авось-либо* мы едак С пути не совратимся (А. Востоков, Письмо о счастии. К И. П. Иванову — ЛК).

Слово *авось* употребляется в мемуарах Болотова, в переписке (например, в письме А. М. Кутузова Н. Н. Трубецкому или в письме Екатерины II Г. А. Потемкину), у Я. Козельского (Пожалуйте, начните показывать мне потихоньку таинства натуры, *авось-либо* она будет ласковее, нежели те люди — Рассужд.) и у Карамзина (В противном случае, не имели бы утешения сказать себе в горестях здешней жизни: *авось там будет лучше!* (курсив авт.) — ПРП).

В аналогичных жанрах распространены в XVIII в. *ведь* (и *вить*) (как причинный союз и уступит. частица), *вполне*, *давя* и *давеча*, *крошечку* (в знач. наречия 'немножко', 'чуть-чуть', в $САР_2$ — «в низком употреблении»), *наотрез* ('решительно', в $САР_2$ — «просторечное»); *поодаль*.

«Не отличающимися сниженностью, свободно употребляющимися в среднем стиле 50—70-х годов» были слова *ведомо*, *впрям*, *втридорога*, *да*, *даром*, *добро*, *долой*, *льзя*, *наверно*, *накануне*, *неравно*, *неужели*, *нынче* и *нынешний*, *напрямик*, *особняком*, *покуда* и *покудова*, *сполна*, *тотчас* и др.[97]

К этому списку можно добавить еще *полюбовно* и *знать* (как вводное слово)[98].

Таким образом, ряд «просторечных» и «простонародных» (по оценке $САР_{1,2}$) слов в XVIII в. мог находиться в общем литературном обороте, но включаться обычно в простые, непринужденные контексты. Вовлечение этих слов в реплики персонажей-дворян, а также в повествование рассказчика способствовало «снятию» с них окраски «просторечности» или «простонародности», что позволило многим из них в дальнейшем закрепиться в литературном языке: проводимая в произведениях среднего слога «литературная обработка просторечия

---

[97] См.: *Князькова Г. П.* Русское просторечие..., с. 204.
[98] *Фойнштейн В. М.* Наблюдения..., с. 7.

служила мощным двигателем, сближающим национальный литературный язык с народно-разговорным языком»[99].

Слова, употребляемые в самых разнообразных жанрах литературы. Другая группа слов, признаваемых в $САР_{1,2}$ «просторечными» или «простонародными», свободно употреблялась в литературе XVIII в. в самых разнообразных контекстах, включая и высокие. Таково, например, слово *богач* (в $САР_1$ имеет помету «просторечное», а в $САР_2$ — «простонародное»). В комедиях это слово употребляют все персонажи — и отрицательные, и положительные (например, у Сумарокова в речи добродетельной героини-дворянки Флоризы — «Рогоносец по воображению» и в речи Клариссы — «Нарцисс»). Оно употребительно в журнальной прозе (у Новикова, Крылова), в поэзии (у И. Долгорукова, Державина, Хераскова).

Слово *богач* используется в «Путешествии» И. Лепехина, в описаниях Крашенинникова (например: А ныне такие *богачи* у них поставлены в тойоны и каждому тойону суд и расправу над своим родом иметь велено — Опис. Камч.— ЛК), а также у Карамзина: Я говорю о здешних... *богачах,* которых деды нажились в Индии (ПРП).

В середине и во второй половине XVIII в. слово *богач* встречается в высоких контекстах и в ученых трактатах. Например: Смиренномудрие, скромность и повиновение удаляются от сердца *богача,* и на место сих вселяется в душу его высокомерие, гордость и неуступчивость (Десн., Происх. супр.); *Богач* сулил злато, но не успевал, и долженствовал возвращаться с негодованием (Радищ., Житие Уш.); *Богач!* ты нищего насыти; Могущий слабого защити, Мудрен невежду умудри, Щадите подданных цари (Петров, Должности общежития — ЛК).

В слове *грех* $САР_1$ и $САР_2$ выделяют в качестве просторечного только одно значение — ‘вина’. Это слово в названном значении употребляется не только в комедиях (например, в «Недоросле» Фонвизина в речи Кутейкина, в «Моте» Лукина в речи Добросердова), притчах (см., например, у Сумарокова) и ирои-комических

[99] *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, с. 105.

поэмах, но и далеко за пределами «простой» речи. Например: И потому за непростительный *грех* поставляется всякому естьли кто, живучи в Отечестве, независящим себя от онаго щитает (Десн., Слово 1770 — ЛК); Предстатель мирных муз, любитель тишины, Вменишь ли мне во *грех,* что звуками войны Я слух твой утрудить намерен? (Костров, К предстателю муз).

Существительное *мочь,* имеющее в $САР_1$ и $САР_2$ помету «просто же» и «в применении к силе душевной — в просторечии» на протяжении XVIII в. было широко распространено. Оно употреблялось как в составе устойчивых сочетаний, так и вне их. В составе устойчивых сочетаний это слово используется в разнообразных литературных произведениях: *что (сколько) есть мочи* (в «Путешествии» Радищева, в «Описании» Крашенинникова, в «высокой» трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец»); *во всю мочь* (неоднократно встречается в «Путешествии» Радищева); *нет мочи* (в одах Сумарокова, в письме Екатерины II Г. А. Потемкину); *изо всей мочи* (в «Рассуждении» Шишкова, у Дмитриева, у Чулкова); *не в мочь* (у Хемницера, И. Долгорукого).

В свободном употреблении оно также представлено в самых разнообразных контекстах (например, в комедиях, в журналах «Трутень», «Живописец», в перевернутой поэме Осипова, в одах и многих других произведениях). Слово *мочь* используется в этот период как вполне нейтральное, например в значении 'сила, способность что-н. делать': Доколе *мочь* была, всяк день я был доволен (Дмитр., Быль); Я видел, лошадь воз с каменьями везет, И очень лошадь уж пристала. Воз сена впереди идет; То, чтоб до сена ей добраться, Она хоть через *мочь* везти и надседаться (Хемн., Лошадь с возом); Отвагу в нем и *мочь* отчаянье родит (Петров, Поэма на победы Российского воинства — ЛК). Аналогично употребление этого слова в следующем отрывке, где оно приобретает оттенок 'возможность': Не исключая от платежа ни младенца, ни престарелого, поставляя наравне богатого и скудного, не сообразуясь с *мочью* каждого, есть, в самом деле, в большой части государства сбор поземельный (Радищ., Зап. о податях Петерб. губ.). Кроме того, существительное *мочь* встречается в таких контекстах, где оно выступает как синоним славянизма *мощь.* Например: Узря виновницу отрады Велико Россов божество, Вперяет в Оно быстры взгляды,

Как будто чувствуя родство. Даждь *мочь* ему, даждь, Небо щедро! Вспряни Дитя Богине в недро! (Петров, На рождение Александра — ЛК); Проснись, возстань, Российска *мочь*! Москва в плену, Москва уныла, Как мрачная, осеня ночь (Дмитр., Освобождение Москвы).

Слово *талант* в значении 'дарование, природная способность к чему-н'. в $САР_2$ сопровождается пометой «в просторечии». Однако это слово широко распространено на протяжении XVIII в. Лишь изредка его можно встретить в «низких» контекстах (Попов, Немой; Сумароков, Притчи). Преимущественное же его употребление приходится на произведения «среднего» и «высокого» стиля, например в «Письмах о природе» Кантемира, в «Тилемахиде», «Рассуждении о комедии», «Науке о стихотворении и поэзии», «Слове о премудрости» Тредиаковского, а также в одах: Уже его *таланты* зрим: Сердцами все к нему пылаем, И все любовию горим (Сумарок., Ода торж., VI); Вещают, бог сей в мир *таланты* посылает; Кого коснется он, в том горький огнь пылает (Петров, Ода Потемкину); Не льщу, дражайший граф! Москве такой судьбою, Но правдой движася вещает мой язык; Так! будут щастливы сограждане тобою, Споручником тому твоих *талантов* лик (Костров, Ода гр. З. Г. Чернышеву).

В конце века это слово употребляется в памятниках официально-делового характера (Таковые прибавки не могут инако иметь места, как только в случае, буде *таланты* певца или актера в течении первого срока его контракта Двору и публике понравился — ТЗ, т. XXI, 1783 г.— ЛК), в ученых трактатах (Козельский, Фил. предл.), в журнальной прозе (Московский журнал, Пантеон иностранных слов, Зритель, Утренний свет, СПБ. ведомости), а также в произведениях Карамзина и его последователей, например: Такие стихи... показывают редкий *талант* для стихотворства (Карамз., О Богд.); *Талант,* слог, вкус и критика его [Лагарпа] давно награждены всеобщим уважением (Карамз., ПРП); Божественный *талант!* изящное искусство! Какой огонь, какое чувство! (Дмитр., Картина).

Аналогичные сферы функционирования характерны и для других слов. Например, глагол *заграбить* в значении 'присвоить, захватить что-н. чужое', сопровождаемом $САР_{1,2}$ пометой «в просторечии», в литературе середины века используется в научной прозе и одах Ломо-

носова, в поэзии В. Петрова: Поставя в строй палящи хляби Ты... Нумидских львов в свой стан *загради,* И море в помощь призови (Петров, На взятие Хотина — ЛК). В последующий период этот глагол встречается, например, в «средних» контекстах: у Крылова («Почта духов»), Р. Н. Голицина («Записки»).

Глагол *мчать* (в $САР_1$ — «простонародное», в $САР_2$ — «просторечное») употреблялся на протяжении XVIII в. в основном в значении 'очень быстро везти, нести кого-, что-н.' — в самых различных по жанру и стилю произведениях: Лошади меня *мчат*; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную (Радищ., Путеш.); Их *мчат* кони, превозят челны, Путем господствуют сухим (Петров, На войну с турками — ЛК); Вал гонит вал, и *мчит* все, что ни попадет (Дмитр., Филемон и Бавкида). Свидетельством широты употребления этого глагола может быть и довольно частое включение его в образные контексты. Например: Имей умеренность, держи в узде ты смелость; Нас наглости во бедства *мчат* (Сумарок., Мышь Медведем); [Велькар] Смятенный им народ мечами заблестал, Геройство, мужество в отваге войско *мчало* (Сумарок., Хорев).

В последние десятилетия XVIII в. у глагола *мчать* появилось второе значение — 'мчаться, нестись', которое встречается в поэзии: *Мчать* в вышние миры, да тему почерпнуть Для гимна своего (Моск. журн. 1792, ч. 7); Ночью блеща как свеча, Эхо за эхами *мча,* Гулы сугубят, звуча (Держ., Персей и Андромеда).

В самых разнообразных жанрах, в том числе и высоких, употреблялись многие наречия и незнаменательные слова. Так, слово *впервые* (в $САР_2$ — «простонародное») встречается в низких и средних жанрах (например, у Тредиаковского — Езда в остр. люб.; у Болотова — Зап., у Крашенинникова — Опис. Камч.). Слово неоднократно употребляется и в высоких жанрах и контекстах. Например: При мне *впервые* воссияло На тверди множество светил (Ломон., Ода... имп. Екат. Алексеевне, 1764); Открыв *впервые*, он возводит Свои на небо очеса (Петров, На рождение Константина — ЛК).

Отколе (и *отколь*) в значении 'из какого места, откуда' определяется в $САР_2$ как «простонародное». Однако это слово используется не только в притчах Сумарокова и «правоучительных баснях» Майкова, но и

в философских трудах (Козельск., Рассужд.), в одах, в «легкой» поэзии (например: Прекрасный голубчик! Скажи мне, *отколе*, Куда и к кому ты столь быстро летишь? — Дмитр., Голубок; *Отколь* же разность чувств такая? *Отколь* борьба и перевес? — Держ., Бессмертие души).

В слове *оттоле* (и *оттоль*) САР$_2$ сопровождает пометой «в просторечии» только одно значение — 'оттуда, из того места'. В названном значении слово широко распространено в разных жанрах. Оно встречается в путевых записках, в комедиях (у Княжнина, Капниста), в притчах Сумарокова, в «нравоучительных баснях» Майкова, в ирои-комических поэмах (у Чулкова, Богдановича), а также в трагедиях Сумарокова, в поэзии В. Петрова. Например: Сступи, доколь она [жизнь] со всем не претечет; *Оттоле* страждущим во век исхода нет (Сумарок., Гамлет); Чтоб их была верней победа, *Оттоль* поклонник Магомеда Шлет нову в Север саранчу (Петров, На войну с турками — ЛК).

Это слово используется Радищевым (На другом берегу села Покровское государево, где ямщик останавливался у тестя. *Оттоле* дорога идет расчищенными полями — Дневн. путеш.), а также в ПСЗ за 1798 г.; оно нередко в «легкой» поэзии (у Хераскова, Муравьева, Державина).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые слова хотя и оценивались носителями литературного языка как «просторечные» или «простонародные», т. е. как имеющие ограниченный доступ в литературный язык, довольно широко функционировали в литературном языке. Они были возможны не только в разговорной речи, но и в самых разнообразных памятниках письменности. Наличие ряда таких слов в контекстах разной стилистической окраски позволяет утверждать, что в этот период данные слова были достоянием не только «простой» речи, но и выходили далеко за ее пределы.

Однако широкое распространение рассмотренных слов в литературном употреблении (и в не литературных памятниках) XVIII в. не обусловило их прочного существования в рамках литературного языка; дальнейшая судьба их складывалась неодинаково. О принадлежности к разряду литературных (для конца XVIII в.) с полной определенностью можно говорить лишь в отно-

шении тех слов, которые в $САР_1$ снабжены ограничительной пометой, а в $САР_2$ приводятся без стилистических оценок (см. *вздор, жадный, заносчивый* и нек. др.), а также в отношении тех слов, которые были приняты карамзинистами (*бедняк* в знач. 'бедняга', *богач, враль, браниться, мчать, авось, ведь, отколе* и др.).

Отдельные же «простые» слова (например, *буркалы, кружало, побранка)* «не прижились» в литературном языке, хотя и могли эпизодически привлекаться писателями последующего времени при изображении исторического прошлого (слово *кружало,* например, используется у А. К. Толстого в «Смерти Иоанна Грозного») или при передаче крестьянской речи.

Среди широко распространенных наиболее типичными были номенклатурные слова экспрессивно-нейтральные. Таковы: *богач, мочь* (сущ.), *талант, дельный, заносчивый, лакомый; вскарабкаться, мчать, отмалчиваться, отряхать; впервые, вполне, да* (союз), *накануне, наотрез, неужели, полюбовно, поодаль* и др.

Вместе с тем проникали в произведения среднего жанра и «простые» слова (или отдельные их значения) с отчетливо выраженной экспрессией, например *бездельник, вздор, горлан, забияка, негодяй; вертеться* — 'находиться около кого-н. с целью обратить на себя внимание', *вопить, остолбенеть, шмыгать* и др.

Однако более четкое выражение процесс функционально-стилистической дифференциации получает в последующий, пушкинский период развития русского литературного языка.

Кроме рассмотренных выше выделяется еще группа неоднозначных просторечных слов, у которых в конце XVIII в. начинается стилистическое размежевание разных значений. Этот процесс коснулся главным образом слов, имеющих наряду с конкретным и значение отвлеченное. Процесс разграничения проявился в том, что устанавливаются различные границы применения слова в его разных значениях: употребление слова в конкретном значении явно затухает, тяготея к «простонародности», а в отвлеченном, напротив, расширяется, получая права в разнообразных литературных текстах. Правда, $САР_{1,2}$ еще не отмечают этой дифференциации (значения оцениваются одинаково — как просторечные или простонародные), однако литературные источники свидетельствуют о ней совершенно определенно.

«Простонародное», по оценке $САР_1$, слово *затея* стало малоупотребительным в конкретном значении 'затейливый человек, затейщик' (оно приводится в $САР_1$ как первое), укрепляясь в другом — отвлеченном значении 'выдумки, вымыслы' ($САР_1$). «Просторечное» ($САР_1$) слово *удаль*, утрачивая значение 'удалец', свободно проникает в литературные тексты в своем отвлеченном значении — 'удальство'. «Просторечное», по определению $САР_2$, слово *удача*, переставая употребляться по отношению к человеку (в применении к лицу — то же, что 'удалой'), встречается в значении 'успех, счастье' в мемуарах, в комедиях и комических операх (Княжнин, Хвастун; Аблесимов, Мельник); Тредиаковский вводит это слово в «Рассуждение о комедии», Десницкий — в «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства» (М., 1778 г.), например: В таком случае естли и *удача* на его суд праведный и неправедный будет равномерна (ЛК); используется оно и в стихотворной речи, например в притчах Сумарокова, в поэзии Державина, ср.: Злодей, который самолюбью И тайной гордости своей Всем жертвует... Пусть дерзостью, *удачей* звучен, Но не велик в глазах моих (Мой истукан).

Для XVIII в. характерны широкие аналого-синонимические ряды в кругу «простых» слов, встречающихся в литературном употреблении. Так, для обозначения молодого человека применялись слова: *детина, малый, молодец, парень;* для обозначения человека неповоротливого и несообразительного служили слова *болобан, малах, телелюй;* человека бестолкового и простоватого называли: *ромода, фаля, филя, фофан, пест, попест, пототуй*; болтливый человек назывался: *болтун, пустозвяк, пустомеля;* в ряд со словом *мот* вставали слова: *мотора, мотыга, моторыга, хаз.*

Слова этих рядов вступали в синонимические отношения со словами других генетико-стилистических пластов. Таковы, например, следующие ряды, включающие в себя слова разных пластов: *франт — фертик, гоголек, трык; голова — глава — башка; лицо — лик — рожа, харя, рыло; письмо — писулька, грамотка, цидулка; удар — тумак, тулумбас, туз, перебяка*; *побить* (кого) — *взбутетенить, отвохрить, проколошматить; обмануть, провести — оплести, объехать, поддеть, подловить, подтенетить; выпить* (хмельного) — *дернуть, клюнуть, хватить*; *напиться* —

наклюкаться, нахлюстаться; украсть — подтибрить, стибрить, подтяпать, сбрить, подтегерить и т. п.

Подобный характер носили ряды: *задушевный — закадычный — запазушный; назойливый — набойливый — напрасливый — нахайливый; угомонить — уложить — убрать — ухлопать — ухвоить; уломать — убаить — умаслить; удрать — улизнуть — ерзнуть — урыть; отвязаться — отделаться — отлезть; накинуться — напуститься — опрокинуться.*

Эти ряды свидетельствуют о высокой лексической избыточности, типичной для рассматриваемой эпохи.

Одновременно и в кругу этой лексики намечается тенденция к преодолению избыточности словарного состава, сокращению семантических дублетов.

В середине XVIII в. (а возможно, и ранее) в литературный обиход стали проникать слова *опять* (вместо *паки*) [100], *который* (вместо *иже*), *только* (вместо *токмо*), а также произносительный вариант «простой» речи *вотчина* [101].

К концу столетия употребительность названных книжных параллелей заметно сокращается. Например, в переводах Карамзина (в журналах) встречаются статьи и художественные произведения, в которых отсутствуют или редко встречаются высокие или подчеркнуто книжные слова и представлены их «простые» параллели: *там* (ср. *тамо*), *только* (ср. *токмо*), *сделаться* (ср. *соделаться*), *для чего* 'почему', 'зачем' (ср. *почто*), *сегодня* и *сегодни* (ср. *днесь, ныне*), *столь* (ср. *толь*) и др.

Однако *токмо, толь, паки, понеже* и другие не исчезают из литературного языка, заметно сокращаясь в общелитературном употреблении, эти слова могли тяготеть некоторое время к высокому лексическому фонду, продолжали употребляться в высокой литературе как приметы возвышенного, риторического слога.

Эта тенденция наблюдается и в истории других слов, например таких как *люлька — зыбка — колыбель.*

Слово *люлька* (в $САР_2$ — «простонародное») расширяет сферу употребления. Оно используется и в научных описаниях у В. Зуева, и в поэзии (например: Уже хра-

---

[100] «*Опять* слово совершенно употребительное», — пишет А. П. Сумароков (*Сумароков А. П.* Ответ на критику. — Соч., ч. 10, с. 97—98).

[101] В $САР_2$ слово *отчина* сопровождается примечанием «по просту же вотчина».

нителя небесна Мой дух везде с младенцем зрит: При *люльке* среди сна прелестна Над ним простря крыле стоит — Держ., На рождение великого князя Михаила Павловича). Показателем вхождения этого слова в литературное употребление может быть и употребление его в образных контекстах: Когда судьба качает в *люльке*, Благословляю часть мою (Держ., На умеренность); [Лед] гнулся под ним *люлькою* (Болот., Зап.). Расширение сферы применения слова *люлька* позволило ему укрепиться в литературном языке в одном ряду со словами *зыбка — колыбель*, которые были в XVIII в. стилистически нейтральными. Но семантический объем слова *зыбка* «ограничивался конкретно-предметным значением» [102]. Слово же *колыбель* обладало более широкой семантикой: кроме основного значения 'качающаяся кроватка для младенца' в памятниках различных жанров часты случаи его образного применения, послужившие в дальнейшем основой его переносных значений. Например: Будучи обвеян воздухом того города, который можно назвать *колыбелию* новой физиогномики... теперь и вы боитесь мне на глаза показаться (Карамз., ПРП). По-видимому, в конце XVIII в. начинается стилистическое размежевание слов *люлька — зыбка — колыбель*.

Многие «простые» слова, функционирующие в литературном языке XVIII в., в конце века и начале XIX в. выходят из употребления. Перестает употребляться слово *голыш* 'бедняк, неимущий', но окказионально оно может встретиться и значительно позднее. Например, в Словаре синонимов Н. Абрамова [103] называется синонимический ряд, включающий это слово: *бедный... голыш, голяк, пролетарий*. Не употребляется в конце века широко распространенное в Петровское время слово *оплошка* 'оплошность' (оно неоднократно встречается в ПСЗ за 1697 г., в «Уставе морском» 1720 г. и в некоторых других документах). Отсутствует и глагол *оплошиться*, он был вытеснен из употребления вариантом *оплошать*, который используется широко и разнообразно. Не встречается в конце века существительное *похлебство* 'лесть', которое используется у Петра I, у Кантемира. Перестали употребляться *родимец* в значении 'уроженец', *протор(и)* 'убыток' и *проторно, украдом* 'украдкой' (оно неодно-

[102] *Князькова Г. П.* Русское просторечие..., с. 192.

[103] *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 2-е изд. СПб., 1904.

кратно встречается в ПСЗ за 1697 г.), *врютить(ся), вяха* 'удар', *гайтан, юрить* и нек. др. Только в составе пословицы регистрируется у Н. Курганова глагол *залезть* в значении 'нажить': «жалеть мешка, не залезть дружка» (Письмовник).

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Основные тенденции и особенности процесса перехода диалектных слов в состав литературной лексики

Во второй половине XVIII в. наблюдается усиление воздействия диалектной речи на определенные сферы русской литературной лексики. Наибольшее влияние диалектных слов отмечается в области научной и профессионально-технической терминологии.

Активизация процесса проникновения диалектных слов в русский литературный язык этого времени связана, с одной стороны, с внешними факторами, в частности с развитием науки, освоением и изучением новых земель, их природных условий, быта, возрастанием интереса к народной жизни. С другой стороны, это усиление обусловливается и тенденцией к максимальному обогащению словарного состава литературного языка — в тех ее проявлениях, которые отражали установку на демократизацию русского литературного языка, отстаивание его национальных основ.

Именно к изучаемому периоду относится возникновение интереса к диалектной лексике, ее собиранию и изучению.

Начало работы по собиранию диалектных слов — 30-е годы XVIII в. Это записи И. Яхонтова, участника экспедиции И. Г. Гмелина в Сибирь (1734 г.), записи С. П. Крашенинникова (1737—1741 гг.), М. В. Ломоносова («Материалы к Российской Грамматике»), И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковецкого (путешествия по Северу 1768—1773 гг.) с указанием места записи и с объяснением значений диалектных слов; диалектные словари (1754 и 1772 гг.), опубликованные П. С. Симони; отдельные замечания В. К. Тредиаковского (в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об ортографии»), В. Н. Татищева («История российская»), А. П. Сумарокова.

Со второй половины XVIII в. интерес к диалектной лексике возрастает. Раздаются призывы к использованию этой лексики для обогащения литературного языка: «Страны, в коих вы воспитаны и в коих пребываете, имеют каждая собственные свои простонародные слова, в других местах не употребительные и незнакомые. Хлебопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукоделия с их обстоятельствами, много принимают таковых речений, кои людям, в других упражнениях обращающимся, а тем более в других странах живущим, вовсе неизвестны. Когда таковые слова собраны будут и обнародованы с объяснением прямого их знаменования, то вам самим, государи мои! и другим глубокомысленным любителям российского языка подадут они легкий способ к возрождению, оживлению и расширению нашего языка в естественных ему изображениях» [104].

Однако даже в САР выбор диалектных слов оказался практически случайным. Число этих слов невелико, а специальная помета «обл.» выступает здесь нечасто. Лучше всего в САР представлены северновеликорусские, псковские, московские, сибирские, поволжские и прикаспийские диалектные слова; южнорусские диалектные слова отражены здесь очень слабо. К тому же не только в XVIII в., но и сейчас не всегда четко проводится грань между диалектными словами и общенародной лексикой (ряд современных исследователей общенародные слова типа *зипун, зыбка, квашня, кушак* и т. п. относят к «диалектизмам»).

Трудности точного приурочения употребления диалектных слов к определенной социальной среде или к определенному территориальному диалекту объясняется слабой изученностью материала: работ по данному вопросу очень мало [105].

В описании разграничиваются:

1) литературные слова диалектного происхождения, т. е. такие диалектные слова, которые уже в XVIII в. вошли в систему литературной лексики;

---

[104] *Фомин А. И.* Письмо к любителям российского языка. — Новые ежемесячные сочинения, ч. XI, месяц май, 1787, с. 74.

[105] Основанием для отнесения того или иного слова к диалектным служат указания исследователей диалектной лексики (В. В. Виноградов, П. Я. Черных, Л. А. Булаховский, Г. П. Князькова, Л. И. Балахонова, Ф. Л. Скитова и др.).

2) потенциальные литературные слова диалектного происхождения, т. е. такие диалектные слова, которые получают литературные права позднее.

Примечание. К показателям усвоения диалектных слов литературным языком относят также некоторые данные толковых словарей.

1) Порядок расположения значений в словарной статье: на первое место здесь обычно ставится общеупотребительное значение, на второе — диалектное.

2) Отсутствие специальной пометы «обл.». Однако эти пометы далеко не всегда могут служить надежным ориентиром; такой, например, является помета при слове *зипун* в $САР_2$ и Сл. 1847 «простонар.». Во-первых, потому, что это — единственное наименование данного предмета, другим наименованием для этого русский литературный язык не располагает, во-вторых, «простонародно» не слово, а сама вещь: *зипун* носит только «простонародье». Не точна и помета в СУ («обл.»): как известно, уже в XVII в. это слово имело общерусское распространение [106]. Показательно в этой связи то, что «Словарь русского языка XVIII в.» [107] никакой пометы при слове *зипун* не дает, а ограничивается тем, что в определение значения этого слова включает указание на отнесенность данного предмета к сфере народного (по преимуществу крестьянского) быта.

3) Наличие данного слова в $САР_2$: если слово есть в этом словаре (особенно без помет), значит, оно уже вошло в лексическую систему русского языка XVIII в.; в сомнительных случаях подтверждением этого служат материалы из текстов XVIII в. (главным образом картотечные, из ДРС, ЛК).

Процесс перехода диалектных слов в состав литературной лексики характеризуется целым рядом тенденций. Из них важнейшими можно считать следующие.

1. Усиление процесса терминологизации диалектных слов в разных областях науки — в географии, зоологии и др. Образование терминов на базе диалектных слов имеет ряд особенностей. Это — отбор собственно русских слов с более прозрачной внутренней формой, основанной на сходстве по форме (например, *гребень*, *хребет*, *рукав*) или на словообразовательной мотивации

---

[106] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., «Наука», 1970, с. 159.

[107] См.: Словарь русского языка XVIII в. Проект. Л., «Наука», 1977, с. 117.

(например, *вершина, залив, сопка, нырок* 'ныряющая утка'); использование русских слов восточного происхождения для обозначения реалий, специфических для Сибири и Севера (например, *пурга, торос, тундра, буран, пыжик*); замена описательных оборотов однословными обозначениями (например, *горы непрерывные — хребет, огнедышащие горы — сопки*).

2. Расширение круга экспрессивно-номинативной и одновременно характеризующей лексики (например, *болван, балабон, нахал, остолоп, холуй, канючить*).

3. Возрастание значения народных говоров в качестве основного канала, через который проникали в литературный язык слова из языков народов, населяющих Россию или соседящих с ней — в связи с усилением в XVIII в. непосредственных контактов между этими народами и русскими в период активизации заселения, освоения и изучения северных и восточных окраин Российской империи; например, *буран, доха* (монг.), *малахай* (вост.), *нерпа, пурга* (финск.), *тундра, чум* (финск.), *торос, пыжик* (ненецк.).

4. Усиление роли деловой речи в продвижении диалектных слов (по преимуществу — северновеликорусских и сибирских) в лексическую систему литературного языка. Язык Москвы был основной передаточной средой, через которую диалектные слова получают широкое распространение и становятся общерусскими (например, слово *очень*) [108].

Диалектные слова проникают в литературный язык двумя основными путями:

1) непосредственно (в процессе устного общения): а) через повседневную речь поместного дворянства, дворни, оброчных крестьян и т. д. В XVIII в. дворянство было большей частью провинциальным и находилось в сфере диалектной речи; б) через речь образованных людей, выходцев из той или иной диалектной среды. Многие из севернорусизмов входили в живой разговорный язык населения Петербурга, в том числе и его самой образованной части. Эти явления отмечаются у Крашенинникова, Ломоносова, Н. Озерецковецкого, И. Лепехина, А. Болотова [109]; даже широко образованные дворяне, долго служившие в армии и жившие в Петер-

[108] *Львов А. С.* Из истории некоторых наречий. — Рус. яз. в школе, 1956, № 5.

[109] *Князькова Г. П.* Русское просторечие...

бурге, сохраняли следы диалектного влияния (см. «Записки» А. Болотова, переписку Г. Державина, И. Хемницера и др.) [110];

2) о п о с р е д с т в о в а н н о: а) через московский говор; в XVIII—XIX вв. московское наречие предстает как нормативный образец; «нормы московского говора и нормы литературного общенародного языка становятся тождественными, равнозначными, т. е. московский говор перестает быть диалектным» [111]; б) через просторечие — по преимуществу слова с яркой экспрессивной окраской (см. слова типа *канючить, тазать*), а также отвлеченное существительное *быт*. В связи с притоком в города крестьян диалектные слова вовлекались в повседневное речевое общение, что влекло за собой контактирование диалектной речи с литературной; в) через разные виды письменной речи. Во-первых, — через терминологические системы, которые были постоянно и регулярно действующим каналом для движения диалектных слов в литературный язык, в XVII—XVIII веках эта роль терминологической системы усилилась. С активизацией процесса освоения северных окраин России и Сибири и распространением научных знаний о них (экспедиционные записи, описания путешествий, газетные сообщения и т. д.) связано усиление притока диалектных слов в литературный язык. Так, акад. И. Лепехин «открыл большой диалектный материал, связанный с изучаемым им предметом. например, в сочинении о лечебных свойствах местных растений И. Лепехин называет немало растений теми словами, которые он услышал от местного населения; в переводе «Histoire naturelle» Бюффона — то же» [112]. Во-вторых, через художественную литературу (повести, комедии, сатира, басни и т. д.). В произведениях низкого стиля диалектные слова использовались при передаче речи персонажей и в качестве средства их речевой характеристики. Как уже говорилось, этот путь был менее эффективным: лишь немногие из диалектных слов, встре-

[110] *Федоров А. И.* Областные слова в первых академических словарях русского языка. — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1962, с. 301.

[111] *Филин Ф. П.* К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 22.

[112] *Булаховский Л. А.* Виникнення і розвиток, т. III—IV. Киев, 1947, с. 114—115.

чающихся, например, в комедиях В. Лукина, укрепились в лексической системе языка [113]. Значительна в этом отношении роль Д. Фонвизина.

Основные лексико-тематические группы диалектных слов, проникавших в литературный язык

Вариантность, свойственная литературному языку XVIII в., облегчала проникновение диалектных слов в разные жанры в качестве равноправного средства выражения.

Как уже отмечалось выше, для диалектных слов характерно проникновение прежде всего в сферы научной и профессионально-технической терминологии. Объясняется это тем, что в процессе становления терминологических систем было возможно обозначение того или иного терминологического понятия словами различного генетического пласта. Однако это проникновение захватывало и другие сферы, открытые для названий предметов бытового и хозяйственного уклада, строений и их частей, названия лиц. Большую группу составляют диалектные слова, относящиеся к номинативно-экспрессивной лексике. Эти слова при проникновении в литературный язык переходили в разряд просторечной лексики. Для изучаемого периода можно выделить несколько лексико-тематических групп диалектных слов, проникающих в литературный язык.

Терминологическая предметная лексика

Диалектная лексика в XVIII в. была важнейшим источником пополнения географической терминологии. Накопление знаний первоначально происходило в практической географии; словарь географии создавался главным образом практиками: землепроходцами, путешественниками и мореплавателями. Описывая страны северного побережья России, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и т. д., русские географы не могли обойтись без местных названий географических объектов; таковы названия рельефов местностей, главным образом возвышенностей:

---

[113] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 128.

гребень, хребет, вершина горы; *сопка, падь*; гидрографические термины: *залив, рукав*; названия явлений природы, составляющих специфику определенной (северной и сибирской) географической зоны: *пурга, тундра*.

В начале XVIII в. эти слова встречаются лишь в местной практической географической литературе — северной, сибирской; здесь местные слова сосуществуют с номенклатурой ученых книг (например, *хребет — горы протяженные; тундра — степи на бреге Ледовитого моря*).

Ученые-географы начала XVIII в. еще мало обращаются к данному источнику. Позднее, начиная с петровских географических экспедиций, данными терминами начинают пользоваться участники этих экспедиций — мореплаватели, геодезисты, картографы; попадают такие местные слова и на географические карты. В терминологизации этих слов решающая роль принадлежит знаменитому участнику экспедиции И. Г. Гмелина (1733 г.) и исследователю Камчатки (1736 г.) С. П. Крашенинникову. Велика заслуга и ученых-географов ломоносовской школы: к 40—50-м годам XVIII в. такие специальные слова уже становятся известными не только специалистам, но и широкому кругу образованных людей.

В кругу этих терминов выделяются следующие.

1) Новые русские термины диалектного происхождения с «внутренней формой», более прозрачной, чем у старых; это номинации, основанные на сходстве по форме (*гребень, хребет, рукав*) или словообразовательно мотивированные (*вершина [верх], залив [заливать]; сопка [сопеть]; падь [падать]*). Примеры:

И от Софии рядомъ пошелъ холмъ, *яко гребень* (Арс. Сух., Проскинитарий, [1649—1653 гг.] — ДРС); Горный хребет есть... несколько гор, единою связью *наподобие хребта вместе соединенных* (Севергин, Первые основания минер., кн. 1, 1798 г. — ЛК); *Залива* есть та, где часть моря залилась великая и проход в себя от моря имеет узкой (Мордвинов, Книга о навигации, ч. II, 1748 г.); *Сопка*. В Сибире так называются огнедышащие горы по той причине, что огонь из оных с шумом и как бы *сопением* извергается (САР$_2$).

2) Новые русские термины иноязычного происхождения, проникшие в географическую терминологию через посредство диалектов из языков народов, соседящих с русским населением (*пурга, торос, тундра*).

Рассмотрим более подробно отдельные тематические

группы диалектных слов, относящихся к терминологической лексике.

1) Названия рельефов местности (возвышенностей) и гидрографические термины.

Вершина (Ворон., Сибир.).

Для XVIII в. характерна множественность обозначений понятия «вершина горы»: *вершина*, *верх*, *верховье*, *верхушка*. В этот период, так же как и в древнерусский (см. Срезн.), наиболее распространенным было слово *верх*: *Верх горы* (Прим. Вед., О ветрах); Высочайший *верх горы* (Комм. АН, О стене Кавказск.).

Современный термин *вершина горы* начинает распространяться с 20-х годов XVIII в., но он встречается и раньше (ПСЗ, 1639 г.; Козм., 1670 г.; Русско-голл. лекс. 1717 г. — ДРС). Этот термин широко представлен в Лексиконе Вейсмана 1731 г. У М. Ломоносова как равнозначные и равноценные выступают слова *вершина* и *верх*.

Утверждение термина *вершина горы* сопровождалось перестройкой в гидронимической терминологии. В начале века и в научной, и в практической географии основным термином для обозначения понятия «исток реки» был также термин *вершина* (значительно реже — *верх реки*). В этом значении слово *вершина* было употребительно и в XVII в., и позднее (Козм., 1670 г., Посольство И. Унковского, 1722—1724 г.; М. Ломоносов, С. Крашенинников, И. Лепехин, А. Радищев и др. — ДРС). Известно было слово *вершина* и в значении «верхушка»: *вершина дерева* (Аввакум, С. Крашенинников, М. Ломоносов, ПСЗ — 1798 г., Н. Озерецковецкий и др. — ДРС). С 30-х годов в географической литературе начинает входить в употребление новый термин — *верховье реки* (Татищев, Лексикон). Позднее этот термин принимается географами ломоносовского периода и к первой половине XIX в. вытесняет термин *вершина реки*. Одновременно выражение *верх горы* сменяется выражением *вершина горы*.

Во всех словарях, начиная с $САР_2$, *вершина (горы)* приводится без помет. Уже в XVIII в. намечается тенденция к устранению множественности обозначений одного и того же географического понятия (ср.: *вершина, верх, верховье горы*) и специализация каждого из этих обозначений: *вершина горы*, но *верх дерева*, *верховье реки*[114].

---

[114] По данным Виноградова В. В. (Очерки..., с. 208) *верховье* как гидронимический термин входит в литературный язык в XIX в.

Ср. Вейсм. лекс.: *верх, вершина горы* (с. 80); *верх, верхушка, вершина дома* (с. 198) и в САР$_2$: *Вершина 1)* 'Самая высокая часть горы'; 2) 'Начало источников речных'.

Гребень.

Гребень гор 'вершина горы в виде группы рядов стоящих столбом или пирамид, напоминающих гребень' (Саян. — СРНГ, вып. 7). В начале XVIII в. это слово уже выступает в качестве термина: На Коромандельском бреге ветр... мокроты ко *гребням* (тож и *верхам*) гонит (Геогр. ген., 1718 г.); *гребни* или протяжения гор (Там же); Вверх по реке Тереку *в гребнях,* то есть в высоких горах... имеются гребенских казаков городки (Кириллов, Цвет. состояние, II, 1727 г. — ЛК); *Гребень,* горы продолжающиеся как то великий пояс, Алтайския и Кауказския именуют (Татищев, Лексикон).

В литературное употребление слово *гребень* проникает через научные описания. В ранг научного термина оно возводится С. Крашенинниковым и М. Ломоносовым.

Хребет (Сибир.).

С. П. Крашенинников и М. В. Ломоносов — первые ученые-географы, которые ввели это слово в географический язык как специальный научный термин. До них слово *хребет* знает лишь практическая, главным образом — сибирская география (С. Ремезов, Чертеж Камчадальской земли, 1700 г.; Поход Шамаева в Камчатский острог 1700 г.; Экспедиция Шестакова — 1727 г.). Упоминается это слово в «Зрелище» (1712), в «Походном журнале» (1722 г.). Ф. Поликарпов, И. Кириллов, В. Татищев, ученые-географы первой трети XVIII в. этим словом еще не пользуются. С. Крашенинников ввел его в научный обиход, но продолжал употреблять также и выражение *горы непрерывные* (лат. montes perpetui). В перечне географических терминов диалектного происхождения слово *хребет* в словаре местной практической географии выступает наряду с «учеными» обозначениями (*горы протяженные, протяжения горные*). И другие авторы 30—50-х годов продолжают избегать этого слова или снабжают его объяснениями. Например: *Хребет* как связь гор состоит из многих высоких гор вместе соединенных (Наковальнин, Полит. геогр., 1, 1758—ЛК). Но нередки случаи употребления этого слова и без всяких пояснений (особенно часто — у С. Крашенинникова): Горы от южного конца к северу непрерывным *хребтом* простираются (Крашен., Опис. Камч.); Далече от хладного пояса отстоят и Камчат-

ские *хребты* (Ломон., 1755 г., Соч., 1 — ЛК); От большого *хребта*, отделяющего Сибирь от России,... находятся соболиные места (Опис. о Сибир. торг., Ежемесячн. соч. 1756 г. — ЛК). Во второй половине XVIII в. слово *хребет* укрепляется в качестве географического термина. В этом качестве оно используется Ф. Соймоновым, И. Лепехиным, В. Севергиным, А. Радищевым, Н. Карамзиным и др. Например: Можно [гору Демавенд] почитать за отрасль *хребта* Тавра (Соймон., Опис. Касп. моря. Ежемесячн. соч., 1763, VII — ЛК); Около сего городища находится целый *хребет* гор (Лепех., Путеш.).

Сопка (Сибир., Псков., Новг., Волог., Арх., Камч.).

Есть прямое указание на происхождение этого слова: Стоят часто гора за горою округлистые и показуются как холмы и иные будто великие сенные стоги. По-тамошнему называются же горы *сопками* (Генин, Опис. Урал. и Сибир. заводов, 1735 г. — ЛК). Упоминания о слове *сопка* находим уже в 20-е годы XVIII в.: Есть урочище имянуемое Голма Толгой (великая каменная *сопка*), подобно якобы стог (Посольство Унков., 1722—1724 гг. — ДРС); Таковы возвышения весьма много между собою отменны и... в разные роды разделяются. Таковы суть бугры, *сопки*, холмы, пригорки, горы (Ломон., Перв. основ. металл., Приб. II — ДРС). Но наиболее широко это слово представлено у С. Крашенинникова (Опис. Камч., т. II) в значении 'огнедышащая гора'. Ему и М. Ломоносову принадлежит решающая роль в укреплении слова *сопка* в качестве географического термина. Во всех словарях, начиная с $САР_2$, это слово приводится без помет, лишь с указанием на принадлежность самой реалии к определенному географическому району: «Сопка. В Сибири так называются огнедышащие горы» ($САР_2$); ср.: «обычно на Дальнем Востоке, в Сибири» (БАС).

Падь 'долина небольшая, скат горы' (Сибир., Камч., Псков.).

Это местное слово проникает в географическую терминологию таким же путем, как и слово *сопка*, — через научные географические описания (Рапорт Шпанберга, 1739 г; Крашен., Опис. Камч., 1755; Лепех., Путеш., 1772 г.; Месяцеслов, 1792 г. и др. — ЛК). Во всех словарях XVIII—XIX вв. и в БАС это слово приводится без помет, и только в СУ — с пометой «обл.». Примеры:

Оная река течет близ Камчатки, а *падь* которой она из хребта течет, против устья Кирганика реки (Крашен.,

Опис. пути от Верхн. до Нижн. Камчатск. острога. ОЗК, 1949 — ЛК); К восточному краю помянутой площади видна была преглубокая и страшная *падь*, или узкая, темная, лесистая долина между подошвою Чеконды и прилежащими к ней с той стороны горами (Опис. горы Чеконды, Месяцеслов на 1792 г., с. 45—ЛК).

Залив (сев.-влр.).

В самом начале XVIII в. существовало множество обозначений понятия «часть моря или озера, вдавшаяся в твердую, в материю землю» ($САР_2$). В практической географии допетровского времени были в ходу севернорусские по происхождению слова *залив* и его вариант *залива*[115], *губа моря* и др.

В научной географической литературе (обычно переводной) в соответствии со значением принятого у западноевропейских ученых латинского термина *sinus* это понятие передавалось по-разному. У Ф. Поликарпова в переводе «Географии генеральной» Варения для этого используются термины *недро морское* и *океаново* (книжнослав.), *кривизна, отнога, заток, пазуха океанова.* В этом переводе появляется и термин *залив* (*залива*) (по предположению Л. Л. Кутиной[116] — после правки этого перевода по указанию Петра I).

Термины старых географических книг *(недро, отнога, заток)* после Ф. Поликарпова уже не встречаются. Одновременно с этим приходят новые обозначения: *бухта* (нем.) и *гольф,* вариант *гольфа* (франц., итал., голл.): Пристанища морские суть или *голфы* (*пазухи* или *заливы*), которые море чинит и которые суть охранены землею от ветров (Шлюзная книга, 1708 г. — ЛК). Таким образом выстраивается ряд: *залив — губа — заток — недро — кривизна — пазуха — отнога — бухта — гольф (гольфа) — синус.*

В практической географии и мореходной традиции укрепляется термин *залив.* Слово *губа* продолжает употребляться применительно к заливам северных морей. Уже к 50-м годам XVIII в. намечается также и смысловая дифференциация: *Залив* есть, когда вода из моря в землю

---

[115] *Кувнецов П. С.* Ломоносов и русская диалектология. — Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. АН СССР, вып. 5, с. 113.

[116] *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.—Л., «Наука», 1964, с. 163.

вдавшись, истока не имеет; если у *залива* есть отверстие к морю узко, то называется оной *губою* (Наковальнин, Полит. геогр., 1, 1758 г. — ЛК); у Даля (I, с. 596): «*Залив* обширнее *губы* и более относится до моря, озера; а речной, мелкий залив: *заводь*».

С конца 20-х годов XVIII в. начинает распространяться форма мужск. р. (*залив*, а не *залива*), эта форма и утверждается как географический термин. В этом качестве данное слово получает широкое распространение уже с 20-х годов XVIII в. — в переводе Я. Монсана, у С. Мордвинова, С. Крашенинникова, М. Ломоносова, И. Елагина, В. Тредиаковского, Ф. Соймонова, И. Лепехина, П. Челищева, А. Болотова, В. Татищева, Д. Фонвизина, А. Радищева.

Во всех словарях, начиная с $САР_2$, слово *залив* дается без помет.

Рукав (сев.-влр.).

Как известно [117], термины *рукав, проток* в первой трети XVIII в. обозначали любые ответвления от русла (не только в дельте) и в этом значении ('проток реки') входили в группу семантически близких слов: *проток — рукав — пролив — отнога — залив*. Но и позднее, во второй половине XVIII в., слово *рукав* еще не утратило всех связей с этим рядом, например: Сия часть города отделена была от старого города нарочитой ширины морским *рукавом* или узким *заливом*, простирающимся внутрь земли на знатное расстояние (Болот., Зап.).

2) Названия явлений природы и предметов, характерных для определенных географических зон.

Пурга — о северных метелях (угро-финск.) (сев.-вост., сев.-влр.. Сибир.. Камч., Арх., Перм., Костр., Сарат., Новг., Волог., Челяб., Олон.).

Например: В ноябре, декабре, генваре, мало таких ясных и хороших дней, но великий снег с сильными и жестокими ветрами, которые по-сибирски *пургами* называются (Крашен., Опис. камч., 1); Задул ветер, повалил хлопьями снег, словом вьюга, или по-здешнему [в Якутии] *пурга* (Гонч., Фрег. Паллада, VII — ЛК).

В $САР_2$ слово *пурга* отсутствует (первая лексикографическая его фиксация — в Сл. 1847 с пометой «обл.»). Это слово обычно в Памятн. сибирской истории (1712 г. —

[117] См. там же, с. 180.

ЛК). В ранг географического термина оно возводится М. Ломоносовым и С. Крашенинниковым (часто встречается в «Описании земли Камчатки», в рапортах). Например: По получении каюр пробыл я в Нижнем за *пургою* по 11 число (Крашен., 10-й рапорт, Гмелину и Миллеру от июня 1740 г., ОЗК, 1949 — ЛК).

Торос (Арх., Олон., Мурм., Сибир., Камч.) 1) 'лед около морских берегов' (Арх.); 2) 'льдины, взгроможденные одна на другую' (Камч. — Опыт; Арх., Сибир. — Даль, Сл.; Арх. — Сл. Подвыс.). Хотя это слово отсутствует в словарях XVIII в. (Вейсм. Лекс., 1731 г., САР$_2$, впервые и без помет оно приводится в Сл. 1847), оно, по наблюдениям Л. Л. Кутиной (Указ. соч., с. 202), в состав географической терминологии входит с 40—50-х годов XVIII в. Однако то, что это слово еще не исключено из «Опыта» (1852 г.), и то, что писатели XIX в. обычно используют его либо с пояснениями ('*Торосы*, т. е. бугры льда' — Гончаров), либо в кавычках (Огромные ледяные глыбы так называемого «*тороса*» — Короленко), говорит о его необычности для писателей — уроженцев европейской части России: «экзотична», «этнографична» сама реалия, им обозначаемая. Диалектной остается другая форма того же слова — *торосья* (в СУ *торос* приводится без помет, а *торосья* — с пометой «обл.»).

Тундра (финск. — Даль, Сл.; БАС) 'более ровное мокрое или сухое место, иногда покрытое мхом или травою' (Сибир., Арх., Перм., Камч.).

В начале XVIII в. слово *тундра* было диалектным. В его терминологизации решающая роль принадлежит также С. Крашенинникову и М. Ломоносову. Примеры: *Тундрами* называют места, мхами заросшие, кроме болот и лесу, каковыми заняты по большей части берега Северного океана (Ломон., Первые основ. метал., 1763 г. — ЛК); Первые [медведи] летом, а последние [волки] зимою, как скот, по *тундрам* ходят (Крашен., Опис. Камч.); Оные места близ моря все в *тудрах* и моховых кочках (ПСЗ, 1761, т. XV, № 11193 — ЛК).

Позднее, во второй половине XVIII в., это слово отмечается у И. Лепехина, в Полном собрании Законов Российской империи, у В. Зуева, у Г. Державина и др. В САР$_2$ в значении 'безлесное место, поросшее мхом' и в последующих словарях слово *тундра* приводится без помет. Можно думать, что к концу XVIII в. оно вполне обрусело. И. Калайдович писал: «В производном словаре

должны быть представлены: ... 4) слова церковного языка и областные или местные и взятые из других языков славянского происхождения, ежели они богатством значения и красотою заслуживают быть введенными в общее употребление... Как исключить, например, слово *тундра*, которое есть областное (сибирское), даже не русское, и употреблено, сколько мне известно, одним Державиным в языке книжном («Осень», «На взятие Очакова»). Мы ничем не можем заменить это богатое слово, имеющее русское окончание, род и склонение, следовательно, совершенно обрусевшее» [118].

Наст 'крепко замерзший снег' (Сибир., Арх., Ряз., Тобол., Тюм., Челяб., Симб., Твер., Волог., Яросл., Орл., Тул., Новг.).

Это диалектное слово встречается уже в памятниках русской письменности XVII в. Географическим термином оно становится в трудах С. Крашенинникова: Лучшая и спокойная езда в месяцах марте и апреле по *насту* (Крашен., Опис. Камч.). В этом качестве слово *наст* в XVIII в. получает широкое распространение в разных жанрах, но преимущественно — в описаниях северных окраин России и Сибири (в «Описании народов», 1770 г.; у В. Зуева, А. Радищева и др.): Крестьяне гоняют по *насту* коз (Радищ., Дневн. путеш. — ЛК).

Без локальной прикрепленности к какой бы то ни было географической зоне в более общем значении «поверхность снега, после оттепели замерзшего» (САР$_2$) это слово уже с конца XVIII в. получило широкое распространение: Однажды, ... когда в садах был еще замерзлый снег или так называемый *наст*, вышел я в сад, и ходючи по крепкому *насту*, осматривал все деревья (Болот., Зап.).

Во второй половине XVIII в. научная литература продолжает выполнять роль канала, через который вливаются в литературный язык термины диалектного происхождения (также по преимуществу северновеликорусского и сибирского). Таковы, например, были слова *нырок*, *пыжик* и нек. др.

Нырок 'утка ныряющая' (сев.-влр.). Во всех слова-

---

[118] *Калайдович И.* Опыт правил для составления русского производного словаря с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом. — Сочинения в прозе и стихах. «Труды Об-ва любителей российской словесности при имп. Моск. ун-те», ч. V. М., 1824, с. 335.

рях, начиная с САР$_2$, приводится без помет. Широко представлено у С. Крашенинникова (Опис. Камч., 1755).

Пыжик (ненецк.) 'шкурка оленного выпоротка' (Арх., Волог., Иркут.). В САР$_2$ приводится без помет в значении 'молодой северный олень, не имеющий еще рогов' (в этом значении только в СУ это слово определяется как «обл.»).

Сойка (Сибир.). В САР$_2$ это слово еще отсутствует. В ранг зоологического термина возводится научной географической литературой (Опис. Сев. Амер., 1765, с. 243 — ЛК; Лепех., Путеш., ч. II, 1772 г.). В Сл. 1847 уже выступает без помет.

Всполохи (сполохи) (Арх., Волог., Псков.).

Например: В северном сиянии *всполохи* или лучи хотя не так скоропостижно происходят по мере пространства всего сияния; ибо блистающие столпы северного сияния полосами от поверхности електрической атмосферы... перпендикулярно почти простираются (Ломоносов, 1753, Соч., 1 — ЛК). Уже в САР$_2$ это слово дается с пометой «простонар.», равнозначной здесь позднейшей помете «обл.» (СУ).

Займище 1) 'низменное место, покрываемое водой во время весенних разливов' (Астр., Оренб., Челяб., Дон., Тамб.); 2) 'болото ,трясина' (Сибир.); 3) 'болото, поросшее тростником и лесом' (Оренб., Челяб., Тамб.); 4) 'лес около реки' (Сибир.).

Слово входит в общее употребление в последней трети XVIII в. (Г. П. Князькова). Упоминается у И. Посошкова (Кн. о скуд. и богат.), в ПСЗ (1754—1766); часто встречается в описаниях путешествий (И. Лепехин, А. Радищев, В. Зуев и др.).

В значении 'место покрываемое водою' во всех словарях, начиная с САР$_2$, приводится без помет.

Некоторые терминологические обозначения природных явлений, специфичных для определенных географических зон, в XVIII в., по-видимому, еще имевшие хождение, позднее утрачиваются: *Лыва* 'лес на болоте' (сев.-влр.), 'лужа' (Арх., Вят., Оренб., Перм., Ирбит., Усол.); 'разлив воды весной' (Олон.). Это слово (в значении 'густой и частый, выросший на болоте лес'), хотя приводится в САР$_2$ (и в Сл. 1847) без помет, но в обоих словарях иллюстрируется одной и той же цитатой (Ломоносов). *Маниха* 'обманчивый отлив' (сев.-влр., Арх., Камч.). Указание на очень узкий ареал дается уже в САР$_2$: «В некото-

рых приморских местах так называется малый предварительный прилив воды».

Употребление слов сев.-влр. происхождения *слота* ('слякоть или мокрый снег') и *сойма* (финск. — СУ; 'большая лодка с палубою и с мачтою, употребляемая на Ладожском и Онежском озерах' — САР$_2$) примерами не подтверждается, хотя и эти слова в САР$_2$ (и в Сл. 1847) [119] приводятся также без помет. Утрата слова *слота,* по-видимому, объяснялась, во-первых, тем, что литературный язык располагал вполне полноценным эквивалентом (*слякоть*), а во-вторых, тем, что это слово называет природное явление, не специфичное только для какой-либо географической зоны. Слово *сойма,* наоборот, называет предмет с очень ограниченной областью применения (только на Ладожском и Онежском озерах).

Названия лиц

Болван. У Срезневского это слово отмечается только в двух значениях: 'чурбан, пень' и 'идол', а в словарях и материалах XVIII в. — и в других значениях: 1) 'истукан, изваяние' (САР$_2$; В сл. 1847 — с пометой «стар.»); например: На обоих краях той улицы поставлены были *болваны* того бога (Кант., П. Горация, к. 1, п. 1, примеч.; то же у В. Геннина, С. Крашенинникова, В. Тредиаковского, И. Лепехина, Д. Фонвизина, Н. Карамзина, А. Марлинского — ЛК); 2) 'обрубок дерева, у коего верх круглый, на котором парики, шляпы, шапки и др. головные уборы выправляются' (САР$_2$): Въ хоромы царевны Софии Алексеевны подъ шапочку точили *болванъ* (Заб., Дом. быт, 1, 1682 г. — ДРС; то же: Полик. Лекс. 1704 г., И. Крылов, И. Лажечников и др.); 3) 'образец, сделанный из глины, на котором льют колокола' (САР$_2$): *Болваны* для литья колоколов (Геннин, Опис. Урал. и Сибир. заводов, 1735 г. — ЛК); 4) 'человек глупый' (САР$_2$).

Слово *болван* было диалектным только в четвертом значении: *болван* (перс. — СУ) 'бранное слово: олух' (Псков.); 'большой ростом, да глупый' (Твер.).

Наиболее ранние случаи употребления слова *болван* в этом значении ('человек глупый') относятся к XVII в.: Великий государь глупъ и *болванъ* и дуракъ (Д. Иос. Ко-

[119] Ср. более ранние случаи: Рыболовы нача грузити *соймы* свои рыбою (История о Ярополе Ярополовиче бысть тако, XVII в. — ДРС).

лом., 7, 1675 г. — ДРС). В этом же значении это слово получает более широкое распространение в первой половине XVIII в. в разных жанрах: Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, ... чтоб можно их от других не знающих *болванов* распознать (Юн. честн. зерц. — ДРС); *Болваном* Макар вчера казался народу, Годен лишь дрова рубить или таскать воду (Кант., Сат., V).

В том же значении слово отмечается и в словарях XVIII в.: Бранное слово *болван* (Р.-голл. лекс. 1717 г. — ЛК); Я как живу, такого осла (*болвана*, дурня) еще не видывал (Вейсм. лекс., с. 181).

В конце XVIII в. слово *болван* широко представлено не только в речи персонажей комедий (у Я. Княжнина, П. Плавильщикова, М. Чулкова, Н. Николева, М. Попова, Д. Фонвизина), но также и в авторской речи. Например: Пока был умный жрец, кумир не путал врак; А как засел в него дурак, То идол стал *болван-болваном* (Крыл., Оракул); Ему [отцу] не хотелось, чтоб я вырос у него неучью и *болваном* (Болот., Зап.); Меркуриев сынок, прозванием он Пан, И всех на свете рощ владетель сей *болван* (Пан и Сиринкса, «Зритель», 1792, ч. II — ЛК); Кто на своем природном языке *болван*, тот на всех других языках будет такой же *болван*, ежели не исправит своего разума (Козельск., Фил. предл.).

Как видим, это слово диалектного происхождения (в значении 'глупый человек') уже в XVIII в. становится столь обычным (в $САР_2$ оно приводится без помет), что его употребление не возбраняется и в строго научной литературе (Я. Козельский, И. Лепехин и др.), и в речи образованнейших людей этого времени (А. Болотов).

Судя по имеющимся материалам, слово *болван* в XVIII в. еще не принадлежало только экспрессивной лексике: в это время его находим не только в диалогической речи (в качестве бранного слова), но, пожалуй, не менее часто в нейтральных контекстах в качестве обычного наименования лица по характерному признаку (в $САР_2$: *болван* 'глупой человек' — у И. Лепехина, Я. Козельского, А. Болотова).

Нельзя, однако, не заметить, что семантическая связь с исходными значениями ('чурбан', 'идол') в этот период еще полностью не утрачивается; например: И станом, что чурбан, Головою, что *болван* (Чулк., Собр. песен — ЛК); [Назойлов] Как ты смеешь называть меня *болваном*?

Веть *болван*-ат, кумир (Судейские именины, д. III, явл. 5, «Росс. феатр», XXXV — ЛК).

С этой точки зрения не лишено интереса толкование этого слова в «Опыте модного словаря»: «Предки наши, оставя прелесть идольского служения, из презрения к своим кумирам, называли их *болванами*, а деды наши, гнушаясь прежним суеверием, означали дураков наименованием *болваны* в таком смысле, что дурак, так как и *болван*, наружное только с человеком имеет подобие» (Живоп., 1772 — ЛК).

В описываемую эпоху слово *болван* уже включается в синонимический ряд со значением 'глупый человек'. В Вейсм. Лекс. (с. 181): «*Осел*, *болван*, *дурень*», у Д. Фонв.: [Бригадир] Ну не прямой ли ты *болван*? я тебя назвал дураком, а ты думаешь, что я льщу тебе: этакий осел? (Бригадир).

Укрепление этого слова в данном синонимическом ряду происходит позднее, в XIX в. Например: Молодые люди образовались. И в самом деле, прежде они были просто *болваны*, а теперь они вдруг стали нигилисты (Тург., Отцы и дети — ЛК).

Значение 'бестолковый, неуклюжий, невежливый человек; глупец, дурак' (БАС) впоследствии и становится основным. Об этом свидетельствуют и изменения в порядке расположения значений в словарной статье «Болван»: в словарях XVIII и XIX вв. и первой половине XIX в. данное значение занимает последнее место (в $САР_2$ и Сл. 1847, СУ — четвертое, в Сл. Акад (1895) — шестое), а в словарях второй половины XX в. — первое (БАС).

К названиям лиц можно условно отнести и названия объединений лиц типа *ватага*. В диалектах это слово многозначно: 1) 'жилье на берегу Волги или Каспийского моря для помещения рабочих, которые занимаются промыслом рыбы' (Астр.); 2) 'ловля рыбы неводом' (Волог.); 3) 'большая семья' (Костр.); 4) 'стадо овец и другого мелкого скота' (Курск.); 5) 'артель рыбаков'. Показательна в этой связи словарная статья «Страда» в «Опыте» (1852 г.): «Страда: труд, совершаемый многими, т. е. артелью или *ватагою*».

В литературное употребление слово *ватага* входит в более обобщенном значении — не 'артель рыбаков', а любая 'артель, несколько людей, вместе, совокупно собравшихся для какого-либо общего дела или промысла' ($САР_2$). В этом значении слово *ватага* отмечается в бума-

гах Петра I, у А. Кантемира (в сатирах), упоминается в Материалах к Российской грамматике М. Ломоносова, встречается в комедиях XVIII в. (В. Лукин и др.), у А. Радищева, А. Болотова. В других значениях слово *ватага* не выходит за рамки окказионального употребления — 'рыбачья артель': Ходятъ по Донцу и по инымъ речкамъ 2 *ватаги,* человек по 10 (Дон. д. IV, 1650 г. — ДРС); 'рыбная ловля': Промысел их состоит в рыбных *ватагах* (Лепех., Путеш.); 'компания': Все содружество, вся моя *ватага* Будет чернило, перо, песок да бумага (Кант., Сат.); 'секта': Горацій вождями называет начальников всякой философической *ватаги* или секты (Кант., П. Горация); 'множество': Ребятишек у ней [вдовы] целая *ватага,* мал мала меньше (Матинск., Санкт-Петерб. гост. двор, 1791 г. — ЛК). Ср. в Лексиконе Татищева (I, 227): «*Ватага* или *артель* татар. Славенское же *яика* и *купа*, латинское *компания*, когда несколько человек какое-либо согласие или *сообщество* содержать договорятся. По Волге *ватага* называется стан рыболовной».

Во второй половине XVIII в. эта группа слов пополняется в основном номинативно-экспрессивной лексикой.

Остолоп (сев.-влр.) 'повеса' (Тульск., Сибир., Тамб., Твер., Симб., Вят., Перм., Псков., Ворон., Волог.). В $САР_2$ и в Сл. 1847 приводится без помет, позднее (в XIX в.) отмечается, как правило, в речи персонажей художественных произведений, в словарях XIX—XX вв. уже сопровождается пометами («разг.», «бран.» — СУ, БАС; «простор.», «бран.» — Сл. Ожегова).

Нахал (сев.-влр.) 'наянливый, напрасливый, дерзкий, бесстыжий' (Волог). Впервые — в Вейсм. лекс. Слово входит в употребление в первой половине XVIII в. Часто у А. Кантемира, в комедиях, интермедиях XVIII в.; отмечается также у М. Ломоносова, И. М. Долгорукова, Г. Державина. В $САР_2$ в значении 'наглец, бесстыдник' дается без помет (то же — в Слов. 1847). В $САР_2$ отмечаются и его производные: *нахальничать, нахальный, нахальство, нахально.* Примеры: *Нахалы* испужались и разбежались (Аблесимов, Сказки, VIII, 1769 г., с. 23 — ЛК); Видал я *нахалов* (Фонв., Посл. к услугам). В современных словарях (СУ, Сл. Ож., БАС) это слово — без помет.

Балабон (*болóбан*) (перс.) сев.-влр. 'пустомеля' (Смол., Волог., Сарат., Ряз., Твер., Вят., Перм., Арх., Влад., Вят., Новг., Каз.); 'болван, дурак' (Влад.); 'болван, олух, пентюх' (Опыт).

Как известно, до конца XVIII в. это слово еще входило в общую категорию «простой лексики» [120]. Встречается оно в комедиях (М. Попов, Немой, 1766 г.; «Подражатель», 1779 г.; «Досуги», II). В $САР_2$ слово *балабон* в значении 'шалун, повеса, неуч, болван' приводится с пометой «простонар.», а в Сл. 1847 (в том же значении) — без помет, хотя фактами его употребление в нейтральных контекстах не подтверждается.

Окказионально в XVIII в. употребление слова северновеликорусского происхождения *халуй* 'лакей' (Тамб., Влад., Волог., Перм., Арх., Сибир.); 'невоспитанный, необразованный, не понимающий приличия' (Липецк.). В ЛК это слово представлено одним примером в значении 'лакей, слуга': Пусть на площадь идет и там дуря щекочет... *халуям* негоднейшую старь, Котору он слыхал сам у святошных харь (Тредиак., Соч., 1752, 1, с. 41). В широкое употребление слово входит в 40—50-е годы XIX в.

К этой же тематической группе относятся слова, характеризующие действия или качества лица.

Насупливаюсь 'надуваюсь, знаки огорчения показываю' (Вятск. — Два стар. обл. словаря 1772 г.). В том же значении это слово отмечается в Вейсм. лекс. (с. 447 и др.), в материалах картотеки ДРС. В $САР_2$ (и в последующих словарях) оно приводится без помет.

Позднее (вторая половина XVIII в.) проникают в общее употребление глаголы *канючить, тазать, юркнуть*.

Без помет подается в $САР_2$ глагол *тазать* (в значении 'журить, выговаривать, бранить'; ср. Орл., Ворон.: «Тазать, журить, шунять, бранить» — Даль, Сл.), еще входивший в XVIII в. в состав общепонятной и общеупотребительной лексики. Он обычен в речи образованных людей, например у В. Капниста: Может быть меня почитатели Горация и *тазать* за это будут (П. к Державину 13 авг. 1797 г.). Встречается он и в притчах А. Сумарокова, у Д. П. Горчакова и др. Позднее (в XIX в.) это слово уже воспринимается как «простонародное» (Сл. 1847), «устарелое, областное» (БАС, словарь дает примеры на употребление этого слова Д. Григоровичем, П. Печерским, А. Левитовым).

Канючить (сев.-влр.) 'бесстыдно просить' (Волог.); 'клянчить, жалобно выпрашивать' (Вят., Волог., Сибир., Дон., Курск., Кубан., Тамб.).

---

[120] См.: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь..., с. 136.

Это слово упоминается у М. Ломоносова (Мат-лы к Росс. грамм.), но в Вейсм. лекс. отсутствует, а в САР$_2$ приводится с пометой «простонародн.». Позднее (в XIX в.) оно более широко представлено в литературных текстах у А. Марлинского, Н. Гоголя, И. Тургенева, П. Боборыкина преимущественно в прямой речи. По-видимому, его употребление в это время замыкается рамками литературного просторечия.

Юркать, юркнуть 'увязнуть, улизнуть' (Твер.); 'мгновенно исчезнуть; быстро войти и выйти' (Сибир.).

В САР$_2$ приводится лишь одно значение: «скоропостижно погружаться, нырять в воду» (без помет; с пометой «простонародн.» приводится слово *юркание*). Примеры: В реке, не испытавши броду, Идти не суйся в быстрину; Наквасишь потонувши воду, *Юркнешь*, как рак во глубину (Осипов, Виргилиева Енеида, IV, 1796 — ЛК). В фольклорных записях XVIII в. это слово выступает в более общем и широком значении 'быстро и ловко исчезнуть': Тем временем один работник *юркнул* в сени (Самар. сказки, 358 об. — ДРС). Позднее в этом значении глагол *юркнуть* (см., например, у А. Марлинского) входит в литературное употребление (но в Дополнениях к «Опыту» это слово еще рассматривается как диалектное).

Названия предметов и явлений хозяйственного и бытового уклада

Назём 'навоз' (сев.-влр., Волог., Влад., Тул., Костр.). В САР$_2$ отмечается: «Назем или просто назиом. Слово областное, значит то же, что навоз». Слово *навоз* в том же словаре приводится без помет в значении 'помет животных и подстилка под оным, употребляемая, пригодная к удобрению земли' [121].

На протяжении XVIII в. диалектное *назём* и общеупотребительное *навоз* употреблялись как дублеты. Еще у Лепехина эти слова выступают не только как равнозначные, но и как стилистически равноценные: Что до удобрения пашен касается, то оно состоит в одном *наземе*

[121] «Для удобрения полей на юге употребляется *навоз* (это слово известно в том же значении и в литературном языке), на севере же — *позём* или *назём*..., значение то же, что *навоз*» (*Кузнецов П. С.* Русская диалектология. 3-е изд., испр. М., Госучпедгиз, 1960, с. 134).

всякого скота без разбору: по чему бедные крестьяне скотом по большей части бедны бывают и хлебом: ибо пашни надлежащим образом удобрить не могут: хотя и без *навозу* пашню в хлебородное состояние привесть можно бы было, удобряя ее опадающим и согнивающим листом разных дерев (Путеш.). К концу века слово *назём* из общего употребления уходит, а потому и вполне обоснованно имеет в $САР_2$ помету «обл.» (с той же пометой оно приводится и в позднейших словарях). Единственным наименованием остается слово *навоз*.

Одонье (сев.-влр.) 1) 'сено хорошего качества, лежащее на самом низу стога' (Арх., Новг., Тихв.); 2) 'хворост в прутьях, положенный под сенным зародом' (Арх., Новг., Тихв.); 3) 'малый скирд' (Тул., Влад., Новг., Сарат., Тамб.). Уже в $САР_2$ (в значении 'кладь снопов немолоченного хлеба') это слово приводилось без помет. По-видимому, и в первой половине XIX в. оно было общеупотребительным (в Сл. 1847 оно приводится также без помет).

Пожня (сев.-влр. название земельных угодий) 1) 'сенокос' (Влад., Костр., Новг., Перм.); 2) 'сенокос близ болота, на низком месте' (Твер.); 3) 'место, засеянное хлебом' (Арх., Астрах.). В значении 'сенной покос, луг' во всех словарях, начиная с $САР_2$, приводится без помет (в БАС указывается и на второе значение этого слова — 'поле, на котором сеют хлеб').

Борть (сев.-влр., Сибир., Псков., Твер.). В том же значении, что и в диалектах ('выдолбленная в стоячем лесном дереве пустота для содержания диких пчел'), это слово во всех словарях XVIII и XIX вв. приводится без помет. Так же и производные (*бортничество, бортничать, бортный*). В словарях XX в. — с пометами «устар.» (БАС), «спец.» (Сл. Ожегова).

Страда (Сибир. и сев.-влр.) 1) 'летняя крестьянская работа' (Яросл.); 2) 'с поля сбирание хлеба' (Волог.); 3) 'рабочая пора, сенокос, жатва' (Арх., Олон., Перм., Сибир., Яросл.); 4) 'тяжелая работа, например, уборка хлеба, возка бревен' (Новг.). В своем общем значении 'тяжелая летняя полевая работа' ($САР_2$) во всех словарях XVIII—XX вв. это слово дается без помет. В этом же значении оно обычно и в разных жанрах литературы XVIII в., в том числе в географических и этнографических описаниях (у С. Крашенинникова, А. Радищева и др.).

Потник (Сибир. и сев.-влр.) 'войлок, подкладываемый под седло'. Во всех словарях XVIII—XX вв. приводится без помет (только в СУ — с пометой «спец.»).

Доха (монг.) 'шуба с меховой подкладкой' (сев.-влр., Сибир., Оренб.).

Малахай (калм. — СУ) 'шапка с ушами' (сев.-влр., Яросл., Влад., Ряз., Псков., Вятс.). Без помет: САР$_2$, Сл. 1847; «обл.» — СУ, БАС. В XVIII в. слово *малахай* употребляется широко (М. Ломоносов, Мат-лы к Росс. грамм., С. Крашен., Опис. Камч. и др.).

Туес, туез, туяз (финск.) 'бурак из бересты' (сев.-вост., Арх., Волог., Вят., Костр., Перм., Олон., Камч., Сибир.); ср. в САР$_2$: Туяз 'кузов или бурак, сделанный из березовой коры'. Без помет: САР$_2$; «обл.» — Сл. 1847, СУ, БАС. Нет этого слова в Вейсм. лекс., в ДРС.

Божница 'полка, на которой ставят иконы' (сев.-влр., Сибир., Арх., Новг., Волог., Пенз., Тамб., Самар., Олон., Перм., Орл., Вят., Псков., Ворон., Яросл., Моск., Твер.). В том же значении приводится в САР$_2$ с пометой «в простореч.» (здесь в этом слове отмечаются значения 'часовня' и 'капище').

Названия строений и их частей

Чум — «слово угро-финского происхождения, перешедшее через северновеликорусские говоры в литературный язык»[122]; у зырян — 'шалаш, юрта' (БАС); у самоедов — 'шалаш, юрта' (Сл. 1847). Существует несколько толкований слова *чум:* (Камч.) 'несколько оленьих кож, сшитых вместе, покрывающих юрту и оттого прокопченных дымом' (Опыт); 'переносной шалаш сибирских инородцев' (Даль, Сл.); слово упоминается Ломоносовым (Мат-лы к Росс. грам.); нередко оно в географических описаниях, например: Зрелище сие производится в самоядском шатре, называемом *чум* и продолжается два часа (Лепех., Путеш.). Отсутствует в САР$_2$. Без помет: Сл. 1847, СУ, Сл. Ожегова.

Подвал (сев.-влр., Сибир.) 'нижняя часть в строении между землею и полом находящаяся' (САР$_2$). Без помет: САР$_2$, Сл. 1847, СУ, Сл. Ожегова.

Подволока (сев.-влр.) 'чердак' (Костр., Новг., Оренб., Перм.); 'место под печкою, куда кладется до-

[122] См.: *Кузнецов П. С.* Ломоносов..., с. 115.

машняя утварь' (Костр.); 'шкура с оленьих ног, подбитая под лыжи' (Тобол.); сев.-вост. в значении 'чердак'. Без помет: САР$_2$, Сл. 1847; «обл.» — СУ; «устар. и обл.» — БАС. САР$_2$ дает следующее толкование: «Пространство на строении между кровлею и потолком находящееся, иначе называется верх, чердак».

Чердак (тюрк. — СУ, БАС) сев.-влр. 1) 'помещение наверху над домом называется на севере *чердак* (слово это свойственно и литературному языку), на юге же — *потолок*' [123], 'мезонин' (Сибир.), 'пространство над потолком, под кровлею заключающееся'; 2) 'горенка, светелка в деревянном строении с переднего лица, на потолке между кровлею поставленная' (САР$_2$ — без помет). В литературный язык это слово проникает, по-видимому, через московский говор.

Названия явлений природы

Моросить (сев.-влр.) 'мелкий дождь идет' (Вятск.). В том же значении во всех словарях, начиная с САР$_2$, приводится без помет.

Отвлеченная лексика и пространственные обозначения

В XVIII в. роль диалектных слов в пополнении состава отвлеченной лексики литературного языка была незначительна. В этот период в общее употребление входят диалектные слова *похвальба* (первая половина XVIII в.); *быт*, *хабар*, *халтура* (вторая половина XVIII в.).

Похвальба (сев.-влр.), ср.: *похвальный* 'хвастливый' (Арх.); *похвальбишка* 'хвастун' (Перм.). В САР$_2$ это слово в значении 'хвастовство, чванство по самолюбию' приводится без помет (то же в последующих словарях). В этом значении оно отмечается в Вейсм. лекс. (с. 476, 513), у М. Ломоносова (Ода, 1757 г. — ЛК), у В. Тредиаковского (Езда в остров любви), у С. Крашенинникова (О завоевании Камч. землицы — ЛК), а позднее (во второй половине XVIII в.) — у И. М. Долгорукова, Г. Державина, в «Зрителе» (1792 г.). Например: Все сии говоруны вмешивали в разговорах своих наиболее о себе *похвальбы* в отменном их знании французского языка (Зритель, 1792, ч. 1).

[123] См.: *Кузнецов П. С.* Русская диалектология, с. 133.

В $САР_2$ находим указание, что «иногда [это слово] берется за угрозы». Иллюстрируется это не цитатой, а речением. Это, по-видимому, говорит о том, что в этом значении слово *похвальба* уже выходило из живого употребления. В материалах ЛК и ДРС самые поздние случаи употребления слова *похвальба* в этом значении относятся к XVII в.: Ты ж ко мне писал... на крестьян во всяком их дурне, и в разоренье, и в *похвальбе,* похваляютца де оне деревню Починок Яблонный выжечь (Хоз. Морозова, Грамота Морозова приказчику, 14, 1642 г. — ДРС).

Хабар (араб. — СУ) 'барыш' (Рязан., Яросл., Твер.). В значении 'прибыль, прибыток, барыш' это слово и его производные *хабарный, хабарно* приводятся с пометой «простонародное» и хорошо известны в XVIII в. в «простом слоге» (комедии Н. Николева, М. Чулкова, В. Капниста и др.). Позднее, по-видимому, к концу XIX в. семантика его претерпевает некоторые изменения: это уже не просто 'барыш, прибыль', а 'взятка'; ср. у Лескова (Старинные психопаты, 406 — ЛК): Они стянули с кого-нибудь «доброго хабара» (т. е. взятку). В словарях XX в. (СУ) слово приводится с пометой «обл.».

Захолустье 'место глухое, окруженное высотами' (Вятск.), 'темное место' (Волог.). Уже в XVIII в. это слово, по-видимому, вошло в состав литературной лексики (в $САР_2$ оно приводится без помет; в последующих словарях также). Позднее в этом слове развивается более общее значение 'глухая провинция, место, удаленное от культурных центров' (СУ).

К этой же группе слов относятся усилительные наречия (типа *очень*), утвердительная частица *ладно* 'хорошо', 'пусть будет так' (сев.-влр.). В значении утвердительной частицы 'хорошо, нехудо' в $САР_2$ это слово дается без помет (то же и в других словарях XIX в., в СУ — с пометой «простореч.»).

Особенности функционирования диалектных слов

В XVIII в. перспективными в отношении проникновения в состав литературной лексики оказались слова широкого ареала, главным образом северновеликорусского и сибирского происхождения. Объясняется это, с одной стороны, тем, что многие из видных культур-

ных и общественных деятелей этой эпохи были выходцами с севера; с другой — тем, что именно в это время активизируется изучение и освоение северных и восточных окраин Российской империи (побережье Белого моря, Сибирь, Камчатка, Дальний Восток и др.).

В общее употребление обычно проникает не все словообразовательное гнездо, а лишь отдельные его звенья (*пурга,* но не *пуржить*; *буран,* но не *буранить*). В литературном языке эти слова могли употребляться в качестве обычной номинативной единицы, стилистически нейтральной (см. слова, являющиеся единственным наименованием той или иной реалии, типа: *подвал, страда, быт, захолустье* и т. д.). Они могли использоваться и в качестве научного термина: *вершина, гребень, хребет, падь, сопка, тундра, залив, рукав, наст, всполохи, пурга, торос, буран* (геогр.); *нырок, пыжик, сойка* (зоол.); *займище* (с.-хоз.). Довольно часто диалектные слова в литературном употреблении выступают как экспрессивно-номинативные единицы, стилистически окрашенные: *болван, остолоп, холуй; колотырный, насупливаться, канючить, хабар.* Некоторые слова диалектного происхождения становились равноправным вариантом литературного слова: *божница* (ср. *киот)*; *назем* (ср. *навоз*). В качестве «диалектизма» эти слова используются в устной речи как обычные номинации: *туес, одонье, малахай, пимы*; или же как характерологическое средство (для характеристики персонажа, передачи местного колорита и т. д.); ср. у В. Лукина: *чалиться, протаить, посиденки* (Костр.).

Лишь немногие из диалектных слов, сравнительно широко распространенных в XVIII в. (в повседневной речи поместного дворянства, в научной и художественной литературе), вошли в лексическую систему литературного языка в его письменной и устной, разговорной разновидностях. Значительная же часть диалектных слов, имевших хождение в речевом обиходе XVIII в., в дальнейшем из общего употребления уходит. Это, во-первых, слова, которым противостояли вполне полноценные литературные эквиваленты; например: *голомя* и *давно*; *вонный* и *наружный, внешний*; *ономнясь, ономедни* и *недавно*; *назём* и *навоз*; *слота* и *слякоть*; во-вторых, слова узкого ареала и узкого значения: *оборка* ‘оборка, которой укрепляют лапти’ (Ворон., Курск., Орл. — Опыт); *аранцы* ‘высокие каменистые горы’ (Сп-

бир. — Опыт); *кулема* 'ловушка для промысла соболей' (Опыт); *лыва* 'лужа' (Арх., Вят., Оренб., Перм., Ирбит.); *маниха* 'обманчивый отлив' (Даль, Сл.); *моряна* 'ветер, дующий с моря' (Арх. — Опыт); *сойма* 'большая лодка с палубою на Ладожском и Онежских озерах' (САР$_2$); в-третьих, слова, называющие предметы и явления, характерные только для сельского быта.

В ряде случаев диалектное слово, проникая в литературный язык, включалось в аналогический ряд. Показательно, например, функционирование таких рядов, как *вершина — верх — верхушка — верховье, зело — вельми — весьма — очень — крепко — сильно — больно — шибко, иней — пуржак, чердак — верх, болван — балабон — остолоп, олух — оболтус — балбес, дурак — глупец — тупица, канючить — клянчить — просить, тазать — журить — выговаривать — бранить* и т. д. В этих фактах находит свое выражение одна из основных особенностей языковой системы этого времени — лексическая избыточность. Однако анализ функционирования диалектного слова в подобном аналогическом ряду позволяет сделать вывод о том, что намечаются определенные тенденции к упорядочению и нормализации словарного состава. Таковы тенденции к устранению множественности обозначений одной и той же реалии путем выпадения ряда слов из аналогического ряда (например, ряд *зело — весьма — вельми — очень — крепко — сильно — больно — шибко*) или семантической дифференциации слов, образующих один и тот же аналогический ряд (например, ряды *вершина — верх — верхушка — верховье*).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В рассматриваемую эпоху семантическим процессам принадлежит определяющая роль в развитии и формировании лексико-семантической системы русского литературного языка.

Две основные тенденции характеризуют эти процессы:

1) Активное обогащение смысловых структур слов, развитие различных переносных значений, связанных в большинстве своем с формированием разнообразных сфер отвлеченной лексики.

2) Усиление тенденции к семантической специализации слов, к уточнению и дифференциации их значений.

Эти две тенденции находят выражение в различных по своему характеру и направлению семантических процессах. Разнонаправленность семантических процессов позволяет разделить их на два типа. Первый тип непосредственно связан с «миром вещей и понятий», с развитием разных сторон жизни общества и обусловлен потребностями номинации, необходимостью в обозначении новых понятий и реалий. Другой тип семантических изменений определяется внутренними отношениями, возникающими в лексической системе языка, взаимозависимостью и взаимообусловленностью ее элементов.

Оба типа семантических изменений тесно связаны друг с другом, однако роль, которую они играют в языке, различна. Для середины XVIII—начала XIX в. характерно возрастание роли именно второго типа, свидетельствующее о более интенсивном по сравнению с предыдущим временем становлением системных отношений в лексике.

Центральным для этого времени является вопрос о роли семантических процессов, их значении в судьбе слов разных генетико-стилистических пластов, поскольку семантическим процессам принадлежит огромная роль в деле формирования новой единой нормы национального русского литературного языка.

К этой эпохе относится очень важный процесс изменения функциональной роли русской лексики в литературном языке. Массовое проникновение русских слов в сферу книжной отвлеченной лексики способствовало тому, что именно русская лексика смогла стать основой русского литературного языка нового времени. «Живая народная речь до Пушкина непосредственно не поддавалась органическому слиянию с книжным языком. Она была неорганизована, не приспособлена к выражению отвлеченных понятий и в необработанном виде не могла стать семантическим центром сложной системы

разнообразных стилей национально-литературного языка» [124].

В середине XVIII—начале XIX в. еще очень четко ощущалась связь способов выражения абстрактного и конкретного с двумя генетическими слоями лексики книжно-славянской и русской. Соотношение абстрактности и конкретности в языке и способы их выражения различны для разных периодов истории литературного языка, и в некоторые эпохи изменение этих соотношений является одним из наиболее существенных факторов и показателей развития языка. Именно вторая половина XVIII в. была тем переломным периодом, положившим начало новому в выражении категории отвлеченности, когда исконно русские слова активно вступают в сферу обозначений книжных понятий. В этом плане особый интерес представляют те семантические процессы, которые приводили к формированию новых отвлеченных значений у русских слов. Развитие этого процесса встречало сопротивление современников, воспитанных на старых языковых нормах, которые четко разграничивали семантико-стилистические функции лексики двух генетических пластов. Начиная со второй половины XVIII в. отмечается резкое противодействие проникновению русских слов в сферу обозначений отвлеченных книжных понятий [125].

Для судьбы книжно-славянской лексики роль семантических процессов в это время также велика. Различные семантические преобразования славянизмов приводили к полному разрыву с системой церковнославянского языка. Книжно-славянская лексика используется для обозначения понятий и явлений, связанных с актуальнейшими проблемами эпохи. Трудно переоценить роль славянизмов в формировании сферы новых отвлеченных понятий, вызванных к жизни развитием русского просвещения. Происходит активный процесс их семантико-стилистической ассимиляции системой русского языка, ведущий к изменению самого понятия «славянизма»: из категории генетико-стилистической славянизмы становятся в системе общенационального литературного языка только стилистической категорией, охватывающей

---

[124] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 143.

[125] См. об этом: *Копорская Е. С.* Из истории норм словоупотребления (Функциональные перемещения в русской лексике XVIII в.). — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., «Наука», 1978, с. 6.

лишь незначительную часть прежних генетических славянизмов, сохранивших стилистическую окраску.

Семантические процессы в кругу иноязычной лексики в эту эпоху способствовали расширению сферы функционирования заимствованных слов и закреплению их в системе литературного языка.

Первостепенную роль играют в это время процессы, обусловленные семантическими взаимовлияниями слов разных генетических пластов и приводящие к внутреннему семантическому взаимопроникновению и объединению генетически различных слов в единый органический сплав.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТЯМИ НОМИНАЦИИ

Семантические изменения этого типа явились ярким отражением разнообразных процессов, происходящих в разных сферах жизни русского общества. В связи с интенсивным развитием социально-политических движений, общественной мысли, просветительства, развитием науки, искусств, литературы, потребность в обозначении новых понятий и реалий была очень велика. Семантические преобразования слов были одним из основных путей формирования номинаций для этих понятий.

В рассматриваемое время лексика всех генетико-стилистических пластов активно включается в семантические процессы. Однако есть некоторые особенности в семантических изменениях для слов разных генетических пластов. Они проявляются в различии наиболее характерных для каждого пласта типах семантических преобразований слов, а также в интенсивности протекания самих семантических процессов. Кроме того, семантические неологизмы в кругу каждого генетического пласта неравномерно распределяются по разным сферам литературной лексики.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРУГУ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Славянизмы в это время являются наиболее активным пластом лексики, участвующим в номинации новых понятий и реалий. Более подвижные по своей семанти-

ческой структуре (см. раздел «Особенности семантики книжно-славянской и русской лексики») они широко использовались для обозначения отвлеченных понятий, относящихся к различным сферам социальной, научной и культурной жизни общества. Они занимают центральное место в кругу лексики, связанной с развитием русского просвещения, новых политических движений, а также с духовной, творческой жизнью русского общества, с обострившимся вниманием к внутреннему миру человека.

Для книжно-славянской лексики характерны разные виды семантических преобразований слов.

I. Одним из ведущих семантических процессов в кругу книжно-славянской лексики было развитие новых отвлеченных переносных значений.

1. Этот процесс характерен для формирования семантических неологизмов, обозначающих понятия духовного мира человека, его творческой деятельности, различных психологических состояний. Это такие, например, слова, как *восхитить*, *восхищение*, *вообразить*, *воображение*, *влечение*, *воплотить*, *воплощение*, *воскресить*, *воскреснуть*, *божество*, *божественный* и др.

Новое переносное значение формируется у слов *восхитить*, *восхищение*. В текстах XI—XVII вв. слово *восхитить* имело ряд значений, обозначающих конкретные действия: 'подхватить, поднять на высоту', 'выхватить, вынуть, вытащить', 'похитить, унести', 'взять' и отвлеченные 'приобрести', 'исторгнуть, избавить от зла, от беды' (Срезн., СлРЯ XI—XVII вв., САР$_1$).

В этих старых значениях слово *восхитить* в середине и второй половине XVIII в. было малоупотребительным, хотя оно и могло встречаться в литературе. Примером может служить использование этого слова в значении 'избавлять от зла, беды' в юридических рассуждениях С. Десницкого, относящихся к просветительской литературе: Знатный союз родни... своим заступлением защитит [жену] и *восхитит* даже и от угрожаемых обид (Происх. супр.); *Восхищая* его [человека] от упадения (Там же); [Пожарные трубы] могли многих от огня *восхищать* и избавлять (Зак. вл.).

Однако в данное время слово *восхитить* было очень распространено в образных, переносных употреблениях, образованных на основе старых конкретных значений. Таково, например, переносное употребление 'насильственно похитить' у слова *восхитить*: Если бы смерть тебя

не *восхитила* из среды друзей твоих (Радищ., Житие Уш.); Неумолимая смерть *восхитила* его в страны, никому неизвестные (ВЕ, 1802).

Особенно распространенными были образные, переносные употребления слова *восхитить*, основанные на значении 'поднять, вознести на высоту'. Например: Те, кои или любви, или роскошам, или играм вдавшись, ... будучи не в состоянии сами собою обладать, и стремительным своим безумием как бы некоторым вихрем *восхищенные* наверх, стремглав упадают (Аничк., Сл. о свойств. позн.). В этих употреблениях у слова *восхитить* расширяются лексико-семантические связи. Субъектом действия здесь могут выступать различные отвлеченные понятия, относящиеся к области чувств, мыслей (*страсти*, *восторги*, *радость*, *веселье*, *истины* и др.). Например: Род человеческий, злоупотреблением страстей своих влекомый и неистовством беспредельного самолюбия *восхищаемый* (Козельск., Фил. предл.); *Восхищенный* страстями, он [человек] носится по остриям, неумеренность раздирает его тело (Радищ., О чел.); Совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми [человек] *восхищается* и возносится до вышнего царства духовного, или разумного (Новиков, [Забл. чел.]).

Слово *восхитить(ся)* в этом употреблении чаще всего использовалось в контекстах, где значение 'поднять, вознести наверх' выражало особое эмоциональное состояние человека — радости, восторга: Народ со плеском восшумел, И *восхищаются* в нас души (Сумарок., Ода VI); Восторг все чувства *восхищает* (Ломон., Ода на бракосочетание); Человек, *восхищенный* радостию (Брянц., Сл. о зак. прир.); *восхищается* радостию (Радищ., Беседа); [Россия] весельем *восхищенна* (Держ., Петру В.); [Херасков] к райским красотам на небо *восхищает* (Дмитр., Послание к Н. М. Карамзину).

В ряде случаев метафорический образ, содержащийся в этом переносном употреблении слова *восхитить*, не был так ярко «поддержан» самим контекстом: Хоть нежности сердечной В любви я не лишен, Героев славой вечной Я больше *восхищен* (Ломон., Разговор с Анакр.); Смотри и веселись страданьями моими И буди *восхищен* заразами прямыми (Сумарок., Люб. гадат. кн.).

Именно такие контексты способствовали превращению переносного образного употребления слова *восхи-*

тить в значение 'вызвать чувство радости, восторга, привести в состояние восторга'. Уже с 60—70-х годов использование слова *восхитить* в названном выше значении без «поддержки» контекста широко распространено. Например:

Везде меня тягчат печали, Везде, где прежде *восхищали* Утехи, счастье и покой (Капн., Ода на надежду); Чтоб пурпур, злато всюду взор В твоих чертогах *восхищали* (Держ., Вельможа); Ничто в Петербурге так меня не *восхищало*, как театр, который я увидел первый раз отроду (Фонв., Чист. призн.); Будет недоставать нам покоя совести, не *восхитит* нас никакое великодушие и благородное действие (Новиков, [Нравоуч.]); Искусство *восхищает* знатоков (Карамз., Шк. дружбы); Трогательные черты, которые обвораживают и *восхищают* нас (Батэ, О свободн. науках).

В слове *восхищение,* имевшем в текстах XI—XVII вв. значения действия от глаголов *восхитить* (в зн. 'подхватить, поднять на высоту'), *расхитить*, *похитить*, развивается новое значение — 'высшая степень радостного удовлетворения, восторга'. Оно начинает употребляться в сочетаниях *привести в восхищение*, *придаваться восхищению*, *произвести восхищение*, *быть в восхищении*, а также и абсолютивно. Например: В великое меня приводит *восхищение,* ежели воображу помещиков, кои... ревностных земледельцев обильно награждают (Мнен. деп. Жеребцова); С каким *восхищением* и великолепием праздновал [Рим] рождение своих монархов (Десн., О вещах свящ.); В *восхищении* моем прославляемою от всех пользою наук читал я и разбирал теоремы и задачи прилежно (Козельск., Рассужд.); *Восхищению*, коему предаемся в первом перемены жару (Радищ., Разм. о греч. ист.); Выговор долженствовал производить огорчение, а похвала *восхищение* (Фонв., Нац. любоч.); Я вне себя от *восхищенья* (Дмитр., Путешествие N. N. в Париж и Лондон).

Подобное семантическое развитие характерно и для слов *вообразить*, *воображение*.

В древний период у слова *вообразить* основным было значение конкретного действия 'изобразить' (Срезн.). Кроме того, слово могло употребляться в значении 'мысленно представить, вообразить' (СлРЯ XI—XVII вв.), однако это значение обычно поддерживалось конте-

кстом [126], что позволяет предполагать, что в древних текстах мы имеем дело еще не со значением, а лишь с образным употреблением слова.

В XVIII в. основным у слова *вообразить* становится переносное, отвлеченное значение 'мысленно представить, вообразить'; в этом значении оно широко распространено в разных жанрах — и в просветительской литературе, и в художественной, как в прозе, так и в поэзии. Новое значение развивается и у производных глагола *вообразить*. Расширяются лексико-семантические связи слова; оно начинает сочетаться с широким кругом слов, называющих различные отвлеченные понятия.

Воображаются мне все утехи те, Искал которых я в любви и красоте (Сумарок., Люб. гадат. кн.); Он *воображает* себе точки, линии, когда подражать хочет ее [природе] образам, *воображает* себе движение, тяжественность (Радищ., О чел.); Сущность души состоит в *воображательной* силе (Аничк., Сл. о свойств. позн.); Идеальный. Умственный, мысленный, мнимый, *воображаемый*; не в естестве, но в мыслях, в *воображении* существующий (Яновск., Нов. словотолк.); Но странник в горестных местах, В пустыне мертвой, на песках, Приятности лугов, долин *воображает* (Карамз., К неверной); Кто может *вообразить* лице твое и чувствования? (Сын Отеч., 1812, № 1).

Слово *воображение* в древний период имело значения: 'вид, образ', 'то, что запечатлено, изображение, словесное или письменное изображение, описание', 'действие по гл. *вообразити*' (в зн. 'передать изображением, запечатлеть, написать') (СлРЯ XI—XVII вв.).

Во второй половине XVIII в. слово *воображение* распространено очень широко в новом значении 'способность воображать, мысленно представлять что-л.'. Например: Способность души нашей, чтоб представлять себе отсутствующие вещи так, как присутствующие, называется *воображение* (Козельск., Фил. предл.); Парипатетики кроме пяти внешних чувств допускают еще четыре внутренние, то-есть: 1) *общее чувство*... 2) *фантазию* или *воображение* (курсив авт.), которое вещи, чув-

---

[126] Ср. примеры, приводимые в СлРЯ XI—XVII веков: Якоже бо кто что желаетъ получити, сиа и глаголетъ, и во умѣ и помыслѣ воображаетъ — Ник. лет. IX, 111; И всегда тое пустыню в душы и в умѣ воображану имѣхъ, и яко вину предъ очима зрѣхъ — АЮБ II, 735, 1692 г.

ствами понимаемые, соединяет и почитается сокровищем изображений общего чувства (Аничк., Сл. о свойств. позн.); Анотомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, *воображение*, рассудок и другие умственные силы (Радищ., О чел.); Сила *воображения*, например, зависит от климата (Там же); Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего *воображения* (Карамз., ПРП); *Воображение*, как известно, есть великий живописец (Карамз., Совм.); Подобно чародею [стихотворство] обворожает глаза, *воображение*, даже разум (Батэ, О свободн. науках).

В художественной литературе и критике у слова *воображение* выделяется к концу века подзначение 'способность к художественному творчеству, поэтическая фантазия', которое получает широкую употребительность в первой трети XIX в.: *Воображение* Саадиево гуляет, летает в цветущем саду, Оссианово несется на утлом древе, поверх валов (Радищ., О чел.); Редкие черты чувств и красоты *воображения* скрыты в тяжком терновом слоге [Сумарокова] (Б.-Марл., Ст. и нов. слов.); Дитя Харит и *вображенья*, В порыве пламенной души, Небрежной кистью наслаждения Мне друга сердца напиши (Пушк., К живописцу).

Слово *воображение* в значении 'способность воображать, мысленно представлять что-л.' вытесняет во второй половине века употреблявшиеся ранее в этом значении заимствование *имагинация* и новообразование *умоначертание*, становясь единственным словом для обозначения этого понятия [127].

Новое переносное значение формируется и у слова *влечение*. Производящий глагол *влечь* уже в церковнославянском языке употреблялся помимо прямых в переносном значении 'вызывать влечение, привлекать'. В XVIII в. это значение становится основным в слове, хотя и в прямых значениях 'волочить; тянуть; вести силой' оно было достаточно распространено.

У производного слова *влечение* в древний период было лишь конкретное значение действия по глаголу *влечь* в значении 'волочить'.

---

[127] См. об этом: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начале XIX в. М., «Наука», 1972, с. 139.

В рассматриваемую эпоху в связи с актуализацией у глагола *влечь* переносного значения 'производить в душе стремление, склонность к чему; убеждать, склонять кого к чему' ($САР_1$) развивается и переносное значение у слова *влечение*. Оно начинает сочетаться со словами, называющими различные отвлеченные понятия. Однако основным для XVIII—начала XIX в. еще остается значение глагольного действия. Например: Они любили друг друга по *влечению* природы (ВЕ, 1802); [Человек] следует в жизни *влечению* рока (Там же); Страждущая сия мать счастьем почтет, есть ли кто, по *влечению* великодушной благотворительности возьмет на воспитание дочь или сына (Русск. вестн., 1816).

Лишь в самом конце XVIII в. (как считает Г. Хюттль-Ворт[128]) впервые у Карамзина оформляется в слове *влечение* современное значение 'склонность, естественное побуждение, стремление'. Ср.:

Следуя *влечению* сердца своего (Карамз., Совм.); Всего несноснее противиться *влечению* своего сердца (Карамз., Нат., боярск. дочь); следуя *влечению* прекрасной души своей (Карамз., О нов. образов.).

В ряде случаев переносные отвлеченные значения развиваются у славянизмов, употребление которых до XVIII в. ограничивалось сферой сугубо церковных представлений и понятий. Это такие слова, как *воплотить*, *воплощение*, *воскресить*, *воскреснуть*, *божество*, *божественный*, *священный*, *святой*, *святыня*, *ангел*, *ангельский*, *небесный* и др. Возникновение у этих слов новых значений сопровождалось их широкой употребительностью в различных стилях и жанрах литературного языка. Активно развивается у них и новая лексико-семантическая сочетаемость. Это приводит к отрыву этих слов от церковно-книжных контекстов и усвоению их русским литературным языком XVIII в. в новых «светских» значениях.

Так, например слова *воплотить*, *воплощение* в церковнославянском языке употреблялись по отношению к образу Христа в прямом значении: *воплотить* 'облечь плотью, придать образ человека', *воплощение* 'принятие телесного образа, облечение плотью, рождение' (СлРЯ XI—XVII вв.).

---

[128] *Hüttl-Worth G.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, c. 86.

Но уже у Радищева встречаются эти слова и их производные, употребленные в прямом значении по отношению к человеку. Например: Измеряешь ли ты [человек] обширность небесных кругов до твоего *воплощения* (О чел.); Душа, лишенная воспоминовения *воплощенного* ее состояния, будет особенная, будет высшее существо (Там же). В начале XIX в. сочетательные связи этих слов расширяются. Объектом действия начинают выступать различные отвлеченные понятия. У слов формируются новые переносные значения (*воплотить* 'выразить что-либо в конкретном вещественном образе', *воплощение* — действие по глаг. *воплотить* в новом переносном значении), которые получают распространение особенно в первой трети XIX в. Например: Элементов (не скажу материалов) для *воплощения* этой мысли — множество (Б.-Марл., О ром. Полевого); Я буду у Г‹реча›, ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть *воплощенная* совесть (Пушк., П. к Одоевскому, 15—16 марта 1834 г.).

Аналогичные изменения претерпевают слова *воскресить*, *воскреснуть* и их производные. СлРЯ XI—XVII вв. только у слова *воскресить* из всего словообразовательного гнезда фиксирует переносное значение 'возродить, пробудить к новой жизни' по отношению к человеку. Первые единичные употребления слова *воскресить* в переносном значении по отношению к неодушевленным предметам встречаются еще в первой трети XVIII в. Например: Но возврати паки милость свою Господь, *воскреси* умершее блаженство наше (Ф. Прокопович, Сл. на рождение царевича Петра Петровича — ЛК); Прежнюю силу Российскую раздором умерщвленную, союзом *воскресил* и оживил (Уст. мор., предисл. — ЛК). Однако только к концу XVIII в. в словах этого словообразовательного гнезда окончательно оформляется переносное значение 'восстановить, возродить что-либо утраченное, забытое'. У этих слов появляются новые лексико-семантические связи. Они начинают употребляться в сочетании с широким кругом слов, называющих самые разнообразные отвлеченные понятия. Например: Народы и цари! ликуйте: *Воскрес* порядок и Закон (Карамз., Освобождение Европы); Надеялись *воскресить* там геройство (Карамз., Похв. сл.); Голландия... занимается новыми планами для *воскресающей* торговли своей (ВЕ, 1802); Минувших дней очарованье, Зачем опять *воскре-*

сло ты? (Жуковск., Песня); В недавнем времени в Германии *воскресили* всю мечтательную Философию Платона под другим именем (Батюшк., Нечто о морали).

В церковнославянском языке слова *божество*, *божественный* употреблялись только по отношению к богу. Это употребление сохраняется и на протяжении всего рассматриваемого периода. Например:

В принятом издревле законоучении вещи разделяются на принадлежащие к *правам божественным* и *человеческим* (курсив авт.) (Десн., О вещах свящ.); Законы разделяются на *божественные*, натуральные, всемирные, гражданские (Козельск., Фил. предл.); гнев *божества* (Радищ., Разм. о греч. ист.); Весталки ставили Итифал в число священных вещей и почитали за *божество* (Яновск., Нов. словотолк., Итифал); О, смертный! воспряни от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра *божества*! (Радищ., О чел.).

В конце XVIII—начале XIX в. у этих слов развиваются и переносные значения, у слова *божество* — 'предмет поклонения, кумир', у слова *божественный* — 'прекрасный, совершенный, восхитительный'. Например: Итак, с мыслию о тебе, о, Россия, мое любезное и несчастное Отечество! провожаю я старый и встречаю новый год. Ты — единственное *божество* мое, которое я постигаю (Тург., Из «Дневн.», 31 дек. 1819 г.); Неужели я и при последнем моем издыхании буду видеть подлость и эгоизм единственными *божествами* нашего севера? (Там же, 21 дек. 1819 г.); Глас твой *божественный* часто внимаю (Карамз., К Прекрасной); Сам *божественный* Сократ, первый из мудрецов древности был храбрый воин (Карамз., Нечто о науках); В природном положении человека бывают такие счастливые минуты, когда душа, воспламеняясь *божественным* огнем, обозревает Вселенную (Батэ, О свободн. науках).

Слово с в я щ е н н ы й, имевшее раньше значение 'церковный, до веры касающийся' ($САР_1$), развивает новое переносное значение 'заслуживающий особое почтение, благоговение наше' ($САР_1$). В этом новом значении оно широко употребляется по отношению к различным светским понятиям. Например:

Гостеприимство, *священная* добродетель (Карамз., ПРП); *Священная* небесная меланхолия, мать всех бессмертных произведений ума человеческого (Карамз., Нечто о науках); Он оскорбил и дружество и любовь, и

родство, и все, что человечество имеет *священного*, заветного для души благородной (Батюшк., Нечто о морали); Человек, не пользующийся *священными* правами собственности, не уверенный в возмездии за труд свой (Журн. сл., 1818); О братья, о друзья! где наш *священный* круг? (Жуковск., Вечер).

Слово широко используется в любовной лирике. Ср., например, у Карамзина: Но образ твой *священный*, милый В груди моей напечатлен (Послание к женщинам); И тех *священных* мест, Где милая гуляет (Там же); И прах у ног твоих казался мне *священным* (К неверной).

Слова этого типа, развивая переносные значения, свободно употреблялись в разнообразных жанрах литературы. Ср., например, функционирование слов *святой*, *святыня*, *ангельский*:

Когда ж ударит грозный час И встанут спящие народы — *Святое* воинство свободы В своих рядах увидит нас (Рыл., А. А. Бестужеву); О милый гость, *святое Прежде* (курсив авт.), Зачем в мою теснишься грудь? (Жуковск., Песня); Служивцы века Екатерины, опытные, осторожные, привыкшие к старому ходу, нарушение коего казалось им восстанием против *святыни* (Дмитр., Взгляд); На что ты *ангельской* душой, Своей любовью, красотой В супруге сердце восхищала (Карамз., К Алисе).

2. Посредством развития новых отвлеченных значений формировался круг лексики, называющей различные отвлеченные понятия, потребность в которых в это время была очень велика. Одни из таких слов имели широкую сферу функционирования, употребление же других ограничивалось более узкими, специальными сферами. Примерами могут служить слово *область* и словообразовательное гнездо слов *потреблять*, *потребление*, *потребитель*.

В древнее время слово *область* имело значения: 'власть, господство', 'войско, силы', 'церковное и гражданское деление земли', 'население области' (Срезн.). В значениях 'власть, господство' и 'деление земли' слово *область* употреблялось и в XVIII в., хотя значение 'власть' у него начинает постепенно исчезать. Слово в этом значении часто используется у Сумарокова. Например: Уставы древние в презрение низпали, Прав-

ленье и суды всю *область* потеряли (Синав и Трувор); Какую *область* ты имеешь надо мною! (Хорев).

Во второй половине XVIII в. у слова *область* на основе старого значения 'территориальная единица' появляется новое переносное значение 'пределы действия, распространения чего-л.' Изменяется и лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость слова. Оно чаще всего начинает употребляться в сочетании с существительными, стоящими в родительном-определительном или предложном падежах и называющими различные отвлеченные понятия. Реже встречается это слово в сочетании с определениями. Например: Здесь [в книге] подобно как на малой картине изображается пространная *область* наук (Изв. о учен. делах. — Ежем. соч. — ЛК); Я чувствую, что несуся в *область* догадок (Радищев., О чел.); *область* воображения, *область* гаданий, предположений, систем, *область* для умствования (Там же); [Дневное светило] восходит единственно для того, чтобы явить ему [человеку] весь ужас его положения, расширяя пред ним *область* пустоты и бездну неизмеримости (Пантеон иностр. слов, кн. II — ЛК); Распространять в *области* чувственного приятные впечатления (Карамз., Что нужно автору).

В конце XVIII—начале XIX в. в сфере социально-экономической начинает формироваться новое отвлеченное значение у слова *потребить* и его производных [129].

В XVIII в. в общем языке слово *потребить* используется еще в старом значении 'погубить кого'. Например: Брат оной *потребил* на той битве жениха ее Демотика (Ежем. соч., 1755).

Однако уже у Тредиаковского встречается это слово в переносном употреблении: Все желания [юности] клонятся сделать их всегдашними, однакож [опытность] их *потребляет* предупреждением: сладости исчезают, а желания не умирают (Тредиак., Фил. Бак., в Anal. (подлиннике) — elle le consume).

В самом начале XIX в. у слова *потребить* формируется новое (переносное) значение 'уничтожить через употребление' (Сл. 1847). Слово *потребить* начинает сочетаться со словами, называющими различные неоду-

---

[129] См. об этом слове: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 264.

шевленные предметы. Первые употребления слова *потребить* в новом значении возникают в экономической литературе. Например: Мануфактурист в продолжении труда *потребляет* 10 фунтов (Лауд., О народн. благосост.); народонаселение, *потребляющее* оное [произведение] (Моск. вестн., 1827, № 3).

В новом значении начинают употребляться и производные: Сегодня читаем у Jacoba о *потреблении*, которое он разделяет на полезное и неполезное (Арх. Тург.); *потребление* воспроизводительное (Моск. Телегр., 1827); Обработанный мануфактурный товар, переходя к *потребителю* (Стат. журн., 1808); *Потребители* сахара производят более хлеба (Лауд., О народн. благосост.); *потребительный* товар (Там же); *потребительное* производство (Там же).

II. Как ни значительны были в кругу славянизмов семантические процессы, связанные с формированием различных переносных значений, едва ли не большее место занимают различные сдвиги в семантике славянизмов, ведущие к преобразованию и переосмыслению их значений и вызванные развитием разных сторон социально-политической и культурной жизни русского общества.

1. В ряде случаев сдвиг в значении славянизмов, ведущий к формированию новых значений, был обусловлен переосмыслением и, часто, переоценкой тех понятий, которые обозначались этими словами в церковнокнижном языке. Примером этому могут служить слова *просвещать, просвещение, прелесть, прельщать, прелестный, пленять, очаровывать, очарованье.*

Славянизмы *просвещать*, *просвещение* в книжно-славянском языке, помимо прямых значений (*просвещать* 'давать свет, освещать', *просвещение* 'освещение, свет') имели и переносные значения (соответственно 'просвещать, совершенствовать' и 'духовное просвещение')[130].

В XVIII в. в научной, публицистической, художественной литературе эти слова получают новые осмысления. Слово *просвещать* начинает употребляться в значении 'сообщать знания, распространять знания, образование, культуру', слово *просвещение* в значении 'рас-

---

[130] Толкование значения дается по «Материалам» Срезневского.

пространение знаний, образования, культуры'. Например:

[Науки] человека *просвещают* (Сумарок., Фил. сект.); *Просветить* народ учением, сохранить его здравие (Полен., О сост. крестьян); *просвещение* нравов народных (Десн., Происх. супр.); *просвещение* и преуспевание народное (Десн., Собств.); Распространение *просвещения* (Радищ., О чел.); [Народы] от первобытного своего общежительства со зверьми восходили до высочайшего степени величества и *просвещения* (Десн., Собств.); Сия толь славная в древних веках великими людьми, науками, художествами, *просвещением*, а наипаче вольностию своею страна, ныне толь в презренном и гнусном пленении страждущая (Барсов, Собр. речей — ЛК).

Широкое распространение в это время получает и причастие *просвещенный* в значении 'образованный, имеющий высокий уровень культуры, знаний':

Гордиться своим *просвещенным* умом (Ист. пол.); *просвещенный* разум (Аничк.); *просвещенный* и вычищенный народ (Десн., Сл. о способе); Ученые, то есть *просвещенные* люди, столько умны и великодушны (Козельск., Рассужд.); философ *просвещенный* (Фонв., Сидн. и Силли); *непросвещенное* невежество (Бужинск., Рос. чит.).

Переосмысление значений происходит и в словах *прелесть*, *прельстить*, *прелестный*. В церковнославянском языке слова *прелесть* 'обман; заблуждение; обольщение, соблазн', *прельстити* 'обмануть; обольстить; увлечь, прельстить', *прелестный* 'относящийся к заблуждению; вводящий в заблуждение; соблазнительный, обольстительный' [131] употреблялись с негативной окраской, содержа в себе идею греховности, порочности, связанную с церковными морально-этическими представлениями.

В XVIII в. эти слова, широко употребляясь в разных жанрах светской литературы (художественной, научно-популярной, публицистической), порывают с церковно-книжными контекстами и, попадая в иную сферу морально-этических понятий, изменяют свое значение, одновременно теряя отрицательную экспрессию.

Однако на протяжении всей эпохи эти слова могли использоваться в значениях, сохраняющих связь с упот-

[131] Толкование значения дается по «Материалам» Срезневского.

реблением их в церковнославянском языке. Например: Противиться повадкам и *прелестям* пороков (Козельск., Фил. предл.); *Прелестями* оных [любви, роскошей, игр] заражены бывают (Аничк., Сл. о свойств. позн.); Воспротивились бы сей *прелести* ко злу (Новиков, Восп. дет.) *прелесть* зрелищ (Фонв., Сл. похв.); Противиться *прелести* золота (Журн. сл., 1818); Честолюбивых *прельщают* разные предсказатели и астрологи (Аничк., Сл. о разн. прич.); *прельщенный* наихитрейшим из властителей (Радищ., Житие Уш.); Мы подвержены опасности... быть обмануты и *прельщены* нашими чувствами (Новиков, Восп. дет.); Мышь, некогда любя святыню, Оставила *прелестный* мир (Ломон., Мышь некогда...).

Несмотря на подобное употребление в рассматриваемых словах в данную эпоху развиваются и отчетливо выделяются новые значения.

У глагола *прельстить* формируются два значения: одно более широкое — 'привлечь, увлечь чем-либо или кем-либо' и более узкое 'возбудить страсть, влечение, пленить, очаровать'. Например:

а) в значении 'привлечь, увлечь': *Прельщенна* видами пустыни, Душа не насладиться ими (Капн., Ода на счастье); [Вещь] *прельстила* его своей новостью (Новиков, О торг.); Сие завоевание *прельщало* Афинян властолюбие (Радищ., Разм. о греч. ист.); *Прельщать* их [сердца] уважением (Фонв., Та—Гио); Воображение мое *прельщалось* тем, что впереди (Карамз., Пустын.); Все *прельстились* его поэзией (Дмитр., Взгляд);

б) в значении 'возбудить страсть, влечение': Престани, Вышеслав, Зенидою *прельщаться* (Сумарок., Вышесл.); Чем больше я *прельщен*, тем больше я молчу (Держ., Невесте); [Жена] и того меньше может *прельщать* его [мужа] неимением дарований (Десн., Происх. супр.); любя нравиться и *прельщать* (Карамз., Ларчик).

Новые значения формируются и у слова *прелесть*. Широко употребляется это слово в значении 'то, (о каком-н. предмете, явлении и т. п.), что имеет для кого-н. нечто привлекательное, приятное, доставляющее удовольствие'. Например: Везде и в каждом здесь предмете я нову *прелесть* нахожу (Капн., Обуховке); Начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную *прелесть* (Карамз., О любви).

В этом значении слово *прелесть* часто выступает в сочетании с существительным в родительном определительном:

Он знает, что не *прелесть* славы, Не мзда предмет души твоей (Капн., Воззвание на помощь Греции); Сила и *прелесть стихотворений* не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей (Уст. Союза Благод.); Люди, знающие всю *прелесть чувства исполнения обязанности* [курс. авт.] (Тург., О крест.).

Во множественном числе в сочетании с существительными в родительном определительном слово *прелесть* имеет подзначение 'отдельные проявления, стороны чего-либо, обладающие этим качеством, свойством'. Например: Придавала *прелести* искусства всякому роду звуков и жестов (Батэ, О свободн. науках); *Прелести* неувядаемой красоты (Яновск., Нов. словотолк., Гури).

В середине — второй половине XVIII в. у слова *прелесть* выделяется и другое значение 'обаяние, очарование от чего-н. красивого, привлекательного'. В этом значении слово употребляется только в единственном числе. Например: А *прелесть* ваша нам отраду в грудь вливает (Карамз., Послание к женщинам); В песне о битве Донской (XV век) нет того огня, той силы в очертании лиц, той самородной *прелести*, которые отличают Песнь о походе Игоря (Б.-Марл., Ст. и нов. слов.).

В то же время слово *прелесть* развивает еще одно значение: 'черты внешнего облика женщины как предмет восхищения, любования' (только мн. число): Но я ль, описывать красы твои дерзая, Все *прелести* твои изобразить хочу (Держ., Невесте).

У слова *прелестный* возникает значение 'исполненный прелести, очарования': *Прелестнее* ты всех в невинной простоте (Держ., Невесте); *Прелестная* девушка (Новиков, Восп. дет.); Глас *прелестной* (Карамз., К бедному поэту); *Прелестные* мечты (Карамз., Послание к женщинам); Яркое солнце разливало *прелестные* оттенки (Журн. сл., 1818).

2. Начиная со второй половины XVIII в. очень характерным для ряда славянизмов становится процесс затухания значения глагольного действия и формирования у них значения психологического состояния или качества. В этих случаях также происходил определенный сдвиг в значении слов, преобразование их семантики.

Примером этому могут служить семантические изменения слов *вдохновение*, *забвение*, *отвращение*, *сокровенный*.

Так, например, в древнее время слово *вдохновение* употреблялось в значении действия ('воодушевление, внушение' — СлРЯ XI—XVII вв.) от глагола *вдохнуть*[132] 'произвести в сердце, в душе чьей побуждение, склонность, мысль к чему' (САР$_1$).

В этих значениях слова *вдохнуть* и *вдохновение* широко употреблялись в XVIII в. Однако их лексико-семантические связи в это время значительно расширяются. Если в церковных текстах субъектом действия, называемого этими словами, мог быть только бог, то в данную эпоху «вдохновителем» выступает широкий круг лиц и явлений, хотя в ряде случаев «божественное начало» присутствует еще явственно.

Приведенные ниже примеры ярко показывают, что глагол *вдохнуть* (чаще его причастная форма *вдохновенный*), употребляясь в светской литературе, освобождается от влияния церковно-книжных контекстов:

Ах, когда ж весна природу Оживить опять придет, Милую ручьям свободу, Жизнь древам, цветам *вдохнет* (Капн., Зима); Нимфы Лиебетриды... *вдохните* мне такие же песни, какие внушаете вы моему Кодру (Журн. сл., 1818); Восхищенный С вершин Парнасских Тасс внимал, Когда самим им *вдохновенный*, Его ты песни повторял (Капн., Батюшкову); Объемлю, чувством *вдохновенный*, Твой жертвенник уединенный (Карамз., К добродетели); Пел на лире гимн Эротом *вдохновенный* (Батюшк., П. к В. Л. Пушкину, перв. пол. марта, 1817); [Воейков] поэт, *вдохновенный* умом, а не воображением (Б.-Марл., Ст. и нов. слов.).

Новая сочетаемость характерна и для слова *вдохновение* в старом значении глагольного действия. Например: натуры *вдохновение* (Брянц., Сл. о связи вещей); Талант есть *вдохновение* природы (Карамз., Отчего в России); *Вдохновение* нежного сердца (ВЕ, 1802); Следовали *вдохновению* личных страстей (Там же); *Вдохновение* великого ума (Сын Отеч., 1812); *вдохновение* природы (Журн. сл., 1818).

---

[132] Глагол *вдохновить* был образован от слова *вдохновение* (в его новом значении) позднее, в XIX в.

Одновременно с употреблением слова *вдохновение* в значении глагольного действия у него начинают формироваться и новые значения состояния. Так, в конце XVIII—начале XIX в. это слово начинает активно употребляться в значении 'состояние творческого подъема'. В этом значении слово *вдохновение* теряет характерные для него ранее синтаксические связи (родительный определительный) и выступает абсолютивно, в ряде случаев оно могло использоваться во мн. числе:

Сыны *вдохновения* (Карамз., ПРП); Там гений умственных творений Нашел источник *вдохновений* (Карамз., Дарования); Пробуждает *вдохновенье* Их [струн] согласно мерный звон (Жуковск., Элевзинск. праздник); Едва, едва одну ее черту С усилием поймать удастся *вдохновенью* (Жуковск., Невыразимое); Несет свое, уверяет, что это *вдохновение* (Жих., Зап. совр., 20 янв. 1805 г.); *Вдохновение* есть расположение души к живейшему принятию впечатлений (Пушк., Возраж. на ст. Кюхельб.).

У слова *вдохновение* появляется и другое новое значение 'воодушевление, приподнятое душевное состояние':

Добродетель есть в вас ни что иное, как *вдохновение* (ВЕ, 1802); Она прошла, пора стихов, Пора сердечных *вдохновений* (Пушк., Русл. и Людм.).

Аналогично у славянизма *забвение*, имевшего до XVIII в. значение глагольного действия 'запамятование, потеряние чего-либо из памяти' (САР$_1$), развивается новое значение 'состояние забывшегося, забытье'. Однако первое значение было живо и широко употребительно на протяжении всего рассматриваемого времени. Например: во мраке *забвения* (Ломон., Росс. ист.); С времен, в *забвении* лежащих (Капн., Ода на истребление звания раба); Противное памяти *забвение* есть слабость души нашей к возобновлению и признанию понятия (Козельск., Фил. предл.); Первоначальные уничиженные жительства *забвению* предаются (Десн., Происх. супр.); В *забвении* оставляли государство (Радищ., Разм. о греч. ист.); *забвенье* всех мрачных ужасов зимы (Карамз., Его имп. Величеству); минутное *забвение* добродетели (Карамз., Пустын.).

Очевидно, новое значение 'состояние забытья' впервые возникает в таком словосочетании, как *забвение самого себя*:

Как скоро жизнь прервется, то последует бесчувственность, *забвение самого себя* (Радищ., О чел.); Ужели думаешь, что восторг, исступление, *забвение самого себя*... суть напрасны (Там же); Ищет облегчения в совершенном *забвении самого себя* (Карамз., Нечто о науках); Картину, ...на которую смотрел два часа в безмолвии, в глубокой тишине, в сладостном *забвении самого себя* (Карамз., ПРП); [Восторг] есть... *забвение самого себя*, восхищение (Батэ, О свободн. науках).

В новом значении слово *забвение* становится широко употребительным, особенно в поэтической речи: Слабость, которая была может быть ни что иное, как ветренность или минутное *забвение* (Карамз., Ларчик); Великий Александр себе был в славе скучен И в чаше Вакховой *забвения* искал (Карамз., Протей, или несогласия стихотворца); Во всем мне слышится таинственный привет Обетованного *забвенья*! (Борат., Финляндия).

Слово сокровенный и его производные в древнее время употреблялись в двух значениях: в прямом 'спрятанный, скрытый, не видимый' по отношению к конкретным предметам и в переносном значении 'хранимый, тайный' по отношению к отвлеченным понятиям.

В этих двух значениях слово *сокровенный* и его производные используются на протяжении всего рассматриваемого времени. Распространенным было употребление этого слова и его производных в прямом значении: Злато лежит *сокровенно* в земных недрах (Трет., О прич. изоб.); Сокровище, в земле *сокровенное* (Там же); Тончайшие и *сокровеннейшие* ушей моих проходы (Аничк., Сл. о свойств. позн.); Редкий перл, волнами *сокровенный* (Жуковск., Сельское кладбище); В мирной хижине, от взоров *сокровенной* (Батюшк., Элегия из Тибулла); Во время чтения делал выписки, ... но не только чтобы давать читать другим, но еще всячески сохранял в *сокровенности* (Свирид., Из показ.).

Широко употреблялось слово и во втором значении: Самые *сокровеннейшие* от простого понятия вещи (Поповск., Речь); Сколько в натуре бывает следствий от перемен, которых связь нам неизвестна и *сокровенна* (Брянц., Сл. о связи вещей); Любовь сына его была целомудренна и *сокровенна* в едином его сердце (Радищ., О чел.); Он укрощать стал *сокровенное* тиранство казенныя палаты в рассуждении граждан (Фонв., Сл.

похв.); Мечтаем таинства провидеть *сокровенны* (Дмитр., Подражание Проперцию).

Постепенно из этого значения у слова *сокровенный* вычленяется и формируется новое значение — 'хранимый в глубине души, не высказываемый, заветный', которое в более позднюю эпоху становится основным значением в слове. Например: Людские же мысли и самые *сокровенные* чувства тебе будут обнажаемы (Фонв., Мним. глух.); Письменный журнал лжеца Фунлу уже не извещает Европы о *сокровенных* мыслях Бонапарта (ВЕ, 1802); Предоставляю глубокомысленной метафизике разобрать *сокровенные* пружины души нашей (Батэ, О свободн. науках); И вам души моей Обеты *сокровенны* (Вяз., К Батюшкову).

3. В связи с развитием общественной мысли и социально-политических движений подвергается переосмыслению, наполнению новым общественно-политическим и революционным содержанием целый ряд славянизмов. Это такие слова, как *гражданин*, *отечество*, *добродетель*, *общество*, *равенство*, *согласие*, *ближний* [133].

Так, в слове *гражданин*, наряду с двумя другими, ранее существовавшими значениями 'житель города' и 'подданный какого-либо государства', возникает значение 'общественно полезный, преданный своему отечеству человек'. Ср.: Варвар! Недостоин ты носить имя *гражданина*! Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду? Или блаженство *граждан* в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? (Радищ., Путеш.); Исполнение должности человека и *гражданина* (Там же); Все различия состояний потеряют неприятную свою сторону тамо, где суще-

---

[133] Анализ употребления этих слов у Радищева см.: *Шведова Н. Ю.* Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957. О словах *гражданин, отечество, общество, согласие* см. также: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика...; история слов *гражданин, общество* освещается в кандидатской диссертации: *Алексеев А. А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII в. (*Гражданин, сословие, гражданское общество*). Л., 1972.

ствует одна и единственная политическая добродетель, где все соединятся, все под знаменитым именем *гражданина* предстоять долженствуют (Фонв., Нац. любоч.); *Гражданин*, для общего блага первенствующий (Карамз., Похв. сл.).

В значении слова *гражданин* в это время присутствуют и идеи интернационального долга, причастности к общечеловеческим интересам, борьбе за общественное благо. Это значение реализуется в сочетаниях *гражданин света, мира, всех стран.* Ср.:

Чем больше человек привязан к особенным выгодам своего отечества, тем меньше становится он *гражданином света*, тем меньше другом человеческого рода (Фонв., Нац. любоч.); Во всех отношениях и состояниях, отцу, сыну и брату, мужу и жене, *гражданину общества, мира* и вечности (Новиков, Нравоуч.); Еще ты в свете не один. Еще ты *мира гражданин* (Карамз., К самому себе).

Новым социально-политическим смыслом наполняется и слово *отечество,* со значением которого связывается мысль об общем благе, равенстве, свободе. Например: Побуждало его без напряжения ко всему тому, что в народоуправляемом государстве любовь вольности и *отечества* могут произвести великого и великодушного (Радищ., Разм. о греч. ист.); Прелестей исполненное именование *отечество* (Радищ., О добродет. и награжд.); Сильнейшее самолюбия, исполненное нежности, прелести и приятности, слово *отечество* (курсив авт.) заключало все то, что души возбудить и возвысить может (Фонв., Нац. любоч.); Они [примеры] возбуждают во всякой благородной душе непреодолимое чувствие должностей к своему *отечеству* (Там же); Человеку, который невольно бывает увлекаем к размышлениям о благе, о чести, о славе *Отечества*, часто приходят мысли, которые он желал бы сделать известными (Тург., Мысли о сост. об-ва); Неутомимо содействовать *благу отечества* (курсив авт.) и во всех действиях своих поступать сообразно сей великодушной цели (Уст. Союза Благод.).

Новое социально-политическое значение развивается в слове *добродетель*, которое становится активным словом в сфере общественно-политической лексики. САР$_1$ дает этому слову широкое «психологическое» толкование: ‘способность или преклонность души поступать согласно с законом естественным и правилами веры, ко-

горые обязывают человека исполнять должности как в отношении к богу, так и к самому себе и ближнему: добродетель противополагается пороку'.

В рассматриваемое время в значении слова *добродетель* ярко ощущается идея борьбы за общественное благо. *Добродетель* рассматривается как одно из качеств истинного гражданина. Слово часто употребляется в словосочетаниях *гражданская*, *патриотическая*, *государственная добродетель*. Ср.: Показывало ему [человечеству] точно и определенно прямую *добродетель*, состоящую в одном строгом хранении справедливости в рассуждении всего человеческого рода (Козельск., Фил. предл.); Сверх приличной меры воспламенялись правилами *патриотических добродетелей* (Фонв., Нац. любоч.); Греки в наилучшие времена свои почитали любовь к отечеству знаменитейшею *гражданскою добродетелию* (Там же); Все различия состояний потеряют неприятную свою сторону тамо, где существует одна и единственная *политическая добродетель*, где все соединяется, все под знаменитым именем гражданина предстоять долженствует (Там же); Итак, нация никогда чести своей не потеряет, если *добродетель* ее не изнеможет, а *добродетель* ее так долго не изнеможет, пока любовь к отечеству дает духу высокое, благородное и свободное парение (Там же); Самая вернейшая опора политических или государственных прав есть *государственная добродетель* (Карамз., О нов. образов.); Поражая на поле битв врагов человеческих, Герои на мирном поприще привлекают сердца прелестию *общественных добродетелей* (Русск. вестн., 1816); Обращение сей воли [каждого] к цели правительства, *пользе общей* (курсив авт.), называется *добродетелию* (Уст. Союза Благод.).

Однако этот социально-политический смысл не закрепляется в слове. Оно продолжает употребляться в том широком значении, которое было характерно для него ранее.

Слово *согласие*[134] получает новые осмысления, попадая в философскую и научно-популярную литературу. В соответствии с широко распространенной тогда и популяризировавшейся в России теорией естественного права Руссо слово выступает наряду со словом *договор*

---

[134] В «Материалах» Срезневского отмечаются следующие значения слова *согласие*: 'согласие, единодушие', 'связь, общее'.

для передачи понятия, выражаемого словосочетанием *contract social*. Чаще всего в этом осмыслении оно используется в сочетании с другими словами: *человеческое согласие* (Гоббс), *натуральное согласие* (Козельск.); *общественное согласие* (Мысл.).

Кроме того, в рассматриваемое время слово *согласие* развивает и другое значение — 'соразмерность, стройность, гармония'. Оно возникает также в сфере научно- и философско-популяризаторской литературы и связано первоначально с представлениями о гармонии в природе и человеке. Например: Лейбниц ввел систему предопределенного *согласия*... По сей системе душа и тело суть два существа, никакого союза и одно на другое никакого действия не имеющие (Эйл., Письма); *Согласие* предустановленное (Тредиак., Сл. прем. — *harmonia praestabilita); Влечение всех тел утверждает *согласие* мира (Тредиак., Фил. Бак.); Исследывает отношения вещей и чудное их *согласие* и стройность (Страх., Слово); Везде есть согласие существ (Брянц., Сл. о связи вещей).

Интересно отметить, что и $САР_1$ иллюстрирует это значение примером о согласии в природе: «Между всеми частями составляющими видимый мир сей удивительное находится *согласие*».

Подобное переосмысление значения наблюдается и в слове *равенство*[135], которое так же, как и слово *согласие*, является одним из основных терминов теории естественного права. Оно начинает выступать в значении 'равноправие, одинаковое положение людей в обществе, отсутствие социального, политического и имущественного неравенства'. Например:

Излишне, казалось бы, ... изыскивать или поновлять доводы о существенном человеков, а потому и граждан *равенстве*. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствиями благородства, а не предрассуждениями, доказательства о первенственном *равенстве* суть движения его сердца обыкновенные (Радищ., Путеш.); природное всех *равенство* (Там же); *Равенство* граждан состоит в равной зависимости от закона, то есть, что все чины в государстве должны деяния свои располагать по предписанию закона (Радищ., Оп. о законодательстве —

[135] $САР_1$ дает следующее толкование этого слова: 'Одинаковость одной вещи с другою в количестве, величине, состоянии и проч. *Равенство чисел*. Равенство как в умах и способностях, так и состояниях людских существовать не может'.

ЛК); *Равенство* (в сноске l'égalité, die Gleichheit) всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам (Наказ Ек. II — ЛК); В станице у них господствует совершенная вольность и *равенство* (Лепех., Путеш.); Дух философии того времени, украшенный словами *равенства* и свободы (Держ., Мнение о обороне империи на случай покушений Бонапарта — ЛК).

У слова *общество*[136] также формируется новое социально-политическое значение. Это слово было центральным в сфере новой общественно-политической лексики, формирование которой происходило под большим воздействием идей французских просветителей. Уже в первой трети XVIII в. слово *общество* под влиянием понятия, обозначаемого словами *res publica, societas, communitas* начинает выражать политическое понятие о государстве, как оно трактовалось в теории естественного права.

В этом значении слово широко употреблялось на протяжении всего XVIII в. Например: В кое время *общества* начашася (Пуф., Ист. евр.); человеческое *общество* (Ломон., 1749 — ЛК); Как люди, обитавшие в одной земле, почувствовали нужду во взаимной друг другу помочи, то совокупились в *общество* (Козельск., Ст. о фил.); нужды и благосостояние [человека] обязывают его жить в *обществе* (Там же); первобытное *общество* (Лангер, Слово — ЛК); Сохранение частной жизни и имений сочленов *общества* (Десн., Сл. о способе); первоначальных *обществ* народных правительств (Там же); непросвещенное *общество* (Третьяков, Рассуждение — ЛК); Все человеческие *общества*, как гражданские, так и необразованные, скитающиеся по лесам (Тимк., Сл. о различ.); Все здесь сказанное об *обществах* вообще относится равным образом и до гражданских *обществ*, которые будучи устроены и в порядок приведены, получают название государства (Пест., РП).

Слово *общество* часто выступает в устойчивых словосочетаниях *гражданское общество, государственное общество, народное общество* и др. Наряду со словом *общество* в этом значении, но с разными его осмыслениями, раскрывающими различные стороны понятия *общества,* употреблялись слова и словосочетания *дружество, содружество, содружество гражданское, сообщество, общежи-*

[136] В «Материалах» Срезневского оно определяется как 'общность'.

тие, общежительство, общенародие, всеобщество, народ, государство и др.

В середине XVIII в. в понятии *общества* начинает особенно остро звучать идея равенства, законности, благосостояния, что придает слову особый социально-политический смысл. Например:

Он наполнен мыслями о *пользе гражданского общества* (Козельск., Ст. о фил.); Но если все они [человеки] положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева матерня в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому неподвластен. Властитель первый в *обществе* есть закон, ибо он для всех один (Радищ., Путеш.); Если в *обществе* нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития легко. Но где такое *общество* существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями (Там же); Чувствует [земледелец] только, что он также есть член *общества,* по силам и своему званию содействующий благосостоянию оного (Панкевич, Слово — ЛК); Я до минуты моего ареста не переставал действовать в пользу *общества*, надеясь сим оставить впечатление чувств истинных (Андр. Я., Из показ.).

О том, как актуальны были эти слова в их новых значениях и какой политический резонанс получили они в общественной жизни России конца XVIII в., свидетельствует появление в 1797 г. указа Павла о запрещении таких слов, как *гражданин, общество, отечество.*

В связи с развитием общественной жизни у слова *общество* во второй половине XVIII в. возникает ряд новых значений. Например:

'публика': Цензура печаемого принадлежит *обществу*, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обвертку (Радищ., Путеш.); 'компания': Между тем его красноречие, знания, приветливость, искренность... пленили все наше *общество* (Карамз., Шк. дружбы); 'сословие, класс': Представляют гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского *общества* (Радищ., Путеш.); 'круг людей, принадлежащих к аристократии, высший свет': Степень почестей ему уже давано в *обществе* (Радищ., Житие Уш.); 'организация, объедине-

ние людей, ставящих себе какие-либо общие цели': Между тем как «Дружеское типографское *общество*» в полной безопасности процветало... внезапно восстала против них политическая буря (Дмитр., Взгляд); В сих *обществах* необходимо собираема должна быть общественная казна для вознаграждения убытков, за правду понесенных! (Уст. Союза Благод.).

Однако развитие этих значений в слове *общество* — свидетельство уже другого семантического процесса: специализации и дифференциации значений славянизмов.

III. В рассматриваемое время прослеживается усиление тенденции к семантической специализации славянизмов, уточнению их значений. Это было обусловлено формированием более точных понятий, представлений об окружающем мире, развитием науки и общественной жизни. Примерами могут служить такие слова, как *бытие*, *пространство*, *вещь*, *познание*, *познавать*, *понятие* [137], *вселенная*, *обращать(ся)*, *обращение*, *искусство* [138].

На протяжении XVIII в. наблюдается более четкая дифференциация и специализация значений у слов *познавать, познание.*

В древний период у слова *познать* был широкий круг значений (ср. значения, отмечаемые в «Материалах» Срезневского — 'узнать'; 'приметить, узнать'; 'признать'; 'познать, постигнуть'; 'почувствовать'; 'спознаться, вступить в связь, пожениться'). В начале XVIII в. обычными еще были употребления этого слова в значении 'узнавать': 'проведати, *познати*, узнати' (Вейсм. лекс.); *познаваем* чрез карты морские, в которую сторону надобно итти (Сокр. мат.).

В научных текстах у слова *познавать* постепенно все четче выступает значение 'узнавать через размышление, рассмотрение, изучать', которое затем оформляется в современное значение 'постигать, изучать явления реальной действительности, их сущность'. Например: Через величину тягость без весу *познавает* (Ломон., Польз. хим.); Научились *познавать* природу вещей, их силу (Чеб., Сл. о способах); Тогда мы что-нибудь опытом *познаем*,

[137] См. об этих словах в кн.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика...

[138] О слове *искусство* см. в кн.: *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., «Просвещение», 1971.

...углубляя внимание в свои представления (Аничк., Сл. о разн. сп.); *Познать* все сущее (Галич, Ист. фил. сист.).

Подобная специализация значений наблюдается и у слова *познание*. В «Материалах» Срезневского значение этого слова трактуется как 'знание' (*Премудрости вящее познание* — Гр. Наз.,XI в.). В этом значении слово *познание* употребляется и на протяжении XVIII в. Ср. определение значения этого слова в словарях: 'знание, ведение, разумение, *познание*' (Вейсм. лекс.); 'знание, ведение чего' (САР).

Постепенно у слова *познание* вычленяется и формируется новое значение. Слово начинает обозначать научное познание и выступает в значении 'процесс отражения явлений реальной действительности, их сущности в сознании человека'. Например: *познание* натуры (Ломон., Полит.); поступая в *познании* естества (Радищ., Путеш.); *познание* естественности (Он же, О чел.); Упражнялся в *познании* природы (Радищ., Путеш.); *познание* природы (Мнемоз.); Все те науки заняты... *познанием* общей натуры вещей (Козельск., Рассужд.); *познание* живой связи всех наук (Мнемоз., 1824); *познание* жизни вещей (Моск. вестн., 1829); *познание* пространства и времени (Мнемоз.); *познание* предметов чувственных и сверхчувственных (Сев. вестн.); *познание* человека и его естества (Утрен. свет).

На протяжении XVIII—начала XIX в. происходит дальнейшее развитие смысловой структуры слова *понятие*, выделение и специализация его значений.

В начале века слово *по(н)ятие* употребляется в научной литературе в значении 'понимание, усвоение чего-л.', что соответствует значению производящего глагола *по(н)ять* 'постигнуть', отмеченному еще в древний период в «Материалах» Срезневского: «*могущи поняти величество толикыя брани*» — Ио. Флав. В Изд. III. 1. В этом значении слово продолжает употребляться на протяжении всего XVIII в. Например: Способность человека к *понятию* вещей (Тредиак., Сл. прем.); Упражнение мое в других науках... не мало облегчило мне *понятие* философии (Козельск., Фил. предл.); *понятие* натурального права (Он же, Ст. о фил.).

В то же время в слове развиваются и другие значения — 'образ, мысль (чего, о чем)' и 'способность к пониманию, познанию'.

При возникновении значения ‘образ, мысль о чем-л.’ слово *понятие* начинает соотноситься с греческим по происхождению словом *идея*; например, при ранних его употреблениях у А. Кантемира: *Идея.* Греческое слово, значит начертание предлежащей вещи, которая в уме нашем изображается чрез чувство или чрез другой какой образ разумения... Я бы идею назвал по-русски *понятием* (О мн. миров). И в дальнейшем иноязычное слово *идея* продолжает толковаться через слово *понятие*: *Idea.* Образец, образ, изображение, *понятие* (Целл.); Идея — мысль, *понятие* (Курганов); подобное толкование содержится в философских словниках Тредиаковского, Теплова.

Изменяется лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость слова *понятие.* В новом значении оно начинает выступать абсолютивно или же в сочетании с существительным в предложном падеже (*понятие* о чем) вместо характерного для него в старом значении родительного определительного (хотя в редких случаях возможно употребление этого слова с родительным падежом существительного). Возникают и устойчивые словосочетания с этим словом — *иметь понятие.* Слово *понятие* в новом значении широко употребляется на протяжении всего рассматриваемого периода. Например:

Простое *понятие* (Тредиак., Сл. прем.); общие *понятия* (Козельск., Фил. предл.); Чувствие или *понятие* какой вещи есть представление ее в мысли нашей (Там же); Рассуждение есть совокупление или разделение *понятий*, например, ежели мы *понятие* добродетели с понятием похвальной снесем, [то] узнаем, что добродетель есть похвальна (Там же); Иметь ясные *понятия* о вещах, чувствам нашим предлежащих (Эйл., Письма); Разные *понятия*, какие имеют народы о собственности имения (Десн., Собств.); *понятие* о священных вещах (Радищ., Житие Уш.); *понятие* о гражданской вольности (Радищ., Приобр. Сиб. — ЛК); Вот *понятие* сего закона (Брянц., Сл. о зак. прир.) и др.

Широко было распространено слово *понятие* и во втором развившемся у него значении — ‘способность к пониманию, познанию’; ‘разум, рассудок’. Например: Одно [существо], которое познавает, а другое то, что *понятия* не имеет (Кант., II.); Найдем его [человека] одаренного *понятием* (то есть свойством составлять идеи и оные сравнивать) (Радищ., Житие Уш.); Старались *понятию*

человеческому дать градусы и степени (Тепл., Знания); Великая тонкость *понятия* (Тредиак., Феопт.); Способность к *понятию*, приобретенная упражнением в науках (Козельск., Фил. предл.) и др.

Слово *понятие* в этом втором значении, широко используясь в XVIII в. и до середины XIX в., затем ограничивает свою употребительность, приобретя окраску просторечности [139].

Уточняется и специализируется значение у слова *вселенная*. СлРЯ XI—XVII вв. выделяет у этого слова два значения: 1) 'земля со всем, что на ней есть, что населяет ее'; 2) 'населенный край, страна'. В научной литературе слово получает значение 'вся система мироздания, весь мир'. Например:

Через *вселенную* разумеем мы не планету какую-нибудь, не землю, нами населяемую, не солнечную систему, но все планеты, все солнца, кратко сказать, все ограниченные вещи, не токмо самые существа, но также определенные сих содержания по времени и пространству; и которому *вселенная*, как определяют новейшие философы, есть чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одно за другою в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих (Брянц., Сл. о связи вещей).

В таких славянизмах с широкой семантикой, как *обращать(ся)*, *обращение*, в рассматриваемое время начинают более четко дифференцироваться и специализироваться отдельные значения.

Так, например, слова *обращать(ся)*, *обращение* начинают употребляться как экономические термины. Ср.: В каком бы государстве ни находилась какая часть денег сверх *обращения*, почитать эту можно за мертвое сокровище (Трет., О прич. изоб.); В ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием состоит *обращение* знаков (Радищ., О законополож.); Сие учащение промена товаров на деньги и денег на товары называется *обращение* (курсив авт.) денег (Новиков, О торг.); Понятие, соединяемое с деньгами, и свойство, приписываемое им, делает необходимым то, чтоб деньги сии *обращались* беспрестанно для произведения своего действия (Там же); Все почти капиталы и все *обращение* оных

---

[139] См.: *Веселитский В. В.* Человек с понятием. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 8. М., «Наука», 1967, с. 185—186.

приведено было в столицу (Батеньк., Обозр. гос. строя); Есть домы торговые, кои *обращают* в год капитал из десяти тысяч миллионов рублей серебряных (Укр. вестн., 1817).

Слова *обращаться, обращение* используются и как астрономические термины для обозначения движения звезд: Звезды и планеты... с своими определенными скоростями *обращаются* (Поповск., Речь); стремительные земли *обращения* (Десн., Собств.); Тела небесные имеют круговое и все равное *обращение* (Аничк., Сл. о разн. прич.); в *обращении* миров (Радищ., Житие Уш.).

IV. Большая роль в развитии семантических структур славянизмов принадлежит процессу семантической индукции, вызванному воздействием на русский литературный язык иностранных языков.

Во второй половине XVIII в. процесс «европеизации» русского литературного языка, как уже отмечалось, углубляется. «Дело идет не столько о частном заимствовании слов и понятий, сколько об общем сближении семантической системы русского литературного языка с смысловым строем западноевропейских языков» [140].

С 40-х годов XVIII в. усиливается тенденция к сокращению непосредственных заимствований и к поискам внутри собственного литературного языка средств для передачи новых понятий. Мысли подобного рода неоднократно высказывались крупнейшими писателями того времени, переводчиками, учеными — А. Сумароковым, М. Ломоносовым, В. Тредиаковским. Н. Курганов ым и др.[141] Лексика книжно-славянского языка служила богатым фондом, из которого черпались лексические соответствия иноязычным словам. Это было не только официальной линией языковой политики того времени, но и вполне объяснялось исторически, так как ранее старославянский и церковнославянский языки уже выполняли подобную роль (ср., например, контакты с греческим языком при различного рода переводах). Славянизмы, с характерной для них семантической подвижностью, легко подвергались семантическому сближению или «семантическому приспособлению» [142] к соответствующей иноязычной лексике. Так, один из активнейших состави-

[140] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 150.

[141] См. об этом раздел «Основные особенности процесса заимствования».

[142] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 160.

телей Словаря Академии Российской ученый И. Болтин в замечаниях своих на план словаря отмечает, что если в русском языке нет «тождезначащих и равносильных» иноязычным выражений, то такое слово нужно искать в «языках, от славенского происходящих... или в славенском обветшалое и ныне не употребительное»[143]. При обсуждении словаря в академическом собрании было «определено сколько возможно избегать иностранных слов и стараться заменять их: или старинными словами, хотя бы они были и обветшалые, ибо в сем случае частое употребление удобно может паки приучить к оным; или словами, находящимися в языках, от славенского корня происшедших; или же вновь, по свойству славянороссийского языка составленными»[144].

Обращаться к фонду книжно-славянской лексики при поисках «тождесловов» иноязычным словам было также и в традиции русских переводчиков. Так, например, М. Попов в предисловии к переводу «Освобожденного Иерусалима» отмечает, что недостаток «речений» при переводах объясняется тем, что «не рачим вникать в обширный и богатый славенский язык, который есть источник и красота российского», сам же он искал «в духовных книгах или в новопереведенных равносильных речений тем, каковые попадались... во французском»[145].

Тредиаковский при переводе «Аргениды» пишет: «Я смею донесть, что почитай ни одного от меня в сем сего автора токмо переводе не употреблено чужестранного слова, сколько б которые у нас ныне в употреблении ни были, но все возможные изобразил нарочно, кроме митологических, славянорросскими равномерными речами...»[146].

Это семантическое приспособление славянизмов к иноязычным словам приводило к различной степени смещениям в семантике этих слов, в одних случаях незначительным, в других — довольно резко изменявшим их значения[147]. В рассматриваемое время семантической индук-

[143] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 8. — Сб. ОРЯС, т. 34, № 4. СПб., 1888, с. 127.

[144] Там же, с. 127—128.

[145] *Тасс Т.* Освобожденный Иерусалим.

[146] Предуведомление от трудившегося в переводе. Барклай, Аргенида, т. 1, с. IV—XII. — В кн.: Русские писатели о переводе. Л., «Сов. писатель», 1960, с. 37.

[147] О разной степени влияния семантики иноязычного слова на значения слов родного языка см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие сло-

ции подвергаются славянизмы *влиять, влияние* (influsio) [148], *изящный* (*изящные науки* — les belles lettres, *изящные искусства* — beaux-arts), *образ* — (image), *упоение* (enivrement), *развлекать* (alistraire), *отвлеченный* (фр. abstrait, лат. abstractus), *дух* (esprit) и др.

Славянизмы *отвлеченный, отвлечение, отвлекать* в древнерусском языке функционировали только в прямых значениях. В этих значениях эти слова употреблялись и в первой половине XVIII в. Со второй половины XVIII в. в специальных контекстах они начинают использоваться в отвлеченных значениях: *отвлеченный* — 'абстрактный', *отвлечение* — 'абстрагирование', *отвлекать* — 'абстрагировать'.

Несколько ранее (50—60-е годы) для обозначения этих понятий использовались слова *отделенный, отделение, отделять*, которые в ряде случаев были прямо соотнесены с иноязычным прототипом. Ср.: Мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах — чрез искусство *отделения* (artificio abstrahendi) (Козельск., Фил. предл.).

Очевидно, славянизмы *отвлеченный, отвлечь, отвлечение* в силу своей семантики (наличия переносного отвлеченного значения в производящем глаголе *влечь* и ослабленности конкретного значения) оказались более удобными для выражения новых понятий. Как и слова *отделенный, отделение, отделять*, они в ряде случаев при употреблении сопровождаются глоссами, явно указывающими на источник их семантического преобразования. Например: понятия повсеместные или *отвлеченные* (notiones universales vel abstractae) (Баум.); Чрез *отвлеченные* сущие, инако называемые всеобщими (abstracta seu universalia) разумеются такие сущие, которые приличествуют многим, например, животное, также человек и проч. (Аничк., Сл. о свойств. позн.); Общие понятия... суть проявления *отвлекающего* ума (abstrahierend) (Сл. Кирил.).

варного состава русского литературного языка. 30—90-е гг. XIX века. М.—Л., «Наука», 1965, с. 165; *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 144.

[148] О словах *влияние, влиять* см.: *Сорокин Ю. С.* К истории семантических изменений слов в русском языке XVIII века (*Влияние* и его синонимы). — В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., «Наука», 1965, с. 248.

Эти слова широко используются в просветительской литературе на философские и естественнонаучные темы. Ср.:

[Схоластики] гонялись за качествами сокровенными, за *отвлеченными* от вещества (Тредиак., Жит. Бак.); *Отвлечение*, то есть способность всеобщие о вещах производить понятия, много вспомоществует нам в просвещении нашего разума (Аничк., Сл. о свойств. позн.); [Душа] не вещество, единственно *отвлечение*... воображение, сон (Радищ., О чел.); Ум наш... от особенных вещей *отвлекает* всеобщие понятия (Аничк., Сл. о свойств. позн.).

С конца XVIII в. появляется существительное *отвлеченность* — при обозначении качества и самого отвлеченного предмета, понятия. Например: Естествословы..., уобщая понятия и восходя от одной *отвлеченности* к другой (Радищ., О чел.); [Философские] понятия, при всей их *отвлеченности*, служат надежным средством к познанию (Панк., Подл. цел.).

Эти слова получают распространение в общелитературном языке, где они употребляются не в специальном, а в более широком значении. Ср.: Понятие *отвлеченные* — добродетель, красота (Радищ., Житие Уш.); имена существительные *отвлеченные*, невещественные (terminus abstractum) (Моск. телегр., 1828); чрезмерные *отвлеченности* и заоблочные... умствования, отчужденные от всякого вкуса (Сох., Предм.).

В 30—40-е годы XIX в. в русский литературный язык заимствуются слова *абстрактный* и другие, которые вступают со славянизмами *отвлеченный, отвлекать, отвлечение* в синонимические отношения.

В ряде случаев действие семантической индукции на семантику слова выражено менее отчетливо. Оно проявляется не в возникновении у слова нового значения, а лишь в отдельных преобразованиях уже существующих значений, расширении его лексико-семантической сочетаемости, аналогичной сочетаемости иноязычного слова.

Примером могут служить слова *дух, изящный* [149] и др.

---

[149] См.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 160, 164.

*

Таким образом, семантические преобразования в кругу книжно-славянской лексики играли значительную роль в процессе номинации новых отвлеченных понятий, связанных с разнообразными сферами общественной, социально-политической, культурной жизни России в период с 30-х годов XVIII в. до начала XIX в. Генетические славянизмы, входя в ткань русского литературного языка, расширяя свои лексические связи, изменяя значения, полностью семантически и стилистически ассимилируются, становясь функционально русскими словами.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРУГУ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Собственно русская лексика также активно участвует в семантических процессах, обусловленных потребностями в номинации новых понятий и явлений. Семантические новации в кругу русской лексики относятся к разным понятийным сферам социальной жизни русского общества. Но наиболее характерными для русских слов рассматриваемого времени были семантические процессы, ведущие к формированию лексики, называющей различные *отвлеченные свойства и качества* предметов и явлений. Этот процесс идет с возрастающей интенсивностью по направлению к первой трети XIX в. и связан с общим процессом развития категории качественности в русском литературном языке. Русской лексике свойственны те же самые семантические процессы, что и славянизмам, — развитие переносных значений, различные переосмысления слов, процессы семантической индукции. Однако есть и специфические черты в протекании этих процессов для русских слов.

I. Ко второй половине XVIII в. относится активизация развития *отвлеченных переносных значений* в кругу русской лексики. Этот процесс имел очень важное значение для судьбы русских слов. Формирование у них новых отвлеченных значений способствовало их широкому проникновению в сферу отвлеченного книжного языка. Этот процесс свидетельствует об изменении функциональной роли русской лексики в системе литературного языка. Семантические новации этого типа охватывают различные области литературной лексики.

1. Как уже отмечалось, наиболее значительными были семантические новообразования, называющие различные отвлеченные свойства и качества предметов и явлений. Новые отвлеченные значения формировались в большинстве своем у слов, употреблявшихся до этого в конкретных значениях и потому имевших ограниченную сферу функционирования. В новых значениях они получали широкое распространение в разнообразных жанрах литературного языка — художественной, научной, публицистической литературе. В рассматриваемое время отвлеченные значения развиваются у широкого круга слов с конкретной семантикой. Это такие слова, как *зародыш, мелочь, перелом, поверхность*. Качественные значения развиваются у относительных прилагательных *колкий, мелочный, неприступный, поверхностный, рассеянный, сбивчивый, щекотливый* и др.

До второй половины XVIII в. слово *мелочь* употреблялось лишь в конкретном значении ('крохи, дроби' — Вейсм. лекс.).

Во второй половине века у этого слова развивается переносное значение 'безделица, маловажность чего'. Единичные употребления слова *мелочь* в новом осмыслении можно встретить и в 1-й трети XVIII в. Например, у А. Кантемира: Быть мудрым — значит уметь извлечь полезное из окружающих его *мелочей* (Сат. VII).

В XVIII в. слово *мелочь* продолжает употребляться в своем конкретно-предметном значении 'вещи некрупные, малые, мелкие', главным образом во множ. числе, например: [Сети] меняют другим на угодные себе *мелочи*, каковы например иглы, шелк, наперстки, ножики и прочая (Крашен., Опис. Камч.); Множество железных *мелочей* делают (Татищев, Лексикон). Это значение слова остается у него основным и в XIX в. Слово имело также и специальное значение 'мелкий кустарник в лесу или в поле', оно входит в состав терминов, употребляемых в горнорудной промышленности: «рудная мелочь, толчейная мелочь». Эти употребления слова отмечены в Сл. 1847.

Особенно многочисленны употребления слова *мелочь* в качественном осмыслении во второй половине XVIII в. В значении 'безделица, маловажность чего' слово *мелочь* употребляется и в единственном и во множественном числе, часто в сочетании *входить в мелочь*. Например:

Не было тогда нужды входить в такую *мелочь*

(Чулк., Приг. пов. — ЛК); Экономическия *мелочи*, касающиеся до внутренняго домоводства (Сельский житель, 1778 г., ч. 1 — ЛК); О всякой *мелочи* тебя уведомляю (Фонв., П. к сестре, 29 авг. — 19 сент. 1784 г.); О такой *мелочи* и слова не скажешь (Сумарок.); Чтоб я пожертвовал тридцатью тысячами доходу для такой *мелочи* (Крыл., Почта дух.); Ограниченный человеческий разум всегда занимается какою-нибудь *мелочью*, не видя важнейшего (Брянц., Сл. о зак. прир.); За неимением важных вещей, буду я иногда рассказывать вам о самых *мелочах* и безделках (Болот., Зап.).

В это же время образуется переносное качественное значение у прилагательного *мелочный*, тесно связанное с переносным значением существительного.

До второй половины XVIII в. слово *мелочный* употреблялось только в значении 'небольшой по размеру, объему'. В этом значении слово продолжает широко использоваться и во второй половине XVIII в. Например: Нужды и украшения в платье требуют еще разных *мелочных* товаров (Ежем. соч., 1756 — ЛК).

Во второй половине XVIII в. у слова *мелочный* развивается и новое качественное значение 'маловажный, не заслуживающий внимания'. $САР_1$ иллюстрирует новое значение словосочетанием *мелочное дело*. Это словосочетание встречается и в литературе этого времени: Такой разбор предложений иной почесть может за *мелочное дело*, но при нужных случаях бывает в них великая важность (Козельск., Фил. предл.).

Слово *мелочный* могло использоваться и в сочетании с другими словами: презрение *мелочных оскорблений* (Там же).

В конце XVIII в. круг лексических связей прилагательного *мелочный* в качественном значении расширяется; например: Слова наши были наперед о *мелочных вещах,* как то о погоде (Крыл., Почта дух.); *Мелочные примечания* трудолюбивого духа (Моск. журн., 1791, ч. 1); *Мелочные волокиты* пегаса (СПб. Меркурий, 1793, ч. 1 — ЛК): Педантические рецензии самозванцов литераторов вредят своими *мелочными привязками* (Мемье, Гр. Сент-Меран — ЛК).

$САР_{1,2}$ наряду с такими устойчивыми сочетаниями, как *мелочная лавка, мелочная продажа,* отмечают сочетание *мелочной человек* 'человек, безделицами занимающийся'. (Ср. современное значение 'человек, придающий

большое значение пустякам, мелочам', сформировавшееся позднее.) В Сл. 1847 это сочетание выделяется в значение: 2) 'Занимающийся мелочами. Мелочный человек'. Позднее, в XIX в., от прил. *мелочный* в этом знач. образуется сущ. *мелочность* (впервые фиксируется в Словаре Даля) в значении 'свойство мелочного человека'.

В 30—40-е годы XVIII в. у слова *поверхность,* употреблявшегося до этого в прямом значении 'наружность, а не самое сложение или состав какой-нибудь вещи' (САР$_1$) развивается переносное значение 'неполнота знаний или суждений, неосновательность'. Например: Беспорядочно говорит, что на ум взойдет, не углубляя рассуждение, и *поверхностей* однех касаяся (Кант., Сат. VII); Видя в знаниях его одну *поверхность* без всякого основания (Моск. журн., 1792, ч. 5).

Новое переносное значение возникает и в слове *поверхностный.* Это слово в русском литературном языке образовалось от сущ. *поверхность* во второй половине XVIII в. в относительном значении, например: Сии ключи должно почитать за *поверхностные* (Лепех., Путеш.). В конце XVIII в. отмечаются случаи расширительного, переносного употребления слова, например: Французские сочинения от того очень мелки и *поверхностны,* что авторы их не ученые люди, и только собственным умом работают (Моск. журн., 1792, ч. 6); *Поверхностные* умы, кои привязываются более к словам нежели вещам (Муза, 1796, ч. III — ЛК). Новое значение уже фиксируется словарями. Так, в САР$_1$ отмечается следующее значение: 'В отношении к познаниям человеческим значит: малый, не основательный. В науках *поверхностное* токмо имеет понятие'.

Переносные значения в рассматриваемое время наиболее интенсивно формировались в кругу имен прилагательных с относительными значениями.

Например, в древнерусском языке слово *продажный* употреблялось в относительном значении по глаголу *продать* и означало 'относящийся к продаже' (Срезн.). В русском литературном языке XVIII в. оно продолжает широко употребляться в этом значении в таких сочетаниях, как *продажная цена, продажное вино* и т. п. Вместе с тем в середине XVIII в. слово *продажный* приобретает новое переносное значение, что нашло отражение уже в САР$_1$: «В смысле порицательном и укоризненном прилагательное сие придается к людям, у коих нет ни-

чего толь святого, чего бы за деньги у них купить было не можно; к чему бы их деньгами склонить было не можно... *У него продажная душа, совесть. У этого судьи правосудие продажное*». В этом значении, например, слово *продажный* употреблено у Крылова: Сверьхь того, статкой человек может производить торг своими решениями точно так же, как и купец, с тою токмо разницею, что один продает свои товары по известным ценам на аршины или на фунты, а другой измеряет *продажное правосудие* своим размером, и продает его сообразуясь со стечением обстоятельств и случая, смотря при том на количество приращения своего богатства (Почта дух. — ЛК). Слово в новом значении становится широко употребительным в публицистике и критике 30-х годов XIX в.

Во второй половине XVIII в. у слова *щекотливый* на основе прямого значения 'чувствительный к щекотке' (в $САР_1$: 'кто боится, не любит щекотки') [150] развивается переносное значение, которое в $САР_1$ определяется следующим образом: «Кто и не до него касающиеся речи на свой щет принимает, или неоскорбительными словами огорчается». Например: Разве ты не знаешь сколь *щекотливы* Гишпанцы в делах вредящих честное имя (Елаг., Приключ. маркиза Г. — ЛК); Такое употребление поддерживалось производным сущ. *щекотливость* 'свойство щекотливаго человека' ($САР_1$). Расширение сферы употребления прилагательного *щекотливый* в переносном значении и его сочетаемости привело к тому, что у слова складывается второе переносное значение: 'Говоря о делах: требующий большой осторожности, дабы не оскорбить чьего-либо самолюбия' — $САР_2$ (в $САР_1$ это значение не выделяется). Например:

[Искусство молчать] поможет ему тогда, когда он находится в *щекотливом* случае (Приб. к Моск. вед., 1784 № 27 — ЛК); Это дело весьма *щекотливое*. Сочинители всегда любят, чтоб им ласкали (Елаг., Мизантроп — ЛК); Банковая комиссия была трудная и *щекотливая* (Держ., П. к Д. Б. Мертваго, 27 марта 1796 г.).

У слова *колкий* во второй половине XVIII в. формируется переносное значение 'язвительный, досадитель-

[150] Слово *щекотливый* продолжает употребляться и в прямом значении: Я бы никогда не согласился замечать качество дороги, качество моего платья в дурную погоду — моего тела, естьли бы не *щекотливая* чувствительность (Муза, 1796, ч. 1 — ЛК).

ный' (САР$_1$). В этом значении слово *колкий* широко употреблялось на протяжении всего рассматриваемого периода. Например:

Вооружились *колкими* своими перьями г. писатели (Трутень, 1769 г.); *Колкое* мое перо увенчает ваше достоинство (Сумарок., Ядовитый); *Колкие* слова хоть то и щекотливо, До времени сносить, сколь можно терпеливо (Трутень, 1770 г. — ЛК); И что гроза, И что лоза, И что слова которы детям *колки* (Сумарок., Притчи); Я не мог без досады читать *колкого* ответа доктора Бистера (Карамз., ПРП).

Примеры употребления в это время слова в прямом значении немногочисленны, ср.: Но что нам странны волки; О том излишни толки. Всяк знает, что у них гораздо зубы *колки* (Своб. часы, 1763 — ЛК).

2. Путем развития отвлеченных переносных значений у русских слов формировалась лексика, относящаяся к более специальным сферам функционирования литературного языка. Примерами могут служить слова *чистый, оборот, кисть.*

САР$_1$ у слова *чистый*[151] помимо прямого значения ('незамаранный, незагаженный') отмечает целый ряд переносных значений — 'не имеющий в себе никакой примеси' (*Чистое серебро, золото. Чистый воздух. Чистая вода*); 'относительно к голосу: светлый, ясный, несиплый'; 'говоря о слоге или произношении: правильный, неиспорченный дурными, неупотребительными, обветшалыми словами' (*Чистый слог. Чистая латынь*); 'в нравственном смысле: непорочный, нелицемерный, не притворный; также неповинный, непричастный в каком деле' (*Чистая вера. Чистое сердце. Чистая совесть* и др.).

Кроме перечисленных значений, из которых все были широко распространены в общелитературном языке середины—второй половины XVIII в., САР$_1$ приводит целый ряд устойчивых словосочетаний, среди которых такие как *чистый выговор, чистое поле, место, чистая отставка, чистая порука, чистая работа, чистые животные* (Библ.) и др.

В научной литературе слово *чистый* развивает новые значения. В сфере экономической это слово употребляется в значении 'наличный, за вычетом всех расходов',

---

[151] См. об этом слове: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 253.

например: *Чистая* прибыль с земли; из *чистых* народных доходов (Стат. журн., 1808).

В сочетании с названиями различных наук или мыслительных процессов, представлений слово получает значение 'теоретический, умозрительный'. Например: *чистая философия* (Кн. мир.); *чистая геометрия* (Д'Аламб.); *чистая математика* (Арш.); *чистая идея* (Кант., П.); процесс *чистой мысли* (Энцикл. лекс.).

В начале XIX в. слово *чистый* часто выступает как противопоставление словам *эмпирический* и *опытный*: представлений опытных либо *чистых* (Галич, Ист. фил. сист.); деление разума на эмпирический и *чистый* (ВЕ, 1822).

У слова *оборот* с прямым значением 'обращение чего-либо назад или в сторону; поворот' развивается новое значение: 'обращение денежных средств и товаров для воспроизводства, получения прибыли'. В этом значении слово становится экономическим термином и употребляется наряду со словом *обращение* в литературе, касающейся вопросов экономики. Например:

[Ответ] [Мы] по причине сделавшихся крайне трудных денежных *оборотов* по делам Типографской компании от посылки денег совсем отказались (Допрос Новикова); Следственно, что все торговыя изчисления и *обороты* долженствуют располагаться по цене серебра и золота (Радищ., О китайск. торге); О *оборотах* в каждой экспедиции сумм или билетов, ежедневные мемории [представляются] в главное начальство Банка (ПСЗ, т. XXV, № 18, 383 — ЛК); Возвышение цены оных [земель] послужит поощрением к направлению капиталов... на предприятие разных коммерческих *оборотов* и торговых действий (Пест., РП); Капиталы наши остались без *оборота*: я разумею капиталами все то, что имеет ценность (Каховск., Из писем); Когда банки утвердятся и обращения денежные получат верное и правильное движение свое; то полагая только два *оборота* в день достаточно будет одного миллиона ходячей монеты для капитала десяти тысяч миллионов рублей (Укр. Вестн., 1817).

У слова *кисть* в художественной сфере появляется значение 'индивидуальная манера художника, мастерство'. Слово получает широкое употребление и начинает значить 'мастерство' не только по отношению к художникам, но и писателям:

Случившееся... бы заняло место в картинах ваших, ежели бы представлено было вашею *кистию* (Живоп.); Вот портрет, достойный забавной, но сильной вашей *кисти* (Фонв., К г. сочинителю «Былей и небылиц»); Природа улыбается под его живительною *кистью* (Карамз., Солом. Гесн.); Мы удивляемся Клейсту, который живой *кистью* изображал нам безжизненную Натуру (Моск. журн., 1792).

3. В рассматриваемое время, особенно в конце XVIII в., усиливается наметившаяся ранее тенденция к переносному и образному осмыслению «простых» наименований предметов, явлений, понятий, действий. В живой разговорной речи у отдельных стилистически нейтральных слов формируются новые переносные значения. Семантические неологизмы этого типа имеют разную судьбу: одни из них ограничивают свое употребление сферой просторечно-разговорной лексики, другие же быстро осваиваются литературным языком. Освоение литературным языком этих слов свидетельствует о том, что уже в XVIII в. начинается очень важный для демократизации русского литературного языка процесс: выход слов конкретно-предметного значения за пределы издавна закрепленных за ними лексико-семантических сфер и использования их «в качестве эмоционально-окрашенных характеристик к понятиям отвлеченным и явлениям духовного мира» [152].

Образно-переносные значения развиваются у ряда имен существительных конкретно-предметного значения и первоначально свойственны разговорной речи (в $САР_{1,2}$ они обычно имеют ограничительные пометы). Слова в этих новых значениях, как правило, обладают экспрессией. Очевидно, в силу своей экспрессивности они и проникают в литературное употребление. Некоторые из них не получают широкого распространения в литературе и в это время остаются достоянием жанров и контекстов, отражающих разговорную речь. Таковы, например, имена существительные, в основных значениях — названия животных, переносно применяемые к человеку: *змейка, лисица, щенок*, а также некоторые другие существительные: *баба* (в применении к робкому, несмелому мужчине), *баня* (о нагоняе или побоях), *колотовка* (о хитрой, умеющей обмануть женщине), *крючок* (о чрезмерно

[152] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 331.

придирчивом, мелочном и изворотливом человеке, обычно чиновнике); *пень* (о глупом нерасторопном человеке), *пест* (о непонятливом, недогадливом человеке) и др.[153]

Отчетливо обнаружился этот процесс в кругу глаголов в конкретном значении. Некоторые из этих глаголов в формирующихся переносных значениях встречаются в XVIII в. только в стилистически ограниченных контекстах. Например, в речи персонажей комедии употребляются следующие глаголы:

Замарать в переносном значении 'обесславить, опозорить' (в $САР_2$ без ограничительной пометы): [Легкомысла] Я не могу понять, как он так худо предупрежден об вас. [Язон] Злословием, сударыня, злословием, теми вредными языками, которые всегда стараются *замарать* честного человека (Злоумный — ЛК).

Опростоволоситься (в $САР_1$ и $САР_2$ имеет помету «простонародное» и определяется: 'не кстати, не во время что-либо сказать или сделать, оплошать'): [Агафья] Неужто он *опростоволосился* в первый раз, и на ночь не запер ворот (Княжнин, Притворно сумасшедшая).

Прижать в переносном значении 'оказать давление, притеснить' (в $САР_2$ без ограничительной пометы) в XVIII в. находим только в речи персонажей. Так, у Княжнина: Рок чем-нибудь всегда умеет *прижимать* (Хвастун — ЛК); в комедии «Судейские именины»: [Хамкина] А ты хорошенько его *прижми*, Так от души даст три души (ЛК). Ср. также в выражении *прижать хвост*: Однако же и ей, Голубушке моей Хоть нынче пост *Прижали хвост* (Николев, Розана и Любим — ЛК); [Скрягин Любиме] Я тебе *прижму хвост* (Скупой — ЛК).

Некоторые слова конкретного значения в развивающихся у них переносных значениях, используясь ранее в разговорных контекстах, расширяют сферу своего функционирования, проникая в литературный язык и закрепляясь в нем. Таковы, например, следующие слова:

Вертеться (в $САР_1$ и $САР_2$ «просторечное»: 'часто кому представляться, около кого бегать, выставляться') встречается в переводах Елагина: Шайку молодых и глупых людей, которые вокруг тебя *вертятся*, твое с ними обхождение... ругают больше, нежели оно в самом деле стоит (Мизантроп — ЛК); у Крылова: Разговор зашел и

[153] См. примеры: *Князькова Г. П.* Лексика..., с. 168—170.

о людях, около которых мы столь давно с ним *вертимся* (Ночи).

Коситься (в $САР_2$ переносное значение дается с пометой «в просторечии» и определяется: 'показывать вид неудовольствия') отмечено в таких контекстах: За неволю станет беситься, как жена на мужа *косится* (Барс., Посл.); Естьли же Горозин поедет, так это будет под предлогом, чтоб со мною повидаться, так некоторым *коситься* не для чего (Хемниц., П. к Н. А. Львову, 18 дек. 1782 г.), а также в «Тилемахиде» Тредиаковского, в поэзии: Однако, чтоб себя стыда и бед избавить, А в малом жару поубавить, Он способ с ним еще вот этот предприял, Как матушка на то любезна ни *косилась*, В Америку его на сколько-то послал (Хемн., Усмирительный способ).

Отрывать в переносном значении 'отвлекать, мешать заниматься чем-н.' (в $САР_2$ — «в простореч.»): Матушка... всегда меня от книги *отрывала* (Живоп.); Будет крестьян своих *отрывать* от работ для песен (Крыл., Почта дух.).

Отделать (в $САР_2$ — 'гадить, портить, делать негодным — в простонародном употр.') встречается не только в комедиях в речи персонажей (Княжнин, Сбитенщик; Фонвизин, Недоросль; Веревкин, Именинники), но и в авторской речи писателей, в мемуарах, дневниковых записях, в письмах: Иноходца моего я так *отделал*, что при обратном путешествии с трудом я его догнал до станции моего зятя (Болот., Зап.); Принц Нассад чернит Слизова, а тот сам его *отделал*, доказав бестолковые приказы и бывшую безурядицу (Храповицк., Дневн., 1790 г.).

II. Для собственно русской лексики, однако, в меньшей степени, чем для славянизмов, были характерны различные переосмысления слов, ведущие к образованию у них новых значений. Это было связано с формированием новых понятий в области социально-политической и терминологической лексики.

1. Новым социально-политическим содержанием наполняются слова *вольность*[154], *договор*, *право* и др.

СлРЯ XI—XVII вв. отмечает у слова *вольность* следующие значения: 'желание, охота', 'неограниченная

---

[154] О слове *вольность* см.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 273.

власть', 'свобода, отсутствие ограничений (особые права, привилегии)', 'освобождение от крепостной зависимости'.

В середине—второй половине XVIII в. у слова *вольность* исчезают значения 'неограниченная власть', а также 'желание, охота'.

В значении же 'свобода, отсутствие ограничений' оно употребляется широко. Например:

Британским кораблям *вольности* не имети людей или амуниции возить (Вед., 1712 г.); Младенец приобык иметь совершенную *вольность* делать все, что ни хотел (Воспит. дет.); Вода, в сосуде заключенная, не имеет *вольности* (Гоббс).

Активно функционирует слово *вольность* и в значении 'освобождение от крепостной зависимости': Господин, который отъимает от него *вольность*, лучший дар природы (Кант., П. Горация); Якобы государственные крестьяне в *вольности* жительство имеют (Мнен. деп. Чупрова); Намерены [мы] были от их злодейского тиранства освободить и учинить во всей России *вольность* (Указ. Пуг.).

Реже употреблялось это слово в значении 'особые права, привилегии': Древние [Ростока] вольности и привелегии (Вед., 1719 г.); *вольности* в торговле (Сох., Предм.); *вольность* книгопечатания (ПЖ, 1791); *вольность* книгопечатания (Мысл.); ср. в назв.: Манифест о *вольности* дворянства 18 февр. 1762 г.

В середине—второй половине XVIII в. в связи с распространившимися в России идеями теории естественного права и обострением политической обстановки в стране слово *вольность* актуализируется и переосмысляется, используясь для обозначения новых понятий.

В слове в это время формируется и более четко выделяется значение 'свобода, независимость'. Это значение реализуется в ряде словосочетаний. Ср.: *вольность естественная* (Тредиак.), *природная вольность* (Десн), *вольность личная* (Радищ.); *нравственная вольность* (Козельск).

В последние десятилетия в слове *вольность* начинает четко выделяться и другое новое значение — 'политическая свобода, независимость'. Ср.: *гражданская вольность* (Гос. правл.); *политическая вольность* (Фонв., Рассужд.); Се мститель грядет, прорицая *вольность* (Радищ., Путеш.); Упругая власть при издыхании... соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую

вольность (Там же); Один научает некоторых участных... Другой защищает общество, *вольность,* законы (Перев. из Энцикл., ч. II — ЛК); Политическая или гражданская *вольность* есть природная роду человеческому вольность, ограниченная законами человеческими столько, сколько для пользы общества потребно (Блакстон, Истолков. аглинск. законов, кн. 2 — ЛК). Но уже с начала XIX в. в этом социально-политическом значении начинает чаще выступать слово *свобода.* Оно становится излюбленным словом в поэзии декабристов[155]. Слово же *вольность* в этом значении постепенно ограничивает свое употребление сферой высокой лексики. Например, у Пушкина в оде «Вольность»: Лишь там над царскою главой Народов не легло страданье, Где крепко с *Вольностью* святой Законов мощных сочетанье.

У слова *вольность* с середины XVIII в. появляется также новое значение уже в иной сфере, связанной с развитием художественной литературы, — 'поэтическая, стихотворческая вольность'. Например: *вольность стихотворческая* (Кант., О мн. миров — *une licence poétique*); *вольность красноречия* (Новиков).

Новое значение 'прирожденная свобода личности, естественное право' формируется и у слова *право,* которое также попадает в сферу философских и социальных понятий, испытывающую сильное влияние идей французских просветителей XVIII в.

В этом значении слово *право* входит в целый ряд устойчивых словосочетаний — *право народов, народное право, право природы, природное право, естественное право, право общественное, гражданское право.* Например: *право общественное,* или *гражданское* (Козельск., Фил. предл.); И сие то называется *правом общенародным* (курсив авт.)! (Муратори, Рассужд. о благоденствии — ЛК); Достойнейшее любопытства есть новое *народное право* (курсив авт.), которое Автор учреждает в жару патриотического негодования (Моск. Мерк., 1803, ч. 3).

Слово *право* в этом значении широко используется Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» для обоснования им идеи социального равенства и необходимости революционной борьбы народа. Например:

---

[155] *Авилова Н. С.* К изучению языка поэтов-декабристов (Лексика и словообразование). — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953.

Право естественное показало вам человеков мысленно вне общества, приявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следовательно равных во всем между собою и единые другим неподвластных. *Право гражданское* показало вам человеков, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева матери в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной; Но человечество возревет в оковах, и, направляемое надеждою свободы и неистребимым *природы правом,* двинется; Много было писано о *праве народов*; нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия; Се *право* мщенное *природы* На плаху возвело царя.

Переосмысление получает и слово *договор*,[156] также попадая в сферу новой социально-политической лексики. Оно, наряду со славянизмом *согласие,* используется для передачи понятия *contract social* — одного из основных понятий теории естественного права.

Обычно в этом значении слово *договор* выступает в сочетании *общественный договор* (ср.: Воздвигнуть статую... Руссо как сочинителю *общественного договора* (*contract social*) (Политехн. журн., 1791), однако оно могло употребляться и в сочетании с другими словами: *договор с обществом гражданский договор* (Козельск.), *человеческий договор* (Гоббс).

2. Переосмысление слов, ведущее к возникновению новых значений, характерно и при формировании терминологической лексики, относящейся к разным областям науки. Процесс терминологизации сопровождается определенным сдвигом в значении слова. Это четко прослеживается, например, в сфере социально-экономической лексики при терминологизации таких слов, как *работа, труд, товар, рынок, мена, производить, производство, производительный* [157].

У слов *производить* 'делать, творить, совершать, приводить в действие', *производство* 'действие производящего и произведшего' и других производных развиваются новые значения, относящиеся к сфере экономиче-

[156] О слове *договор* см.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 254.

[157] См. об этих словах: там же, с. 261, 274, 275 и др.

ских понятий. Слово *производить* начинает употребляться в значении 'создавать какие-либо ценности путем затраты усилий, труда' (в этом значении оно нередко противополагается глаголу *потреблять*). Например: Труд и мена суть главные причины народного богатства. Первый *производит,* последняя разделяет произведения между членами общества (Стат. журн., 1808); Потребители сахара *производят* более хлеба (Лауд., О народн. благосост.).

Новое значение появляется и у слова *производительный,* которое реализуется чаще всего в сочетаниях: *производительная сила общества* (Стат. журн., 1808); *производительная сила труда* (Смит, Исслед. о богатстве народ.); *труд производительный, непроизводительный* (Лауд., О народн. благосост.).

Несколько позднее формируется социально-экономическое значение у слов *производство* 'процесс создания материальных благ' и *производитель* 'лицо, создающее материальные блага'. Например: Сию разорительную перемену для *производителей* необходимых жизненных припасов относит он к перевороту, случившемуся в земледельческой нашей системе (Моск. вестн., 1828); Хотите ли, например, знать важность *производства,* по-видимому, самых маловажных вещиц? Послушайте показание г. Остера, фабриканта стеклянных бус (Б-ка для чт., 1834).

Слово *труд* расширяет свою лексико-семантическую сочетаемость и в экономической литературе выступает не только в общем значении 'упражнение в работе' (Сл. 1847), но и осмысливается как существенный элемент общественно-полезной деятельности и производственного процесса, как основа создания ценностей. Например: В каждом состоянии человеческого общества люди получают свое содержание от земли, *труда* и капитала (Лауд., О народн. благосост.). Труд понимается также как мерило ценности: Думали, что *труд* имеет постоянную ценность и что его можно принять за меру ценности (Там же). Труд приравнивается также к товару, количество и стоимость которого можно определить: Работа есть первая потребность всякого произведения, а плата за *труд* первая составная часть цены (Стат. журн., 1808, т. 2); Доходы с капиталов уменьшаются от возвышения цены за *труд* (Моск. вестн., 1828, № 11). В дальнейшем слово *труд* как социально-экономический термин получает развитие в публицистике Белинского, Герцена.

Расширяет также свою употребительность в социально-экономической литературе и слово *работа,* которое приобретает более отвлеченное значение, выступая в качестве наименования процесса создания материальных благ (В Сл. 1847 приводится общее толкование: 'труд для совершения какого-либо дела; упражнение, занятие'). Слово *работа,* обозначая целенаправленную трудовую деятельность, в социально-экономических контекстах выступало наряду со словом *труд* в близких значениях: *Работа* есть производительная сила общества (Стат. журн., 1808, т. 2); Государство посредством *работы* производит великое количество товаров (Там же); В мене выигрывает тот, кто имеет у себя много произведений *работы* (Там же).

В первые десятилетия XIX в. у слова *запрос* развивается значение 'требование потребителей на товары'. САР отмечает лишь общераспространенное значение: 'требование излишней цены'. По-видимому, под влиянием значения 'требование' (В Сл. 1847 дается с пометой «стар.», однако в XVIII в. еще распространено, например: Слушать изволила... и о происшедших при том от них шведов *запросов* и требованиях — Дн. о всеподанн. докладов. Колл. иностр. дел, 1743 — ЛК; Претензия, неудовольствие, *запрос,* требование, иск — Сл. иностр. слов, 1769 — ЛК) в слове развивается социально-экономическое значение: Только умножение *запроса* может споспешествовать произведению и фабрикации какого-либо товара (Лауд., О народн. благосост.); Быстрый *запрос* на какой-нибудь потребительный товар возвышает ценность оного (Там же); Производитель и фабрикант соображаются с *запросом* (Там же). В дальнейшем это значение в слове не укрепилось, так как в экономическом обиходе употребительнее было слово *спрос* 'требование каких-либо произведений или товаров в торговле' ($САР_2$, то же в Сл. 1847), а в слове *запрос* получают дальнейшее развитие другие значения, например 'официальное письменное требование каких-нибудь сведений, объяснений или мнения' (Сего марта 6-го дня присланным из оного кабинета Ея И. В. *запросом* требовано от академической канцелярии известия. Мат. АН, 1745 — ЛК; ср. у Пушкина: На *запрос* вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева — Пушк., Кап. д.) и 'нужды, потребности чего-н'. (мн. ч.). (Ибрагим видал Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные *запросы* законодательства — Пушк., Арап Петра В.).

К кругу рассматриваемой лексики относятся и слова *стоимость*, *надобность*, которые служат для обозначения потребительной стоимости: степень *надобности* вещи (Лауд.).

Слово *товар* начинает обозначать не только предмет торговли (это отмечает САР$_2$), но и более широкое понятие: 'продукт труда, имеющий потребительную стоимость': Обработанный мануфактурный *товар*, переходя к потребителю, содержит в себе количество всех употребленных в него работ (Стат. журн., 1808, т. 2); Умножение запроса может споспешествовать произведению и фабрикации какого-либо *товара* (Лауд., О народн. благосост.); существенная цена *товаров* (Сев. вестн., 1804); фабричный *товар* (Пол. нам.).

При слове *мена* САР$_2$ приводится толкование 'добровольная сделка меняющихся'. В специальном употреблении это слово обозначает 'переход материальных ценностей от одних держателей к другим': Переход этот (денег из рук в руки) называется *меною* (ВЕ, 1824, № 2); *Мена*... есть первое действие общества во взаимных отношениях лиц, его составляющих (Моск. вестн., 1828, № 11). Соответственно слово *торговля* означает определенный процесс мены (обмена) продуктами (В САР$_2$ толкуется как 'покупка и продажа товаров, купеческий промысел'). Часто слова *мена* и *торговля* оказывались синонимами: *Мена*, которая впоследствии времени названа куплею и продажею, или *торговлею* (Стат. журн., 1808, т. 2); *Мена* произведений, или *торговля* (Моск. телегр., 1826, № 13).

Слово *рынок* также развивает новое, отвлеченное значение 'сфера товарного обращения' (в САР$_2$ определяется как 'базар, торжище; место, где продают всякие вещи'): Они смотрят на них так, как на машины или как на такие вещи, кои никогда не приходят на *рынок*, а след. никакого не имеют влияния на цену (Лауд., О народн. благосост.). В дальнейшем, в середине XIX в., употребление слова в публицистике и литературе расширяется.

Подобная специализация значений происходит и в других сферах языка, например в социально-юридической. В связи со становлением нового языка законодательства у слов *мещанин* и *посадский* формируются новые, более специальные значения. В начале XVIII в. эти слова были синонимичны и обозначали лицо, принадлежащее к торгово-промышленному сословию. К концу века слова *меща-*

нин и *посадский* уже обозначают различные сословные состояния городских жителей.

III. В рассматриваемое время активизируются процессы семантической индукции в кругу русских слов. Развитие новых значений под влиянием иностранных языков, и в первую очередь французского, приобретает особую широту с последних десятилетий XVIII в., прежде всего в литературе, относящейся к «новому слогу». Это было связано с определенной языковой политикой, направленной на ограничение книжно-славянской лексики, стремлением к «светскости», легкости изложения.

Процессы семантической индукции способствовали образованию семантических неологизмов, в основном обозначающих отвлеченные свойства и качества предметов. Воздействие западноевропейских языков, особенно французского, «осложнило и обогатило сферу выражения качественных оценок внутреннего и внешнего мира и привило русскому языку изощренные приемы отвлеченно-оценочного и пластического изображения свойств и признаков предметов»[158].

Круг русских слов, испытывающих действие семантической индукции, в это время широк. Это, например, такие слова, как *вкус* (фр. goût), *живой* (фр. vif), *жилка* (фр. *veine*), *отделять* (фр. abstraire), *отдельный*, *относительный* (лат. relativus, фр. relative), *переворот* (фр. révolution), *плоский* (фр. plat), *развивать* (фр. développer), *развитие, складка* (фр. pli), *след* (фр. trace), *сухой* (фр. sec), *тонкий* (фр. fin), *трогать* (фр. toucher), *убивать* (фр. tuer), *черта* (фр. trait) и др.

Действие семантической индукции на русские слова носило, как и в кругу книжно-славянской лексики, разный характер. Оно могло приводить к развитию у слова с конкретной семантикой нового отвлеченного значения. В ряде же случаев это действие проявлялось в определенных коррекциях собственного семантического развития слова, в расширении его семантико-фразеологических связей.

1. Примерами первого рода могут служить слова *развивать*, *сухой*, *трогать*, *переворот*, *черта*, *соль* и др.

До середины XVIII в. слово *трогать* и его производные употреблялись только в прямом значении. С середины

[158] *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., «Высшая школа», 1972, с. 153.

века слово *трогать* начинает использоваться в значении 'возбуждать чувства, сочувствие' под влиянием фр. toucher на основе общности их прямого значения — 'касаться до чего руками'. Ср. французские параллели: Dieu lui a touché le coeur, *бог подвинул его сердце*; Cette nouvelle l'a fort touché, *сия весть весьма его тронула, оскорбила, обрадовала*; Il en est touché, *он тем весьма тронут* (Фр.-рос. лекс.). Шишков, рассматривая соотношение указанных слов, отмечает ошибочность употребления русского *трогать* в значении, свойственном французскому toucher лишь на основе частичного их совпадения в прямых значениях [159].

Слово *трогать* в новом отвлеченном значении становится широко употребительным во второй половине и конце XVIII в. Это значение слова отмечается уже в САР$_1$: 'подвигать кого на гнев, на жалость, к чувствительности'. Широко, например, представлено слово в указанном значении у Фонвизина: Повесть *тронула* сердца слушателей (Геройск. доброд.). У него же встречаем аналогичное употребление возвратной формы: *Тронись* моей тоской (Кор.); Никто не *тронулся* отверстым его гробом (Сидн. и Силли). Активно используется оно и Карамзиным, особенно в «Письмах русского путешественника»: *Трогал* добродушием и терпением; Катерина более всех *тронута;* в черных глазах ее блистают слезы; [Истинное] мало *трогает* сонные и флегматические сердца британцев; Драмы англичан... *трогают* более содержанием и картинами, нежели чувствами. В «Бедной Лизе»: Предметы, которые *трогают* мое сердце.

В это время также широко употребляется прилагательное *трогательный* в новом значении. САР$_1$ дает ему следующее толкование: 'могущий привесть в чувствительность'. *Трогательная песня, повесть, картина* (ср. фр. touchant 'умилительный, трогающий, оскорбительный, пленяющий, жалобный, досадительный, движительный' — Фр.-рос. лекс.). Слово *трогательный* в рассматриваемое время в новом значении образует широкий круг фразеологических связей. Например, у Карамзина в «Письмах русского путешественника» встречаются следующие характерные сочетания: в *трогательном виде*; *трогательные явления; трогательные места* [в оперетках]; *трогательная*

---

[159] *Шишков А.* Рассуждение..., с. 35. Подробнее см.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 145—146.

надпись; трогательный случай; с трогательным искусством выражено; *трогательные письма*; *трогательный голос*; *трогательная мелодия*; *трогательное зрелище*; *трогательные арии.* Ср. наряду с этим производные образования: *трогательно* (Г-жа Унцельман *трогательно* представляла молодую принцессу. — Карамз., ПРП); *трогательность* (Жаль, что здесь искусство не соответствует *трогательности* предмета! — Там же).

Слово *черта* в значении 'характерная особенность, отличительный признак, свойство кого-чего-либо' активно употребляется во второй половине XVIII в. в соответствии с фр. trait, имевшим разнообразные фразеологические связи (ср.: Un trait d'ami, *дружеский поступок*; Cette affaire n'a point de trait à l'autre, *эта вещь не имеет сходства с другою*; Il ressemble à son père trait pour trait, *он во всех чертах лица, во всем походит на своего отца*; Il y a de beaux traits dans ce discours, *в сей речи есть прекрасныя места* — Фр.-рос. лекс.).

В русском литературном языке второй половины XVIII в. слово *черта* развивает широкие лексико-семантические связи: *Черта* характера (Болот., Зап.); *Черты*, означающие душу честного человека (Фонв., Сидн. и Силли); *Черты*, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия (Карамз., ПРП). Ср. следующие характерные для этого периода сочетания у Карамзина: *черта сердца, души* (ПРП); *черты великодушия* (Там же); *живые черты* небесного терпения (Там же); *черта лица* (Там же); *трогательные черты* для сердца (Рыц. наш. врем.).

Под влиянием семантики фр. tuer 'убивать' в русском литературном языке второй половины XVIII в. складывается сочетание *убить время*, однако даже в конце XVIII в. оно еще воспринимается как нерусское, о чем свидетельствуют оговорки при его употреблении, например: Не знаю, продаются ли в Цирихе карты; по крайней мере в них здесь никогда не играют и не знают сего прекрасного средства *убивать время* (простите мне этот галлицизм) (Карамз., ПРП).

Ко второй половине XVIII в. относится формирование у слова *соль* отвлеченно-переносного значения под влиянием французского слова sel [160]. CAP_1 отмечает только

---

[160] Словари французского языка второй половины XVIII в. отмечают следующее употребление слова sel 'соль': «*Il y a du sel

предметное значение слова, но приводит следующее выражение и его толкование: «*В сем сочинении много соли*, т. е. сочинение сие содержит много остроты, острых, замысловатых выражений». Сл. 1847 отмечает переносное значение 'острота, остроумие' и иллюстрирует его речением: «В этом сочинении много соли».

Уже в первой трети XVIII в. у А. Кантемира встречается употребление слова *соль* в переносном смысле. А. Кантемир, объясняя выражение *без соли*, употребленное в эпиграмме «К читателям», пишет: «В стихотворстве забавные и острые речи латин *соль* называются, и для того говорит автор, что смеялся иным для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смешками посолил ее, чтоб была вкуснее уму чтущих» (Кант., К читателям).

Во второй половине XVIII в. слово *соль* широко употребляется в переносном значении. Например:

Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической *соли* (Фонв., Чист. призн.); В его, де, сатирах ни *соли*, ни вкуса не находят (Трутень, 1769 г.); Многие письма в прозе, заключающия в себе столько остроты и *соли* (Там же, 1770 г.); Стихи хороши, вольны, сатира наполнена *солью* (СПб. Меркурий, 1793 — ЛК).

Встречается и каламбурное употребление слова: Истребляйте закоренелые предрассуждении и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных, тогда в сатирах ваших и *соли* находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие, так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят (Трутень, июня 6 дня 1769 г.).

Можно предположить, что осмысление слова *соль* по аналогии с фр. sel основывалось на звуковом сходстве слов.

Слово *сухой* в языке старшей поры обозначало только физическое свойство и качество и значило 'высохший', 'безводный', 'тощий' (Срезн.). Во второй половине XVIII в. у слова *сухой* формируется новое переносное значение 'холодный, суровый, неласковый, неучтивый'

---

dans cet ouvrage, cet ouvrage est plein de sel *В сем сочинении есть соль, есть в нем много соли, т. е. остроты, острых насмешек, шуток или сатирического, едкого, колкого.* *Il n'y a point de sel, pas un grain de sel, dans son ouvrage, dans sa conversation *Нет ничего соли, остроты, ничего замысловатого в его сочинении, разговоре*» (Фр.-рос. лекс.).

(САР$_1$), ср.: Буало... *сух* и педант в своей чистоте (Елаг., Приключ. маркиза Г. — ЛК); *Сухая* улыбка ([Гете] Страсти молод. Вертера — ЛК); Некоторые шутки, конечно, довольно остры, но многие грубы, *сухи* и натянуты (Карамз., ПРП). Употребление слова *сухой* в этом значении объясняется влиянием семантической структуры фр. слова sec, имевшего разветвленную сеть вторичных значений (ср.: Il lui a fait un compliment fort sec, *он сделал ему сухое приветствие, несколько сурово с ним говорил*; Réponse sèche, reprimande sèche, *неласковый, холодный, суровый, неучтивый, короткий ответ*; Cet homme est sec, *сей человек необходителен, неласков, тяжелого нрава* — Фр.-рос. лекс.).

На протяжении второй половины XVIII в. слово *сухой* расширяет сферу своего употребления и входит в различные словосочетания, образуя множество оттенков переносного характера. Слово употребляется в значении 'лишенный живости, скупой, лаконичный' (по отношению к языку, слогу, речи, произведению): Ты пишешь так *сухо*, что я никогда не имею терпения читать твоих сочинений (Живоп.); Философ не-поэт пишет моральные диссертации, иногда весьма *сухие* (Моск. журн., 1791, ч. 1). Ср. аналогичное употребление французского слова sec: Cet Auteur, ce Poëte est sec, *сей автор, стихотворец сух, не имеет изобилия ни в мыслях, ни в выражениях*; Un style sec, *сухой, простой слог, стиль без всяких прикрас* (Фр.-рос. лекс.).

Слово *сухой* использовалось также в значении 'скучный, незанимательный, не затрагивающий чувств' (ср. фр. Une matière sèche, *материя сухая, безплодная, неплодовитая* — Там же). Например: Мы... перестали о таких *сухих* вещах говорить (Елаг., Приключ. маркиза Г. — ЛК); Принявшись за одну [книгу], провоняла было *сухою* моралью (Трутень, 1770 г.); [Остерегаюсь] не отягощать вас *сухими* и бесплодными в недостатке примеров правилами (Козельск., Рассужд.); Немцы прилежали только к *сухой* учености (Карамз., ПРП).

В то же время в аналогичных значениях употреблялось и сущ. *сухость*. Например: Чтоб им в самом начале учения не наскучить *сухостию* и трудностию копии, то есть науки (Козельск., Рассужд.); Скучать *сухостью* сих задач (Сл. Фонв.); Тут нет ни *сухости* школьной, ни повелительного тона учителя (Корифей — ЛК).

2. Примерами иного рода действия семантической индукции, когда оно проявляется в коррекции развития собственного значения слова в определенном направлении или же в импульсе к его дальнейшему развитию, расширению у слов лексико-семантических связей, служит история слова *живой*.

Слово *живой* в древнерусском языке могло выступать в переносном значении (ср. в «Материалах» Срезневского: «Тьрьпѣниемъ напасти избависте врага искоушающаго ны тоучами словесе живаго» — Мин. 1096 г.).

В XVIII в. происходит дальнейшее развитие переносных значений слова в разных направлениях, расширение его сочетаемости и вычленение и дифференциация отдельных значений. Новые значения слова *живой* в XVIII в. формируются на основе усилившегося соотношения с фр. vif, особенно во второй половине XVIII в.[161]

Уже в первой половине века слово *живой* выступает в значениях: 'выразительный, веселый'. Например: Глаза она имеет быстрые, ясные и *живые* (Тредиак., Езда в остр. люб.); Румянец играл на том [лице] весьма *живой* и очень светлый (Там же); 'остро ощущаемый, переживаемый': В *живое* прихожу чувство (Тредиак., Речь о чист. яз.).

Во второй половине XVIII в. усиливается соотношение слова *живой* с фр. vif. Под влиянием образно-смысловой структуры слова vif у слова *живой* формируются новые отвлеченно-переносные значения, устойчивые словосочетания. Так, $САР_1$ отмечает целый ряд устойчивых сочетаний со словом *живой: живой разум, воображение, живые выражения, живые глаза, живое лицо.*

Функционирование слова *живой* во второй половине XVIII в. свидетельствует об активном смысловом развитии слова, формировании у него широкого круга лексико-семантических связей. В это время оно выступает в значениях:

'деятельный, полный жизненной энергии' (о внутреннем складе характера): Был он нрава *живого* и веселого

---

[161] В «Полном французском и российском лексиконе» представлены следующие значения слова: les yeux vifs *живые глаза*; le sentiment vif *острое чувствование*; les passions vives *горячие, жестокие страсти*; l'esprit vif *быстрый разум*; l'imagination vive *пылкое воображение*; expressions vives *сильные выражения*; couleur vive *яркий цвет*; un teint vif *светлое, румяное лицо*; langue vivante *живой язык.*

(Елаг., Приключ. маркиза Г. — ЛК); Она стала не так *жива* и весела как прежде (Карамз., ПРП);

'проницательный, скоро приемлющий': *живое* воображение (Чеб., Сл. о способах); *Живое* воображение удовольствий раздражало мою душу (Моск. журн., 1792, ч. VII); [Она] имела *живой* и проницательный ум и... хороший рассудок (Болот., Зап.);

'деятельный, интенсивно проявляющийся': Брали *живое* участие в судьбе спасенной невинности (Моск. журн., 1791, ч. IV); *Живое* действие сладчайших ея дел (Афонин, Слово — ЛК).

'реальный, подлинный, действительный': *Живая* правда их разит (Петров, На соч. нового Уложения — ЛК); *Живое* подобие и изображение дикого зверя (Барсов, Слово 1771 — ЛК);

'сильно переживаемый, остро ощущаемый' (главным образом в сочетании с сущ. *чувство, чувствование, страсть, впечатление*): *живое чувствование* (Радищ., Путеш.); *живые впечатления таких* картин и эстампов (Моск. журн., 1791, ч. 1); *живое чувство* истины (Там же); *живое чувство* (Там же, ч. 3); [человек] с *живым чувством* (Карамз., ПРП); полнота *живых чувств* (Пант. иностр. слов, кн. 2 — ЛК); в волнении *живых чувств* (Там же, кн. 1 — ЛК); *живая страсть* (Там же);

'яркий, выразительный' (о речи, художественном воспроизведении действительности, самой действительности): Благодарит меня *живыми* и чувствительными выражениями (Елаг., Приключ. маркиза Г. — ЛК); Слог его, как зеркало или картина вещей, делается необходимым слогом; он впечатлевает все свои описания, и всякая черта *жива,* плодотворна (Пант. иностр. слов, кн. 1 — ЛК); *Живая,* но трогающая картина раздирала попеременно сердца лиц на ней изображенных (Хераск., Кадм. и Гарм. — ЛК); Семья... представляла *живую* картину нищеты человеческой (Фильдинг, Пов. о Том. Ионесе — ЛК); *живыми* красками описанный образ нашей повелительницы (Живоп.).

Ко второй половине века относится и появление слова *живость.* Круг лексико-семантических связей этого слова предопределен семантикой слова *живой.* Так же как и слово *живой,* оно развивает многозначность и широко употребляется в литературном языке этого времени.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВНУТРЕННИМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ЛЕКСИКЕ

Семантические процессы этого типа прежде всего связаны с состоянием самой лексической системы определенного времени, в данную эпоху характеризующимся неустойчивостью, сложностью и противоречивостью. Это переходное состояние находит свое отражение в разных семантических процессах, ведущих к явлениям дублетности, лексической избыточности. Эти процессы отличаются нечеткостью, неустойчивостью и необязательностью результатов.

В то же время в семантических процессах этого периода все свободнее проявляет себя тенденция к системному упорядочению лексического состава литературного языка, направленная на преобразование внешних отношений между разными генетико-стилистическими пластами — внутренними семантико-стилистическими отношениями, формирующими новую лексико-семантическую систему литературного языка. В этом плане особое значение приобретают процессы, ведущие к внутреннему семантическому взаимодействию между словами разных генетических пластов и в первую очередь между книжнославянской и русской лексикой.

Два процесса характерны для семантических преобразований этого плана — процесс семантической дифференциации и процесс семантической аналогии.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ СЛАВЯНИЗМОВ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Эти процессы приобретают особую актуальность в рассматриваемый период — период сложения национального русского литературного языка, когда происходит окончательное слияние двух генетических стихий в единый органический сплав, приведшее к тому, что в «составе современного русского литературного языка вошедшие в него книжные и живые элементы русской речи слились в одно неразличимое целое» [162].

[162] *Винокур Г. О.* О славянизмах в современном русском литературном языке. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Госучпедгиз, 1959, с. 459.

ПРОЦЕСС СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В рассматриваемое время продолжается процесс дифференциации между книжно-славянской и русской лексикой. Основное направление этого процесса — закрепление за славянизмами производных отвлеченных значений, а за русскими словами — номинативных значений, общих для русских и славянских параллелей. Сфера употребления славянизмов в номинативных значениях сужается — они переходят в разряд высокой или поэтической лексики. Однако в рассматриваемое время процесс дифференциации для многих параллелей не был достаточно четким и определенным. Он часто нарушался, с одной стороны, стилистически не мотивированным функционированием в нейтральных контекстах славянизмов в номинативных значениях, с другой стороны, употреблением русских слов в производных значениях, свойственных их книжно-славянским параллелям и возникших в результате процесса семантической аналогии. Но для некоторых групп славянизмов и русизмов можно установить значения (и контексты), которые, хотя и затрагивались семантической аналогией, но тенденция к дифференциации оказывалась в них сильнее. Так, например, значительно сокращается употребительность славянизмов в номинативных значениях в следующих парах: *возбудить — разбудить, объять — обнять, влечь — волочь, излить — вылить, прервать — перервать, пресечь — пересечь, снискать — сыскать, столп — столб, страна — сторона, зерцало — зеркало, вопиять — вопить, восхитить — поднять* и др.

С разной степенью четкости дифференциация значений и употреблений слов проявляется, по наблюдению Р. М. Цейтлин [163], в следующих параллелях.

Брег — берег. Оба слова одинаково широко употребляются в прямом и переносных значениях. Однако славянизм, шире, чем русское слово, употребляется метафорически, в разного рода переносных, образных выражениях.

---

[163] *Цейтлин Р. М.* Из истории употребления неполногласных и полногласных слов — вариантов в русской художественной речи конца XVIII и начала XIX в. — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., «Наука», 1964.

Слово *берег* выступает в это время и в тех фразеологических связях, которые были характерны для славянизма. Например, в значении «обобщающего» характера — 'о крае, стране, городе у моря, реки, озера или вообще о каком-н. крае, стране': На *брегах* отдаленной чужбины (Кюхельб., К Матюшкину); к *брегам* чужих народов (Вяз., К В. А. Жуковскому); С Секванских слышал я *брегов* Ваш клик (Кюхельб., К Вяземскому; *брега* Секваны — о Париже, Франции); Здесь с *берегов* свободы, художеств, чудаков (Вяз., К Батюшкову; — об Англии); Приехал перенимать моды... с *берегов* Секваны (Батюшк., Прогулка по Москве).

Слово *берег* употребляется широко и в других словосочетаниях, свойственных славянизму *брег*, когда они обозначают жизнь и смерть человека, связанные с представлением о жизни как о реке, например таких, как *брега Стикса, стигийские брега, брега Леты, брег (воды) забвенья, брег жизни* и др.: Подле *Стиксовых брегов* (Жуковск., Пред судилище Миноса); За мрачными *Стигийскими брегами*, Где в тишине Элизиум цветет, Минувшие певцы гремят струнами, Их шумный глас Минувшее поет (Дельвиг, Элизиум поэтов); И на *брег воды забвенья* Зов отца не долетит! (Жуковск., Ахилл); Оставь сей *жизни брег* (Жуковск., Песнь барда) — На *берегах Стигийских вод* (Борат., Падение листьев); Сюда на *берег* тихой *Леты* (Батюшк., Видение на брегах Леты); Шумит поток времен, Их темный вал Вновь выплеснул на *берег жизни* нашей Священный день (Кюхельб., 19 окт. 1836 г.).

Бразда — борозда. В прямом значении употребляются оба слова. В переносном же употреблении выступает только славянизм. Например: И бледные мои ланиты Изрыли слезные *бразды* (Глинка, Молитва души); О слава! ты надежд моих отвергла клятву, Когда я уповал пожать бессмертья жатву И яркою *браздой* прорезать мглу веков (Вяземск., Уныние); Когда тебе житейские *бразды*, Труд бытия вознаграждая, Готовятся подать свои плоды (Борат., Осень).

Врата — ворота. Оба слова свободно функционируют в прямом значении. В переносных, образных употреблениях встречается, как правило, только славянизм. Например, в значении 'рубеж, начало, преддверие чего-л.': У *врат* святилища науки (Язык., К***); от *врат* зимы (Карамз., На торжественное коронование

Александра I). Однако в редких случаях в переносном употреблении возможен и русизм: Сиди, как у *ворот* угрюмого Кавказа Бывало сиживал покорный твой слуга (Пушк., Румяный критик мой).

Славянизм используется также в устойчивых словосочетаниях — *врата востока, восточные врата* (о восходе солнца), *врата Ада, врата Айдеса, врата Аида, врата рая.*

Глава — голова. И славянизм, и русизм широко употребляются в прямом значении. Однако каждое из этих слов имеет свои переносные значения.

Русизм входит в целый ряд устойчивых сочетаний, таких как *выдать с головой*; *ни ног, ни головы*; *с ног до головы*; *о двух головах*; *кружится голова, прийти в голову* и др.; в метонимическом значении, обозначающем человека как носителя каких-либо качеств.

Славянизм используется в переносных значениях 'макушка дерева, вершина горы, маковка церкви' (*Главу* одевши в мох печальный, Огромным сторожем стоит На нем гранит пирамидальный — Борат., Эда; Соборов *главы* золотые — Борат., Цыганка); 'вождь, начальник, предводитель' (А *глава* у нас — посадница — А. Одоевск., Зосима; Рек северных *глава*, Великолепная и светлая Нева — Вяземск., Петербург).

Однако в значении 'вершина горы, макушка дерева' может выступать и русизм. Например: Из-под одежды снеговой Кой-где вставая *головами*, Скалы чернеют за скалами (Борат., Эда).

Глас — голос. Эти параллели, за небольшим исключением, функционируют в идентичных значениях, с количественным преобладанием в поэтической речи славянизма. Например, в значениях: 1) 'звук человеческого голоса'; 2) 'мнение, суждение': Он *общим гласом* киевлян Главою русичей избран (Б.-Марл., Андр. Переясл.); Они [французы] не подают голосов во время заседания, но после составляется *общий голос*, который или усугубляет обвинение, или оправдывает обвиненного (Глинка, П. русск. офицера); *Общий голос* в его пользу (Жих., Зап).; 3) 'зов, веление, проявление чувств' [164]. В данном значении более употребительным является славянизм, хотя и русизм может свободно функционировать в этом

[164] Об употреблении параллелей *глас — голос* в этом значении см. раздел «Влияние семантики славянизмов на русские слова».

значении. Например: *Скорби глас* (Жуковск., Людмила, Ивиковы журавли и др.); *печали глас* (Жуковск., Громобой); *глас совести* (Батюшк., К другу); *восторга глас* (Кюхельб., Посл. к матери); И тайный *голос* говорит (Глинка, Созерцание); *голос славы* (Вяземск., Уныние); *голос муки* (Вяземск., К моим друзьям); *голос сердца* (Карамз., К верной) и др.

Подобное параллельное использование слов *глас — голос* наблюдается и в других значениях — 'звуки музыкальных инструментов', 'пение птиц, шум воды, ветра' и др.

Как правило, славянизм употребляется в библейских выражениях *трубный глас, возвысить* (*вознести, воздвигнуть*) *глас, животворящий глас*, в выражениях *последний глас, первый глас*, в названии восьми напевов церковного пения (ср.: Пел на клиросе на все восемь *гласов* — Нарежн., Бурсак).

Только слово *голос* используется в значении 'мелодия'.

Град — город. Оба слова употребляются в аналогичных контекстах и могут стилистически не отличаться. Однако были определенные контексты, где предпочтительней оказывался славянизм. Это — связанное с определенной традицией (с одной стороны, фольклорной, с другой — официально-торжественного словоупотребления) употребления слова *град* в случаях, когда речь идет о столице государства или о каком-либо историческом городе. Например:

По градам и селам, с мечом и огнем До *Града* царя Константина (Язык., Олег); *Киевград* (Жуковск., Вадим); От *града* нашего Петра (Батюшк., Переход через Рейн) и др.

Слово *град* встречается также в устойчивых сочетаниях — *первопрестольный град, стольный град, престольный град, грады* и *веси* (но ср.: *города* и *веси* пылают — Карамз., Марфа Посадница).

Только слово *город* преимущественно используется в устойчивых словосочетаниях *весь город* (в знач. 'все население города'), *пойти за город, жить за городом* и др.

Древо — дерево. В прямом значении употребляются оба слова. Преимущественно русизм употребляется в значении 'сделанный из дерева'.

Славянизм *древо* используется в переносных значениях в устойчивых сочетаниях — *древо жизни, древо*

жизненное, райское древо, животворящее древо, древо просвещения, древо познания и др. Например: Петр Великий... утешал себя великою мыслию, что на берегах Невы *древо наук* будет процветать под сению его державы (Батюшк., Вечер у Кантемира); *древо просвещения* (Шишк., Рассуждения о любви к отечеству).

Жребий — жеребий. Только славянизм употребляется в значении 'судьба'.

В значении же 'условный значок, вынимаемый наудачу для решения спора, судьбы' слово *жеребий* является более употребительным, особенно в сочетаниях *пал жеребий, кинуть, бросить жеребий.* Например: Зовет нас государь на службу. На меня пал *жеребий* (Радищ., Путеш.); Семь раз *жеребей* бросают о Гвариносе цари (Карамз., Граф Гваринос); Тогда они бросили *жеребей*, кому петь прежде (Карамз., Прекрасная царевна и щастливый карла); Выдумав малость, мы по *жеребью* выбирали исполнителя (Борат., П. к Жуковскому, конец 1823 г.).

Но ср.: Преемником его был иеромонах Троицкий... избранный по *жребию* (Карамз., Нат., боярск. дочь); Мир или злоба? *Жребий* не вынут (Батюшк., Отрывок из «Мессинской невесты» Шиллера).

Слово *жеребий* преимущественно употребляется в значении 'отделенная, отрезанная часть чего-л. целого' (например: Зрит [благорассудный гражданин] неизмеримую цепь все бытия связующую... вышние, средние и нижния *жеребья* — Хераск., Полидор) и в значении 'пай, участок земли, доставшийся по жребию'.

Здравие — здоровье. В прямом значении функционируют оба слова. Дифференциация употребления незначительна. Иногда выбор того или иного слова диктуется предлогом. Славянизм чаще используется с предлогами *во* (*во здравие*) и *за*: Утомив члены до усталости, возляги на одре твоем и почиешь *во здравие* (Радищ., Путеш.); *За здравье* выпьем всех людей (Держ., К другу); И чаша поднялась *за здравье* Филалета (Батюшк., Новоселье молодых).

Русизм с предлогом *за* встречается значительно реже: Мы пьем *за* твое *здоровье* (Карамз., Нат., боярск. дочь). Ср. *заздравный.*

В словосочетании *пить здоровье* кого-л. употребляется только русизм. Например: Ваше *здоровье*, государь мой! — Ваше *здоровье*, мадам!.. Ваше здоровье! (Ка-

рамз., ПРП). Ср. славянизм: Пей *здравье* и любовь (Батюшк., Воспоминание).

Обе параллели употребляются в выражениях *дай бог здравия* (*здоровья*), *желать здравия* (*здоровья*).

Только славянизм — в пословице *Начать за здравие, а кончить за упокой.*

Чреда — череда. Только славянизм употребляется в значении 'пост, поприще'. Например: Добра и зла ты вождь един, К высокой той *чреде* ведущий, К которой избран Света сын (Держ., Добродетель).

Оба слова используются в значениях: 'чье-нибудь место в порядке следования, очередь'; 'чередование, последовательность в порядке предметов, явлений' и т. п. или 'совокупность предметов, явлений, следующих друг за другом, вереница'. Например: И тем одним лишь только льститься, Что, ежели дойдет *чреда* (Горчак., Теперешняя моя жизнь); Изображая все предметы по *чреде* (Муравьев, Зрение); И Людовик великий также в свою *чреду* мал, как и другие (Вяземск., Зап. кн.); — Так постойте ж пастухи... Гласите, *череду* друг с другом соблюдая (Муравьев, Эклога); И бледная луна тобой Своею *чередой* сияет (Держ., Величество божие).

Только русизм употребляется в значении 'пора, период': Пришла худая *череда*! (Пушк., Евг. Онег.); Мери проблестела свою *череду* (Б.-Марл., Ночь на корабле).

Более четко процесс дифференциации проходил в таких парах, как *бремя — беремя, влачить — волочить* [165], *страна — сторона* и др. Например, слова *влачить — волочить* имели общее номинативное значение 'тянуть, тащить по земле'. Кроме того, глагол *влачить* в середине XVIII в. начинает широко употребляться в сочетании со словами *бремя жизни, дни, век, путь*, которое означает 'проводить в печали, горести, трудных условиях' [166]. Употребление глагола *влачить* в этих сочетаниях поддерживалось параллельными фразеологизмами во французском языке: traîner une vie malheureuse, traîner une misérable existence, что способствовало его быстрой ассимиляции литературным языком и широкому распростране-

---

[165] См. об этих параллелях: *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке середины XVIII в. Л., «Наука», 1975, с. 63, 65—66.

[166] Об употреблении слов *влачить* и *волочить* в этом значении см. раздел «Влияние семантики славянизмов на русские слова».

нию. Например: Ах! долго ли и мне, несчастну, Здесь страннику *влачить* мой *путь*? (Дмитр., Грусть); Я *жизнь* мою *влачил* (Дмитр., Песня); *Влачить* я буду *жизни бремя* (Друг. Просв., 1806); Я сам *влачу* безнадежную *жизнь* (Журн. сл.); В постыдной праздности *влачить* мой *век* младой (Рыл., Исповедь Наливайко).

В номинативном значении слово *влачить* используется во второй половине XVIII в. редко, оно ограничивает свое употребление сферой высокой лексики. Например: И трупы братиев моих *влачил* бесстыдно (Сумарок., Хорев); Начали ту же по грязи *влачить* за космыни (Тредиак., Тилемах.).

Слово же *волочить* в номинативном значении употребляется в нейтральных контекстах: [Камчадалы] взяв посуду с копьями по мелкому каменью *волочили* (Крашен., Опис. Камч.).

Слово *волочить* также развивает переносные значения (но уже в иной сфере), которые не закрепились в литературном языке. В приказной речи у слова возникает значение 'медлить с окончанием какого-л. дела'. Например: А и приказные люди будут дела делать охотнее и *волочить* уже не будут (Посошк., Кн. о скуд. и богат.); Мужик был плут, Украл у палача Ременный кнут. Его поймали, Не *волоча* то дело окончали (Майк., Басни); Без свадьбы дело *проволочим* (Гриб., Г. от ума).

В разговорной речи у слова возникает значение 'насильственно доставить куда-н.'. Ср.: Сам едишь ты верхом, А мальчика с собой *волочишь* ты пешком (Сумарок., Притча).

ПРОЦЕСС СЕМАНТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ

В середине XVIII—начале XIX в. активизируется противоположный дифференциации процесс смыслового сближения, взаимовлияния книжно-славянских и русских слов. Совпадение большинства книжно-славянских и русских параллелей в номинативных значениях приводило к отождествлению их в производных.

Процесс семантического влияния в кругу книжно-славянской и русской лексики имеет и более широкое значение — это не только непосредственное взаимовлияние различных фонетических, словообразовательных лексических параллелей, но и взаимодействие двух лексико-семантических систем, имеющих некоторые особенности в прин-

ципах обозначений явлений реальной действительности, в способах номинации.

Этот процесс носит двусторонний характер: с одной стороны, влияние семантики славянизмов на русские слова, с другой — семантическое воздействие русских слов на славянизмы.

Влияние семантики славянизмов на русские слова

1. Влияние славянизмов на употребление русских слов определялось особенностями семантики книжно-славянской лексики — богато развитой системой отвлеченных значений. Слявянизмы в этих значениях составляли основной фонд книжных отвлеченных слов. Процесс семантической аналогии был одним из основных процессов, способствовавших проникновению собственно русской лексики в сферу отвлеченных обозначений и закреплению ее в этой сфере.

Так, например, влияние славянизмов с отвлеченной семантикой на употребление русского слова проявляется в таких параллелях, как *бытие — быт, течение — ход, изразить — выразить, издать — выдать, исчислить — вычислить, желание — охота* и др. Эти слова в книжно-славянском языке отличались широтой семантики, недифференцированностью значений. На протяжении всего XVIII в. происходит вычленение у этих слов отдельных значений, их специализация. Наличие общего значения или каких-либо общих элементов в значении славянизма и русского слова приводит к тому, что русское слово начинает употребляться в контекстных связях, ранее специфичных лишь для славянизма.

Примером может служить употребление параллели *течение — ход*. Оба слова совпадали в одном общем значении 'шествие, действие идущего, бегущего, плывущего и проч.' (САР$_1$) и расходились в других. У слова *ход* САР$_1$ отмечает ряд значений, относящихся к сфере конкретных действий и предметов: 'движение (относительно механических вещей)', 'место, по которому ходят', 'путь, дорога', 'ворота или двери', 'у повозок означает пару колес, передних или задних', 'церковное шествие (крестный ход)'. Слово *течение* имело отвлеченные значения: 'житие, продолжение жизни', 'продолжение (относительно к делам, времени' (САР$_1$). Кроме того, славянизм *течение* в рус-

ском литературном языке второй половины XVIII—начала XIX в. широко употреблялся в значении 'движение, развитие' по отношению к различным явлениям общественной, экономической, культурной жизни.

Наличие общего значения у слов *течение — ход* способствует тому, что слово *ход* начинает употребляться в наиболее актуальных значениях, свойственных славянизму *течение*.

Так, слово *ход* начинает широко использоваться в значении 'развитие, движение, изменение чего-либо во времени' (об общественной жизни, просвещении, искусствах, литературе, идеях, промышленности и т. д.), которое было одним из самых употребительных у слова *течения* в данное время. Например: [Народ] благородными искусствами, литературою и науками способствует успехам человечества в его славном *течении* к цели умственного и морального совершенства (ВЕ, 1802); быстрое *течение* познаний (Там же); Всей учености преподали иной и вящий способ *течения* (Вел. бога); Где мы найдем равенство в его [общества] частях, кроме стройного *течения* и непременного порядка в исполнении законов (Журн. сл., 1818); *ход* успехов в отечественном законодательстве (Укр. вестн., 1817); *ход* вселенной (Там же); Молодые наши словесники судят о его таланте по настоящему *ходу* общей литературы (Дмитр., Взгляд); *ход* наших успехов (Батюшк., Похв. сл.); состояние и *ход* свободомыслия в России (Б.-Марл., Об истор. ходе).

Аналогично употребляются слова *течение* и *ход* и в значении 'процесс прохождения, протекания чего-либо, установленный, заведенный порядок действия'. Например: Ускорить *течение* дел (ВЕ, 1802); Управлять *течением* дел (Там же); установленный порядок в *течении* дел (Дмитр., Взгляд) — Узнать *ход* следственного моего дела (Там же); Опорочивать политические мнения нашего правления, *ход* внутренних дел (Там же).

Слово *ход* вступает и в устойчивые словосочетания, характерные для слова *течение*, как например сочетание *течение вещей* (реже *обстоятельств*) со значением 'законное течение событий, явлений; развитие чего-либо'. Например: По общему *течению вещей,* отец оставляет при смерти имение своему сыну (Муравьев, Окр. зак.); Развратители естественного *течения вещей* (Моск. Мерк., 1803); Триумфы, предоставляемые геройству великой науки непреоборимы *течением вещей* (Сын Отеч., 1812). Ср.,

например, у Пушкина употребление только словосочетания *ход вещей:* Следуя обыкновенному *ходу вещей,* Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных (Ал. Рад.); Ум ‹человеческий›, по простонародному выражению, не пророк, а угодник, он видит общий *ход вещей* и может выводить из оного глубокие предположения (О вт. томе).

Закрепление отдельных из рассматриваемых выше значений за словом *ход* и последующая семантическая дифференциация параллелей *течение* и *ход* выходят далеко за рамки XVIII в. и связаны с судьбой целой группы, в которую входили такие слова, как *движение, шествие, развитие* и др.

Возникновение подобных отношений характерно и для других параллелей.

Глагол *вычислить,* имевший общее значение со славянизмом *исчислить* ('вычисляя, находить искомое количество' — САР$_1$) употребляется и в значении 'перечислить', ранее свойственном только славянизму. Например: Хотел *исчислить* здесь разные причины (Аничк., Сл. о свойств. позн.); *Исчислены* многие обстоятельства, к обличению преступления служащие (Укр. вестн., 1817); В определении должно *вычислять* приметы определяемой вещи (Козельск., Фил. предл.); Издание какой-либо из *вычисленных* им пиес (Укр. вестн., 1817).

Русизм *выразить* в древнерусском языке употреблялся в значении конкретного действия 'выбить, вывихнуть' (И сразивъшуся ему [Ростиславу] со Воршемъ, и падеся под нимъ конь, и *вырази* собѣ плече. Ипат. лет., 801. — СлРЯ XI—XVII вв.). С начала XVIII в. этот глагол начинает функционировать в значении 'изобразить', характерном для славянизма *изразить.* Со второй половины XVIII в. глагол *выразить* и его производные широко используются и в другом значении славянизма *изразить* — 'выразить, т. е. обнаружить, показать, выявить что-либо (мысли, чувства, настроения словами, действиями и т. п., высказать, изъяснить'. На протяжении второй половины XVIII—начала XIX в. оба глагола и их производные функционируют в этих значениях параллельно. Например:

Да яркой *изражу* чертою Народ воскресший на степах (Дмитр., Освобождение Москвы); Растения есть все уста, по *изражению* одного известного писателя (Радищ. О чел.); [Первобытный человек] *изражал* идеи свои метафорически (Журн. сл., 1818) — [Зыряне] столь искусны

выражать птичий голос, что оным заманивают в силки простую птицу (Лепех., Путеш.); Язык обыкновенный не достаточен к *выражению* восторгов (Журн. сл., 1818).

В первой трети XIX в. глагол *выразить* и его производные вытесняют из употребления в литературном языке славянизмы *изразить, изражение.*

Наибольшее влияние на семантику русских слов оказывали славянизмы с различными переносными значениями, восходящими к старославянскому языку. Среди них большое место занимают славянизмы с метафорическими значениями — одним из распространенных способов выражения отвлеченных понятий и действий в старославянском языке. Уже в церковнославянском языке происходит закрепление многих образных метафорических употреблений и значений славянизмов и развитие их сочетаемости. В XVIII в. продолжается дальнейшее расширение лексико-семантических связей этих слов. В связи с процессом дифференциации русских и книжно-славянских параллелей, ограничившим употребление славянизмов в прямых значениях, эти переносные значения становятся основными или актуальными значениями в слове. Несмотря на активность переносных значений славянизмов, связь их с конкретными номинативными значениями остается живой, так как славянизмы в конкретных значениях составляют в это время значительный фонд высокой и поэтической, а в период «славяно-росского языка — и книжной литературной лексики. Живая связь прямого и переносного значений славянизма способствовала свободному «заимствованию» русскими словами, имеющими общее или близкое со славянизмом конкретное значение, отвлеченных переносных значений этих слов. Этот процесс отчетливо прослеживается на примере взаимодействия следующих слов: *отверзти — открыть — отворить* и их производных, *возбудить — пробудить — разбудить* и их производных, *объять — обнять* и их производных, *влечь — волочь, излить — вылить, искупить — выкупить, изгнать — выгнать, предать — передать, прервать — перервать, пресечь — пересечь, снискать — сыскать, бремя — беремя — груз, столп — столб, вертоград — сад — огород, зерцало — зеркало — вывеска, игралища — игра — игрушка, вопиять — вопить, глас — голос* и др.

Так, например, в употреблении параллелей *бремя — беремя* ко второй половине XVIII в. сложились довольно четкие отношения. У слова *беремя,* в это время мало упо-

требительного в литературном языке, $САР_1$ отмечает два конкретных значения: 1) 'охапка, ноша, сколько руками охватя несть можно'. *Беремя дров*; 2) 'ужище, веревка'.

$САР_2$, очевидно, из-за редкой употребительности слова *беремя* вообще не включает его в свой состав. Однако единичные случаи употребления этого слова встречаются в литературном языке изучаемого времени, например в научной литературе: Так некогда из одного *беремя* дров, которые Протагор, будучи еще мальчиком, связал, приноравливая к своим плечам, узнал Демокрит, что в нем великая острота разума находится (Аничк., Сл. о разл. прич.).

У слова *бремя* $САР_1$ отмечает два значения — прямое, общее со словом *беремя*, и переносное, которого у русизма не было: 1) 'тяжесть, груз, ноша; 2) 'трудные обстоятельства' (*Стенать под бременем бедствий*). Это переносное значение восходит к старославянскому языку (см. в «Материалах» Срезневского: *Душевное бремя грехов* — Кир. Тур.).

Употребление слова *бремя* в прямом значении было сравнительно редким и в зависимости от контекста могло выступать и как стилистически окрашенное, и как нейтральное. Например:

Лошак большое *бремя* нес, А именно телегу вез (Сумарок., Высокомерная муха); Простерши руку отягченну Железным *бременем* цепей (Капн., Ода на рабство); Уподобляя тщательного стихотворца трудолюбивой пчеле, что когда при всем несомом ею тяжком *бремени* меда, не могла она, как токмо самомалейшую частицу оного высосать из обширного цветника (Шишк., Рассужд.); На вас нередко вьючат *бремя*, От коего ваш брат довольно и кряхтит (Дмитр., Верблюд).

Очень распространенным в русском литературном языке изучаемого времени было слово *бремя* в переносном значении. Оно могло употребляться как свободно, так и в составе устойчивых словосочетаний в различных жанрах, прозаических и поэтических, без ярко выраженной стилистической окраски. Его «высокость» или нейтральность зависели в большой мере от стилистической окраски контекста. Например:

Ему дела во тунеядстве *бремя* (Сумарок., Недост. вр.); Избавь, низвергни наше *бремя* (Ломонос., Ода на восшествие Елизаветы Петровны); Он причиною непослушания рабов полагает то *бремя*, которые несут рабы или кресть-

яне. А сие *бремя* не то же ли суть отягщение, которого не стерпя более, крестьянин... принужден бывает оставить своего помещика (Мнен. деп. Коробьина); Каждая должность ему *бремя* (Фонв., Нац. любоч.); Закон почитаем для себя несносным *бременем* (Новиков, Забл. чел.); Представил себя облегченного от земного *бремени* (Карамз., ПРП).

Наиболее употребительным слово *бремя* было в переносном фразеологически связанном значении — в сочетании с именем сущ. в родительном определительном — *бремя чего* (*жизни, роскоши, богатства, власти, законов, рабства* и др.) в контекстах различного стилистического характера (как «высоких» и «поэтических», так и нейтральных). Например:

Под *бремя роскоши, богатств* (Держ., Евгению, Жизнь Званская); Вериг постыдных сложишь *бремя* С отчизны моея драгой (Капн., Ода на рабство); *напастей бремя,* жестокой *власти бремя* (Он же); *бремя законов, бремя гордыни* (Фонв.); [Народ] носит *бремя* жестокого *рабства* (Он же, Гос. зак.); *бремя скуки* (Новиков); *бремя мысленной силы* своей, *бремя бытия, бремя жизни* (Карамз.); *бремя войны* (ВЕ, 1802); *забот* и *скуки бремя* (Жуковск.); *бремя державы* (Журн. сл., 1818); *бремя печали* (Батюшк., Восп.); *бремя печалей* и *забот* (Батюшк.).

В этом переносном фразеологически связанном значении, свойственном слову *бремя*, в конце XVIII—первой трети XIX в. употребляются различные слова русского происхождения, имеющие близкие значения с прямым значением славянизма. Редко, но встречается употребление слова *беремя*: Сама же я, мой свет, Отправлюся на мало время — Ведь у меня забот *беремя* — К сестре, с которою не виделась сто лет (Дмитр., Причудн.); Забыв свой сан на время, И предрассудков мишуру, Забыв рогатых дел *беремя* (Друг просв., 1806).

Наиболее часто в лексико-семантических связях, свойственных слову *бремя,* употребляется слово *груз,* преимущественно в поэзии: Лишенный спутников, влача *сомнений груз*... Тащиться осужден до бездны гробовой (Жуковск., Вечер); Напрасно я влачил постыдной *лени груз* (Пушк., К ней); *Забот* и *дум* слагая *груз* (Пушк., Земля).

В некоторых случаях употребление русского слова во фразеологических связях, свойственных славянизму, вно-

сило в общее отвлеченное значение славянизма новые смысловые оттенки. Ср., например, употребление слова *запас* у Пушкина:

В век, в который хотят они [подражатели Вальтера Скотта] перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым *запасом* домашних привычек, предрассудков и дешевых впечатлений (Пушк., Юр. Милославск.).

Впрочем, в последнем примере может иметь место и самостоятельное развитие переносного значения у слова *запас*, хотя и возможность семантического влияния слова *бремя* нельзя отрицать безусловно.

Во фразеологических сочетаниях, характерных для слова *бремя*, употребляется в это время и слово *ярмо*. Однако влияние слова *бремя* на слово *ярмо* было вторичным и заключалось лишь в том, что слово *ярмо* начинает употребляться в тех же лексических связях, что и слово *бремя*. Само же переносное значение 'бремя, тяжесть' слово *ярмо* получает под влиянием славянизма *ярем*. Ср. употребление слова *ярмо* в сочетаниях, свойственных славянизму *бремя*:

То слово — тайное и роковое *бремя*, Которое тебя тревожило и жгло, Которым грудь твоя, как Зевсово чело, Когда им овладел недуг необычайный, Тягчилась под *ярмом* неразрешимой тайны (Вяз., Байрон); Люблю, готов сознаться в том, *Ярмо* привычек свергнув с выи, Кидаться в новые стихии (Он же, Коляска); Так, милый друг! позволят ли мне боги *Ярмо* забот сложить когда-нибудь (Борат., Дельвигу).

Все рассмотренные выше русские слова употребляются только в составе устойчивых сочетаний, поддерживающих новое для них переносное значение, хотя слово *бремя* в этом значении могло употребляться и свободно.

Ни одно из рассмотренных выше слов, кроме слова *ярмо,* не закрепилось в переносном значении, свойственном славянизму *бремя*. Однако уже само проникновение конкретных русских слов в область отвлеченных обозначений и, у́же, — фразеологических связей, принадлежащих славянизмам, имело большое значение, расшатывая традиционные нормы словоупотребления.

Употребление русских слов в переносных значениях, свойственных их книжно-славянским словообразовательным параллелям, было, например, широко распространено среди образований с приставками *пре-* и *пере-* (*прервать — перервать, пресечь — пересечь, предать — пере-*

дать). Процесс семантической дифференциации между параллелями с этим префиксом закончился в основном к XVII в.[167] Основным, актуальным значением у славянизмов в XVIII в. было переносное, в котором они свободно употреблялись в разных жанрах литературного языка без какой-либо стилистической окраски, в прямом значении славянизмы использовались редко. В рассматриваемое время функционирование параллелей с префиксом *пере-* в лексических связях, свойственных славянизмам, — типичное явление.

Так, например, глагол *перервать* широко употребляется в значении ‘резко, сразу приостановить, прекратить’, которое ранее было характерно для славянизма *прервать*. Оба они функционируют параллельно. Например:

[Государь] *прервал* мое чтение (Дмитр., Взгляд); Но вдруг *прервали* крик и вдруг все замолчали (Батюшк., Послание к Хлое) — старался *перервать* разговор (ВЕ, 1802); У отца от восторга *перерывался* голос (Дмитр., Взгляд); «Где тот каретный сарай» — *перервал* офицер (Карамз., ПРП); Слабости *перерывали* полезные труды его (Муравьев, Опыт истор.); Увы! невольно сладки узы Я должен с вами *перервать* (Дмитр., Отъезд).

Глагол *пересечь* также вступает в лексические связи славянизма *пресечь*. Таково, например, употребление его в значении ‘прекратить’ в следующих контекстах: Смягчи мою судьбу... Или *пересеки* на свете пребыванье (Сумарок., Дим.); Забвение *пересекает*, к несчастию, нить бытия (Карамз., Без. рыб.).

Русизм *передать* широко функционирует в таких устойчивых словосочетаниях, свойственных славянизму *предать*, как *предать* кого, что *векам, вечности, бессмертию, потомкам* и т. п. в значении ‘оставить, сохранить для следующих поколений’. Например: [История] между нравоучения и политики *передает* бессмертию честь и позор человечества (Муравьев, Опыт истор.); Того в душе своей до поздних дней хранитель Желает в песнях муз потомству *передать* (Батюшк., Послание к И. М. Муравьеву). Ср. в более позднее время: [Тредиаковский] произвел только уродливые создания, *пере-*

---

[167] *Улуханов И. С.* Славянизмы в древнерусском языке XI—XVII вв. (Глаголы с неполногласными приставками). Канд. дис. М., 1966.

давшие его имя потомству в незавидных лучах педанта и бесплодного труженика (Греч, Чт.).

Однако процесс семантической дифференциации в этих параллелях оказался сильнее: новые употребления русизмов не закрепились в языке.

Функционирует в значениях, присущих книжно-славянской параллели, и слово *голос*. Так, например, у славянизма *глас* было значение, восходящее к старославянскому языку. САР$_1$ так толкует его: 'В возвышенном слоге. Внутреннее к чему убеждение, происходящее или от размышления об окружающих предметах или о средствах'.

В этом значении 'внушение какого-н. внутреннего чувства, инстинкта, убеждения', реализуемом в сочетаниях с именем существительным в родительном падеже, слово *глас* активно функционировало не только в высоких, но и в нейтральных контекстах. Например: *глас права* (Козельск.), *глас разума, глас законов, глас чувствительности, глас дружбы* (Радищ.), *глас истины* и *добродетели* (Новиков), *глас совести* (Фонв.), *глас любви, глас религии, глас мудрости* (ВЕ), *глас природы, разума, человеколюбия, глас человечества* (Укр. вестн.), *глас совести, глас истории* (Батюшк.). В этом значении начинает широко употребляться и русизм *голос*. Для него характерны те же самые сочетания, что и для славянизма (*голос любви, самолюбия, разума, страстей, сердца, рассудка, дружбы, совести, поэзии* и мн. др.). Например:

Вкус есть *голос самолюбия* (Батэ, О свободн. науках); В песнях Филомелы мы не слышим *голоса любви* (ВЕ, 1802); Отозвался совсем неожидаемый суровый *голос разума* (Моск. Мерк., 1803); Изверги, не хотевшие тогда верить *голосу правоты*, невольно теперь должны убедиться, что истина наконец торжествует (Русск. вестн., 1816).

2. Процесс семантической аналогии в кругу славянизмов и русских слов в русском литературном языке рассматриваемого периода был связан с целым рядом факторов как внешнего, так и внутриязыкового характера, обусловивших превращение потенциальных возможностей смысловых взаимодействий слов, являющихся в другие исторические эпохи скорее окказиональными, в массовый и активный процесс. Помимо общих особенностей и тенденций развития русского литературного

языка этого времени, имели место факторы более частного характера, вытекающие непосредственно из истории взаимоотношений славянизмов и русских слов и оказывающие на этот процесс самое активное действие. Таковы фактор стилистический и фактор семантический.

I. Фактор стилистический.

Процесс семантической аналогии славянизмов и русских слов в первую очередь определялся теми стилистическими процессами, которые регулировали соотношение этих двух слоев лексики в русском литературном языке середины XVIII—начала XIX в.

Основной причиной, вызвавшей активизацию этого процесса, явилась недостаточность системы трех стилей для русского литературного языка второй половины XVIII—начала XIX в., нарушение «равновесия» в этой системе, вызванное расширением сфер употреблений и функций книжно-славянской лексики. Оставаясь в теории стилистически значимыми, славянизмы не имели тождественных по значению «нейтральных» русских параллелей. Отсюда — при основной тенденции развития стилистической системы русского языка этого периода — тенденции к сохранению стилистической маркированности славянизмов, действовала диаметрально противоположная тенденция — к их стилистической ассимиляции. Обе эти тенденции приводили к одному результату — активизации процесса семантического «уравнивания» славянизмов и русских слов.

1) Тенденция к стилистической ассимиляции славянизмов.

Многие славянизмы, неся большую смысловую нагрузку и не имея адекватных по значению слов русского происхождения, теряли стилистическую окраску «высокости», ассимилировались, становились книжными словами, «нейтральными» по отношению к системе трех стилей. Само понятие славянизм становится неопределенным. Многие фонетические и словообразовательные приметы славянской лексики уже не ощущаются как показатели принадлежности слова к книжно-славянской стихии. Лишенные ореола «высокости», славянизмы сталкивались в определенных жанрах научной, художественной, журнальной литературы со своими русскими параллелями, в ряде случаев близкими им фонетически и в большинстве своем совпадающими с ними в номинативных значениях.

Общее состояние неустойчивости лексической системы, явления дублетности и избыточности в литературном языке рассматриваемого времени, характер синонимии (наличие большого количества абсолютных синонимов) способствуют активизации процесса семантической аналогии, в результате которого между славянизмами и русскими словами, имеющими общие значения или оттенки в значении, устанавливается или полное смысловое тождество, или тождество ряда значений. Этот тип семантического взаимодействия характерен для ряда параллелей словообразовательных (*исчислить — вычислить, изгнать — выгнать, исполнить — выполнить, излить — вылить, искупить — выкупить, прервать — перервать, пресечь — пересечь, предать — передать, вопиять — вопить*), фонетических (*бремя — беремя, объять — обнять, столп — столб, снискать — сыскать*), лексических (*течение — ход, ваяние — резьба* и др.).

В ряду слов *объять (обымать) — обнять (обнимать)* и их производных глагол *объять* представляет собой яркий пример полисемантичного славянизма с развитой системой переносных значений[168]. В русском литературном языке XVIII в. многие из этих значений были неупотребительны.

Глагол *объять* в прямом значении чаще выступал как слово «высокое». В конце XVIII—начале XIX в. он становится одним из активных слов «поэтической» лексики. Для слова *обнять* в прямом значении были свойственны более «нейтральные» контексты. Оно, как и славянизм *объять,* активно употреблялось в поэзии, не становясь, однако, «поэтическим» словом.

Вне сферы «высокости» оба слова в прямом значении в книжных контекстах могли выступать как равноправные в стилистическом отношении.

Глагол *объять* в переносных значениях был более нейтрален стилистически, чем в прямом. Это, очевидно,

---

[163] Срезневский так толкует это слово: *объяти — обяти — обияти — объиму — обуиму — обьму* — охватить, обнять [субъектами действия глагола *объять* в примерах, иллюстрирующих это значение, выступают или отвлеченные существительные (*мысль, благодать, страх, трепет, страсть*), или слова, обозначающие явления природы (*тьма*)]; окружить; обойти кругом, вокруг; обнять, заключить в объятия; захватить, застигнуть; постигнуть; набрать, собрать; получить; наполнить, надуть.

вызвано большой семантической нагрузкой, которую он имел, активно употребляясь во всех своих переносных значениях в книжных текстах этого времени. Глагол *обнять* в это время употребляется также во всех переносных значениях, свойственных глаголу *объять* и ведущих свое начало из старославянского языка. И семантически, и стилистически в переносных значениях оба глагола выступают как дублеты.

Например, активным для глагола *объять* и его производных было употребление в значении 'понять, постичь умом, проникнуть в суть, познать': Мы в то время начали только слушать преподавания права естественного и, не *объяв* еще всю оного связь, остановились (Радищ., Житие Уш.); Везде явны следы *необъемлемой* нами и разнообразной связи (Брянц., Сл. о связи вещей); Разум с трудом *объемлет* множество действующих лиц и происшествий (Яновск., Нов. словотолк.); Чувство тонкое и точное, *объемлющее* сущность предмета (Журн. сл., 1818).

Не менее активным в этом значении в изучаемое время был и глагол *обнять* и его производные: Разум его *обнял* все части правления (Муравьев, Земл. Росс.); Гораздо умнее наших головы все *обнять* едва в состоянии (Козельск., Рассужд.); Скоро я мог *обнять* порядок и способ Кларковых доводов (Фонв., Чист. призн.); Разум, долженствующий *обнимать* столь многое (Новиков, Восп. дет.); Невозможно *обнять* всего круга нужных для нас гражданских познаний (Журн. сл., 1818).

Та же дублетность наблюдается и при функционировании слов *объять — обнять* и их производных в значении 'охватить, включить в свой состав' по отношению к различным областям наук, искусств, отвлеченным понятиям. Однако слово *объять* в этом значении встречается чаще, чем *обнять*. Например:

История естественная или натуральная, *объемлющая* все произведения натуры (Яновск., Нов. словотолк.); Дисциплина *объемлет* четыре главнейшие предмета (Там же); Деятельность, которая *объемлет* все части целого (Карамз., Похв. сл.); *Объемлет* все части гражданской системы (ВЕ, 1802); Во многих тех науках молодому человеку хотя и можно узнать каждый предмет, который она *обнимает,* и каждой пределы, которые ее ограничивают, однако генерально все науки, какие *обнимают* предметы и какими ограничиваются пределами, познать

в том множестве наук не легко (Козельск., Рассужд.); Такое их разделение человеческого познания... *обнимет* все находящиеся ныне на свете науки (Там же); Развитие... литературы, *обнимающей* все отрасли человеческих познаний (Справочн. сл.).

Активно использовался глагол *обнять* в сочетании со словами *око, взор, взгляд* в прямом значении 'постигнуть взором, обозреть' и переносном значении 'мысленно обозреть, представить, постигнуть', свойственном глаголу *объять*. Например: Он взором *обнимал* минувшее и вечность (Дмитр., Надпись к портрету Нестора); Там взор *обнимает* вместе город Кадикс, остров Леона, залив (ВЕ, 1802); Судья, *обнимая* одним взором систему законов (Там же); Взор сего чудесного Протея *обнимает* все мироздание (Батюшк., Ариост).

Дублетность наблюдается и при функционировании глаголов *объять — обнять* и их производных в значении 'овладеть, охватить (о чувстве, душевном, интеллектуальном, физическом состоянии)'. Однако свободное функционирование глагола *обнять* и его производных в этом значении характерно для более позднего времени (начиная с 30—40-х годов), но и в конце XVIII—начале XIX в. он встречался. Ср. его употребление: Мысль у человека *обнята* страстьми (Козельск., Фил. предл.); Преславу *обнимал* ужас (Батюшк., Преслава); Страх *обнял* меня (Пушк., И дале мы пошли — и страх *обнял* меня); Оршу *обнял* страх (Лерм., Боярин Орша); Трудно было изъяснить чувство, его *обнявшее* (Гог., Рим).

Глагол *обнять* (и его производные) употребляется и в значении 'охватить со всех сторон, окутать' (о темноте, мраке, пламени и др.), свойственном глаголу *объять,* хотя и в этом значении более употребителен славянизм. Использование глагола *обнять* (и его производных) в этом значении более характерно для XIX в. Например: Пламя *обняло* всю библиотеку (ВЕ, 1802); Радуга, *обнявшая,* казалось, весь шар земной (Моск. Мерк., 1803); Огонь... *обнял* трескучим пламенем жертвенник (Журн. сл., 1818).

Глаголы *объять — обнять* продолжают употребляться параллельно в некоторых из рассмотренных выше значений вплоть до настоящего времени (см. показания БАС).

2) Тенденция к сохранению стилистической маркированности славянизмов.

Эта тенденция могла проявляться лишь при наличии семантических эквивалентов в сфере нейтрального употребления. Отсутствие семантико-стилистического параллелизма, характерное для русского литературного языка рассматриваемого периода, необходимо должно было както компенсироваться. Оно возмещалось при помощи процесса семантической аналогии: русские слова, «заимствуя» значения славянизмов, употреблялись нейтрально, давая тем самым славянизмам возможность сохранить стилистическую окраску. В этом случае семантическая аналогия выступает одним из процессов, способствующих установлению более строгих системных отношений в языке, в частности его лексико-стилистической системе.

Примерами такого семантического влияния могут служить параллели: *зерцало — зеркало — вывеска, отверзти — открыть — отворить* и их производные, *лествица — лестница, вертоград — сад — огород.*

Параллели *зерцало — зеркало* имели общее прямое значение. Славянизм *зерцало* в прямом значении выступает как стилистически маркированное слово, слово *зеркало* — как нейтральное. Для слова *зерцало* в прямом значении характерны «высокие» и «поэтические» контексты, для слова же *зеркало* — нейтральные.

Славянизм *зерцало* употреблялся в двух переносных значениях, которые не отмечаются САР$_1$. В сочетании с существительными в родительном определительном — *зерцало вод, льда,* имеющем значение 'гладкая, блестящая поверхность', слово *зерцало* принадлежало преимущественно поэтическому языку. В этом словосочетании могло выступать и слово *зеркало,* но значительно реже, чем славянизм, и преимущественно в прозаических текстах.

Другое переносное значение славянизма *зерцало* — 'отражение как выражение чего-л. внутреннего, сути чего-л.' восходит, очевидно, к старославянскому языку и связано со значением греческого слова dioptra. Так назывались книги, составленные из книг Нового Завета. Это значение слова *зерцало* отмечается у Срезневского.

В данном значении славянизм *зерцало* активно функционировал в русском литературном языке второй половины XVIII—первой трети XIX в. Например:

Каждую действительную вещь и определение сего мира за *зерцало* вселенной почитать должно (Брянц.,

Сл. о связи вещей); Мгла, затмевающая *зерцало* совести добродетельного человека (Радищ., О чел.); Пред *зерцалом* истины (Новиков, Дост. чел.); *Зерцало* веков, история (Карамз., Похв. сл.).

Слово *зерцало* в переносном значении 'отражение, как выражение чего-л'. употребляется в нейтральных книжных контекстах. Однако употребление этого слова в прямом значении как стилистически отмеченного («высокого» или «поэтического»), при наличии русской параллели, препятствует окончательной стилистической ассимиляции и в переносном значении. Семантико-стилистическое равновесие в данном случае наступает в результате установления смыслового тождества славянской и русской параллели. Слово *зеркало* начинает употребляться в значении 'отражение как выражение чего-л.', славянизм же *зерцало* окончательно отходит в область стилистически окрашенной лексики. Ср. употребление слова *зеркало* в новом для него значении:

Многие места в их сочинениях суть верные *зеркала,* в которых мы себя видим (ВЕ, 1802); Сочинения его всем известны... *зеркало* пылающей души, помрачаемой каким-то дымом (Там же); [Картина человеческих страстей и действий] есть *зеркало,* в котором мы себя более или менее усматриваем (Батэ, О свободн. науках); Глаза ее были *зеркалом* чистой души и гордой скромности (Карамз., Без. рыб.); Сей род словесности... должен быть ясным и верным его [общества] *зеркалом* (Батюшк., Вл. поэз.).

С начала XIX в. к параллелям *зерцало — зеркало* в значении 'отражение как выражение чего-л. внутреннего' подключается слово *вывеска.* Возможно, функционирование слова *вывеска* в этом значении было вызвано потребностью в менее книжном, несущем оттенок сниженности, разговорности аналоге словам *зерцало — зеркало.* Не исключено, что имел место и семантический фактор — слово *вывеска* было более образным и новым; ср. его функционирование:

Задумчивое лицо ее было удивительною *вывескою* честной души и невинности (Моск. Мерк., 1803); По щастию физиономия человека есть *вывеска* (Там же); Преврати пышное мраморное крыльцо твое, *вывеску* бесчувственного хозяйского сердца, в скромное пристанище неимеющих покрова (Друг просв., 1806); Недоверчивость к правительству есть *вывеска* нашего политического

быта (Вяз., Зап. кн.); Пускай и цензура чего не пропустит: точки, да точки! Они отныне будут *вывескою* мыслящего пера (Вяз., П. к А. И. Тургеневу).

Однако слово *вывеска,* «заимствуя» общее значение славянизма, вносило в него новые смысловые оттенки, свойственные этому слову [169].

Отношения семантического тождества возникают и в параллелях *лествица — лестница.* В XVIII в. слово *лествица* употреблялось в значении, восходящем к старославянскому языку, — 'определенная иерархия чего-л., система восхождения от низшего к высшему' и чаще всего в сочетаниях с именем существительным в родительном определительном (*лествица веществ, существ, тварей)* в основном в научной и публицистической литературе. Например:

От камени до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия *лествица веществ,* древле уже познанная (Радищ., О чел.); Существа, единою степенью на *лествице творений* отстоящие (Там же); Человек стоит на *лествице существ* между зверем и ангелом (Новиков, Восп. дет.); [Заглавие] Величество бога во всех царствах природы или *лествица* от тварей ко творцу, от земли на небо. СПб., 1801.

Славянизм *лествица* никогда окончательно не терял окраски «высокости». Очевидно, в силу этого в основном в карамзинский период истории русского литературного языка, когда идет борьба не только с просторечием, но и с «крайними» славянизмами, в переносном значении, свойственном слову *лествица,* начинает употребляться в нейтральных контекстах русское слово *лестница.* Например:

Кто пленяется *Никанором, злочастным дворянином* (курсив авт.). тот на *лестнице* умственного и морального образования стоит еще ниже его автора (ВЕ, 1802); Веки служат разуму *лестницею,* по которой возвышается он к совершенству (Карамз., Фил. к Мел.).

В дальнейшем в значении 'система восхождения от низшего к высшему' закрепляется именно русская параллель. Однако еще в 40-х гг. XIX в. Н. Греч в «Чте-

[169] Стремлением к образности, разбивке штампа вызвано употребление в рассматриваемом значении заимствованного слова *трюмо* у П. Вяземского: Благодарю вас за письмо, Ума любезного *трюмо* (Москва).

ниях» предпочитает употреблять в этом значении славянизм, очевидно, из-за его большей терминологичности: В Германии философский этот язык образовался мало по малу, от постепенного возвышения мыслей тамошних мудрецов по *лествице умозрения*; У всех народов в свете *лествица* согласных *звуков* простирается от устья горла до губ включительно.

3) По отношению к каждому взаимодействующему ряду слов разграничение рассмотренных выше факторов, вызывающих это взаимодействие (стилистическая ассимиляция и сохранение стилистической маркированности славянизмов), носит несколько условный характер: в ряде конкретных случаев определить, вызвана ли семантическая аналогия тем или другим фактором, бывает затруднительно. Один и тот же славянизм мог подвергаться действию обеих тенденций. Классификация материала по рассмотренным выше двум группам предполагает наиболее регулярный, характерный для данного взаимодействующего ряда фактор.

В разные хронологические периоды изучаемого времени при сосуществовании обеих стилистических тенденций все же наблюдается ведущее положение или активизация одной из них. Так, для периода «славяно-русского языка», с его насыщенностью славянизмами художественной, научной, публицистической литературы, становится активной тенденция к стилистической ассимиляции славянизмов. Этот процесс, приводящий к дублетности употребления славянских и русских параллелей, становится основной причиной семантической аналогии.

В карамзинский период, с его установкой на ограничение роли церковнославянской лексики, ведущей становится тенденция к сохранению стилистической маркированности славянизмов, и именно это является теперь активизирующим аналогический процесс. Эта же тенденция сохраняет свое ведущее положение и в пушкинский период. Однако выделение этих периодов в четкой хронологической последовательности носит условный характер, поскольку для эпохи второй половины XVIII—начала XIX в. характерно сосуществование одновременно различных стилистических систем.

Эта возможность синхронного воздействия различных причин на один и тот же семантически взаимодействующий ряд слов позволяет лишь с известной степенью

точности определить, какой из стилистических факторов был наиболее регулярным и последовательным для данного ряда. В некоторых случаях вообще затруднительно выделить ведущую тенденцию, так как действие обоих факторов было почти равнозначно.

II. Фактор семантический.

Действие семантического фактора в процессе семантической аналогии является более универсальным и независимым по отношению к отдельным историческим периодам, чем действие фактора стилистического. Оно связано с определенной семантической установкой, потребностью в тех или иных смысловых сдвигах в границах общего значения слова.

В изучаемое время фактор семантический наиболее активно определял процесс семантической аналогии в сфере различных устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, граничащих со штампами. Эта «штампованность» литературной речи была особенно характерна для карамзинского периода развития литературного языка: «...стиль карамзинской школы характеризовался, с одной стороны, господством условных перифраз и отвлеченных описательно-метафорических выражений, с другой стороны, — устойчивостью признанных фразеологических типов и их смысловой ограниченностью. Формы фразеологических связей здесь предопределены. Нити метафор тянутся и пересекаются по заданным направлениям. Это сводится в конечном счете к тому, что конкретные предметные значения отдельных слов в этом стиле полустерты, что семантическим единством здесь выступает чаще всего идиома или фраза и что, следовательно, здесь значений гораздо меньше, чем слов...» [170].

Употребление русских слов в устойчивых сочетаниях, свойственных славянизмам, служило определенной цели — разбивке фразеологизмов-штампов, оживлению ряда метафорических значений славянизмов, поддержанию метафорического переноса в слове, обнажению «внутренней формы» слова, а в ряде случаев — созданию нового развернутого образа, заложенного в значении славянизма. Этот прием широко использовался как в поэтической речи в целях образности языка [171], так и в сфере

[170] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, с. 132.

[171] См.: *Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Поэтическая фразеология Пушкина. М., «Наука», 1969.

прозаической и не художественной литературной речи. Его значение не ограничивается только проблемой образности, но имеет и другое, связанное с новой тенденцией развития литературного языка этого времени значение. Это вопрос демократизации литературного языка, в данном случае — процесс приспособления отвлеченного, книжного, условного языка к «семантике живой народной русской речи» [172].

Оживлению застывшего отвлеченно-условного образа, установлению конкретных, реальных связей между прямым и переносным значениями слова служит употребление глагола *волочить* в сочетаниях, свойственных славянизму *влачить*. Например: Сношу оное с великим трудом и *волочу день за днем* как несносное бремя (Сын отеч., 1812); И ты хочешь, чтобы я разбил последнее звено утешения в чугунной *цепи жизни*, которую отныне я осужден *волочить* подобно колоднику (Б.-Марл., Страшн. гадан.).

Еще в большей степени проекция на живую разговорную речь, ориентация на «семантику живой разговорной речи» выражена в следующих примерах, где вместо глагола *влачить* выступают просторечные слова *тянуть* и *молоть*:

Так давай, в безвестной доле, Чужды рабства и цепей, Коекак *тянуть жизнь* нашу, Часто с горем пополам (Батюшк., К Петину); С родного очага судьбиной Давно отрезанный ломоть, Закабален я был чужбиной И осужден в ней *дни молоть* (Вяз., Гр. Корфу).

Подобному преобразованию подвергается фразеологизм *испить чашу* чего-л. (ср. в старославянском языке: *испивай чашу ярости отъ руки господни* — Исаии 57, 17; *Чашу спасения прииму* — Псал. 115, 4).

Включение глаголов *выпить* и *тянуть* в сочетания, характерные для славянизма *испить*, приводит к реалистическому восприятию образа, заложенного в значении слова, его конкретизации:

Казалось, победил терпеньем рок жестокий и *чашу горести* до капли *выпил* он (Батюшк., Судьба Одиссея); Пусть остылой жизни *чашу Тянет* медленно другой; Мы ж утратим юность нашу Вместе с жизнью молодой (Пушк., Кривцову).

Действие семантического фактора часто наблюдается

---

[172] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина, с. 240.

среди тех же самых пар и рядов слов, взаимодействие которых обусловлено стилистическими факторами. Он мог действовать синхронно с ними как дополнительный фактор и как вполне самостоятельный. Однако, если при действии стилистических факторов процесс семантической аналогии протекал в основном среди слов, наиболее близких как в фонетическом, так и смысловом отношении, то при действии семантического фактора во многих случаях сближались слова, имеющие в прямом значении определенные отличия: русское слово по своему значению было более конкретно, чем славянизм, а в ряде случаев находилось с ним в отношении видо-родовой иерархии (ср. *игралище — игрушка — мячик, путь — тропа — перепутье, излить — перелить* и др.). При действии семантического фактора в семантическое взаимодействие со славянизмами вступали часто слова бытовые, разговорные, сниженные; они содержали в себе и новизну, и в силу своей конкретности большую образность.

Действие семантического фактора становится особенно активным в послекарамзинский период, когда усиливается тенденция к демократизации языка; оно тесно связано с формированием реалистических тенденций в литературном языке.

Как видно из рассмотренного материала, русские по происхождению слова, испытывающие семантическое влияние славянизмов, были по своему составу разнообразны.

Так, с точки зрения фонетической близости русских и книжно-славянских слов, они могли находиться в разной степени близости: составлять фонетические параллели (*бремя — беремя, столп — столб, снискать — сыскать, объять — обнять, зерцало — зеркало, лествица — лестница, влачить — волочь, привлечь — приволочь, глас — голос, пленить — полонить* и др.) или словообразовательные параллели (*бытие — быт, исчислить — вычислить, изразить — выразить, исполнить — выполнить, изгнать — выгнать, издать — выдать, искупить — выкупить, предать — передать, пресечь — пересечь, прервать — перервать, возбудить — пробудить, возжечь — зажечь, разжечь, поджечь, испить — выпить, вопиять — вопить* и др.), но быть также и весьма удаленными по своему звуковому облику друг от друга (*течение —*

ход, вертоград — сад — огород, желание — охота, ваяние — резьба, явление — выход, впечатлеть — врезать, отверзти — открыть — отворить, испить — тянуть, стезя — путь — дорога, тропа, тропинка и др.).

С точки зрения стилистической окраски русские слова также не были однородны. Большинство из них относилось к категории слов так называемого «общего языка употребления», т. е. живой разговорной речи. Но целый ряд слов принадлежал и к более сниженной стилистически категории — простым словам (*ход, быт, вопить, тянуть, колея* и др.).

С точки зрения семантической, русские слова и книжно-славянизмы могли находиться в разной степени смысловой близости: от полного совпадения в значениях (*возбудить — пробудить, зерцало — зеркало, столп — столб, лествица — лестница*) до довольно значительных вариаций в этом общем значении (*впечатлеть — врезать, зерцало — вывеска, влечь — тянуть, молоть, стезя — путь — тропа, тропинка, перепутье* и др.).

Русские по происхождению слова, «заимствуя» отвлеченные значения, свойственные славянизмам, во многих случаях сохраняли те смысловые и лексические связи, которые были характерны для них в своей сфере функционирования. Эти связи были двоякого рода: во-первых, связи в пределах лексико-семантической группы с ее синонимическими и видо-родовыми отношениями; во-вторых, связи контекстные, лексико-синтаксические. Если первые связи способствовали подключению к взаимодействующей паре новых слов, в ряде случаев с теми или иными оттенками в общем значении, то контекстные связи вели к созданию определенных вариаций в общем значении, свойственном славянизму, уточнению, конкретизации смысла. Расширение ряда вело к созданию богатой и гибкой синонимии, как с точки зрения семантической, так и стилистической, а также, что особенно важно, — к сближению отвлеченно-книжной и живой разговорной речи. Примером может служить история ряда *стезя — путь — дорога — тропа, тропка, тропинка — колея — перепутье* и др.[173]

---

[173] См.: *Копорская Е. С.* К семантической интерпретации слов *стезя — путь — дорога — тропа.* — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., «Наука», 1978.

Влияние семантики русских слов на славянизмы

Влияние семантики русских слов на употребление славянизмов в рассматриваемое время связано в первую очередь с семантико-стилистической ассимиляцией, усвоением славянизмов в русском литературном языке. Этот процесс тесно соприкасается с общим процессом «омирщения» книжно-славянской лексики, освобождением ее от влияния узко культовых контекстов, церковной фразеологии и ведет к сближению и слиянию ее с исконно русской лексикой. В данном случае можно говорить о более многообразном влиянии лексико-семантической системы русского языка на употребление славянизмов. Оно проявляется не только в семантическом взаимодействии слов, но и в непосредственном влиянии системы в целом на процесс семантической ассимиляции книжно-славянской лексики: славянизмы вовлекались в эту систему и приспосабливались к «семантическим законам» русского языка.

Среди многообразных видов влияния семантики русских слов на славянскую лексику основными являются такие, как изменение предметного осмысления славянизмов, употребление славянизмов в их мотивационных значениях, отрицание переносных значений у ряда славянизмов.

1. В ряде случаев происходило изменение «принципов предметного осмысления славянизмов». «Оторванные от своего контекста, славянизмы проецировались на семантическую систему бытового языка и подвергались „этимологизации" на основе его норм» [174].

Такая проекция славянизмов на семантическую систему живой русской речи, их этимологизация во многих случаях поддерживались наличием русских фонетических, словообразовательных и лексических параллелей, которые служили как бы фоном для смыслового восприятия славянизмов. Во многих случаях таким фоном могли служить однокорневые русские слова (влияние словообразовательного гнезда), а также синонимические ряды или лексико-семантические группы. Иллюстрацией этого может служить «крайний» случай восприятия славянизма через призму значения его русской параллели:

[174] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.—Л., «Academia», 1935, с. 49.

рассуждение А. Сумарокова о славянизме *бряцать*. По поводу стиха Ломоносова «О коль согласно там бряцает» он делает следующее замечание: «*Бряцает* и *бренчит* есть слово самое подлое; но еще *бренчит* лучше потому что оно употребляется, а *бряцает* не употребляется никогда, и есть слово новомышленное, и подло как выговором, так и знаменованием» [175].

В ряде случаев такое этимологизированное употребление славянизмов не вызывало смещений в значении этих слов. Это, очевидно, объясняется тем, что включаемые в «репертуар обозначаемых словом реалий» [176] новые реалии не были слишком бытовыми или низкими и не противоречили контекстным употреблениям славянизма в книжно-славянском языке.

Однако во многих случаях при этимологизации славянизмов нарушалась та грань непереводимости славянизмов русскими словами, которая сложилась в результате длительного исторического развития русского литературного языка. «Простыми именами и глаголами простые токмо и вещи объясняются, возвышенными же возвышенные или умственные, иносказательные... например, сделать перегородку в горнице не есть *сделать преграду*; напротив того, *поставить преграду злодейству* (курсив авт.) не есть поставить перегородку» [177], — это требование Шишкова отражало норму словоупотребления того времени, которая дифференциацию употребления славянизмов и русских слов основывала не только на стилистических различиях, но и на различиях самих обозначаемых реалий.

В литературной практике рассматриваемого времени постоянно встречается нарушение принципов семантико-стилистической дифференциации славянизмов и русских слов. Употребление славянизмов по отношению к реалиям бытового и явно сниженного плана — явление очень характерное для данного периода.

Таково, например, употребление славянизма *умастить* и его производных, при котором в «репертуар обо-

---

[175] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений, ч. 10. М., 1787, с. 86—87.

[176] *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., Наука, 1965, с. 69.

[177] *Шишков А.* Собрание сочинений и переводов, т. XI, 1828, с. 207.

значаемых словом реалий» включаются не свойственные ему бытовые реалии:

Два борца, оба нагие и *умащенные* маслом (Яновск., Нов. словатолк.); *Намащивали* тело свое деревянным маслом (Там же).

А. Шишков, сопоставляя славянизм *умастить* с его русской параллелью *вымазать*, писал: «Они, конечно, одно и то же значат, но столько же неприлично сказать: *вымазал голову елеем*, сколько *умастил колеса дегтем*» [178].

Ср. иные, типичные для этого слова и его производных контексты: В порфиру светлу облекися, Веселья миром *умастися* (Капн., Ода на истребление звания раба); Грабитель! смело грабь и злато и сребро Трусливых Родиян, Коринфян *умащенных* — Чего бояться их всех в роскошь погруженных (Дмитр., Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры).

САР$_1$ иллюстрирует толкование значения этого слова только библейским примером, что также показывает его «небытовой» характер: «У м а щ а ю. Сл. Намазываю мастию. *Умастилъ еси елеемъ главу мою.* Псал. XXII.5.»

С процессом этимологизации, проекцией славянизмов на семантическую систему русского языка связано употребление их в прямых значениях в тех случаях, когда основным и актуальным значением их для этого времени было уже переносное, возникшее в результате семантической дифференциации еще в древний период. В этом случае часто прямое значение славянизмов определялось через посредство значений их русских параллелей или же однокорневых или близких по значению слов.

Такова, например, этимологизация глагола *воспитать*, приводимая М. А. Дмитриевым в «Мелочах из запаса моей памяти»: «Барыни и девицы были почти все безграмотные. Собственно о воспитании едва ли было какое понятие, потому что и слово это понималось в другом смысле. Одна из барынь говаривала: „могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо *воспитаны*, одного меду не впроед было“» [179].

Ср., также употребление глагола *погрязнуть* в следующем контексте: Ежели бы поверхность земли стала мягче, рыхлее, нежели какова она в самом деле есть, то

[178] Там же, с. 340.

[179] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869, с. 17.

бы мы со всеми нашими огромными домами, магазинами, пакгаузами, цейгаузами и дворцами *погрязли*, дождевая вода проникла бы ее глубоко, и лежни под строением сгнили (Вел. бога).

САР$_1$ иллюстрирует прямое значение глагола *погрязнуть* цитатой из Библии, что свидетельствует о неупотребительности его в этом значении: «Погрязаю... 1) Вязну, тону в топком месте, погружаюсь, потопляюсь в воде. *Погрязоша во глубине яко камень* — Исх. XV.6. 2) * Ввергаюсь, впадаю в крайнее несчастие, бедствие. *Меня объял чужой народ, В пучине я погряз глубокой.* М. Л. *Погрязнуть во глубине греховной.* * Выражение церковное. Закоснеть, заматореть во грехах».

Именно второе, переносное значение глагола *погрязнуть* получает развитие в русском языке. Например: Я не вижусь с Ржевусскою; она как-то *погрязла* в ультрацизме и каком-то венском романтизме (Вяз., П. к А. И. Тургеневу).

Иногда в результате такой этимологизации у славянизма конструировалось прямое значение, которого у него не было в церковнославянском языке. Таково, например, употребление слова *внедрить* в значении 'заставить войти внутрь чего-л.' по отношению к конкретным реалиям: Животные, бродя около тех яблонь и груш и едя плоды их, втаптывают между тем в землю съеденных уже семена. Коль же скоро все ограды разрушены, вся мякость съедена бывает, тогда дождь и другие влаги обнаженные семена все более *внедряют* в землю, где они потом в благопотребное время разверзаются и ростки пускают (Вел. бога).

САР$_1$ у слова *внедрить* отмечает только отвлеченное значение: «Внедряю — * Вперяю, вселяю, вникаю что кому. *Внедрить кому правила добродетели*» [180].

Процесс этимологизации, проекции на семантическую систему русского языка часто вызывался различными стилистическими установками. Так, например, стремление к книжности изложения или к высокости было связано с определенной архаизацией, усилением славянского элемента. Это часто влекло за собой употребление славянизма в контекстах, где нормативнее с семантиче-

[180] Сл. Дьяченко отмечает у глагола *внедрятися* конкретное значение, но иное, чем в приведенном выше примере: «Внедрятися... — находиться на лоне или в объятиях у кого (в суб. Акаф. по 8 п. тр. 2)».

ской точки зрения было русское слово (обозначение конкретных бытовых реалий). Такое употребление славянизма сопровождалось в ряде случаев его этимологизацией на фоне русской параллели или целого словообразовательного гнезда, синонимического ряда, лексико-семантической группы.

Это явление было очень распространено в научной, научно-популярной и публицистической литературе. Таково, например, подобное употребление ряда славянизмов в текстах научного изложения (Примеры взяты из одного и того же произведения «Величество бога»): Ежели нужно продолжение одного рода тварей, то не должно преставать существование и другого рода. Растения *страждут* и животные от этого вред имеют; Быстрым своим беганьем и чрезвычайными скачками *избегают* они [серны] легко *от* смертоносного зуба гонящихся за ними больших хищных зверей; Личинки или червячки подонок живут в воде; по сторонам брюшных колец имеют маленькие плавательные лепесточки для *избежания от* рыб, которые их ловят и едят; находят там весьма великих пауков, кои носят под брюхом яйцо, *исполненное* обыкновенных пауков; *личинка листовой осы* (курсив авт.) ... обтягивает себя только широкою сеточкою, и так или иным образом *зиждут* себе домики и делаются куколками; *личинки жука* и *земляного паука* (курсив авт.) слепливают посредством вязкого сока всякие посторонние вещи, и таким образом каждая *созидает* себе крепкий домик; Города питаются деревнями, деревни забирают в них нечисть людей, навоз животных, содержимых там для работ и для великолепия, забирают также множество золы, сажи и всякой *тленной* дряни; [Дальнейшее потомство] стало бы уменьшать беспокойных животных, или прогонять их далеко в леса, а некоторые из сих *искореняя* расчищать и приготовлять для пашни поля. Ср. еще у П. Вяземского: Жертвенник курится не с тем, чтобы вечно шло благоухание, а с тем, чтобы не погаснуть или не лопнуть, если не будет *исхода* его пару (П. к Жуковскому).

Такая этимологизация славянизмов приводила часто к искажению их значения. Явления «ложной этимологизации» как нельзя лучше доказывают тот факт, что значения многих славянизмов воспринимались на фоне русских слов, близких им по звуковому составу.

Примеры «ложной этимологизации» часто встреча-

ются еще у А. Сумарокова. М. Ломоносов и В. Тредиаковский неоднократно обвиняли его в незнании церковнославянского языка. Тредиаковский писал о А. Сумарокове: «Автор отнюдь не знает коренного нашего языка словенского. Пишет он *коль* производя от подлого *коли* за *когда* и *ежели* весьма неправо и развращенно... Пишет же автор *отселе* за *отсюду*, не зная, для того, что *отселе* значит *отныне*. Пишет он *довлеет* за *долженствует*. Однако слово *довлеет* значит *довольно есть*, а не *должно есть*. Слово *поборник* значит не *противника*» [181].

Явления «ложной этимологизации» особенно характерны для конца XVIII—начала XIX в. А. Шишков пишет о судьбе славянизмов в это время, отмечая, что «иные пришли совсем в забвение, другие, не взирая на богатство смысла своего, сделались для непривычных к ним ушей странны и дики, третьи переменили совсем знаменование свое и употребляются не в тех смыслах, в каких сначала употреблялись... Употребляют церковнославянские слова не в тех знаменованиях, в коих они прежде употреблялись, как например: вместо *надлежит* или *должно* (курсив авт.) говорят *довлеет*, которое слово значит *довольно*; вместо *куча*, *куща*, которое слово значит *шалаш*; вместо *слушать с раболепностию* или со *страхом* говорят с *подобострастием*, которое слово значит *одинакую страстям подвластность* и так далее» [182].

«Ложная этимологизация» в изучаемый период носила чаще всего индивидуальный и окказиональный характер и не закреплялась в языке за исключением редких случаев (как, например, слово *подобострастный*), однако в отношении к употреблению отдельных славянизмов она была довольно устойчивой. Это, например, такие слова, как *поборник*, *твердь*, *довлеть*.

Поборник. САР$_1$ определяет значение этого слова так: «Поборник — Сл. Защитник, заступник, покровитель, помощник. *Поборник мне и бог мой будь Против стремящихся врагов* — Лом.».

А. Сумароков употребляет это слово в значении 'противник'. Ср.: Се, боже, пред тобой сей мерзкий человек, Который срамотой одной наполнил век, *Поборник* истины, бестыдных дел рачитель, Враг твой, враг ближ-

[181] *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. Л., Сов. писатель, 1935, с. 394.

[182] *Шишков А.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. 2-е изд. СПб., 1818, с. 45—46, 66—67 сн.

него, убийца и мучитель (Гамлет). В. Тредиаковский пишет по поводу такого употребления: «Но *славное* (курсив авт.) в «Гамлете» слово *поборник*, в действии II, явлении 1, выговоренное Клавдием, сколько в ложном знаменование употреблено, столько и в смешном, для того, что сие показывает, что... автор мало бывает в церкве... ибо инако... мог слышать... что *поборник* значит не *противника*, но *защитника* и *споспешника*».[183]

А. Тургенев отмечает неправильное употребление слова *поборник* у П. Вяземского: «Вместо *противников* ты пишешь всегда *поборников* (курсив авт.), а это совсем напротив, ибо *поборать* — значит: способствовать, помогать, споспешествовать (зри все акафисты к нашим заступникам и поборникам сил небесных)»[184]. П. Вяземский, отвечая А. Тургеневу, объясняет, что слово *поборник* он соотносит с другим значением глагола *поборати*, близким русскому слову *побороть*: «Конечно, ты прав, „поборник" употребляется мною неправильно, *но в смысле языка оно значит то, что я хочу выразить* (курсив авт.) ... Но ты неправ, когда говоришь, что „поборать" значит способствовать. Зри академический словарь; тут есть „поборать кого" и „поборать по ком": „Поборахом враги Израилевы" (Макк.). Итак, ты прав, но и я не вовсе виноват. Признаюсь: „*противник*" — *слово для меня немного противное* (курсив авт.), но делать нечего и я не противлюсь»[185].

В 30-х годах XIX в. в журнале «Библиотека для чтения» было опубликовано стихотворение, в котором Николай I назывался «поборником грядущих зол». А. В. Никитенко пишет в «Дневнике»: «В первой книжке „Библиотеки" напечатаны стихи в честь царя. Это плохие стишонки некоего офицера Маркова... Я представлял стихи министру: ни он, ни я не заметили глупого стиха, или, лучше сказать, слова в конце первой строфы. Автор, говоря о великих целях Николая, называет его „поборником грядущих зол"... Сенковский сделал глупость. Он заметил слово „поборник" накануне рассылки журнала, но не захотел ни сам переменить его, ни уведомить меня. Но хорош Булгарин! Он тоже заметил злополучное слово и собрался с доносом к Мордвинову (помощ-

[183] *Тредиаковский В. К.* Стихотворения, с. 394.
[184] Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. СПб., 1899, с. 213.
[185] Там же, с. 219.

нику главного начальника III Отделения собств. е. и. в. канцелярии). Но его предупредили, отобрав экземпляры журнала и заменив это слово другим».[186]

Твердь. Как основное значение слова *твердь* словари отмечают значение 'небесный свод, пространство протяжения неба' (САР$_1$, Срезн.) Однако слишком явная внутренняя форма этого слова заставляет, например, Сл. Алекс. более подробно объяснять этимологию этого слова: 'твердь, твердая вещь, 2. Кор. 10,4. на прим.: небо простертое, состоящее по мнению древних мудрецов из вещества твердого и толстого, а по учению нынешних Философов и Богословов из тончайшего существа, словом сказать: *твердь* есть небо воздушное; ибо в Св. Писании три неба обретаются, 1) собственно именуемая твердь, 2) небо шаровидное и кругов небесных, 3) небо высшее, т. е. жилище Блаженных духов и Святых людей. Быт. 1. С. 7. — Псал. 18.2 и 103.5».

САР$_1$ у слова *твердь* помимо указанного выше выделяет еще два значения: «Твердь — Сл. 2) Основание, на коем что устроено. *Основаяй землю на тверди ея* — Псал. CIII. 5. 3) Укрепленное место. *На разорение твердемъ* — 2. Коринф. X. 4».

А. Сумароков употребляет слово *твердь* в значении 'земля'. В. Тредиаковский по поводу этого «ложного знаменования» пишет: «Говорит Гертруда сыну своему, чтоб он бежал от тех мест, на которых они находились, ибо под ними, говорит она, твердь трясется». Он сопоставляет значение этого слова с параллелями в греческом, латыни, французском и доказывает, что «чрез слово твердь разумеется у нас... небо». «Однако автор, — продолжает он, — помнил, может быть, что у нас положено в псалме 103: *основаяй землю на тверди ея.* Того ради вы скажете, можно было ему *твердь* положить за *землю,* и потому говорить право, *под ним твердь трясется.* Нет, государь мой, не можно... в нашем оного псалма переводе слово *твердь* которое есть собственно фирманент, то есть *небесная твердь*, взято ее само за себя, и не в точном его знаменовании, но за *крепость, за утверждение*, за *столбы*, за *подпору*, и за *подставку*: словом за *твердость,* или за *твердыню* основания... Без сего моего об нем изъяснения, никто из знающих основательно наш

---

[186] *Никитенко А. В.* Дневник, т. 1. М.—Л., Гослитиздат, 1955, с. 165—166.

язык не может не принять оного за небо, и за *твердь небесную* в авторовом сочинении» [187].

И в дальнейшем употребление слова *твердь* постоянно тяготело к значениям, этимологически связанным со словом *твердый* и его производными. Например: Он видел перед собою весьма обширную *твердь* подобно как земную; горы и леса, пустыни, пропасти и воды одевали лицо ее и служили наместо ризы (Чулк., Пересмешн.); Предвидел Кесарь, где начаться должно бою И *твердь* полков своих поставил он с собою (Муравьев, Фараонова битва); Но Север некогда питал За *твердью* некоей плотины, Запасы вод; доколь настал Преображенья час! И длинный Кипучий, грозный мощный вал Сразился с древними горами (Глинка, Карелия).

Употребление же слова *твердь* в значении 'небо' в ряде случаев поддерживается определением *небесный:* О боже! Тебе известны движение *небесной тверди* и даже каждого листа с древа падение (Вел. бога); Млечный путь (разрядка авт.). Так называется у звездословов беловатая или светлая на *тверди небесной* полоса (Там же).

Довлеть. Употребление славянизма *довлеть* в значении 'должно' встречается у А. Сумарокова, что отмечается В. Тредиаковским (Например: Не их примеры нам во бранях быть *довлеют* — Хорев). В этом же значении оно встречается и у А. Радищева: Полководцы употребили во производстве сея войны без сомнения всевозможное искусство и мне о них судить не *довлеет* (Разм. о греч. ист.); Людям... сужденным управляти государствами, *довлеет* почерпнути в сих великих происшествиях нужные просвещения к соделанию истинного народов могущества (Там же).

А. Шишков отмечает у карамзинистов: «вместо *надлежит* или *должно* (курсив авт.) говорят *довлеет,* которое слово значит 'довольно'» [188]. Ср. у Николева: От рук моих тебе умреть *довлеет* (Пальмира). В первой половине XIX в. слово *довлеть* продолжает употребляться в значении 'должно': Когда тебе наказано быть при нем неотлучно, то *довлеет* хранить его, как зеницу ока (Загоск., Юр. Милосл.).

---

[187] *Тредиаковский В. К.* Стихотворения, с. 480.
[188] *Шишков А.* Рассуждение..., с. 67.

Многочисленны случаи индивидуальных «ложных этимологизаций». Например, А. Шишков отмечает неправильное употребление слова *куща* у Н. Карамзина в строках «В безмолвной *куще* сосн густых, Согбенных времени рукою» — «*Куща* (курсив авт.) ничего другого не значит, как шалаш или хижина; что такое *кущи сосн*? (Рассужд.); у Н. Карамзина встречается и другой пример неправильного употребления этого слова в стихотворении «Осень» в первой редакции: Пение в *кущах* умолкло (Моск. журн., 1791 г., ч. IV). В издании сочинений Карамзина 1803 г. слово *кущи* заменено *рощами*.

2. Ориентацией на лексико-семантическую систему русского языка является также употребление славянизмов в значениях, мотивированных словообразовательной структурой слова, движение от лексического значения славянизма к его мотивационному значению. Этот процесс в основном заключался в снятии у славянизмов различных смысловых ограничений узко-культового, церковного характера. Мотивирующей основой славянизмов в мотивационных значениях могли выступать: 1) основы слов, общих книжно-славянскому и русскому языку, но в значениях, свойственных в это время «общему языка употреблению», и 2) основы книжно-славянских слов, прошедших уже достаточную семантико-стилистическую адаптацию. В ряде случаев, возможно, на употребление славянизма в новом значении оказывали влияния слова одного синонимического ряда, не имеющие подобных ограничений в значении (ср., например, славянизм *созерцать*, употребление которого САР допускает только по отношению к богу, и слова *смотреть, наблюдать, зреть, видеть* и др., не имеющие такого ограничения).

«Лексические» значения некоторых слов развились, очевидно, из мотивационных (например, слово *предтеча*), если, конечно, эти слова не были калькированы с греческого языка непосредственно в лексическом значении. Традиция же церковнославянского языка к XVIII в. закрепила за этими славянизмами узко-культовый смысл. Это не значит, что в отдельных окказиональных случаях подобного рода слова в древнерусском языке не могли употребляться в значениях, подсказанных их структурой (см. ниже анализ слова *предтеча*). Эти единичные употребления свидетельствуют лишь о возможностях подобного осмысления, но сами по себе еще не создают

традиции употребления. Поэтому об употреблении славянизмов в «мотивационном» значении в изучаемое время мы можем говорить как о самостоятельном явлении, не связанном с предшествующими употреблениями.

Это явление прослеживается, например, в истории употребления таких слов, как *предтеча, созерцать, раскол* и др.

Предтеча. Сл. Алекс., толкуя слово *предтеча*, дает «мотивационное» значение этого слова ('который напереди идет'), но тут же ограничивает его употребление двумя образами христианской мифологии — Иоанна Предтечи и Христа: Предтеча или предитеча, который напереди идет, по Греч. πρόδρομος, по Лат. praecurtor. *Предтеча* (курсив авт.) Христов Иоанн именуется по тому, что первый Христа проповедал, и в его имя крестил, и так путь уготовал людям, дабы они верою по Христу приходили, и ему бы последовали. Мат. 33, Марк. 32, Иоанн 40.3; *Предтеча* наш есть Христос. Евр. 6.20. Идѣже предтеча о насъ вниде Иисусъ — *Предтеча* (курсив авт.) в нравственном смысле есть тот, кто примером своим предшествует другим, что самое на Спасителе нашем видим: ибо он первый возшел на небеса, возбуждая и нас своим примером, дабы презревши земная, взирали к небесным, где Христос одесную Бога сидит.

В древнерусском языке встречаются окказиональные употребления в мотивационном значении, но вряд ли могли они оказать влияние на судьбу слова *предтеча* во второй половине XVIII в.

САР$_1$ у слова *предтеча* выделяет два значения — «мотивационное» и «лексическое». Но и первое значение он иллюстрирует только библейским примером, в котором *предтечей* выступает Христос.

Предтеча. 1) Предшественник, предваряющий пришествием своим пришествие другого. *Идъже предтеча о насъ вниде Иисусъ, по чину Мелхиседекову, первосвященникъ бывъ во вѣки.* Евр. VI. 20. 2) Особенно придается Иоанну Крестителю.

В изучаемое время славянизм *предтеча* употребляется в очень широком значении: 'все, что или кто предшествует чему или кому'. Очевидно, на такое значение существительного повлиял глагол *течь*, имевший очень широкое распространение в то время, как в своих конкретных значениях, так и в отвлеченных. Слово *предтеча* в данный период гораздо шире употребляется по отно-

шению к неодушевленным и отвлеченным понятиям, чем к отдельным конкретным лицам. Например:

Песнопевец Фалес был *предтечею* сего законодателя (Карамз., Нечто о науках); [Заблуждения в науках] подобны тем волнистым облакам, которые в час утра показываются на востоке и бывают *предтечами* златого солнца (Там же); За ними следуют двадцать казачьих полков с атаманом Платовым и... генералом Милорадовичем, *предтечами* главной силы (Шишк., Кр. и спр. повесть); Великобритания кажется мне пораженною тем сверхъестественным ослеплением... которое бывает *предтечею* их истребления (ВЕ, 1802); Горестный случай привел его в опасное затруднение, бывшее *предтечею* многих других, которые подлежало ему победить славно (ВЕ, 1802). В поэзии, по отношению к отвлеченным понятиям: Плоды страстей, войны, трудов, Болезни, дряхлость и печали, *Предтечи* смерти, приковали Его к одру (Пушк., Полтава); Люблю я вас, богини пенья, Но ваш чарующий поход, Сей сладкий трепет вдохновенья — *Предтеча* жизненных невзгод (Борат., Люблю я вас).

Созерцать. Употребление этого слова $САР_1$ разрешает только по отношению к богу.

Эволюцию слова *созерцать* от лексического значения к мотивационному можно объяснить или ближайшей связью — мотивацией глаголом *зреть*, не имеющим подобного ограничения в значении, или же влиянием синонимического ряда — слов *смотреть, наблюдать, глядеть, видеть* и др.

Слово *созерцать* и его производные активно употреблялись как в научной литературе, так и в бытовых контекстах, как в прозе, так и поэзии, в «высоких» и нейтральных контекстах:

Изящность зрения человеческого наипаче состоит в *созерцании* соразмерностей в образах естественных (Радищ., О чел.); Поживу я еще, *созерцая* твои добродетели (Фонв., Сл. похв.); Не находим... сего умозрительного народов *созерцания* для нас удивительнее, приятнее и полезнее (Десн., Собств.); *Созерцайте* природу и наслаждайтесь ее красотами (Карамз., Нечто о науках); Нерон, предав огню древний Рим, пел, *созерцая* пламя (Сын Отеч., 1812); Человек может *созерцать* природу (Б.-Марл., Романт.); Князь Шихматов имеет *созерцательный* дух (Он же, Ст. и нов. слов.).

Снятие смыслового ограничения и употребление слова

в «мотивационном» значении может происходить и внутри переносного значения этого слова. Таково, например, употребление слова *раскол*.

Раскол. Сл. Алекс. определяет его так: «Раскол, речение сие происходит от раскалывания, то есть разделения церкви Христовой».

САР$_1$ дает и прямое и переносное значения слова *раскол*, причем переносное толкуется только как узкокультовое значение: «*Раскол* 1) Собственно: то место, где расколото или раскололось что-нибудь. 2)* Отступление от общих постановлений, обрядов господствующей церкви».

Слово *раскол* в конце XVIII—начале XIX в. употребляется в переносном значении, но без ограничений культового характера по отношению к различным явлениям общественной жизни. Ср.:

История, совершая торжественный *раскол* с летописью (Муравьев, Оп. истор.); Большая часть употребляющих оное [слово *гений*] всегда запинаются, когда дело дойдет до изъяснения его — и тогда возрождается нового рода *раскол* (Друг просв., 1806); К каким постоянным правилам или *расколам* древней и новой Философии, по какой системе расположить свои поступки, связанные столь тесно с ходом идей политических, превратных и шатких? (Батюшк., Нечто о морали); Язык наш был кафтан тяжелый И слишком пахнул стариной; Дал Карамзин покрой иной, Пускай ворчит себе *раскол*! Все приняли его покрой (Вяз., Всякий на свой покрой).

Употреблений подобного рода, носящих индивидуальный, окказиональный характер, возникало очень много. Иногда авторы сами «мотивировали» употребление слова в новом «мотивационном» значении. Например: С тех пор представительные системы заменили пап. На чьей стороне будут последние? Сохранят ли они обязанности, указанные им провидением, или сделаются *отступниками*, то-есть отступятся от народов и изломают пастырский посох в пользу скипетра царей и для сохранения собственного? (А. Тург., П. к Вяземскому).

В ряде случаев употребление слова в «мотивационном» значении становилось возможным оттого, что сам мотивирующий его славянизм изменял свое значение в результате семантико-стилистической ассимиляции. Так, например, употребление слова *искупитель* в значении, свободном от культового ограничения (ср. в следую-

щем контексте — Сопутник твой, сердечных ран целитель, Труд, благодатный труд их муки усыпил, Прошедшего — веселый *искупитель*! Живой источник новых сил — Вяз., Уныние), является результатом того, что славянизм *искупить* отошел от узко-церковных контекстов и широко употреблялся по отношению к самым разнообразным светским понятиям [189].

Такое словоупотребление, противоречащее нормам книжного языка более раннего времени, конечно, не могло не вызывать возражений пуристов. Так, например, цитируя одного из авторов «новой» литературы, А. Шишков выступает против употребления слова *вездесущий* в широком значении, относя его употребление, как и $САР_1$, только к богу: «Наконец, когда я нахожу подобный сему перевод: *Мудрый отличается от слабоумного только средствами самочувствования, Чем простее, вездесущнее, всенасладительнее, постояннее и благодетельнее есть средство или предмет, в котором или через который мы сильнее существуем, тем существеннее мы сами, тем вреднее и радостнее бытие наше* (курсив авт.)... — То могу ли я с услаждением читать то, чего не разумею, и не верю, чтоб другой кто разуметь мог?... Положим, что я по тупости моего ума (хотя уже лет десятка три и по больше упражняюсь в науках) не могу понимать высоких мыслей; но я неразумею слов, то как же требовать от меня, чтоб я разумел мысль, которая без слов существовать не может? Например, что значит *вездесый* или *вездесущий* (курсив авт.)? Тот, который везде и повсюду пребывает. Я не могу никого вообразить себе таковым, кроме бога. Что ж такое *вездесущий предмет или средство* (курсив авт.)? И как *вездесущий* может быть *вездесущнее*?» [190]

3. К процессам семантического влияния русской лексики на славянизмы относится отрицание, неприятие целого ряда переносных и абстрактных значений славянизмов. Это явление представляется важным свидетельством приспособления и проникновения двух семантических си-

---

[189] Ср., например, «светские» контексты употребления слова *искупить*: Роскошь картин *искупает* сии малые пятна в таланте поэта (Б.-Марл., Ст. и нов. слов.); Самые пламенные почитатели Фаддея Венед. признают в нем некоторую скуку, *искупленную* назидательностью (Пушк., Торж. Дружбы).

[190] *Шишков А.* Рассуждение..., с. 348—350.

стем, имеющих некоторые особенности в принципах словесного обозначения реального мира [191].

Особенности семантики славянизмов — большое количество у них метафорических и символических значений, абстрактность значений, осложненность различными церковно-книжными ассоциациями, семантическая подвижность, способность к «сопряжению далековатых идей» — получили развитие в период «второго южнославянского влияния», сыгравшего большую роль в дальнейшей судьбе русского литературного языка. «В витийстве [этого времени. — *Е. К.*] с его сложным и нечетким синтаксисом, в нагромождении однозначных или сходных по значению слов и тавтологических сочетаний, в составлении сложных многокорневых слов, в любви к неологизмам, в ритмической организованности речи и т. д. — во всем этом нарушалась „двузначная" символика образа, на первый план выступали эмоциональные и вторичные значения. Произведения новой школы стремятся не столько к логическому убеждению, сколько к эмоциональному воздействию» [192].

Высокий слог второй половины XVIII в., «который, по замыслу Ломоносова, должен был преимущественно вращаться в сфере общественной, героической, государственной или религиозно-философской тематики» [193], унаследовал многие языковые традиции предшествующих эпох. В высоком стиле утверждается «игра слов, канонизируются приемы образования резких и неожиданных метафор, принципы употребления смелых эпитетов, нарушающих логическую связь понятий, вводится целая система „сопряжения далековатых идей", „противных" или „несходственных вещей"» [194].

---

[191] С явлением «избирательности» в процессе усвоения русским литературным языком наследства старославянского языка мы встречаемся и в более ранние эпохи его развития. Так, например, с самого начала развития древнерусского литературного языка усвоение различных метафорических и символических значений старославянизмов шло с ориентацией на систему русской народной речи. См. об этом: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, с. 11, 14 и др.

[192] *Лихачев Д. С.* Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 170.

[193] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 120.

[194] Там же.

Это перенесение в новую культурно-историческую среду принципов церковнославянской семантики неоднократно вызывало сопротивление. При постоянно действовавшей в изучаемое время тенденции к этимологизации, проекции славянизмов на семантическую систему живой разговорной речи, особенно ярко выступала алогичность и «странность» такого употребления. Неодинаковая степень освоенности церковнославянского языка различными социальными слоями русского общества того времени и отдельными лицами, нетождественные языковые и литературные установки создавали предпосылки к разному восприятию и трактовке фактов подобного рода. На протяжении всего изучаемого времени, начиная с широко известной литературной и языковой борьбы Ломоносова и Сумарокова и их школ и вплоть до Пушкина и его современников, шли постоянные споры о приемлемости или неприемлемости принципов такого словоупотребления.

Несмотря на то, что ареной литературно-языковой борьбы чаще всего выступает художественная литература, и споры, на первый взгляд, идут о явлениях художественной речи, они, однако, очень важны и в языковом плане. Именно в художественной литературе того времени складывались языковые нормы. Принципы книжного словоупотребления в художественной литературе не отличались в основном от принципов других жанров литературы. Жанрово-функциональные различия еще только начинают определяться. И сами языковые явления не отделяются современниками от явлений литературных. «В середине XVIII века, когда впервые строилось учение о русском языке, грамматические споры смешивались с поэтическими. И в поэтике и в грамматике ставились вопросы образования литературного языка, вопросы о нормах языка и об оправдании этих норм. Поэты были созидателями языка, а языковеды — критиками и теоретиками поэзии. И те и другие вопросы смыкались в проблематике языковой политики и вызывали сходные споры. И Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков работали как в области литературоведения, так и в области языковедения. Сумароков постоянно теснейшим образом связывает и переплетает высказывания о языке, как таковом, и о поэзии. Ожесточение, с которым Сумароков нападает на грамматику Ломоносова, понятно при

учете всей борьбы его против поэтической и языковой практики его врага» [195].

В этом плане представляет интерес литературно-языковая борьба Ломоносова и Сумарокова.

Недостаточное знание Сумароковым норм церковнославянского языка (в чем его неоднократно обвиняли и Тредиаковский и Ломоносов) приводит к тому, что многие употребления славянизмов в обычных для них метафорических значениях расцениваются им как неправильности самого Ломоносова. Истоки же словоупотребления Ломоносова, возводимые многими исследователями к поэтике немецкого барокко, в частности Гюнтера, во многом следует искать в русской книжности более раннего времени [196].

Различие принципов словоупотребления Ломоносова и Сумарокова очень хорошо прослеживается в статье Сумарокова «Критика на Оду», в которой подробно анализируется ода Ломоносова 1747 г. Во всех критических замечаниях Сумарокова, обвинениях в нелогичности, неправильности сочетаний слов у Ломоносова скрывается совершенно иное восприятие слова, проекция и ориентация на бытовую речь, отыскивание в слове корневого значения, общего русским и книжно-славянским параллелям.

Так, например, для А. Сумарокова неприемлемо олицетворение отвлеченных понятий «мир», «тишина», он конкретизирует образ, стараясь выявить логические основы такого употребления. Таковы его рассуждения о слове *тишина*: «Я не знаю сверьх того, что за ограда града тишина. Я думаю что ограда града войско и оружие, а не тишина». И далее: «Сокровищ полны корабли Дерзают в море за тобою [тишиною]. Что корабли дерзают в море за тишиною и что тишина им предшествует,

---

[195] *Гуковский Г.* Литературные взгляды Сумарокова. — В кн.: *Сумароков.* Стихотворения. [Б. м.], Сов. писатель, 1935, с. 340—341.

[196] См.: *Грешищева Е.* Хвалебная ода в русской литературе XVIII в. — В кн.: Ломоносов, 1711—1911. Под ред. Сиповского. СПб., 1911, с. 93—143; *Дорватовская В.* О заимствованиях Ломоносова из Библии. — Там же, с. 33—65; *Покотилова О.* Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII—начала XVIII столетия. — Там же, с. 66—92; *Солосин И.* Отражения языка и образов св. писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова. — Изв. имп. АН, ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 2, с. 238—293.

об етом мне весьма сумнительно, можно ли так сказать; тишина остается на берегах, а море никогда не спрашивает, война или мир в государстве, и волнует тогда когда хочет, как ни случится, в мирное ли, или в военное время» [197].

Ср. многочисленные случаи олицетворения в старославянском языке таких понятий, как *мир*, *милость*, *истина* и др.:

Милость и *истина* срѣтостѣсѧ, *правда* и *миръ* облобызастасѧ... *Правда* пред нимъ предидетъ, и положитъ въ путь стопы своѧ (Псалтирь 84, 11); *Милость* и *истина* предидетѣ пред лицемъ твоимъ (Псалтиръ, 88, 15); И *милость* твоѧ поженетъ мѧ всѧ дни живота моего (Там же, 22, 6); дондеже *правда* обратитсѧ на судь и держащиисѧ еѧ вси правии сердцемь (Там же, 93, 15)[198]; оружиемъ обыдетъ тѧ *истина* его (Там же, 90, 4) и др.

Для второй половины XVIII в. такая персонификация отвлеченных понятий была распространенным явлением. Ср. подобное употребление у М. Муравьева: Там *сретается величество* с *простотою* и самый вымысел занимает нечто от истины (Оп. истор.); *философия среталась* часто в одной особе с *дарованиями* полководца и градоправителя (Нравоуч.); После множества перемен нравы, мнения, правила освящаются временем и *прелесть искусств встречается* со *славою* и *благоденствием* государства (Оп. истор.).

Возражает А. Сумароков и против сочетания *взглянуть на дела*: «*На гроб и на дела взглянуть*. На гроб взглянуть можно, а на дела нельзя. А если можно сказать: я взглянул на дела, так можно и на мысль взглянуть молвить» [199]. Ср. в Библии: съ гусльми бо, и пѣвницами... вино пиютъ, на дѣла же гдна не взираютъ — Исаии. 5.12.

А. Сумароков прежде всего требует логичности в «сопряжении идей»: «Зрак приятнее рая, сказать не мож-

[197] *Сумароков*. Стихотворения, с. 344.

[198] Показательным является переложение этой фразы в Библии, переведенной на русский язык, где переводчик счел более органичным для русского языка метонимизацию существительного *суд*, чем персонификацию абстрактного понятия *правда*. Перевод звучит так: Ибо суд обратится к правде и за ним последуют все правые сердцем (Библия, или Книги священного писания Ветхаго и Новаго Завета в русском переводе. 4-е изд. СПб., 1898).

[199] *Сумароков*. Стихотворения, с. 351.

но. Какой-нибудь земле можно сказать приятнее рая. Например Италия приятнее рая; а о зраке человеческом надлежало бы сказать например так: И з р а к п р и я т н е е з р а к а б о г и н и (разрядка авт.) или что-нибудь иное сему подобное» [200].

Слова воспринимаются им в конкретном, терминологическом значении, исключающем различного рода семантические сдвиги. Ср.: «*Се хощет лира восхищенна.* Говорится разум восхищенный, дух восхищенный, а слово восхищенная лира, равно так слышится, как восхищенная скрипица, восхищенная труба и протчее» [201].

Значение славянизмов воспринимается через призмы их «бытовых» аналогов. Например: «*К несносной скорби наших душ.* Лутче бы было сказано к несносной нашей скорби, а не к скорби душ. Сочинитель сей оды под скорбию души разумел печаль, а многие не без основания будут разуметь болезнь, от какой тело страждет» [202].

Высказываний А. Сумарокова подобного рода можно привести много.

В последующие периоды продолжается развитие многих переносных значений славянизмов, восходящих к старославянскому языку, расширение их лексических связей, ведущее к ослаблению и забвению их конкретных значений.

Контекстные употребления славянизмов развиваются в значения. Многие из метафор и символов, употребленные в церковнославянском языке в художественных, образных целях, становились основными значениями в слове. Этой тенденции к закреплению и дальнейшему развитию значений славянизмов, отражающих особенности семантической системы церковнославянского языка, противодействовала другая — тенденция к проекции славянизмов на систему бытовой, разговорной речи. В результате — отрицание многих переносных значений славянизмов, которые с точки зрения бытовой речи кажутся алогичными, неправильными. Очевидно, именно это «языковое мышление» современников явилось одной из основных причин того, что многие значения славянизмов, широко употребительные в изучаемое время, в дальнейшем не закрепились в русском литературном языке.

---

[200] Там же, с. 346.
[201] Там же, с. 348—349.
[202] Там же, с. 351.

Так, например, А. Мерзляков возражает против употребления Г. Державиным слова *упасть* по отношению к городу: Мне кажется, не придают ничего великолепной картине Державина такие, как богиня для буйного ветра за облак рукою бросает: это слишком игриво; также град у п а д а е т (разрядка авт.), когда коснулась буря, град в сем смысле может разрушиться, а не *упасть* (Альфион, 1815, июль). Ср. САР$_1$: П а д у... 2) Разрушаюся, изстребляюся, сокрушаюся. *Гради язычестие падоша* — Апок. XVI 19. Употребление этого времени: Троя *упадала* под его победоносными ударами (Муравьев, Соч.).

П. Вяземский также не случайно переводит с французского в своих «Записных книжках» письмо Галиони, в котором говорится о неправомерности употребления глагола *упасть* по отношению к государствам: Вы говорите о падении государств? Что это значит? Государств не бывает ни на верху, ни на низу и не *падают*» (Вяз., Зап. кн.).

Глагол *падать — упадать* очень активно функционировал в изучаемое время в переносном значении: 'приходить в упадок, разрушаться, приостанавливаться в развитии'. Широким был и набор лексических связей этого глагола. «Упадать» могли государства, цивилизации, народы; искусства, просвещение, науки; добродетели, слава; отдельные личности и т. д. Активными были и производные этого глагола. Примеры употребления глагола *падать* и производных.

1) В сочетании со словами *государство, народы, цивилизации* и т. д.: История о возвышении и *упадках* Оттоманского двора (Название); Иногда государства гибнут или *упадают* на многие века от ошибки в политике (ВЕ, 1802); Народы после знаменитых *падений* восставали (Друг просв., 1806); клонящихся к *падению* вольных держав (Журн. сл., 1818); *Падает* пространнейшая империя (Укр. вест., 1817); Тогда *пала* Греция, *пал* Рим (Журн. сл., 1818).

2) В сочетании со словами *просвещение, словесность, красноречие* и т. д.: *Падение* греческой словесности (Журн. сл., 1818); Философия Цицерона *пала* (Там же); Иноземное просвещение *упало* (Б.-Марл., Ст. и нов. слов.); ход *упадающей* словесности (Журн. сл., 1818); Возвышалась и *упадала* в Греции словесность (Там же); *упадшего* в Риме просвещения (Друг просв., 1806).

3) В сочетании со словами, обозначающими мораль-

ные понятия: Дух доблести *упал* (Дмитр., История); Доверие *упало* (Боровк., Свод показ.).

4) В сочетании со словами, называющими отдельных лиц (об общественном положении): *Падение* тиранов (ВЕ, 1802); Дослужиться до той степени, с которой *упал* он в своем отечестве (Там же); Скоро мы увидим *падение* его; ...лишь бы я *упал* — пускай отечество погибнет — они были довольны (Друг просв., 1806); Скоропостижные *падения* отдельных особ (Дмитр., Взгляд).

Однако в ряде случаев наблюдается стремление поддержать смысловой перенос, установить связь прямого и переносного значений: *Падение* несчастного Г* было действием той же самой причины, от которой тысячи *падали на скользком пути Двора* (ВЕ, 1802).

Карамзин не допускает такого словосочетания, как *разрушить коварство*. Вызывает его возражение фраза «Беспокойства, восставшие в твоем семействе». Он пишет: «Беспокойство ни *ложиться*, ни *восставать* (курсив авт.) не могут (Моск. журн., 1791). Ср. употребление слова *восстать* в сочетании с отвлеченными существительными в литературе этого времени: Жесточайшие между афинян *восстали* несогласия (Радищ., Разм. о греч. ист.).

Встречает противодействие и тенденция к расширению лексических связей у слов с фразеологически связанными значениями. Это наблюдается, например, у слова *вкушать* в значении 'испытать, познать, ощутить', которое в изучаемое время употребляется в сочетании с широким кругом отвлеченных существительных (*вкушать радость, горесть, сладость, утехи, благо, вольность, счастье, покой, смерть, сон* и др.). (Ср. церковнославянский фразеологизм *вкусить смерть*, а также слово *вкусить* в значении 'изведать, познать' в следующей фразе: «И *вкуси*, яко добро есть делати» — Притч. XXXI. 18.)

В конце XVIII—начале XIX в. делаются попытки еще более расширить круг слов, сочетающихся со славянизмом *вкусить*. При этом часто вводятся такие слова, при которых связь прямого значения и переносного становится еще более алогичной. Например: Ты соглашаешься с чувствованиями Лафонтена, которого прелестная простота и неподражаемая естественность *вкушаются* тобою совершенно (Муравьев, Эм. п.); Мы небо на земле *вкусили* (Карамз., К неверной); *Вкушайте* вечности залог (Карамз., Дарования).

Плетнев, отмечая у Жуковского сочетания типа: «Тот в сладком чувстве бытия — Земные дни *вкушает*...» пишет: «Последний стих слишком изыскан. Мы говорим: *вкушать радость*, но *вкушать дни* (курсив авт.) (особенно после выражения: в сладком чувстве бытия, которое означает приятную жизнь) совсем не употребительно» (Журн. изящн. искусств, 1823, кн. 2).

Этимологизирование, проекция славянизмов на бытовую речь часто использовались для языковой игры. См., например, разложение устойчивых словосочетаний *вкушать славу*, *упиться славой* и наполнение их конкретным содержанием у А. Марлинского: Вонзаете вилку в сладкий пирог и — ему имя Наполеон!.. Дайте гривну, и вам покажут за гривну злочастие веков, Клитемнестру и Шенье, убийство Генриха IV и Ватерлоо, Березину и Св. Елену, потоп петербургский и землетрясение Лиссабона... Разменяйте белую бумажку, и вы будете *кушать славу, курить славу, упиваться славой, топтать ее подошвами* (Б.-Марл., О ром. Полевого).

С процессом отрицания, неприятия ряда переносных и абстрактных значений славянизмов тесно связано стремление поддержать, обосновать у многих славянизмов подобного рода значения, являющиеся также своеобразной «этимологизацией» их.

4. Процесс семантического взаимопроникновения славянизмов и русских слов особенно отчетливо обнаруживается в тех случаях, когда объединение двух рядов значений, свойственных церковнославянскому и русскому языкам, совершалось в пределах одной лексемы, одинаково принадлежащей как церковнославянскому языку, так и русскому. В. В. Виноградов, отмечая этот процесс, пишет: «При фонической одинаковости лексем в двух „гнездах“ — церковном и „просторечном“ („славянском“ и „русском“) и при близости основных значений, у них был открыт путь к совпадению двух семантических рядов в одном, к их органическому слиянию. В таких случаях церковные, книжные и разговорно-речевые ассоциации смыслов как бы примирялись, сочетаясь без резкой границы в одной лексеме. Чтобы убедиться в этом, достаточно углубиться в семантическое ядро таких слов, как *жить* (*нечем жить, честно жить* и т. п.), *просить, труд, конец, начало, ясный, верх, земля, солнце* и т. п.» [203].

[203] *Виноградов В. В.* К истории лексики русского литературного

Такое совмещение значений разного источника часто использовалось в художественных целях. Таково, например, употребление слова *бич* у П. Вяземского: Глупцы! не миновать уж вам Моих дорожных эпиграмм! Сатиры *бич* в дороге кстати: Им вас огрею по ушам, Опричники журнальной рати, С мечом гусиным по бокам (Коляска).

САР$_1$ у слова *бич* выделяет два ряда значений — принадлежащее живой, разговорной речи ('у кучеров называется длинная из ремней мелкосплетенная и к концу тонкая плеть, прикрепленная к длинному гибкому кнутовищу') и восходящее к старославянскому языку («1. Плеть. *И сотвори бичъ отъ вервий.* — Иоан. II. 15. 3) В смысле * Всеобщее бедствие, божие наказание: каковы суть язва, голод и пр. 4) В отношении к лицу; бесчеловечный мучитель, властелин, каковы были Нерон, Аттила и пр. *Бич рода человеческого*»).

Слово *бич* в переносном значении 'карающее воздействие чего-л.' широко употреблялось в литературе изучаемого времени. Например: Вольтер проповедовал терпимость до безголосицы, *бич* гонения воздвиг на суеверие (Радищ., Законополож.); Итак всеобщая сатира да будет *бичом*, коим мы станем пороки и сих нечеловеков наказывать (Новиков, Дост. чел.); Злодей, искавший алчной славы *Бичем* невинных, слабых бить (Карамз., Дарования); Варваров, бывших некогда ужасом и *бичем* нашего отечества (Карамз., Похв. сл.); Где же вы, о сильны вы, Галлов *бич* и страх (Батюшк., На развалинах замка).

Подобное совмещение значений, установление связей между ними могло осуществляться и внутри лексемы, принадлежащей только церковнославянскому языку, между прямым и переносным значением, где, однако, прямое значение этимологизируется на фоне живой разговорной речи. Такое употребление служит не только средством образности и выразительности языка, но и создает возможности более точной номинации, внося в общее значение славянизма различные смысловые оттенки. Ср., например, различные возможности употребления слов *пища* и *отрасль* [204]:

языка. — В кн.: Русская речь. Новая серия, 1. Л., 1927, с. 113—114.

[204] Примеры взяты из кн.: Чтения о русском языке Н. Греча, ч. 1. СПб., 1840.

Пища: Она [русская литература] не ограничивалась уже немногими любителями, а сделалась необходимою *пищею* всей нашей публики; Ломоносов... вырос посреди чистого русского народа, рыбаков новгородского племени, с детства читая одни церковные книги, утолял жажду юношеского любопытства в двух самородных ключах нашего языка, и начал искусственное, ученое образование свое уже тогда, когда природные его силы и дарования укрепились *здоровою русскою пищею*.

Отрасль: Славянские языки, в нынешнем своем состоянии, делятся на две главные ветви, восточную и западную. К отрасли восточной принадлежат языки; Вот четыре *отрасли* индоевропейского древа языков; Русский язык есть главная *отрасль* славянского древа языков; Третье отделение этого переселения двинулось на запад, и составило языки германские, *пустившие отрасли* свои к северу и западу; Я намерен представить Историю собственно Русского Языка, а отнюдь не Историю Русской литературы, со всеми ее *отраслями, ветвями, листочками* и *цветочками*. У П. Вяземского: Нет ни единого языка, родившегося во весь рост и во всеоружии как Минерва из головы Юпитера. Каждый язык разрастался *отраслями, листьями* и *плодами* при содействии времени, трудов и прививок [205].

Особенно широко это явление используется как прием для создания языковой образности. Ср.:

Кутейкин, в рясах и с скуфою, Храм знаний обратил в приход. И в нем копеечной свечою Он *просвещает* наш народ (Вяз., Надпись к портрету); *Дух праздности, любоначалия* (курсив авт.) по всему печатному и печатающемуся у нас катится, как по маслу. Не нахожу нигде для него *препинающей кочки*, разве только *точки* (Вяз., П. к А. И. Тургеневу); Но, друг, спроси Карамзина: Не пьет он никогда вина И, *пастырь* христианский стада, С него он шерсти не дерет (Там же).

Позднее этот принцип объединения различных значений в слове становится одним из конструктивных признаков русского поэтического стиля. Так, В. В. Виноградов пишет относительно подобного употребления у Пушкина: «Пушкин пользуется словом как многообразной и многопланной, противоречивой, но внутренне объединенной, целостной системой взаимно связанных

---

[205] *Вяземский П.* Полн. собр. соч., т. 5. СПб., с. 35.

значений. В стиховом языке отдельные значения словсмешиваются, сочетаясь при этом в сложное семантическое единство. Многозначность употребления из исключительного каламбурно художественного свойства становится внутренним органическим признаком поэтического стиля. И особенно остро воспринимается в языке Пушкина стилистический синтез таких значений слова, которые уже готовы были разойтись как омонимы, как разные слова» [206].

Семантическое влияние славянизмов на русские слова и русских слов на славянизмы — это две стороны одного и того же процесса, заключающегося во внутреннем семантическом взаимопроникновении и объединении двух генетически различных слоев лексики в единый органический сплав.

Процесс семантической аналогии способствовал массовому проникновению русской по происхождению лексики в область обозначений отвлеченных понятий, которая традиционно принадлежала по преимуществу книжно-славянской лексике. Это вело к расшатыванию традиционной нормы словоупотребления и становлению новой нормы, связанной с демократизацией русского литературного языка.

Русские слова, проникая в сферу отвлеченной книжной лексики и получая отвлеченные значения, свойственные славянизмам, в ряде случаев вносили в эти общие значения различного рода оттенки. Это способствовало созданию новой и гибкой синонимии, несущей в себе возможность более точного выражения. Сохраняя смысловые связи с основной сферой своего функционирования — живой разговорной речью, русские слова содействовали процессу приспособления книжного отвлеченно-условного языка к семантике живой народной речи, развитию и укреплению реалистических тенденций в русском литературном языке. К аналогичному результату приводили и различные процессы, связанные с влиянием семантики русских слов на славянизмы. Отсюда и сам процесс демократизации русского литературного языка представляется не просто механической сменой одного

---

[206] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина, с. 107.

генетико-стилистического пласта другим, а их взаимным органическим объединением и совмещением.

Процесс семантической аналогии в кругу славянизмов и русской лексики сыграл большую роль в установлении семантико-стилистического равновесия при перестройке стилистической системы русского литературного языка второй половины XVIII—начала XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для рассматриваемого периода характерно интенсивное протекание всех лексических процессов.

Значительно обогащается состав литературной лексики. Для этого времени особенно важно формирование различных групп отвлеченной лексики, и в первую очередь лексики, связанной с развитием русского просвещения. Это прежде всего слова, относящиеся к внутреннему миру человека, его моральному облику, чертам характера, психическому складу и затрагивающие самые разнообразные сферы его жизни — умственной, общественной, практической деятельности. В связи с широким распространением в России передовых философских и социально-общественных течений, возникших на Западе, и в первую очередь идей французских просветителей, появляются многочисленные новые философские и социально-общественные понятия.

Активно пополняется и состав конкретной лексики, связанной с практической и профессиональной деятельностью человека. Свободно входят в литературный язык слова, обозначающие предметы и понятия народной жизни, названия реалий хозяйственного быта, явлений природы, социальных и родственных отношений и др.

В это время происходит и обогащение терминологической лексики, обусловленное развитием различных естественных и гуманитарных наук, искусства, архитектуры, литературы. Эти терминологические обозначения не замыкаются в пределах терминологических систем, а имеют широкий выход в общелитературный язык.

В большой степени литературный язык этого периода пополняется и эмоционально-экспрессивными словами.

Активизация всех средств номинации — характерная черта эпохи. В обогащении словарного состава языка

важную роль играют словообразовательные неологизмы. Иноязычная лексика составляет большую часть лексических новаций эпохи. В связи с расширением функций литературного языка, становлением его как национального литературного языка широким потоком вливаются в него слова общенародного лексического фонда и диалектная лексика. Различные семантические процессы, ведущие к развитию у слов новых значений, занимают большое место в обогащении словарного состава литературного языка.

Характер протекания этих процессов, особенности функционирования лексических и семантических неологизмов определялись теми специфическими языковыми чертами и тенденциями, которые были свойственны для этого времени.

Это прежде всего неустойчивое, противоречивое состояние, переходное от «системы систем» к формированию единой системы национального литературного языка. Оно проявляется в отсутствии определенности в стилистической характеристике лексики разных генетических пластов, в свободе, недостаточной регламентированности словообразовательных процессов, в семантической недифференцированности слов и других фактах. Лексико-семантическая дублетность, переходящая в избыточность словарного состава, — яркое свидетельство этого переходного состояния.

Однако на протяжении периода с середины XVIII—начала XIX в. все сильнее обнаруживает себя тенденция к более строгому системному упорядочиванию лексики, к более четким отношениям взаимозависимости и взаимообусловленности. Эта тенденция проявляется в различных лексических процессах. Более четкие отношения устанавливаются между различными словообразовательными моделями. Более последовательный характер принимает процесс семантико-стилистической дифференциации между дублетами. Формируются и новые семантико-стилистические оппозиции слов, свидетельствующие о становлении новой лексико-стилистической системы. Определяются пути разрешения избыточности словарного состава — выход из языка одних дублетных единиц или их семантическая или стилистическая дифференциация. Формируются и новые синонимические отношения: намечается переход от абсолютной синонимии к синонимии идеографической. Процессы, обусловленные тенденцией к си-

стемному урегулированию лексики, одновременно вели к преобразованию внешних отношений между словами разных генетических пластов — внутренними отношениями взаимообусловленности. Включаясь в формирующуюся систему русского литературного языка, слова разногенетического источника ассимилировались, теряли свою генетическую маркированность, становясь функционально русскими словами.

Важный фактор, определивший характер лексических процессов данного времени, — это стремление к нормализации словоупотребления. Поиски единой нормы русского литературного языка составляют существо рассматриваемого периода. На протяжении всего этого периода идут бурные языковые споры о славянизмах, русизмах, заимствованиях, об их роли и месте в составе лексики литературного языка. Учреждается Академия Российская, основная цель которой — нормализация русского языка. В этих спорах, в нормализаторской деятельности крупнейших ученых и писателей XVIII в. определялись пути формирования новой нормы, ее основы и принципы. В процессе выработки новой нормы все сильнее проявляет себя тенденция к демократизации русского литературного языка. В первую очередь она обнаруживается в изменении функциональной роли русской лексики. В результате различных словообразовательных, семантических, стилистических процессов русские слова активно вступают в сферу функционирования книжной отвлеченной лексики, что позволило позднее живой народной речи «стать семантическим центром сложной системы разнообразных стилей национально-литературного языка»[207].

Однако все эти лексические процессы, активно протекающие на протяжении рассматриваемого периода, не получают в это время своего завершения, многие вопросы развития словарного состава, возникшие в это время, остаются открытыми. Свое решение большинство из них получает в следующий период — пушкинскую эпоху и прежде всего в творчестве самого Пушкина.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

---

[207] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 143.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ВВЕДЕНИЕ 9

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ (конец XVII—начало XVIII в.) 25

Основные процессы в развитии лексики русского литературного языка в первой трети XVIII в. (Общая характеристика) 25

Обогащение лексики 43

Пополнение лексики словообразовательными неологизмами 43

Пополнение лексики иноязычными заимствованиями . . . 58

Некоторые тенденции семантического развития книжно-славянских, собственно русских и заимствованных слов . . . 82

Особенности семантики книжно-славянской и русской лексики. Некоторые семантические процессы в кругу славянских и русских слов 83

Особенности семантики иноязычных слов и некоторые тенденции их семантического развития 100

Семантические взаимодействия славянских, русских и заимствованных слов 105

Заключение 112

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В 30-е ГОДЫ XVIII в.—НАЧАЛЕ XIX в. 116

Общая характеристика развития лексики 116

Движение словарного состава 128

Пополнение словарного состава средствами словообразования 130

Основные лексико-семантические и лексико-тематические группы новообразований 132

Особенности образования и функционирования словообразовательных неологизмов 152

Пополнение словарного состава готовыми лексическими единицами 167

Иноязычная лексика 167

Основные особенности процесса заимствования 167

www.rustang.ru

Основные лексико-тематические группы заимствуемых слов 179
Особенности функционирования иноязычных слов . . . 190
Освоение литературным языком общенародной и диалектной лексики 203
Расширение прав общенародной русской лексики . . . 204
Основные лексико-тематические группы «простой» лексики и ее стилистическая оценка современниками 204
Особенности функционирования «простой» лексики 212
Диалектная лексика 232
Основные тенденции и особенности процесса перехода диалектных слов в состав литературной лексики . . . 232
Основные лексико-тематические группы диалектных слов, проникавших в литературный язык 237
Особенности функционирования диалектных слов . . 256
Семантические процессы 258
Основные тенденции, характерные для семантических процессов. Роль семантических изменений в развитии лексико-семантической системы русского литературного языка . . 258
Семантические процессы, обусловленные потребностями номинации 261
Семантические процессы в кругу книжно-славянской лексики 261
Семантические процессы в кругу русской лексики 293
Семантические процессы, обусловленные внутренними отношениями в лексике 316
Семантические процессы, связанные с взаимодействием славянизмов и русской лексики 316
Процесс семантической дифференциации 317
Процесс семантической аналогии 323
Влияние семантики славянизмов на русские слова 324
Влияние семантики русских слов на славянизмы . . 345
Заключение 370

ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА
конца XVII—начала XIX в.

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Г. Герасимова*
Художник *И. И. Рыбченко*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Корректоры *В. А. Березина, Л. И. Кириллова*

ИБ № 22354

Сдано в набор 16.02.81
Подписано к печати 22.07.81.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л. 21,5. Усл. кр.-отт. 20,16
Тираж 6500 экз. Тип. зак. 133
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7. Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.
ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕКСТЫ.

20 л. 2 р. 50 к.

В сборнике представлены лингвистические и лингвотекстологические исследования различных ярусов русского языка XI—XVIII вв., а также публикации оригинальных и переводных рукописных памятников различных жанров. Вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы из архивов зарубежных стран (Англия, Швеция, Польша) и отечественных фондов. Дается аннотированная библиография публикаций и описаний древнерусских рукописей за рубежом с 1971 по 1975 г.
Для читателей, интересующихся вопросами исследования древнерусского рукописного наследия, историей русской культуры.

* * * * *

Кузьмина С. М.

ТЕОРИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ.

15 л. 1 р. 50 к.

В работе предлагается полный перечень правил двухэтапного перехода от фонетической транскрипции текста к его орфографической записи (правила «от звука к фонеме» и «от фонемы к букве»). Обсуждаются некоторые теоретические проблемы русской фонологии и орфографии. Для филологов — научных работников, преподавателей, методистов, аспирантов и студентов языковых вузов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.
Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

1 р. 50 к.

История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в. рассматривается в книге в тесной связи с историей материальной и духовной культуры народа, с развитием русской литературы и русского литературного языка.

Изменения в лексической системе представлены здесь двумя основными процессами: движением словарного состава (обогащение, пополнение и утрата, архаизация) и семантическими изменениями. Описываются различные пути, которыми шло пополнение литературного словаря (словообразование, заимствование иноязычных слов, освоение общенародной и диалектной лексики). Прослеживается судьба новообразований, особенности их функционирования, способы проникновения в литературный язык и освоения иноязычных и нелитературных слов. При рассмотрении семантических процессов выявляются различные причины изменений значений слов, роль семантических преобразований в развитии лексико-семантической системы русского литературного языка.

Эти процессы рассматриваются на фоне общего неустойчивого состояния языковой системы данной эпохи и в связи с основными тенденциями, определяющими формирование национального русского литературного языка. Особое внимание в книге уделяется истории различных генетико-стилистических пластов лексики и тем процессам, которые способствовали их органическому объединению и слиянию.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»